

Книгоиздательство «Лань»

РАСЧЕТЫ

Об издателях

Выпуск данной книги осуществлен при активном содействии Региональной общественной организации «Идеологическая инициатива». Главная цель Организации — содействие разработке, развитию, распространению позитивных идей, способствующих экономическому, социальному, духовному прогрессу России, реализации базовых ценностей российского общества. К ним, в первую очередь, относятся сохранение территориальной целостности России, обеспечение экономической, продовольственной, энергетической безопасности страны, возрождение национального самосознания россиян, чувства коллективизма, взаимопомощи и взаимного уважения, укрепление обороноспособности страны, создание достойных[^] условий жизни военнослужащих, чтобы сделать службу в армии привлекательной для молодежи, борьба с организованной преступностью и терроризмом, становление и дальнейшее развитие местного самоуправления при активном участии в нем представителей широких кругов общества, борьба с детской беспризорностью, организация нормального досуга для молодежи (спортивные секции, кружки самодеятельности, семинары, диспуты, музыкальные вечера...) — вот далеко не полный перечень задач и проблем, в решение которых Организация готова внести свой посильный вклад.

О социологической публицистике Александра Зиновьева

Предлагаемый сборник избранной публицистики Александра Александровича Зиновьева охватывает период с 1978 года по настоящее время и является показательным для этого аспекта его творчества. Представляя его читателю, хотел бы отметить социологическую заостренность творчества Зиновьева в целом и особое место, которое в нем занимает публицистика.

Зиновьев получил всемирную известность как логик, социолог, писатель, его имя обозначило веху в каждой из этих областей человеческого духа; он имеет также общественно признанные успехи в философии, изобразительном искусстве, поэзии. Поражает не только ренессансная широта его гения, особенно удивительная в наш век специализации, ещё более привлекает внимание то, что различные формы его творческой деятельности внутренне связаны между собой, дополняют и усиливают друг друга. Я не берусь разгадать тайну феномена Зиновьева и ответить на вопрос, как ему удается быть столь разносторонним и цельным одновременно. Укажу только на одну из причин. Она, на мой взгляд, состоит в том, что Зиновьевым, человеком и мыслителем, движет пафос социологической истины — стремление понять общество и время, в котором он живет. Именно этот пафос, страсть социолога-исследователя, составляет центр, объединяющую основу его разнообразных интеллектуальных усилий. К примеру, если взять его работу в области логики, то она была направлена на такое переосмысление её содержания, чтобы логика могла служить потребностям эмпирических наук; он сделал в ней открытия, позволившие создать логический аппарат для исследования социальной реальности (логическую социологию). В литературе основное открытие Зиновьева связано с созданием жанра социологического романа. Здесь, как и в изобразительном творчестве, его интересуют социальные типы, его герои и карикатуры воплощают функции, носят, как правило, не имена, а клички. В этико-философских сочинениях он обсуждает главным образом вопрос о том, как индивид может стать личностью в рамках законов социальности и, вопреки им. Словом, все, что делает Зиновьев, прямо или опосредованно связано с социологией (разумеется, с

социологией в его понимании — как способом существования больших масс людей — человекоников, — жизнь которых организована по законам экзистенциального эгоизма). Это, разумеется, относится и к его публицистике, к ней даже, прежде всего.

Публицистика Зиновьева не просто связана с его социологическими исследованиями. Она стала их преимущественной формой. Личная и творческая биография Зиновьева сложились таким образом, что он вот уже почти тридцать лет находится в водовороте идейных баталий периода «холодной» войны и после неё, озадачивая всех неожиданностью своих суждений и жизненных позиций. В течение 21 года вынужденной эмиграции он написал столько статей, столько раз выступал перед разными аудиториями в разных уголках планеты, по радио и телевидению, дал такое количество интервью СМИ, которым сам потерял счет и которые вряд ли теперь можно собрать воедино. По возвращении из эмиграции на Родину в 1999 году его активность в качестве публициста даже усилилась. Дело, однако, не в масштабе публицистической продукции, хотя и это достойно удивления и внимания, а в её характере. Словарь Ожегова публицистику расшифровывает как литературу по общественно-политическим вопросам современности; она и в самом деле связана с партийными, политическими, государственно-идеологическими целями. Типичными её образцами являются, например, публицистика В. И. Ленина, статьи И. Эренбурга периода Великой Отечественной войны, антисоветские передачи радиостанции «Свобода», патриотические памфлеты А. Проханова. Публицистика Зиновьева имеет иную природу. Внешне она подходит под обычное понимание публицистики, поскольку затрагивает актуальные темы. По сути же она включена в социологические размышления автора, является их источником, еще чаще поводом для изложения научных взглядов. Более того, его социологическая теория в значительной мере изложена в публицистической форме. Как признавался сам Зиновьев, его научные эссе и литературные произведения возникали на основе публицистики. Конкретные вопросы, которым посвящены те или иные публицистические произведения, рассматриваются Зиновьевым не сами по себе, не только с точки зрения их непосредственных причин и ближайших следствий, а обязательно также в связи с целостной картиной общества, как частный случай, выражение и дополнение неких общих социологических тенденций.

Основное содержание публицистики Зиновьева — суждения о реальном коммунизме, о советской реальности и о тех мировых явлениях, которые, так или иначе, связаны с ними. Он, по его собственному признанию, с детства «болел» коммунизмом (включая его советский вариант — советизм). Болел не в смысле признания и апологетики, — он никогда не был апологетом коммунизма и коммунистом в расхожем, советском и антисоветском, понимании, — а в смысле стремления понять его. И вряд ли кто другой так полно и глубоко изучил коммунизм как социальный феномен. Именно коммунизму как важнейшему социальному явлению не только 20-го столетия, но и всей прошлой истории, были посвящены многие сотни (если не тысячи) публичных выступлений Зиновьева и десятки литературных сочинений и научных эссе, издававшихся на десятках языков планеты. Только в последние годы им опубликованы книги «Кризис коммунизма», «Гибель империи зла», «Гибель русского коммунизма», «Катастрофа», «Русский эксперимент», «Русская трагедия», «Посткоммунистическая Россия», «Идеология партии будущего» и другие.

При чтении сочинений Зиновьева, может создаться впечатление, будто в его жизни было два периода — антикоммунистический, в который он подвергал жестокой критике реальный коммунизм и советизм, и прокоммунистический, в который он, наоборот, встал на их защиту. Это впечатление поверхностное, ложное. На самом деле, Зиновьев никогда не был антикоммунистом и антисоветчиком, и не стал апологетом коммунизма и советизма. Он был всегда и остается врагом всякой фальсификации коммунизма, исходящей как от апологетов коммунизма, так и от антикоммунистов. Он сам постоянно подчеркивает это, называя себя апологетом истины о коммунизме. И в качестве такового он был первым, кто построил научную теорию реального коммунизма, за что был награжден премией Токвиля. Известный в

свое время советолог и выдающийся социолог Раймон Арон, настоявший на том, чтобы премию дали именно Зиновьеву, а не его конкурентам-антикоммунистам (включая Поппера), сказал, что Зиновьев является первым, кто выработал научное понимание реальности коммунизма, и по всей вероятности — последним. Советскую апологетику коммунизма отбросили. Но на ее место пришел не научный подход к советскому (коммунистическому) периоду, а антикоммунистическая и антисоветская фальсификация их. Так что, слова Раймона Арона в некотором роде оказались пророческими.

Один из исследователей называл Зиновьева великим вопрекистом. Ему действительно свойственно идти против течения. Но это больше, чем черта характера. Это — цена, которую приходится платить за научный подход к изучению общества. Анализ реальности всегда является её критикой, разоблачением, проникновением в скрытую сущность. Это вдвойне так тогда, когда речь идет о социальной реальности, которая окутана густым туманом иллюзий, заблуждений, обмана, злостных фальсификаций. И пробиться к ней невозможно без того, чтобы не войти в конфликт с теми, кто идеологически обслуживает её. И еще вопрос, можно ли быть честным объективным социологом, не имея мужества, идти против течения, говорить истину, вопреки господствующим предрассудкам. Зиновьев таким мужеством обладает.

Конечно, Зиновьев с годами менялся, но не в смысле своей принципиальной позиции. Он как исследователь глубже понимал объект своего внимания, рассматривал его с разных сторон, в различных состояниях и т.д. Реальный коммунизм менялся с годами, менялась и его судьба. Он впал в состояние кризиса. Наконец, он был разгромлен в заключительной фазе «холодной» войны. И Зиновьев наблюдал все это, был сам участником исторического процесса. В своем творчестве, в особенности — в публицистике — он отразил этот процесс. В его работах детальнейшим образом прослежен процесс назревания кризиса коммунизма, его крах, причины такой эпохальной трагедии и ее последствия как в мире, так и в самой России. Хотя в этом сборнике и помещена лишь небольшая часть публицистических произведений Зиновьева, внимательный читатель без труда заметит это. Сборник начинается одной из первых публицистических статей о марксизме, который, как показывает Зиновьев, был неадекватен советской реальности. Это было именно выступление против идеологической фальсификации реальности в тот период, когда коммунизм был в расцвете сил и реально угрожал стать на самом деле «светлым будущим для всего человечества» (это провозглашалось советскими лозунгами, и на Западе панически боялись этого). И заканчивается сборник статьями о коммунизме как о прошлом России, о том, к каким последствиям это привело и что ожидает нас в обозримом будущем. В совокупности, помещенные в сборник статьи дают на редкость полное описание самого значительного феномена двадцатого века и его трагической судьбы.

Значительная часть сборника посвящена постсоветскому (посткоммунистическому) периоду российской истории, прежде всего и главным образом — постсоветской социальной организации. И в этом отношении Зиновьев является новатором — первым ученым, фактически и явным образом, вставшим на путь научного понимания постсоветской реальности. Не исключено, что и в этом он на долгие годы может остаться непонятым, поскольку и новая социальная реальность России подвергается фактически тотальной фальсификации.

Сборник назван словом «распутье». Кто-то может усмотреть в этом намек на фамилию президента. В сборнике есть статьи, посвященные наступившему периоду российской истории. В ней содержатся критические соображения. Но они относятся к социальной организации страны и той ситуации, которая сложилась независимо от президента. Так что эта ассоциация лишена смысла. Как пояснил сам Зиновьев, слово «распутье» является наиболее адекватным для лаконичной характеристики того состояния, в котором оказались россияне в результате переворота, произошедшего в горбачевско-ельцинские годы. Он вложил в это понятие наряду со смыслом, который фиксируется словом «распутье» (перекресток дорог), также смысл, выражаемый словом, «распутица» (время, когда дороги

оказываются непроходимыми). Он рассматривает распутье как ситуацию, когда дорог вроде бы много, а выбора почему-то нет, ни по одной из этих дорог практически идти нельзя, когда вроде бы выбираешь одну дорогу, а идешь по другой, и вроде бы идешь, а никуда не движешься. Нечто подобное происходит с Россией. Дорог много, но ни одна из них не сулит ничего хорошего — как ни печален этот вывод Зиновьева, социолога и публициста, стоит к нему прислушаться.

А. А. Гусейнов

Академик РАН, заместитель директора

Института философии РАН

Предисловие

Социологической публицистикой я называю особую форму интеллектуальной деятельности, в которой социологические идеи рождаются, обрабатываются и излагаются для широкой непрофессиональной аудитории в статьях и в интервью в газетах и журналах, а также в публичных устных заявлениях (докладах, лекциях, сообщениях). Подчеркиваю: по содержанию идеи при этом являются социологическими, т.е. относятся к социальным объектам, которые исследуются или могут исследоваться в особой науке — в социологии, но формулируются эти идеи в языке так, чтобы их в какой-то мере могли понимать люди, не являющиеся профессионалами в сфере социальных исследований, но проявляющие интерес к социальным объектам. Социологическая публицистика не есть раздел журналистики, хотя и появляется в средствах массовой информации. Она не есть и орудие политической и идеологической пропаганды, хотя и используется кем-то для этой цели. Такого рода публицистика есть деятельность в сфере социальных исследований, лишь вынужденная прибегать к этой форме в силу обстоятельств, сложившихся для тех, кто был лишен возможности для нормальной (в принятом смысле) научной работы в этой сфере. Именно такая ситуация сложилась для меня с самого начала моей исследовательской деятельности и сохраняется до сих пор, так что я вынужден даже мои профессиональные социологические работы делать как произведения социологической публицистики, не рассчитывая на признание в профессиональной среде.

Изначально у меня не было никакого желания обращаться к социологической публицистике, поскольку ее еще не существовало. Да и сейчас вряд ли о ней можно говорить как о социально значимом, устойчивом и признанном явлении. Появляется много книг и статей на социальные темы, имеющих довольно широкий общественный резонанс. Но авторы их, как правило, суть дилетанты в понимании социальных объектов или опираются на социологические концепции, которые не отвечают критериям научности. Да и по своим целям они выходят за рамки интересов научных исследований. Я начал свои «партизанские» исследования реального советского коммунизма еще в юношеские годы. Но о том, чтобы делать это официально и тем более кому-то сообщать результаты своих размышлений, и думать было нельзя. Я впервые начал публиковать мои мысли на этот счет лишь в 1976 году, причем — на Западе и в форме литературных произведений (социологических романов, по моей терминологии). Успех их на Западе был неожиданно для меня колоссальным. Оказавшись в эмиграции, я стал получать бесчисленные предложения со всех концов планеты давать интервью, печатать статьи и делать публичные выступления перед самой разнообразной аудиторией. И это стало главным в моей жизнедеятельности в течение более двадцати лет и основой моего литературного и научного творчества. Сколько я дал интервью, напечатал статей, сделал выступлений по радио, телевидению и со сцены в многолюдных

аудиториях, сосчитать невозможно. И тем более собрать это. Все это рассеяно по всей планете, многое вообще исчезло бесследно. Большею частью это были импровизации. Многое (если не основная часть) обдумывалось в самолетах, поездах, автомашинах, отелях, ресторанах и т.п. Я видел своими глазами мир, лично общался с тысячами людей самых различных категорий, просматривал бесчисленные книги, журналы, газеты. Это был фактический объект моих наблюдений и моя творческая лаборатория. Лишь небольшая часть из моей социологической публицистики была опубликована в специальных сборниках «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981) и «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983).

Начиная с 1984 года, объектом моей социологической публицистики стали события, происходившие в Советском Союзе и после его распада в России. Она особенно интенсивной стала после возвращения из эмиграции в Россию в 1999 году. В этот период были опубликованы сборники статей «Горбачевизм» (1988), «Посткоммунистическая Россия» (1996), а также книги «Гибель русского коммунизма» (2001) и «Русская трагедия» (2002), наполовину состоящие из статей данного периода.

В моей публицистике (как и вообще во всем творчестве) можно различить два периода. В первый период объектом моего внимания были глобальные и эпохальные успехи коммунизма, его подъем и расползание по планете. Лозунг коммунизма как будущего всего человечества казался реальностью. Я тогда был уверен в том, что коммунизм вошел в жизнь человечества надолго, если не навечно, и что социальная эволюция будет продолжаться уже на этой основе, т.е. в рамках коммунистических завоеваний. Я видел последствия этого, относился к ним критически и, естественно, уделял им главное внимание в моих публицистических выступлениях. Поэтому они казались моим читателям и слушателям антикоммунистическими и антисоветскими, хотя я, на самом деле, не был антикоммунистом и антисоветчиком.

Второй период моей публицистической деятельности начался в конце восьмидесятых годов двадцатого столетия. Мне довелось стать свидетелем грандиозных перемен в эволюции человечества. Советский коммунизм потерпел историческое поражение. Распался советский блок. Распался СССР. Была разгромлена советская (коммунистическая) социальная организация. Мировая инициатива перешла к Западу. Я лучше познал Запад, его реальные намерения и перспективы. Лучше изучил коммунистическую социальную организацию в аспекте мировой истории. Увидел воочию катастрофические последствия такого перелома для России и русского народа. Главными объектами моего внимания, как исследователя и публициста, стали причины краха советского коммунизма, последствия победы Запада и западнизации человечества, антикоммунистический переворот в России, посткоммунистическая социальная организация в России (постсоветизм), процесс глобализации, место и перспективы России в этом процессе. Короче говоря, — явления великого эволюционного перелома в истории человечества, отчетливо проявившегося в конце прошлого столетия. Мои выступления стали восприниматься моими читателями и слушателями как антизападнистские и прокоммунистические, хотя я на самом деле никогда не был и не стал ни врагом Запада, ни апологетом коммунизма. Изменилось на самом деле положение в мире, изменился объект моего внимания. Я как придерживался научного подхода к социальным явлениям, разрабатываемого мною, так и остаюсь ему верен.

Москва, 2004

I. Советский период

Вопрос о социальном статусе марксизма приобретает особо важное значение в связи с тем, что со всей очевидностью обнаружилось отвратительные язвы коммунистического общества, которое строилось и строится якобы по марксистскому проекту. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо провести предварительно, по крайней мере, следующие различия: 1) между наукой, религией и идеологией; 2) между претензиями марксизма и его реальными делами, между его приспособительной формой и маскируемой сущностью; 3) между ролью марксизма в условиях, когда определенная категория людей ищет решения проблем буржуазного или иного несоциалистического (некоммунистического) общества и рвется к власти с намерением решить эти проблемы (по крайней мере, для себя), и ролью марксизма в условиях общества, в котором он стал господствующей государственной идеологией, в котором определенного рода люди захватили власть и начали строить или уже построили новое, социалистическое (или коммунистическое) общество. Кроме того, надо различать между устойчивым ядром (сутью) марксизма и его вариациями в зависимости от места и времени.

С самого начала оговорюсь, что коммунистическим обществом я называю общество такого социального типа, какое сложилось в Советском Союзе, и является классическим образцом для всех прочих стран, идущих по тому же пути (с незначительными отклонениями, обусловленными историческими особенностями этих стран, а отнюдь не переделками в их марксистских проектах). Впрочем, если кому-то такое словоупотребление не нравится, я на нем не настаиваю, ибо речь пойдет о более конкретном явлении — о марксизме.

Наука, религия и идеология не существуют изолированно друг от друга и в чистом виде, т.е. без элементов друг друга и без взаимного влияния. Религиозные учения претендуют на создание картины мира и на объяснение различных явлений природы и общества, религиозные организации выполняют идеологические функции, наука содержит многочисленные элементы идеологии, дает материал для последней, и используется ею и т.д. Однако в наше время можно отчетливо видеть и различие этих явлений. Возникли антирелигиозные идеологии, необычайного развития достигла наука, отобрав у религии и идеологии функции познания окружающего человека мира и самого человека, утратили былую идеологическую роль многие религиозные учения и оттеснены на задний план истории и т.д. И можно достаточно определенно фиксировать различие функций рассматриваемых явлений в общественной жизни.

Задача науки — поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т.е. подтверждения, доказательства, опровержения. Религия же имеет дело с явлениями души, с религиозными чувствами людей, с верой. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, многосмысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть — они бессмысленны. В отличие от религии идеология требует не веры в ее постулаты, а формального признания или принятия их. Религия невозможна без веры в то, что она провозглашает. Идеология же может процветать при полном неверии в ее лозунги и программы. Это очень важно различать. Часто приходится слышать недоумение по поводу такого факта: в Советском Союзе никто не верит в официальную идеологию, а между тем она там процветает. В чем дело? Да в том, что в идеологию не верят, ее принимают. Вера есть состояние человеческой психики, души. А признание (принятие) есть лишь определенная форма социального поведения. Когда верят в идеологию, то происходит историческое смещение, в результате которого идеология

присваивает несвойственные ей как таковой функции религии. Когда доводами разума пытаются доказывать или опровергать принципы идеологии, то смешивают ее с наукой. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензией на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие это, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Идеологические тексты и речи, конечно, действуют сами по себе на отдельных индивидов. Но не в этом специфический способ воздействия идеологии на людей. Идеология рассчитана на массы людей. А тут нужен специальный аппарат признания ее. Причем признания обычно без понимания, ибо понять в принципе невозможно или не стоит труда. Или не до этого. И признания без веры. И такой аппарат формируется. Его задача — принуждать людей к признанию идеологии, карать тех, кто сопротивляется. Конечно, в этом есть и элемент добровольности, ибо признание идеологии в условиях ее господства позволяет многим людям добиваться успеха в карьере и иметь какие-то блага. Для многих без признания идеологии вообще невозможно существование. Таким же аппаратом принуждения обладала в свое время, например, и христианская церковь. Но церковь сочетала в себе не только религиозные функции, но и идеологические. И порой использовала первые в интересах вторых. Возможность разделения и даже противопоставления этих функций обнаружилась сравнительно недавно, когда стали возникать антирелигиозные идеологии (марксизм, национал-социализм).

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возникал как претензия на научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой занимался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он все же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится. Тот охватил все формы движения материи от механического перемещения до мышления. Объяснил возникновение семьи, частной собственности, государства. И наговорил во всем столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо было бы бросить на исправление его ошибок и нелепостей. У Ленина тоже: что ни слово, то вклад в науку. Он и логику ухитрился развить, не имея ни малейшего представления о современном ему состоянии логики, познакомившись с ней по гимназическому учебнику и из бредовых идей Гегеля.

С претензией на научность марксизм существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты для физики, химии, биологии, математики... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли (когда, например, один физик начинает проводить исследования в области микрофизики, а другой пишет книги о значении высказываний Ленина и Энгельса для развития физики; когда один математик доказывает теоремы, а другой занимается демагогией насчет гениальных идей классиков марксизма в математике и рассматривает пару плюс и минус по аналогии с парой буржуазии и пролетариата). Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т.д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку, и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере, в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть,

он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории утратила качества науки и стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отдалилась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выглядеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время — приобрела такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было бы просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возникал в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, это — его фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т.д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому ему легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т.д., и т.п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насильем идеологию не навяжешь достаточно прочно. Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глупостью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Но марксизм возникал не только как претензия на научное понимание всего на свете, а и как выражение интересов и мечтаний угнетенных и обиженных классов общества, как выражение вековых мечтаний человечества о рае земном. А мечты и желания по своей природе не имеют ничего общего с наукой. Социальные мечты суть утопии. Превращение же утопии в науку исключено — об этом говорит настоящая наука и практический опыт человечества.

А тот факт, что марксизм не только в качестве могучей организации людей, но и по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем анализа любых его понятий и утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием «научного коммунизма». Ни одно понятие в марксизме (буквально ни одно!) не удовлетворяет логическим правилам построения научных понятий. Ни одно утверждение марксизма (не считая пустых банальностей) не может быть проверено по правилам проверки научных утверждений. Например, громя неудобных ему философов (а эти погромы основателями марксизма инакомыслящих суть теоретическая подготовка к будущим массовым репрессиям) и выдавая за свои открытия, украденные у них мысли (что тоже в духе марксизма), Ленин дает «свое» знаменитое «определение» материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях. При этом он наивно (т.е. по невежеству) полагает, что «материя» — самое общее понятие. Но даже начинающим студентам (а порой — и школьникам) известно, что по правилам определения понятий выражение «объективная реальность» будет более общим, чем

«материя», а оба выражения «объективная реальность» и «данная нам в ощущениях» с точки зрения построения понятий более «первичны», чем «материя». Я уж не говорю о том, что выражение «объективная реальность» ничуть не яснее по значению, чем «материя». Но такого рода глубокомысленные по видимости (и пустые по существу) выражения производят впечатление высокой науки. И нередко даже на крупных ученых. Впрочем, тут удивляться не стоит, ибо среди ученых, кретинов встречается не меньше, чем среди представителей других профессий. Придумывая свой коммунистический земной рай (и называя свои вымыслы, естественно, научным коммунизмом), основатели марксизма и их последователи игнорируют тот факт, что наука невозможна, если не существует ее предмет. Но если даже рассматривать их «научный коммунизм» как проект будущего общества, то и тут можно увидеть игнорирование самих азов действительно научного подхода к обществу. Например, они совершенно игнорируют факт дифференциации общества на социальные группы и иерархию последних, неизбежное разделение общества на слои с различными жизненными условиями, разнообразие видов деятельности и социальных позиций людей, вследствие которых знаменитые лозунги «каждому по труду» и «каждому по потребности» либо превращаются в пропагандистские пустышки (если их понимать буквально), либо реализуются в форме, ничего общего не имеющей с их текстуальным видом (а именно — труд начальника оценивается выше, чем труд подчиненных, а потребности определяются в зависимости от социального положения индивидов).

Но самым сильным показателем того, что марксизм есть идеология, но не наука, служит отношение марксизма к опыту реальных коммунистических (или социалистических) обществ, которые считаются построенными по его проекту. Марксизм не способен отразить этот опыт даже на том интеллектуальном уровне, на каком он критиковал капиталистическое общество. Более чем шестидесятилетний опыт Советского Союза и опыт многих других коммунистических стран дал и дает совершенно бесспорные свидетельства о природе этого общества. Массовые репрессии, низкий жизненный уровень для большей части населения, прикрепление к местам жительства и работы, колоссальные различия в жизненном уровне высших и низших слоев населения, подавление всякого инакомыслия, отсутствие гражданских свобод, карьеризм, взяточничество, система привилегий, бесхозяйственность, расточительность на руководящие спектакли, милитаризация и т.д., и т.п. И как на эти факты реагирует марксизм? Советский марксизм (и марксизм других коммунистических стран) эти факты просто не признает, считая всякие разговоры о них клеветой на советский (или иной коммунистический) образ жизни. Западный марксизм уверяет, что западные коммунисты построят коммунистическое общество без этих недостатков и сохранив достоинства обществ западной демократии. Трудно придумать что-либо более несуразное именно с научной точки зрения. Именно научное исследование реального (а не выдуманного, идеологического) коммунизма могло бы без особого труда обнаружить, что все эти факты не случайны, что они вырастают из самих основ коммунистического строя жизни, что они суть неизбежные спутники реализации именно положительных идеалов марксизма. Хотя марксизм и начинал свою историческую карьеру с намерения научно объяснить ход общественного развития, закончил он ее полным отказом от научного понимания общества, в котором завоевал роль господствующей государственной идеологии.

Я думаю, что нет надобности, рассказывать о поведении марксизма в качестве идеологического диктатора в прошедшей истории Советского Союза. Оно всем хорошо известно. Это — подлости, подлоги, преступления... Если бы в деталях описать все, содеянное идеологическим аппаратом марксизма за годы советской истории, даже враги марксизма не поверили бы в правдивость этой картины. Говорят, что марксисты руководствовались добрыми намерениями. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Но утверждение о благих намерениях тут ложно. Никаких иных намерений, кроме пожеланий живых людей — участников этой марксистской армии идеологов — удовлетворить свои эгоистические потребности, тут не было. И быть не может по социальным законам истории. Я имею в виду нормальные социальные законы, а не ту бессмысленную

марксистскую болтовню о законах общества, которыми задурили головы миллионам обывателей.

Марксизм оказался в высшей степени удобным в качестве идеологии побеждающих коммунистических режимов вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, да еще высшей, он успеха иметь не мог бы. На изучение науки, как известно, нужно специальное образование. Нужны годы и годы. Он оказался удобным именно потому, что породил огромный поток идеологических текстов, демагогических обещаний и лозунгов, похожих на науку, но не требующих никакой научной подготовки. При желании можно с поразительной быстротой научиться продуцировать марксистские тексты и речи абсолютно для любой ситуации. А для властей марксизм дает чудесный метод и богатую фразеологию для оправдания любой их пакости. Любой руководящий кретин может сделать вклад в «науку», если, конечно, ему позволят (или сочтут это нужным) его соратники. Именно неопределенность и бесформенность понятий, и бессмысленность утверждений марксизма, и необходимость не буквального его понимания, а истолкования, делает его удобным для господствующих слоев общества, ибо истолкование марксизма становится прерогативой высшего партийного руководства. В марксизме написано такое множество разнообразных фраз, что на все случаи жизни можно выбрать подходящие фразы и истолковать их в желаемом духе. Эту работу и выполняет огромный марксистский идеологический аппарат.

Алкала, 1978

За что боролись, на то и напоролись

Сейчас для большинства думающих людей реальная картина советского общества более или менее известна. Известны факты массовых репрессий в сталинские времена. Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют. Известно, что чрезвычайно низок жизненный уровень большинства населения, что огромных размеров достигает разница в жизненном уровне высших и низших слоев населения, что процветает карьеризм, взяточничество, халтура, очковтирательство. Известно, что население прикреплено так или иначе к местам жительства и работы, что пошлость, тупость и насилие пронизывают все клеточки и ткани общества. Все это хорошо описано в критической литературе, которая производится сейчас в изобилии и играет весьма существенную роль. И даже западные коммунисты уже не отрицают того, что сложившийся в Советском Союзе строй жизни похож не столько на рай земной, сколько на перманентный кошмар. И теперь возникает вопрос куда более существенный: а откуда все это появилось? Неправильно истолковали Маркса и построили общество, которое не соответствует его прекрасному идеалу? Так ведь больше ста лет истолковывали, десятки тысяч людей этим занимались. Неужели все ошибались? В Советском Союзе десятки тысяч дипломированных специалистов занимаются истолкованием марксизма, да к тому же делают они это, само собой разумеется, творчески. И что же, все ошибаются? Или наоборот, может быть, все это получилось именно потому, что правильно истолковали Маркса и сделали именно то, чего он и хотел? Может быть, такая мерзость получилась именно потому, что послушались Маркса, а вот если бы не послушались, так получилось бы лучше? Или группа заговорщиков захватила власть, изнасиловала несчастный, добрый народ и навязала ему такой нелепый образ жизни? Ведь есть же люди, которые думают, что советский народ немедленно сбросит свою власть, если ему дать свободу избрания или неизбрания этой власти. Или нехорошие люди пробрались в руководство и исказили прекрасные ленинские принципы?

Подлинный социализм построен в Советском Союзе или неправильный, подлинный коммунизм или нет, достроенный или недостроенный, коммунизм или социализм,

марксовский или ленинский, ленинский или сталинский — все это спор о словах. Я лично считаю, что построили именно то, что хотели построить. Все лучшие чаяния лучших умов и сердец прошлого воплотили в жизнь сполна. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. В общем, и целом построили правильно. Конечно, кое-что не предусмотрели. Частью — потому что не могли предусмотреть, частью — потому что не хотели, хотя и догадывались. Зачем, в частности, было предусматривать кровавый террор после революции?! Народные массы тогда могли и не воплощать в жизнь свои чаяния. В общем-то, народные массы все равно сделали бы то, что они сделали. На то они и массы. А чаяния стоили того, чтобы несколько миллионов врагов и друзей (главным образом — последних) передушить. Но тут, надо полагать, был теоретический недосмотр. Повторяю, построили то, что хотели. Построили по плану, в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс. Более того, ничего другого и не могло построиться. Построиться могло только это, ибо огромные общества строятся по определенным социальным законам, о которых, между прочим, основатели марксизма и их нынешние последователи даже не подозревали и не подозревают. Строилось на самом деле все естественноисторическим путем, а вожди и руководители действовали по традиционному принципу: «А что я вам говорил?!» И ничего другого построиться не может. И если нечто подобное будет строиться здесь, на Западе, построится все равно нечто советскообразное. Будет, конечно, какая-то непринципиальная разница. Известно, что феодализм во Франции был мягче российского. И коммунизм здесь будет, возможно, мягче. Ну, хотя бы потому, что здесь нет своей Сибири.

Когда основатели марксизма выдвигали идею коммунистического общества и обещали построить земной рай, они не думали о том, что именно воплощение в жизнь самых лучших чаяний человечества, самых светлых идеалов, породит те страшные мерзости, которые уже стали очевидным фактом и относительно которых уже есть полная уверенность, что они неслучайны. Наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Те недостатки, которые обнаружились в жизни коммунистических стран, столь же естественны и натуральны, как и ее достоинства. Возьмем такой факт, как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это — власть народа. Общественная жизнь — очень сложное явление. И такого рода парадоксы можно в ней наблюдать на каждом шагу. Самое предельное насилие над личностью в рамках этого общества вырастает именно из заботы о личности. Социальное неравенство в коммунистическом мире не уничтожается, а только меняет форму и становится более острым, чем в странах западной демократии. Социальное неравенство вырастает именно из того, что реализуются принципы равенства. Это можно доказать, произведя соответствующий анализ общества. Словом, для того чтобы разобраться в том, что происходит, чтобы выяснить — случайно это или не случайно, будет это повторяться или нет, надо исходить не из мечтаний прекраснородных людей столетней давности, не из обещаний демагогов, не из партийных программ, не из заклинаний пророков, а надо исходить из реальности, которую мы имеем.

Мне часто возражают: «Маркс говорил», «Маркс обещал»... Ну, скажите, кому я должен больше верить — Марксу, который жил сто лет назад и не имел представления, что такое коммунистическое общество в реальности, или самому себе, который вырос в коммунистическом обществе и прожил в нем 56 лет? Кому я должен верить — шестидесятилетнему опыту коммунистической страны, опыту многих уже коммунистических стран, или партийным программам, которые, кстати, можно менять в зависимости от ситуации. Уверяю вас, когда речь идет о власти, эти партии могут наобещать все, что угодно. Они могут даже не только от диктатуры пролетариата, но и от первичности материи отказаться. Разумеется, я предпочитаю верить самому себе, своим собственным глазам. И призываю к этому других. Но исходить из реальности — этого еще мало, потому что по-разному можно подходить к самой реальности. Вот несколько примеров такого рода. Приезжают иностранцы в Советский Союз, заходят в церковь, видят — молодежь молится,

венчаются пары, ребенка крестят, а там и тридцатилетний бородатый интеллигент окрестился... Факты? Факты. И вывод кажется очевидным: в России происходит религиозное обновление, русский народ возвращается в лоно православной церкви. Или — в Советском Союзе сейчас невозможно найти человека, который не поносил бы советский образ жизни. Все критикуют. И как критикуют! Многие партийные чиновники критикуют советский образ жизни похлеще, чем диссиденты. Это тоже факты. Какой вывод порой делают из этих фактов? Пора свергать советскую власть! Ее же все критикуют! Или еще один факт: в марксизм в СССР никто не верит. Действительно, мало кто верит. Хотя многие сдают экзамены на пятерки, а между собой говорят: это же примитив. Так вот: если в марксизм никто не верит, идеология рухнула, значит, общество должно распасться. А общество стоит, крепнет из года в год, процветает (со своей точки зрения). Так в чем же дело? Значит, одних фактов мало. Факты нужно определенным образом понять. И существует определенная техника понимания фактов. Все-таки мы живем в конце XX века, века науки. И просто глупо не использовать разработанные наукой средства понимания происходящего. В наше время заклинаниями и призывами не отделаешься. Нужно серьезное, кропотливое исследование реальности. Иначе просто запутаешься. Иначе можно выдвигать всякого рода программы, которые будут вспыхивать, вызывать сенсацию и вскоре исчезать.

Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, как оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления. Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла. И я могу сформулировать такое, на первый взгляд, еретическое утверждение: именно исторический подход к такому обществу, как советское, закрывает всякую возможность его понимания. Почему?.. Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками «ура» — это несласть история. А в это время незримо, незаметно, где-то в обществе зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась, и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. Контора осталась. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, в частности, чтобы чиновники из аппарата всех сортов власти (ЦК, КГБ, Академии наук, Союза писателей и т.п.) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины...

Считается, что советское общество еще в пути к светлым идеалам, еще не дошло. Вот дойдет (а осталось совсем немного — мы уже в развитом социализме!), тогда и будет все то, о чем мечтали, и не будет ничего того, о чем не мечтали. Эта позиция, по меньшей мере, наивна. Есть законы формирования типов цивилизаций («кристаллизации» общества), неподвластные даже ЦК КПСС и КГБ. С точки зрения исторического времени, цивилизации складываются почти мгновенно. Порой бывает достаточно нескольких десятков лет. Причем цивилизация складывается сразу в том виде, в каком она будет существовать века. Конечно, мелкие перемены и усовершенствования будут происходить. Но существо ее останется неизменным. Причем, сама по себе она не содержит внутри себя причин, разрушающих ее. В Советском Союзе коммунистический тип общества уже сложился и достиг зрелости. И подлинная натура его определилась полностью. Будущее вряд ли прибавит к этому нечто

принципиально новое. Можно показать, что даже принцип «каждому — по потребности» тут реализовался. Правда, в несколько парадоксальной форме: «каждому — по его социальному положению». Но это нормально, ибо «разумные» потребности каждого определены его социальным положением.

Есть, повторяю, определенная научная техника понимания таких сложных явлений, как многомиллионные общества. В частности, чтобы понять общество такого типа, как советское, надо начать с выделения элементарной клеточки этого общества и исследования ее. Клеточка общества — самая малая его часть, обладающая наиболее существенными чертами целого, можно сказать — общество в миниатюре. Возьмите любой институт, фабрику, завод, совхоз, магазин, школу, больницу и т.п., и вы там обнаружите все то, что определяет картину общества в целом: насилие коллектива над индивидом, распределение по принципу социального положения, карьеризм, лицемерие, двоемыслие, халтуру. Карательные органы страны, которые кажутся стоящими над «народом» (что это такое?!) и чуждыми ему, представляют собою на самом деле органы насилия коллектива над индивидом, обобщающие в масштабах страны реальное положение индивида в обществе. Не будь этих специальных организаций, при каждом учреждении страны завели бы свои карательные группы и тюрьмы. Я по своему личному опыту знаю, что такое карательная мощь сослуживцев, коллег, друзей. В этом обществе на самом деле они — высшая власть. Уверяю вас, если бы расправу надо мною поручили бывшим моим коллегам, друзьям, сослуживцам, я давно висел бы на веревке в Москве на Волхонке, 14. Там есть удобный для этого дворик, в середине которого есть клумба. В либеральные хрущевские времена в центре этой клумбы росла чахлая кукуруза, так и не достигшая стадии молочно-восковой зрелости.

Советское общество есть скопление сотен миллионов людей (а с учетом смены поколений — миллиардов), совершающих миллиарды поступков. Допустим на минуту такую абстракцию. Пусть в обществе достигнуто полное изобилие продуктов потребления, пусть откуда-то льется поток их в общество. Все, что угодно: дорогие меха, кольца, бриллианты, вареная колбаса, не гнилая картошка, коньяки, баранина, куры, джинсы, колготки, квартиры... Но ведь народ разбросан на большом пространстве. Надо наладить как-то распределение, охрану и хранение. А это предполагает специальных людей и специальные органы. И, значит, вы все равно получите сложную, иерархизированную первичную организацию. И у французов, и у русских, и у китайцев, и у камбоджийцев. И эта организация будет подчиняться общим социальным законам. Других законов не существует. В этой связи вспоминается курьезный случай. Как-то в Москве вели спор на эти темы интеллигенты, и они сформулировали проблему в такой, несколько риторической, форме. Если уж ты такой умный, сказал один интеллигент другому, то представь себе, что тебя поставили во главе правительства и дали тебе всю полноту власти. Что ты сделаешь, чтобы ничего подобного в Советском Союзе больше не было, и вся жизнь выглядела бы так хорошо, как хотелось бы тебе? И другой интеллигент ответил: первым же декретом своим я бы передал всю полноту власти тебе. Я этого человека понимаю. Короче говоря, тот общественный строй, который имеет место в Советском Союзе, сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами. Это не есть нечто вымученное или выдуманное злыми и глупыми людьми. Если бы дело обстояло так, что это продукт насилия какой-то кучки людей, продукт обмана, это было бы хорошо. Но, увы, это не так. Когда я говорю, что это — естественное состояние, это не» значит, что я считаю это состояние хорошим. Лично мне оно не нравится. Но оно естественно в том смысле, в каком естественной является вода в качестве среды существования рыб или пустыня для змей. Это — социальная пустыня. Но тут из года в год, из поколения в поколение происходил и происходит отбор индивидов, которые могут жить в этой социальной среде. То есть, здесь человек приспосабливается к среде, а потом сам начинает эту среду воспроизводить. Получается замкнутый круг. Поймите, птицы могут сказать рыбам: «Как прекрасно в воздухе, полетим с нами!» Но ведь рыбы не могут летать, они плавают...

Что же, в конце концов, остается в этом, казалось бы, безвыходном положении? Я намеренно

так остро формулирую свою позицию не с целью запугать людей или сказать, что сопротивление бесполезно. Наоборот, я считаю, что выражаю в некотором роде мужскую позицию, а именно такую, когда говорят: «Ребята, отступать некуда, мы окружены, будем сражаться до последнего!» И вообще, в общественном развитии рассчитывать на какие-то партии, на каких-то вождей, на пророков, на чье-то прекраснодушие — абсолютно бессмысленно. Человек должен рассчитывать только на самого себя, на свою способность к сопротивлению. Причем, для того чтобы произошла хотя бы маленькая эволюция в условиях этого общества, нужны годы и годы, десятилетия и десятилетия, нужны жертвы, нужна борьба. Без этого ничего не получится. И к счастью, дело обстоит таким образом, что это общество, естественно, порождает недовольных и людей, способных к сопротивлению. И эта борьба уже началась. Сейчас она приняла формы диссидентского движения. На мой взгляд, это самое значительное явление в социальной истории Советского Союза со времени революции. Явление более серьезное и значительное, чем космические полеты, чем атомные бомбы. И уж, тем более, гораздо более значительное, чем выход в свет очередного эпохального труда Брежнева о том, как он осваивал целинные земли.

Париж, 1978

Игра в историю

Давно уже стало прописной истиной, что современный мир есть единое целое, что все значительные события, происходящие в одной его части, отражаются в других частях, что при решении всех серьезных проблем надо учитывать взаимоотношения и интересы различных элементов мировой системы. Но одно дело — давать такие мудрые советы и другое дело — следовать им. Фактически люди ведут себя чаще всего так, будто никакого мирового единого целого не существует, и игнорируют, казалось бы, очевидные последствия своего поведения не только для других, но и для самих себя. И вряд ли можно причину этого усматривать в непонимании упомянутой выше банальной истины. Поведение людей и их объединений на арене истории определяется не тем, насколько хорошо они познали эту арену, а тем, чего они хотят, или что их вынуждают вытворять на этой арене. И потому в размышлениях на тему о взаимоотношениях между странами, блоками и социальными системами в мире в целом или в его отдельных больших частях (например, в Европе) более здоровой является не моралистическая постановка проблемы «Что нужно для того, чтобы было лучше (т.е. чтобы и овцы были целы, и волки сыты)?», а беспристрастно научная — «Что происходит, и будет происходить, несмотря ни на что, несмотря на прекраснодушные пожелания одних (главным образом, овец) и злые козни других (главным образом, волков)? »

Отдавая предпочтение научной постановке проблемы, я вовсе не склонен, тем самым, преувеличивать роль научного познания той каши, которая сейчас варится в мире, для процесса варки самой этой каши. Роль науки я в данном случае скорее вижу в том, что весьма немногочисленные умники получают (если, конечно, уцелеют) удовлетворение от того, что после осуществления нежелательных для человечества событий, о которых они предупреждают, смогут заявить: а что мы вам говорили?! И все же я хочу высказаться в духе науки. Но не с намерением умножить число упомянутых выше умников — я ничего не буду предрекать. И не с намерением лишней раз напомнить людям о тщетности их усилий — этим их все равно не остановишь. А хотя бы потому, что в наш век ошеломляющего расцвета науки даже проблемы роли научного понимания в ситуациях, когда люди не могут воспользоваться научным пониманием этих ситуаций, должны решаться научно.

Преимущества научного подхода неоспоримы. Посудите сами! В мире, например, вследствие активной деятельности одних людей страдают миллионы других. Если не стоять на позициях

науки, надо за них переживать, проявлять возмущение и даже совершать какие-то действия в пользу несчастных. Ничего подобного не требуется, если вы взглянете на все это с научной точки зрения. В этом случае вы можете сложившуюся в мире ситуацию рассматривать как своеобразную игру, т.е. в духе одного из перспективных направлений науки. И при этом будете чувствовать себя на голову выше остальной части человечества. И что самое поразительное в этом — вы будете, к сожалению, правы.

Конечно, не все происходящее в мире есть игра. И не всегда идет игра. Не всякие отношения людей и стран можно подвести под понятие игры. Но игровой аспект в происходящем есть, это — несомненный факт. И роль его велика. Во всяком случае, отношения стран советского блока («Востока») и стран Запада в настоящее время являют собой классический образец игровой ситуации в обоих смыслах: как в смысле грандиозного спектакля (всякого рода политические деятели ведут себя, как актеры на сцене, показательный элемент в политических акциях становится все более доминирующим), так и в смысле стремления перехитрить партнеров.

Что нужно, чтобы сложилась игровая ситуация? Некоторая автономность партнеров, возможность волевых действий, относительная свобода выбора действий, возможность совершать ответные действия на действия партнеров, интеллектуальный расчет, стремление переиграть партнеров-противников, наличие некоторых правил, в рамках которых происходит обмен действиями. И такие условия во взаимоотношениях стран и целых систем стран сейчас явно имеются и фактически реализуются в их поведении. Здесь неуместно выяснять, откуда исходит инициатива в создании такой игровой ситуации и кому принадлежит более активная роль. Но то, что страны советского блока по своей социальной природе склонны к играм мирового масштаба, вынуждая своих западных партнеров к аналогичной форме поведения (без подобия партнеров игра немыслима), это теперь очевидный факт. Единое, преемственное и уверенное в себе (устойчивое) руководство здесь имеет возможность распоряжаться всей страной как послушным телом. Огромный чиновничий аппарат имеет привычную и разработанную в деталях систему поведения во всех случаях как внутренней жизни страны, так и ее внешних действий. Руководство страной превратило всю страну в подмостки для своих начальственных представлений и стремится расширить их на всю планету. Очень многое в его деятельности диктуется интересами игры (в смысле спектакля) как таковой. В частности, бесконечные встречи, визиты, переговоры, речи нужны не столько для решения каких-то стоящих за ними задач, сколько для самих их участников. И нужно все это как определенное времяпровождение, как образ жизни, как средство самоутверждения, карьеры, стяжательства и развлечения. Эти спектакли сами становятся своей собственной целью, лишь отчасти и иногда, будучи средством достижения каких-то других целей.

Но этот театральный аспект все же есть явление второстепенное сравнительно с игрой во втором смысле (в дальнейшем я буду говорить только о нем). Хочу обратить внимание на некоторые важные особенности происходящей мировой игры с этой точки зрения. Хотя по закону сообщающихся социальных систем партнеры в этой игре стремятся уподобиться друг другу, они все равно остаются неравноценными. Уподобление, с одной стороны (для одного партнера), является чисто внешним и не затрагивающим основ социального строя страны, а с другой стороны (или другого партнера), — глубоким и подрывающим сами основы всего строя жизни. Правила игры разделяются на две группы: формальные (они открыты, официально признаны) и неформальные (они скрыты, официально отвергаются). Первые являются общими для обоих партнеров. Вторые же могут быть различными у разных партнеров. В происходящей игре одни из участников тяготеют к первым правилам, а другие ко вторым. Делая вид, будто они чтят открытые официальные правила, эти другие ведут игру, главным образом, по своим скрытым правилам (шпионаж, пятая колонна, шантаж, дезинформация, надувательство и т.д.). Это — странная игра. Она ведется с участием шулеров, но по формальным правилам, запрещающим разоблачать этих шулеров и бить их по морде канделябрами. Для одних из участников само решение принять участие в игре равносильно

проигрышу, ибо в играх такого типа все преимущества принадлежат шулерам. Для них только неучастие в игре (т. е. выход из игровой ситуации или разрушение последней) дает некоторый шанс хотя бы остаться при своих. Эта игра, являясь, по существу, вымогательством и грабежом, лишь принимает форму выигрыша в «честном» поединке. И тот, кого грабят, сам охотно принимает для себя эту форму «честного» проигрыша, дабы сохранить никому (кроме него) уже не нужное чувство собственного достоинства.

Могут ли участники рассматриваемой игры руководствоваться научным предвидением? Положительный ответ на этот вопрос кажется естественным. Чтобы такие могучие державы при таком уровне науки, при таком большом числе ученых, да без науки?! А между тем фактическое положение таково. То, что можно предвидеть научно точно, является банальным и бесполезным. А то, что небанально и практически важно, в большинстве случаев научно точно предвидеть принципиально невозможно в силу сложности и изменчивости общественной жизни, наличия взаимоисключающих и взаимомодифицирующих тенденций и соотношений, аналогичных соотношению неопределенностей в физике. Научно точно можно предвидеть только необходимое, тогда как активность людей лежит главным образом в сфере лишь возможного. Предсказание же возможного достижимо лишь с некоторой степенью вероятности, что хорошо для повторяющихся событий, но не всегда годится для индивидуального, неповторимого хода истории. Вероятность возможных событий в таких случаях вычислить трудно. К тому же имеющиеся критерии для этого ненадежны. Наука сама есть социальное явление, а не чистая истина. В науке врут не реже, чем вне ее. Прибавьте к этому громоздкий аппарат науки и власти, дефицит времени, стремление избежать ответственности и уклониться от риска, стремление извлечь для себя пользу сегодня, не думая о завтрашнем дне. Наконец, здесь практически действует известный парадокс научного предвидения: если бы можно было точно предвидеть, что произойдет, то можно бы было принять меры и помешать этому, делая, тем самым, точное предвидение невозможным.

Конечно, и в социальной игре партнеры стремятся что-то познавать и предвидеть поведение друг друга. Но это — не научное, а игровое предвидение. Это — квазипредвидение, ибо оно не обладает свойством истинности. Партнеры предпринимают действия, которые им представляются более выгодными для них. И успех или неуспех этих действий создает иллюзию подтверждения или опровержения соответствующих решений в качестве суждений научного мышления. Конечно, и в социальной игре партнеры получают информацию и учитывают ее. Но определяющей силой их поведения с точки зрения интеллектуальной является особая форма общественного сознания — установка. Это особенно отчетливо видно на примере Советского Союза. В отношении стран Запада это не столь очевидно, поскольку здесь еще действуют традиционные политические формы поведения. Установка же не есть явление политическое, хотя она и может включать в себя элементы политики.

Насчет догматичности, твердолобости, негибкости советской политики говорилось много. Но при этом совершенно упускалась из виду суть этого явления, а именно — лежащая в основе его установка. Последняя не есть проявление некоей глупости или результат влияния некоей косной идеологии. Она есть естественная и весьма эффективная, как показывает опыт истории, форма поведения общества коммунистического типа в лице его руководства. Вот некоторые свойства этого (пока еще плохо изученного) социального феномена. Она есть компенсация невозможности точного предвидения событий общественной жизни в важных и нетривиальных случаях. Она вполне адекватна громоздкому аппарату управления обществом и положению его носителей в обществе — она в высшей степени удобна для последних. Однажды сложившись, она затем действует как априорная по отношению к происходящим и предполагаемым событиям. Система с такой установкой ведет себя так, как будто ей заранее известно абсолютно все, что может произойти, и словно все происходит в соответствии с ее установкой. Такая установка устойчива, практически постоянна. Изменить ее практически невозможно. Когда кажется, что руководство учитывает изменившиеся обстоятельства и

меняет установку, то на самом деле оно лишь ищет способы проведения неизменной установки в данных условиях. Установка проводится в жизнь неуклонно и неукоснительно, и как в малых, так и в больших делах. С такой установкой можно играть даже с завязанными глазами, будучи уверенным в успехе игры. Потому, например, возможны такие действия властей, которые кажутся совершенно нелепыми, если их рассматривать сами по себе, но которые вполне разумны с точки зрения правил игры «вслепую». Потому наивным является мнение, будто стоит на советское руководство как следует надавить, и оно «исправится». На самом деле, советское руководство само бессильно перед установкой, которую оно лишь олицетворяет и хранит в данный момент. Люди отбираются в руководство по таким принципам, что они оказываются неспособными и незаинтересованными в перемене установки. Они могут удержаться у руководства, только служа Установке. Они сами ее рабы.

Установка, о которой идет речь, есть совокупность принципов поведения лиц, представляющих интересы Государства (Страны) во всех возможных ситуациях. Часть этих принципов формулируется в такой фразеологии, что требуется особая подготовка, чтобы понимать их суть. Часть формулируется в виде секретных инструкций. Часть не формулируется совсем. Но лица, воплощающие Установку, знакомятся с ними в практике своей деятельности или сами открывают их для себя как нечто вполне естественное. Часть этих принципов даже вообще не осознается. И если приписать их данному обществу открыто, то его официальные представители будут категорически отрицать это. Вот некоторые из практически действующих принципов Установки: расширяться по всем возможным направлениям; проникать повсюду, в любые организации, страны, части света; иметь своих людей повсюду; мутить и путать; стравливать; «темные» дела делать чужими руками; создавать перевес сил; запугивать; шантажировать; обещать; лгать; соглашаясь, делать по-своему; вовлекать в свою игру всех; всеми путями расширять «пятую колонну»; тянуть открытия и изобретения; разыгрывать грандиозные спектакли с целью обмана и мистификации. Короче говоря, тут идут в ход все средства, изобретенные историей для борьбы не на живот, а на смерть. Причем в проведении таких принципов в жизнь Установка требует быть педантичным и терпеливым. Огромная масса людей проводит эти принципы в жизнь, имея в своем распоряжении всю мощь государства. Причем для этих людей никаких проблем личного порядка в связи с этим не появляется, ибо каждый из них по отдельности живет обычной жизнью и выполняет обычные функции. Рассматриваемые принципы реализуются как производный результат их обычной жизнедеятельности.

Преимущества установочной формы поведения в игровой ситуации сказываются и в том, что даже вынужденные поступки система затем обращает в свою пользу. Классический пример на этот счет — еврейская и диссидентская эмиграция из Советского Союза. Будучи вынужденной уступкой в начале данного акта игры, она затем стала служить системе в качестве средства решения множества других ее проблем и приобрела видимость заранее спланированной акции. Эта видимость тоже не случайна. Во всех действиях такого рода постфактум происходит своеобразное переосмысление их в духе Установки и придание им формы действий в соответствии с планом и точным предвидением последствий. В таком духе было переосмыслено самое грандиозное событие в жизни системы — сам процесс ее становления. Здесь все серьезные действия системы обретают форму элемента грандиозного дьявольского расчета, если даже в них не вложено ни крупинки интеллекта, если даже они неожиданны для нее самой. Здесь даже неудачи и поражения переосмысляются затем как разумные шаги к какой-то победе, пришедшей из других источников.

И если уж говорить о какой-то пользе науки в решении проблем взаимоотношения стран и блоков в современном мире, то она должна сказаться, прежде всего, в понимании такого рода Установки, понимании «психологии» ее носителя, т.е. в осознании сущности такого типа общества, участвующего в мировой игре. Понять, с кем приходится иметь дело в этой игре, и не строить относительно такого партнера никаких иллюзий — это само по себе не так уж мало. По крайней мере, будешь знать, что являешься жертвой не столько своей собственной

глупости, сколько тупой последовательности и настойчивости некоей бесчеловечной Установки, проводимой в жизнь еще большими глупцами, чем ты сам.

Париж, 1979

О бюрократизме в советском обществе

Имеется два типа мышления в отношении явлений общественной жизни. Различие их поясню на таком примере. Апологеты советской системы утверждают, что в Советском Союзе власть принадлежит народу, и думают при этом, что это хорошо. Большинство критиков советского режима, наоборот, утверждает, что власть на самом деле в Советском Союзе народу не принадлежит, и думает при этом, что это — плохо, что если бы власть на самом деле принадлежала народу, то это было бы хорошо. Здесь критики режима имеют тот же тип мышления, что и апологеты. Но можно к той же проблеме подойти иначе, а именно — так. Вы считаете, что власть в Советском Союзе принадлежит народу? Пусть так. Теперь посмотрим, что означает на деле это народовластие. Первый тип мышления привязан к привычным словам и штампам-фразам. Второй ориентирован на рассмотрение фактов жизни. Так обстоит дело и с вопросом о бюрократии в советском обществе. Апологеты утверждают, будто советское общество является враждебным бюрократизму и систематически борется с ним в тех случаях, где он вырастает. Критики же обвиняют советский режим в чрезмерном бюрократизме, утверждают, будто здесь вообще господствует бюрократ. При этом те и другие исходят из априорной догмы, будто бюрократия есть зло. На самом деле бюрократия это не обязательно зло, а отсутствие бюрократии — не обязательно добро. Что такое бюрократия, бюрократизм? Мы привыкли пользоваться на этот счет старыми представлениями, которые сложились еще тогда, когда общество было простым сравнительно с современным, когда неизмеримо проще была система управления и фиксируемых в бумагах норм поведения людей. Советское общество является очень сложным, и имеет огромный аппарат управления и власти. Этот аппарат сам по себе еще не есть бюрократический аппарат. Люди и организации, входящие в него, могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся те из них, которые имеют дело непосредственно с людьми, ко второй — которые имеют дело непосредственно не с людьми, а с бумагами (с законами, постановлениями, инструкциями, справками и т.п.). Директор завода или института, начальник цеха, командир дивизии, секретарь райкома партии и т.п. бюрократами не являются, хотя они — чиновники аппарата власти и управления. Бюрократический аппарат в собственном смысле слова образуют люди и организации, относящиеся ко второй из только что названных мною групп. И вопрос надо ставить так: какое место в системе власти и управления советского общества занимает этот бюрократический аппарат, какова его фактическая роль здесь? Обычно со словом «бюрократия» («бюрократизм») ассоциируют некую бумажную волокиту, причем самодовлеющую, игнорирующую живых людей, которым она по идее должна служить. Бюрократия в этом смысле слова постоянно служила предметом насмешек писателей, артистов, газетчиков и даже политиков. Однако бюрократия есть необходимый элемент нормальной жизни достаточно развитого общества. Игнорировать интересы живых людей можно и без бюрократии. В Советском Союзе, например, в свое время миллионы людей без всякой бюрократической волокиты подвергались бесчеловечным притеснениям. По моим наблюдениям, Западная Германия — высоко бюрократизированное государство, а между тем это — правовое общество в смысле западной демократии. В советском обществе бюрократический аппарат очень сильный, и всякого рода правовых документов, инструкций, справочников, положений и т.п. здесь предостаточно, бумажный поток огромен. Но с этой точки зрения Советский Союз не отличается от стран Запада, не превосходит их, а может быть, и уступает им. И дело не в этом. Бюрократия не характеризует советское общество специфически, не она здесь главное действующее лицо. Главную роль в системе власти и

управления здесь играют лица и органы первой из названных мною выше групп, а главным орудием управления является система установок, которым подчиняется и бюрократический аппарат. Эти установки иногда фиксируются в письменных документах, иногда являются устными, иногда действуют и без особых команд в силу навыков и природы лиц управленческого аппарата. Потому всякого рода инструкции и регламентирующие документы здесь обычно не соблюдаются или соблюдаются в том виде, как это отвечает той или иной действующей в данный момент установке. Советское общество есть неправовое общество. Его природе более соответствует волюнтаристская (а не формально-правовая) система власти и управления и адекватная ей форма реализации — установка. Бюрократия же есть скорее социальная форма, более соответствующая обществам типа западных демократий. Хотя она и несет с собою целый ряд отрицательных явлений, ненавистных многим членам общества, она все же есть признак общества правового. Советскую систему нельзя считать бюрократической, хотя, повторяю, бюрократический аппарат в ней огромен. То, что называют бюрократической волокитой и формализмом («бюрократизмом»), в советском обществе развито очень сильно, но проистекает это не от бюрократического аппарата, а от общей системы власти и организации управления обществом, в которых отсутствует личная заинтересованность в скорейшем и наилучшем решении проблем и присутствует личное стремление избежать риска и ответственности. Этот аппарат власти и управления в Советском Союзе начал складываться задолго до Октябрьской революции. Тогда он не был самодовлеющим, не поглощал в себе всю систему власти и управления. Выполняя и бюрократические функции (но не только), он воспринимался как чисто бюрократический аппарат, хотя не сводился к последнему. И возник он не из потребности управлять людьми через бумаги, — во времена Ивана Грозного их не так уж много было. Он лишь со временем расширился в этом направлении. Октябрьская революция расчистила дорогу этому аппарату власти и управления, создала для него идеальную почву, позволила стать ему монопольным властителем общества. Ошибочно рассуждать, будто коммунизм породил бюрократию. Бюрократия, повторяю, неизбежна во всяком сложном обществе. Во всяком обществе (в дореволюционной России в том числе) она несет в себе элементы и зародыши коммунистических социальных отношений. Не одна она их несет. Я могу здесь назвать еще всякого рода мафии, союзы, партии, профессиональные касты, армию, управленческие организации, конторы. Апологеты коммунизма считают, что коммунистические социальные отношения не вызревают в старом обществе, что они появляются лишь после социалистической революции. Конечно, если иметь в виду те сказочно райские отношения между людьми, какие сулит пропаганда в будущем коммунизме, они не складываются в буржуазном обществе. Но таковые не складываются и после социалистической революции. Реальные же коммунистические отношения, увы, имели и имеют место в обществах самого различного типа. Они имеют место и в странах Запада, причем в угрожающих масштабах. В определенных условиях они становятся господствующими и порождают особый тип общества. Среди этих условий, в первую очередь, следует назвать ликвидацию частной собственности на средства производства и частной инициативы вообще. В чем заключаются реальные коммунистические отношения? Возьмите любую элементарную клеточку общества, обладающую существенными свойствами целого, т.е. любое среднетипичное предприятие или учреждение Советского Союза, и вы сами заметите их невооруженным глазом. Это — отношения начальствования и подчинения, соподчинения, иерархия людей и групп людей в первичных коллективах, иерархия коллективов, система служебных привилегий, распределение в соответствии с социальным положением людей и т.д. В моих книгах я описал их подробнейшим образом. В рамках этих отношений оживает и расцветает и бюрократический аппарат. Коммунизм не изобрел тюрьмы, государственный аппарат, армию и многое другое. Не он изобрел и бюрократию. Коммунизм лишь ставит себе на службу все эти изобретения человечества и придает им вид, соответствующий новому типу общества. Приведу простой пример, чтобы проиллюстрировать фактическое положение бюрократии в советском обществе. Гражданин «А» имеет комнатушку в коммунальной квартире, где он прописан с дочерью. Его жена прописана в аналогичной комнатушке у престарелой матери. Они, естественно, хотят объединить свои комнатушки (как говорят в Советском Союзе —

хотят съехаться), чтобы жить вместе. Сделать частным порядком, через бюро обмена это никак не удастся, так как одна из комнаток находится в очень старом доме. Этот дом должны были сломать еще десять лет назад, но всегда находились серьезные причины, мешавшие этому. В последний раз такой причиной оказалась подготовка к Олимпийским играм в Москве, из-за которых свернули жилищное строительство. Гражданин «А» десятки раз обращался во всякого рода государственные и партийные (он — старый член партии) инстанции с просьбой помочь. Больше пятнадцати лет тянулась эта история. Сотни заявлений, справок, писем, резолюций и т.п. И безрезультатно. Кажется, это — типичный пример бюрократической волокиты. Однако это на самом деле пример кажущегося бюрократизма. Здесь бюрократизм выступает как маскировка и средство более глубоких отношений, а именно — коммунистических. Если бы гражданин «А» принадлежал к привилегированному слою, имел бы связи в органах власти, был бы холуем начальства у себя на работе или партийным активистом, смог бы дать взятку, он решил бы свою примитивную проблемку в течение месяца. Поскольку он ничем подобным не обладал, против него использовали (в числе прочего) установку высшего руководства не улучшать жилищные условия тем семьям, в которых приходится более пяти квадратных метров на одного человека.

Еще более интересный вид принимают жизненные проблемы на более высоком уровне, когда речь идет о внедрении в производство новых научных открытий и технических изобретений, введения новых форм организации труда и оплаты. Даже в военной сфере, где, казалось бы, все должно совершаться идеально гладко, поскольку Советский Союз есть по преимуществу государство милитаризованное, происходит нечто такое, что обычно по старинке называют бюрократической волокитой, но что на самом деле является волокитой специфически коммунистической организации общества. Я настойчиво подчеркиваю это с целью обратить внимание на следующее принципиально важное обстоятельство. Реальный коммунизм вырастает не из застенков карательных органов, не из преступных тайных партийных решений, не из концентрационных лагерей. Он вырастает из очень простых, привычных, широко распространенных явлений нашей жизни, порождая в определенных благоприятных условиях застенки карательных органов, преступные замыслы вождей, концентрационные лагеря и все прочие ужасы, хорошо знакомые всем. Массы людей обычно не отдают себе отчета в последствиях своих действий для судеб общества. Это — бессознательная стихия. Цивилизация в борьбе с природной стихией проявилась в изобретении защитных средств. Такой она была и в борьбе с социальной стихией, каким является нашествие на мир коммунистической эпидемии. И, между прочим, хорошо налаженный бюрократический аппарат мог бы сыграть роль одного из средств защиты против нее. В Советском Союзе бюрократия есть не только зло, но и защитное средство. Рядовой советский человек довольно часто хорошо ориентируется в бюрократической системе и научается, как там выражаются, «качать свои права», т.е. использовать именно бюрократизм в своих интересах.

Мюнхен, 1979

О Сталине и сталинизме

Оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, — эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человечек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Своими пальцами оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор еще владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева и достиг

апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о черном провале в ходе истории, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их. Время эмоций на эту тему прошло. Настало время не только обличать злодейство, но и подумать о его исторической сущности и истоках. Выросло это злодейство из темных душ кучки злоумышленников как некое отступление от благопристойных норм человеческой истории, или оно явило человечеству поучительный пример того, что на самом деле с необходимостью получается, когда самые светлые идеалы и мечты человечества воплощаются в жизнь, — вот в чем вопрос.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Еще в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключен из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущевского доклада моим тайным призыванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своем роде. В хрущевские годы дело критики сталинизма взяли в свои руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл. И я обрел способность отнестись к нему спокойно, т.е. не с ненавистью, а с презрением.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 г.) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, западный читатель не поверил бы. И все-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие — это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь — это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. И иногда сами они глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин, был народным вождем, ибо у Ленина тех гнусных качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождем.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шел. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у ее детей (одиннадцать душ!)? Стать крестьянами, в лучшем случае — мастерами. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой — директором завода, третий — полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения «плохо» и «хорошо». Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т.д. и т.п. Не играет роли проблема, могло бы или нет произойти нечто подобное в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во

время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И действительно во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и иллюзии играли тут роль. Но иллюзии не на счет марксистских сказок (в них верили мало), а насчет очень простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Для меня и многих моих сверстников отдельная койка с чистыми простынями и трехразовое, регулярное питание казались пределом мечтаний. Хотя многие из нас не верили в марксистские сказки и понимали суть реального коммунизма, но и у нас были надежды на эту отдельную койку и сытный обед. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности надо учитывать не только ее субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьезная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был. Не забывайте, что в самих массовых репрессиях сталинских времен, в которых пострадали миллионы простых людей, принимали активное участие миллионы других простых людей, причем, одни и те же люди часто играли роль палачей и жертв. Эти репрессии тоже были проявлением самодеятельности широких масс населения. И теперь трудно выяснить, чья доля в них больше — доля высших злоумышленников во главе со Сталиным или доля этих широких якобы обманутых масс населения. Жертвы сталинизма — это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, а именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей. Жертвы были адекватны породившей их эпохе. Ужас эпохи становления коммунизма состоит не столько в факте жертв, сколько в том, что получает преимущества, отбирается и выживает тип человека, готового пойти на жертвы и сделать своими жертвами других людей. Сталин был ярчайшим выразителем этой психологической революции. Мне кажется, что сталинские репрессии принесли Сталину больше божественного почитания, чем его неуклонная политика ежегодного копеечного снижения цен на продукты питания.

Сталин был преемником Ленина, а сталинизм — преемником ленинизма. Есть различные мнения об их взаимоотношениях. Одни говорят, что Сталин был верным учеником и продолжателем дела Ленина. Другие говорят, что Сталин был изменой делу Ленина. Думаю, что те и другие по-своему правы. Но тут есть иной разрез понимания, который более существен для оценки Сталина и сталинизма. Я различаю две струи в том потоке жизни, который пронесся в Советском Союзе в результате революции, а именно — струю конкретно-историческую и струю общесоциологическую. В первой из них люди влезали на броневики, размахивали маузерами, захватывали телефонные станции, ставили к стенке, носились с шашкой наголо и с криками «ура»... Это было на виду. В другой струе в это время тихо и незаметно зрело новое дитя — будущее коммунистическое общество. Оно зрело самым прозаическим образом: создавались бесчисленные конторы и должности, рос и дифференцировался аппарат власти, запуская свои щупальца во все клеточки общества, присваивались чины, распределялись жизненные блага... Когда лавина драматической истории унеслась в прошлое, и поднятая ею пыль осела, стало ясно, ради чего на самом деле произносились речи, сверкали клинки, гремели крики «ура». Реальное новое общество с его дотошной системой власти и управления уже родилось и выдвинуло на арену истории своих подлинных деятелей. Так вот Ленин и его гвардия представляли первую струю процесса, а Сталин со своими сообщниками — вторую. Почему-то говоря о Ленине, считают уместным слово «гвардия», а, говоря о Сталине, употребляют слово «сообщники». С именем Ленина связан лишь предреволюционный период истории партии и период физического выживания страны с младенцем нового общества во чреве. С именем Сталина связано становление нового общества, превращение слабого зародыша в могучее зрелое существо. Могучее, подчеркиваю, не обязательно хорошее. Крокодил, как известно, силен, но приятности в нем мало, если не считать того, что его шкура годится на дамские сумочки. Ленин есть предыстория реального коммунизма. Реальная же, собственная история

коммунизма начинается со Сталина. Именно этим, а не отрицательными личными качествами, объясняется победа Сталина и его сообщников (не гвардии, конечно) над Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими болтунами из ленинской гвардии (само собой разумеется). Дело тут не в уме одних (Сталин, говорят, был куда глупее Троцкого) и в глупости других (Троцкий, говорят, был куда умнее Сталина). Дело в стечении обстоятельств. Дело в том, какие социальные силы выходили на арену истории и захватывали инициативу в миллионах клеточек жизни гигантского общества. Сталинизм, а не ленинизм есть наиболее полное проявление сути коммунизма. Ленинизм есть лишь подготовка к сталинизму, есть лишь зародыш его, а еще точнее — лишь место, в котором зрел зародыш. И его постигла участь, какую он и заслужил исторически. Между прочим, мне недавно довелось перечитать некоторые сочинения упомянутых выше противников Сталина. Я не заметил абсолютно никаких интеллектуальных преимуществ их перед Сталиным. Я не хочу этим сказать, что Сталин был умен. Я хочу этим сказать лишь то, что его противники не были умнее его.

Раз уж речь зашла об уме, самое время сказать несколько слов о Сталине как теоретике. Общеизвестно, что Сталин, якобы, вульгаризировал марксизм. Но поставьте такой вопрос: что нового внесли советские философы в марксизм после смерти Сталина, если отбросить их безудержное словоблудие и всяческие пустячки? Попробуйте беспристрастно ответить на этот вопрос, и у вас, может быть, зародится сомнение в уместности тут слова «вульгаризация». Конечно, тут имела место какая-то вульгаризация отдельных мыслей основоположников марксизма. Но только ли это? И вульгаризация ли это на самом деле? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники представляют собою вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать? Я не знаю, был ли Сталин сам автором приписываемых ему сочинений. Но одно я знаю определенно: сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора текстов марксизма. Из последних для нужд великой идеологической революции, происходившей в стране, просто нельзя было выжать больше. А в качестве идеологических текстов, рассчитанных на миллионные массы населения с очень низким культурным уровнем, сталинские сочинения были наилучшими из всего того, что было написано в марксизме. Приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» на самом деле явилась вершиной марксизма как идеологии, фактически до сих пор в Советском Союзе в основе всей идеологической работы, так или иначе, лежат результаты идеологической революции, осуществленной, по крайней мере, именем Сталина. Если хотите постичь самое глубинное содержание марксистского учения, прочитайте сочинения Сталина. Это нелепая иллюзия, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами, будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными проявлениями его в качестве государственной идеологии коммунистического общества. Конечно, в сочинениях основателей марксизма есть кое-что, что может быть истолковано как Явление высокой духовной культуры. Но это «кое-что» не есть специфический продукт марксизма. Это заимствовано у предшественников и современников, главным образом — в форме их погромов. Кстати сказать, погромы своим противникам, которые учиняли Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях, послужили своеобразной подготовкой для сталинских погромов в реальном коммунистическом обществе, победившем под идеологическим знаменем марксизма. Сталин был самым подлинным и верным марксистом. Когда ему отводят роль дьявола в сонме ангелов марксизма, то, тем самым, не очищают некий светлый марксизм от черных пятен сталинизма, а лишь стремятся спрятать подлинную суть марксизма, с поразительной полнотой и ясностью раскрытую Сталиным и его соратниками.

В сталинский период сложились все органы тела коммунизма и четко определились их функции, были выработаны все ритуалы и образцы поведения. После смерти Сталина

произошли, конечно, некоторые изменения. Хрущев, например, ударился в несвойственную Сталину, ужасающую болтливость и начал мотаться по белу свету. Но образ Сталина все равно довлел над его сознанием. Брежнев претендует на роль второго Ильича. По болтливости и по склонности к путешествиям он превзошел Хрущева, хотя по ораторским данным ему более подошел бы сталинский вариант. Но не требуется быть специалистом по психоанализу, чтобы заметить, что образ Сталина смолоду овладел душой Брежнева. Конечно, Хрущев пошел на разоблачение ужасов сталинизма, а Брежнев не отваживается на массовые репрессии даже против диссидентов, неслыханных в сталинские времена. Но есть ли это их личные качества? Антисталинистские настроения появились в стране и в партии задолго до хрущевского доклада. Последний в большей мере был итогом предшествующей истории, чем началом новой. Он был вехой в новой истории, а не движущей причиной. Движущие причины остались скрытыми. О них не хотят говорить даже диссиденты. Брежневский же «либерализм» также не есть личная его черта. Это — прочное завоевание господствующих слоев советского общества, которые лишь после смерти Сталина (т.е. с окончанием сталинского периода) почувствовали себя в безопасности.

В Советском Союзе официально считается, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что теперь с этим покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. «Ничего подобного!», — вещают эти голоса. — «Упомянутые нормы и теперь нарушаются!». Эти голоса считают, что если в стране плохо, так значит, нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и ее критика в данном случае лишены смысла. В настоящее время в стране плохо не вследствие нарушения норм партийно-государственной жизни, а вследствие их строжайшего соблюдения. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что собой представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело обстояло не так, будто уже были некие нормы, когда пришел Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришел Сталин, никаких таких норм еще не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего еще не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы ставшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сейчас многие боятся поворота страны к сталинизму и связывают это с предстоящей реабилитацией Сталина. Страхи напрасны. Если реабилитация и произойдет, она будет половинчатой. Современные вожди коммунизма, как говорится, сами с усами, сами не прочь попасть в гении всех времен и народов. И им совсем ни к чему воскрешать конкурентов из страшного прошлого. А широкие массы населения сейчас уже лишены той власти над ближними, какую они обладали в сталинские времена. Эпоха буйного народовластия, к счастью, кончилась. А без самостоятельности массы населения никакой сталинизм невозможен. Я не хочу этим сказать, что в Советском Союзе не будет происходить ухудшение жизни. Наоборот, такое ухудшение очень даже возможно. Но не всякое ухудшение есть возврат назад. Оно возможно и на пути неудержимого движения советского общества вперед к светлым идеалам коммунизма. Та мразь, в которую устремляется советский народ, будет новым творческим вкладом в славную историю коммунизма.

В характеристику личности входит всё, так или иначе связанное с нею. Слухи, сплетни, легенды. Даже анекдоты. Обратите внимание на такой факт: о Ленине сложилась целая серия анекдотов, в которой Ленин выглядит комически. Анекдотов о Сталине было много. Но в них он никогда не выглядит смешным. Сталин — фигура, для насмешек почему-то неподходящая. Хрущев комичен. Брежнев комичен. А Сталин — нет. Вроде бы и бояться его теперь нечего: смейся, сколько хочешь! А не получается. Ходит слух, будто Сталина убили. Я в этот слух не верю. Скорее всего, Сталин умер, а его соратники просто боялись войти к нему мертвому. Они были жалкими трусливыми ничтожествами и негодьями. А сам он был среди них негодяем и ничтожеством выдающимся. Но он стремился построить коммунистический

рай на земле и сделать всех людей подходящими для этого. А если из его замыслов выросла ужасающе-мрачная мерзость, так это — шуточки неподконтрольной истории, а не продукт преднамеренного умысла негодяя. Негодяйство вполне уживается со светлыми идеалами. Если последние хорошо оплачиваются, они даже светлее становятся. Сталин и его приспешники были негодяями, но негодяйство их особого рода: оно есть социальное негодяйство. Оно прет само изо всех пор советского общества. Оно производится самим нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. Короче говоря, Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему свое имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодежь еще будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами. Но нынешние руководители страны и господствующие классы вряд ли допустят появление нового Сталина — новую угрозу их благополучию и безопасности.

Мюнхен, 1979

О яичной скорлупе и обреченности Запада

Мы — это советские люди, а Запад — это то место, куда нас выбрасывают время от времени, чтобы оздоровить обстановку у нас дома.

Запад, как известно, обречен. Эту идею обреченности Запада изобрели не у нас, а на самом Западе. Изобрели давно. И уверовали в нее до такой степени, что без нее уже и жить не могут. Тут своей обреченностью даже гордятся, подобно тому, как мы, советские люди, гордимся свинскими условиями своего существования. Сходство, в самом деле, поразительное. Соберутся, к примеру, советские люди в грязной и вонючей забегаловке или в тесной квартирке, напьются тошнотворной водки, закусят какой-нибудь невообразимой для западного человека ерундой, посмотрят друг на друга с полным взаимопониманием и скажут с таким подленьким смешком: «А и живем же мы, братцы, хуже свиней!». И гордое самодовольство своим свинством засветится в их глазах. То же самое здесь, на Западе. Соберутся западные обыватели в ресторане или на квартире, какие советскому обывателю даже во сне не снятся, наедятся такой еды и напьются таких вин, о существовании которых советский человек даже не подозревает, посмотрят друг на друга с полным взаимопониманием и скажут с такой снисходительной усмешкой: «Что поделаешь, господа, Запад обречен!». И гордое самодовольство своей обреченностью засветится в их глазах.

Лично у меня вера в обреченность Запада зародилась совершенно независимо от подобных умонастроений на Западе. Зародилась еще, когда я жил в Советском Союзе. И вот при таких обстоятельствах. Наш знакомый, незадолго до этого побывавший на Западе, показал нам какую-то хитроумную штуковину, привезенную оттуда, и спросил, что это такое. Мы долго ломали голову, высказывали всяческие предположения, но догадаться не смогли. «Это — приспособление для прокалывания яичной скорлупы!» — с ликующим торжеством в голосе заявил наш знакомый. Услышав это, мы впали в состояние, в какое, надо полагать, впали бы наши деды, услышав о существовании туалетной бумаги. Мы окаменели от изумления. «Вот, сволочи, до чего додумались!» — прошептал кто-то из присутствовавших. «Если общество, — подумал я, — начинает тратить интеллект и материальные средства на специальные штуковины для прокалывания яичной скорлупы вместо того, чтобы употребить их на танки, самолеты и ракеты, оно обречено». Нашлись, в нашей компании и оптимисты, которые истолковали этот феномен «прокалывания яичной скорлупы» как признак катастрофического для Советского Союза отставания от Запада, — в среде советской интеллигенции

возродилась старая российская интеллигентская традиция наслаждаться отсталостью своей собственной страны.

Оказавшись на Западе, я на каждом шагу стал сталкиваться с этим феноменом «прокалывания яичной скорлупы». Я не переставал удивляться ему, все более, укрепляясь в мысли насчет обреченности Запада. И вот наступил критический момент. Я собрался идти за новогодней елкой. «Надеюсь, — сказал я жене, — в этом деле тут никаких штук они не изобрели. Если и тут они что-то придумали, ставлю на Западе крест». Подойдя к елочному базару, я увидел прекрасные елки, какие в Москве видел только на картинках, и... блестящую штукину (!), похожую на аэродинамическую трубу или на турбореактивный двигатель. «Что это такое?» — полюбопытствовал я с надеждой на то, что зародившаяся во мне тревога напрасна. «Это, — пояснили мне, — есть приспособление для упаковки елок». Я взял первую подвернувшуюся елку. Мне предложили воспользоваться упаковочным приспособлением, но я отказался. Мне стало очень грустно. «Знаешь, Запад не для советского человека, — сказал я жене и протянул ей квитанцию за елку. — На, спрячь это!». «Зачем?» — удивилась жена. «А кто ее знает, — сказал я. — Может быть пригодится. Может, потом сможем убедить налогового инспектора в том, что это была трата, связанная с моей профессиональной деятельностью ».

Запад поражает советского человека не только «феноменом яичной скорлупы», но и феноменом необычайной наивности в отношении Советского Союза и советского человека. Вспоминается мне одна из многочисленных встреч с читателями. Собравшиеся все были люди образованные. Были студенты, аспиранты, инженеры, профессора. «Как советский человек...», — начал я отвечать на один из вопросов. «Как бывший советский человек», — поправил меня один из присутствовавших. «Бывших советских людей не бывает, — сказал я. — Советский человек остается таковым, если даже он добровольно эмигрирует, насильно изгоняется из страны, занимается антисоветской деятельностью». «Это — риторический парадокс», — сказал мой собеседник. «Ах, если бы это было так, — вздохнул я. — То, что западным людям кажется чисто вербальными парадоксами, для нас, советских людей, с детства постигающих азы марксизма, является привычным образом мышления».

Один из моих читателей (между прочим, профессор) сказал в ту встречу следующее. «В основном, — резюмировал он, — я согласен с Вашей критикой советского общества. Но многое Вы преувеличили.

Например, то, что Вы написали об очередях, явно есть литературный гротеск. Здорово Вы это придумали, ха-ха-ха! Но это же все неправда! Зачем же человек будет стоять в очереди час или два, если можно придти через этот час или два и без очереди взять то, что нужно. Логично?» Присутствовавшие во время беседы мои бывшие соотечественники смеялись до слез. Другой читатель тогда сказал по поводу возможного прихода советских войск в Западную Европу следующее. «Советские люди обмануты пропагандой и не имеют правильного представления о жизни на Западе. Пусть советские солдаты приходят к нам. Они увидят, какой тут высокий уровень жизни, и какие свободы есть для всех людей, поймут, что их обманывали, вернутся домой и перестроят свою жизнь по западным образцам». Кое-кто из присутствовавших аплодировал этому заявлению. Тут уж было не до смеха. Мои бывшие соотечественники крутили пальцем у виска и мрачно помалкивали. А что я мог на это ответить? Что советские люди имеют представление о жизни на Западе? Что они даже несколько идеализируют Запад? Что они, несмотря на это, не сменяют свой образ жизни на западный? Что, если они и придут сюда, то только для того, чтобы навязать Западу свой образ жизни, заставить и людей на Западе жить так же по-свински, как живут они сами? Что орды Чингисхана в свое время пришли в Европу вовсе не для того, чтобы научиться уму-разуму, а для того, чтобы навязать свое иго европейским народам? Но западного человека такими аргументами не проймешь. И я стал склоняться к тому, что эта непробиваемость есть скорее результат феномена толстого бифштекса, а не наивности. Что это такое? Если советский человек ест тухлую картошку, а западный кушает толстый

бифштекс из свежего мяса, то и чувствует он себя по отношению к советскому человеку как существо более высокого уровня во всех отношениях. Способность же советских людей довольствоваться нищенским уровнем жизни он воспринимает как признак некоей отсталости и недоразвитости.

А жить советскому человеку на Западе действительно трудно по многим причинам. Назову две из них для примера. Первый пример касается бумажно-правового аспекта жизни. В Советском Союзе я жил, с этой точки зрения, почти что беззаботно. На работе где-то трудовая книжка, которую я фактически увидел лишь после увольнения. Дома — паспорт. И всё. На Западе же я за один год оброс огромным количеством бумаг, которые надо хранить, на которые надо реагировать. С моей ненавистью к всякого рода формальностям это довольно мучительно. А здесь без этого нельзя, ибо западное общество правовое. И привыкать к этому надо с детства. Однажды я получил толстый пакет с официальными бумагами. Начал читать — ничего не понимаю. Вооружился словарями — не помогает. Оказывается, помимо литературного языка здесь существует служебный, который сами местные жители понимают с трудом или совсем не понимают, — им это можно, ибо они практически приучены делать всё правильно и без чтения бумаг. Обратился я к знакомым из местных жителей и с их помощью понял одно: мне нужно за что-то уплатить некоторую сумму денег. Уплатил. И написал им, что я лучше буду платить вдвойне, только чтобы они не присылали таких длинных бумаг. После этого я стал каждую неделю получать пакеты бумаг, утолщающиеся с каждым разом. Читать я их не читаю. Складываю в мешок (выбрасывать боюсь, вдруг понадобятся!). И действую по советскому принципу: если Им что-то от меня нужно, сами придут. А вообще — авось обойдется!

Другой пример касается проблемы выбора. Тут приходится постоянно выбирать из многого и проявлять активность, к чему советский человек непривычен. С этим связан целый комплекс переживаний, которые весьма болезненны, в особенности — чувство ответственности и раскаяния. Зашел я, например, в магазин. Увидел очень понравившуюся мне рубашку. И тут же купил ее. Как советский человек я привык хватать удачно подвернувшуюся вещь, боясь, что такой случай может больше не представиться. Купил рубашку, иду домой, радуюсь удачной покупке. Через сто метров вижу в витрине другого магазина такую же рубашку, но немного дешевле. Настроение несколько упало. Через пару дней я увидел такую же рубашку в два раза дешевле. И выругался по сему поводу. А через пару недель на распродаже, какие тут обычное дело, я увидел те же рубашки по цене чуть ли не в десять раз меньше, чем я заплатил. Теперь я эту рубашку видеть не могу. И висит она в шкафу как символ моей непригодности к западной жизни.

А в рестораны я панически боюсь заходить. Зайдешь — тебе подают меню с сотнями названий, которые я ранее слыхом не слыхал. Однажды я был голоден и решил съесть что-либо поосновательнее. Выбрал что-то подороже, разумеется. А мне принесли какую-то несъедобную муть размером с ноготь. Да еще расхваливали вовсю, вроде бы на этот раз у них очень удачно эта муть получилась. В другой раз захотел слегка перекусить. Заказал что-то подешевле. И принесли мне всякой всячины такого размера, что хватило бы, по крайней мере, на трех советских солдат. С тех пор я освоил одно лишь блюдо — венский шницель. И питаюсь им в ресторанах Парижа, Женевы, Стокгольма, Лондона и других городов. И с завистью смотрю на западных людей, которые знают, что выбрать, а главное — знают, что именно они едят.

И вообще, положение человека в жизни, и общая ситуация в стране на Западе в гораздо большей мере зависят от активности отдельных людей, чем в Советском Союзе. Советский человек самим строем жизни освобожден от массы забот и ответственности, какими наполнена жизнь западного человека. И с этой точки зрения жизнь в Советском Союзе много легче. Правда, за это советские люди платят большую цену, а именно — обрекаются жить на нищенском (сравнительно с Западом) уровне и лишаются многих степеней свободы. Честно признаюсь, и у меня иногда мелькает мысль о том, что и я согласился бы жить чуточку похуже

в бытовом смысле и в смысле свобод, но чтобы чуточку беззаботнее. Так что, я понимаю психологическую тягу многих людей на Западе к социалистическому образу жизни, несмотря на всяческие разоблачения его недостатков. Они питают надежды на то, что смогут обмануть законы природы, а именно — смогут жить беззаботно, как советские люди, но на бытовом уровне Запада и с сохранением западных свобод. Но свободами они, пожалуй, готовы поступиться. Однажды я ехал из Италии через Австрию в Германию. Разговаривал с соседом по купе об этом удивительном для советского человека факте — свободном путешествии по разным странам. Сосед был французский коммунист. Обратите внимание, сколько тут фигурирует стран! Сосед уверял меня, что коммунизм в Западной Европе будет совсем не такой, как в Советском Союзе. И из Парижа в Лондон тут люди будут ездить так же свободно, как в Советском Союзе из Тамбова в Рязань. Я сказал, что, возможно, так оно и будет. Но при этом Париж и Лондон будут низведены до статуса Тамбова и Рязани, и поездки из одного в другой потеряют смысл. Мой собеседник сказал на это: не велика потеря! Я неоднократно имел возможность убедиться в том, что всякого рода свободы на Западе не есть необходимый элемент их бытового благополучия. Недавно в Швейцарии один мой читатель жаловался на то, что у западных людей ослабло чувство ответственности за ценности западной цивилизации. В качестве примера он сослался на то, что очень крупный чин в обороне Швейцарии стал советским шпионом исключительно из-за личной обиды (его в свое время обошли чином или должностью). Я еще со школьных лет знал о доминировании частных интересов в странах Запада. Но то, что это примет форму потери чувства ответственности у западных людей за ценности и судьбы самой западной цивилизации, я ощутил, только оказавшись здесь. И вижу в этом главную слабость Запада в его противостоянии советскому блоку и коммунизму вообще. Среди многих десятков разговоров на эту тему у меня не было ни одного такого, чтобы мои западные собеседники говорили о том, как они будут бороться против нашествия с Востока, какие меры считают необходимыми для сопротивления. Все они говорили лишь об одном — о шансах для Запада уцелеть или хоть что-то сохранить от своих ценностей. Лишь советские эмигранты выражают тревогу, да и то не столько за западную цивилизацию, сколько за самих себя: куда эмигрировать, если... Но об этом «если» лучше не думать. Кое-кто, шутя, говорит, что тогда придется эмигрировать в Советский Союз.

Хочу еще сказать несколько слов об общении с людьми и о времяпровождении. Советские эмигранты обычно жалуются, что на Западе все и все время чем-то заняты, так что не с кем поболтать по душам. Это, конечно, верно. Подавляющее большинство людей на Западе, включая капиталистов, проституток, гангстеров и чиновников, зарабатывают хлеб насущный и более высокий жизненный уровень тяжким трудом. Тут все заняты делом. Тут всё расписано по часам, в том числе — отдых, развлечения и встречи с друзьями. Здесь такое привычное советскому человеку времяпровождение, когда люди встречаются просто так и часами, без спешки говорят о том, о сем, есть роскошь. Это еще можно увидеть в среде студенческой молодежи или в провинции. Поэтому многие мои читатели здесь воспринимают описание бесчисленных и бесконечных бесед моих персонажей не как реальный образ жизни, а как литературный прием высказать теоретические идеи. Западным людям просто некогда обдумывать социальные проблемы всесторонне, обсуждать их с другими людьми без особой спешки и предвзятости. Отсюда — много необдуманного в их социальном поведении, много предрассудков, предвзятости, склонности к кратковременным увлечениям. Советским людям хватает времени обо всем подумать, всё обговорить, всё, не спеша, обсудить с коллегами, соседями, знакомыми. Но это не имеет никаких практических последствий, почти совсем не отражается на положении и поведении людей. Такое времяпровождение имеет цель в себе самом и имеет результатом самое себя. Оно здесь есть образ жизни. Потому тоска советских эмигрантов по возможности с кем-то бескорыстно побродить и поболтать есть тоска по этому важнейшему элементу советского образа жизни — по коллективному мышлению и сопереживанию.

На Западе чуть ли не каждый советский человек воспринимается как жертва советского

режима, подобно тому, как раньше жители Запада воспринимались в Советском Союзе как жертвы капитала. И меня организаторы моих встреч с читателями и авторы статей по моему поводу настойчиво представляют как жертву коммунизма. Я категорически возражаю против этого. Это вызывает удивление. Быть жертвой советского режима — это так удобно здесь, на Западе. А тут человек сам отказывается от такого преимущества. С точки зрения западных людей, это очень непрактично. Я мог бы моим недоумевающим слушателям сказать, что именно моя непрактичность была самым сильным моим защитным средством в советском обществе. Но я по их лицам вижу, что это может внести еще большую сумятицу в их сознание. И я говорю им такие простые, как мне кажется, слова. Я не есть жертва советского режима. Скорее наоборот: этот режим сам есть моя жертва, ему от меня досталось больше, чем мне от него. К тому же не будь этого режима, я не смог бы написать свои книги и благодаря этому избавиться от него. Мои слушатели безуспешно селятся понять смысл последнего парадокса. А я, глядя на их оторопевшие лица, ощущаю преимущество диалектически мыслящего советского человека перед метафизически мыслящим человеком Запада. Для нас, советских людей, никаких проблем вообще нет, ибо мы находим решения наших проблем задолго до того, как сами осознаем их. Этот своеобразный упреждающий элемент нашего способа мышления несколько портит нашу жизнь здесь на Западе. В частности, мы с тоской думаем о том, что всё это западное изобилие и благополучие немедленно исчезнут после того, как советизм (если не сами советские люди) завоюет Запад. А Запад делает всё для того, чтобы советизм не смог его не завоевать. И опять-таки, поди, растолкуй западным обывателям, почему мы, советские люди, в глубине души не хотим, чтобы и на Западе установился такой же строй жизни, как у нас...

В одной западной стране, в которой до сих пор сохранилась королевская власть, произошел такой кошмарный случай. Невдалеке от королевского дворца есть озеро, в котором живут королевские утки. Утки в течение веков жили в полной уверенности в своей безопасности и проявляли величайшее доверие к гражданам, принимая пищу прямо из их рук. Но вот в королевстве появились эмигранты из некоей коммунистической страны, и поголовье уток стало стремительно сокращаться. Выяснилось, что эти эмигранты подманивали доверчивых птиц и затем употребляли их в пищу, экономя тем самым свои скромные денежные средства на более важные нужды. Узнав об этом, граждане королевства (строющего, кстати сказать, свой социализм!) пришли в ужас от такого вандализма. А нам, когда мы слушали эту историю, стало очень смешно. Один из нас нашел в кармане хлебные крошки, сохранившиеся еще с Москвы, подмигнул рассказчику и предложил свернуть шею парочке аппетитных птичек, с вождельением глядевших на московские хлебные крошки на ладони моего соотечественника. «Да, — вздохнул наш западный собеседник, — непостижимые вы для нас существа, советские люди!»

Мюнхен, 1979

Советский образ жизни

Я не претендую на то, чтобы дать здесь полное и систематичное описание советского образа жизни. Я не хочу заниматься здесь ни разоблачением язв этого образа жизни, ни защитой его добродетелей. Я хочу лишь сориентировать внимание читателя в том направлении, которое, как мне кажется, более соответствует здравому смыслу в понимании важнейшей тенденции современности — тенденции к коммунистическому типу общественной жизни.

Проблема. Проблема советского образа жизни не есть нечто такое, что представляет интерес лишь для любителей экзотики или для представителей отвлеченной науки. Это — проблема особая. Почему? Да потому, что Советский Союз осуществил великий поворот в истории

человечества — осуществил великий коммунистический эксперимент, стал образцом для подражания многим другим народам и угрожает помочь всему человечеству установить или навязать силой изобретенный им строй жизни. Пора подвести итоги этому эксперименту и извлечь из него какие-то уроки.

Коммунистический социальный строй мыслился как преодоление всех язв обществ прошлого, как царство разенства, справедливости и изобилия, короче говоря — как воплощение всех мыслимых добродетелей и как преодоление всех мыслимых зол. А что получилось на деле? Устраняет ли это общество социальное неравенство или лишь меняет его формы? Устраняет ли оно эксплуатацию одними людьми других или изобретает свои особые формы ее? Порождает оно обещанное изобилие или, наоборот, дефицит всего необходимого? Порождает оно изобилие для всех или только для избранных? Является ли оно обещанным царством свободы или изобретает свои формы насилия и приумножает последнее? Что несет с собою это общество для народов Запада — прогресс или деградацию? Насколько предлагаемое им решение проблем Запада лучше жизни с нерешенными проблемами, т.е. стоит ли игра свеч? Каковы источники зол советского образа жизни и можно ли их избежать, сохранив его добродетели? Имеет ли Запад шансы избежать той же участи? Нет надобности, я думаю, продолжать список вопросов, — они теперь на устах многих людей на Западе.

Такой подход к проблеме позволяет рассматривать советский образ жизни как целое, не раздробляя его на мелкие детали в бесплодных сравнениях с прошлым страны и с жизнью людей в других странах. Не составляет труда заметить, например, что мусульманские народы в Советском Союзе живут лучше, чем за границей, что культурный уровень населения советской России неизмеримо выше, чем России дореволюционной, и многие другие как положительные (с какой-то точки зрения), так и отрицательные сравнительные факты. Но при таких сравнениях ничего не остается от того, что характеризует советский образ жизни специфически. Лишь в сопоставлении с обещаниями идеологического коммунизма и с фундаментальными законами реального коммунизма отдельные факты советского образа жизни становятся деталями его единой картины.

Факты и их понимание. Проблема советского образа жизни не есть проблема описания ранее неизвестных и труднодостижимых для наблюдения фактов. Это — проблема понимания того, что более или менее широко известно, что сравнительно легко доступно для наблюдения, угадывается или высчитывается при наличии очевидных данных. Здесь всё самое существенное находится вроде бы на виду, а то, что скрыто от наблюдения, качественно не изменило бы общую картину страны, будучи предано гласности. Короче говоря, проблема эта — социологическая.

Трудность понимания советского образа жизни состоит, как это ни странно на первый взгляд, в изобилии фактов всякого рода и в их кажущейся очевидности и бесспорности. Тут можно наблюдать факты, удовлетворяющие любой предвзятой концепции. Тут одним и тем же фактам можно подобрать взаимоисключающие истолкования, кажущиеся одинаково убедительными или одинаково неубедительными. Можно даже изобрести методы измерения и подсчета, которые придадут видимость научности этим предвзятым концепциям. Где же, спрашивается, лежит истина? Отнюдь не в соединении противоположных фактов и не в отыскании некоей «справедливой» середины, — таковой вообще не существует в действительности. Чтобы постичь истину, мало видеть факты как таковые. Нужен еще определенный метод понимания этих фактов, нужен определенный «разворот мозгов», нужны определенные критерии отбора, оценки и сопоставления фактов. При всем изобилии сведений о советском образе жизни и доступности всего необходимого для наблюдателей основные черты этого образа жизни не увидишь просто так, т.е. в таком виде, чтобы их можно было сфотографировать. Они остаются тайной за семью печатями без упомянутого выше «разворота мозгов». Самым надежным хранителем тайн советского образа жизни являются не органы государственной безопасности Советского Союза, не цензура, не милиция, не пограничная служба, а отсутствие нужного способа понимания, нужного «разворота мозгов» в

головах людей. По этой причине (да простит мне читатель!), рассказывая о советской жизни, я одновременно описываю тот «разворот мозгов», благодаря которому на нее открывается определенный вид. Картина советской действительности зависит не только от нее самой, но и от того, как вы ее разглядываете.

Старое и новое. Коммунистическое общество в Советском Союзе выросло, естественно, из того материала, какой поставила для этого дореволюционная Россия. И теперь многое в советской жизни выглядит как продолжение старых российских традиций, инерция и пережитки прошлого. Например, Россия испокон веков была бюрократическим государством, а революция лишь расчистила дорогу этой старой тенденции, многократно усилила ее. Российское население веками приучалось к покорности, крепостническому состоянию и крайне низкому жизненному уровню. Это благоприятствовало формированию нового строя и до сих пор дает ему богатые возможности для всякого рода экспериментов, для индустриализации, милитаризации, экспансионистской внешней политики. И уж совсем очевидно, что русская православная церковь и до сих пор еще значительное число верующих есть наследие прошлого. Одним словом, для очень многих явлений советской жизни можно найти аналогичные явления в прошлой истории. И кажется весьма соблазнительным объяснять их этой прошлой историей.

Современную жизнь советского общества, однако, ошибочно рассматривать как смесь и компромисс прошлых (обживающих) и нарождающихся явлений, а обращение к прошлому абсолютно ничего не объясняет в настоящем. Советское общество уже вышло из стадии нарождающегося. Оно стало вполне взрослым, — полноценным обществом коммунистического типа. И завершилось это превращение в последние послевоенные десятилетия. А в развитом обществе всё, доставшееся и оставшееся от прошлого, перерождается в собственный элемент этого общества, становится на службу настоящего, существует и функционирует на основе законов настоящего. Теперь важно уже не столько то, что это явление есть остаток прошлого, сколько то, почему оно существует сейчас, какой вид приобрело в новом обществе, какую роль здесь играет.

Одни из этих явлений воспроизводятся в новом обществе с необходимостью. Они появились бы здесь, если бы их даже не было в прошлом. Такова, например, бюрократическая система. Другие не вытекают с необходимостью из основ нового общества, в какой-то мере даже противоречат им, но по тем или иным причинам сохраняются. Такова, например, православная религия и церковь. Эти явления имеют различные функции в обществе и различные перспективы. Но они имеют общее: и те, и другие суть советские институты и учреждения. В советской жизни уже не осталось ничего принципиально важного, что можно было бы отнести за счет исторической недоразвитости нового общества, за счет его неспособности справиться с прошлым, заставить прошлое плясать под свою дудочку. По этой причине искать объяснения явлениям советского образа жизни в прошлой истории — значит уклоняться от самой задачи описания именно образа жизни. Советский образ жизни имеет свои основания в социальных законах настоящего советского (коммунистического) общества, а не в канувших в Лету явлениях прошлого.

Русское и советское. До сих пор еще существует убеждение, что русский народ был обманут и изнасилован злодеями-большевиками, в результате чего и сложилось советское общество. Но, мол, русский народ скоро сбросит иго большевизма и пойдет по пути Запада (думают одни) или вернется в дореволюционное состояние (думают другие). Надежды эти совершенно беспочвенны. Современная Россия есть страна с высокоразвитой и сложной экономикой и культурой, с высоко образованным населением, которое не только не мечтает о возврате в прошлое, но пойдет на любые жертвы, только чтобы это прошлое не возвращалось. Решающая роль в современной России принадлежит людям, родившимся и выросшим после революции, приспособленным жить именно в такой социальной среде, воспринимающим ее как нечто естественное, а не как навязанное им по ошибке или обманом. Переиграть прошлую историю невозможно. Шансы для России пойти каким-то иным путем

были упущены много десятилетий назад. Упущены, раз и навсегда.

Коммунизм есть тип социального устройства, а не некая национальная черта. Опыт других стран показывает, что на основе коммунистических социальных отношений у представителей самых различных наций вырабатываются черты, аналогичные чертам русских людей, или, точнее говоря, получают благоприятную почву эти общечеловеческие (на самом деле) качества. Коммунизм принял и укрепил некоторые национальные качества русского народа как качества советского народа вообще, способствуя развитию этих качеств и в других народах.

Негативное и позитивное. В последние десятилетия сложилась традиция рассматривать в качестве правды о советском образе жизни лишь разоблачение вопиющих крайностей режима, политического гнета и убожества быта рядового населения, т.е. описание явлений сугубо отрицательных. Это создает у людей, не знающих реального состояния страны, иллюзию, будто советский строй тут находится на грани гибели. В самом деле, в стране постоянными являются экономические трудности, низкий жизненный уровень населения, отсталая технология производства, низкая производительность труда, бесхозяйственность, подавляются всякие формы протеста, нет никаких гражданских свобод, народ уже не верит в марксистскую идеологию (можно подумать, что он в нее когда-то верил вообще!) и т.д. и т.п. Спрашивается, неужели этого мало для того, чтобы народ восстал и сбросил режим?!

Иллюзия, надо сказать, слишком оптимистическая. Дело тут не в том, что в Советском Союзе нет таких отрицательных явлений, о которых говорят критики режима, — их там в изобилии. Дело в том, что советский режим не сбросишь, ибо это есть не форма политического правления, а социальный строй жизни всего населения, опутывающий миллионами нитей тела и души людей в единое органическое целое. Несмотря на очевидные дефекты жизни и трудности, Советский Союз сейчас дальше от краха, чем когда-либо. Это — грозный противник для Запада, имеющий целью подчинение или разрушение Запада и уверенный в своей конечной победе. Надо познать источники его реальной силы и уверенности, а не упиваться иллюзиями, хотя и имеющими какие-то реальные основания.

В двух словах мой взгляд на соотношение позитивного и негативного в советском обществе заключается в следующем. Рай земной, который обещали классики марксизма, здесь построен на самом деле. Но с одним «маленьким» коррективом: он осуществлен в адекватной ему форме ада. Именно воплощение в жизнь положительных идеалов коммунизма имело необходимым следствием все те отрицательные явления, которые стали постоянным предметом разоблачений и критики. Дело обстоит не так, будто в этом обществе есть кое-что хорошее и кое-что плохое наряду друг с другом, — это слишком плоско. Дело в том, что благо здесь реализуется лишь в форме зла, а зло и есть то благо, которым гордится это общество. Хотите познать дефекты этого общества, смотрите на его достоинства. Хотите познать его достоинства, анализируйте его дефекты. Дефекты и достоинства этого общества — это суть одно и то же, рассматриваемое с различных сторон, проявляющееся в различных отношениях.

Возьмем, например, беспрецедентные массовые репрессии сталинского периода. Они — факт. Нелепо отвергать этот факт. Непристойно оправдывать его интересами революции и некоей исторической неизбежностью. Но резонно спросить о его самых глубоких основах и причинах. Что это — результат злого умысла отдельных мерзавцев во главе со Сталиным или чего-то более серьезного? Я утверждаю, что сталинизм явился классическим выражением доведенного до предела народовластия. Это была реальность народовластия, организация и будничная его жизнь. Преодоление сталинизма в хрущевско-брежневский период было одновременно ограничением народовластия. Или возьмем неравенство между различными слоями населения в распределении всяческих благ. Теперь это признается тоже как бесспорный факт. В чем основа этого явления? Плохие психологические качества отдельных людей? Гангстерские объединения? Ничего подобного. В основе этого

неравенства лежит принцип распределения, справедливее которого история человечества еще не знала (о нем я скажу ниже).

Коммунистический тип общества в его классическом образце — в обществе советском — обнаружил свои многочисленные и страшные язвы, ставшие ныне общеизвестными. И главная проблема теперь — не бесконечное пережевывание все тех же или новых фактов этих язв, а выяснение природы и объективных их оснований. Эти язвы не являются всего лишь продуктом злого умысла или ошибок, наследия прошлого или национальных особенностей. Они не являются исторически преходящими случайностями, которых могут избежать более осмотрительные и добропорядочные западные страны. Они суть объективные проявления сущности коммунистического социального строя. Если не они, так другие, им подобные, если не в такой форме, так в другой, ей подобной, но реальный коммунизм без них просто немыслим. Советский образ жизни с этой точки зрения есть классический образец для прочих. Смотрите, как живут советские люди, и имейте в виду: вы будете иметь примерно то же самое (чутьочку получше, может быть, но может быть и похуже), если вы последуете примеру Советского Союза, т.е. если и вы будете строить социализм (или коммунизм, что в реальности есть то же самое). Вы будете иметь все существенные достоинства этого строя, но за определенную цену, которую вы не будете в силах снизить, а именно — путем воплощения достоинств коммунизма в форме, которая воспринимается как недостаток. Реальная жизнь не есть бумажная гипотеза. Если на бумаге можно признать одно, отбросив другое, то в реальной жизни этого не сделаешь.

Основы коммунистического бытия. Основные элементы жизни людей в обществе суть деятельность по добыванию средств существования, социальное функционирование, бытовая жизнь, образование, культура, развлечения, спорт, идеология, короче говоря — все то, что, так или иначе, входит в жизнь людей в качестве более или менее важных и постоянных компонентов. Описать это — значит, изложить целую социологическую теорию коммунизма как особого типа общества. Я ограничусь здесь лишь самыми первоначальными сведениями на этот счет, причем — не претендуя на академическую строгость и систематичность. Обычная схема советского общества такова: с одной стороны — народ, с другой стороны — власть с соответствующими органами управления народом и охраны общественного порядка. Если схема апологетическая — власть ведет народ к светлым идеалам общества справедливости и изобилия. Если схема критическая — власть угнетает народ и держит его в страхе. Однако реальное советское общество ничего общего с этой схемой не имеет. Ничего не значащей пустышкой является также официальное разделение советского населения на рабочих, крестьян и интеллигенцию.

Чтобы описать строение общества коммунистического типа, необходимо сначала выделить в нем самые минимальные части, обладающие некоторыми наиболее существенными чертами целого общества, — выделить его элементарные клеточки, кирпичики. Такую элементарную частичку общества образуют не отдельные люди, не территориальные единицы страны, не сложные ткани и органы (вроде аппарата партии), а относительно автономные учреждения, имеющие свою деловую функцию в обществе, свой управляющий орган (дирекцию), свою бухгалтерию, партийную и профсоюзную организацию и прочие элементы средне-стандартного советского учреждения. Это — заводы, фабрики, институты, школы, больницы, магазины, рестораны и т.д., и т.п. Именно условия жизни и деятельности людей в этих клеточках и их взаимоотношения образуют основу всего того, что составляет специфический образ жизни людей в данном обществе.

Клеточки (первичные коллективы) выполняют определенные деловые функции, получая от общества для этого во владение необходимые средства (помещения, машины, транспорт, мебель и т.п.), а также средства для вознаграждения членов коллектива за их труд. Клеточка общества не является собственником средств, используемых ею для выполнения деловых операций, — в коммунистическом обществе ликвидированы отношения собственности вообще. Хотя здесь и говорят о «государственной собственности» и о «коллективной

собственности» (в отношении колхозов), слово «собственность» здесь теряет строгий смысл. Здесь имеет место владение, но не всякое владение есть собственность. Советские колхозы, например, не могут продать никому даже клочка земли, которая им передана «в собственность» навечно. Таким образом, хотя клеточка и автономна до некоторой степени в исполнении своих обязанностей и в обращении со своими членами, она прочно прикреплена к целому. Она получает от целого питание (образно говоря) и отдает ему выделяемое ею. Она в своей жизнедеятельности находится под строжайшим контролем целого через специальные партийные и государственные органы, а также через систему управления группами клеточек, объединяющие клеточки в единый общественный организм. По этой причине всякие попытки создания неофициальных объединений людей, независимых в своем функционировании от целого и неподконтрольных ему, не выполняющих в целом заданную функцию, не получающих от целого средства для этого и не подчиняющихся стандартам жизни в нормальных клеточках, означает образование в организме общества чужеродных клеток, опасных для его существования. Эти клетки, какие бы благородные цели не имели их участники и организаторы, играют в данном обществе роль, подобную роли раковых клеток среди здоровых клеток живого тела. И удивительно не то, что в советском обществе ведут борьбу против диссидентских групп, а то, что эту борьбу ведут так лениво и нерешительно, — явная уступка общественному мнению Запада плюс некоторые корыстные расчеты в игре с Западом.

Взрослый работоспособный человек (а таковые образуют ядро населения) входит в коммунистическое общество не сам по себе, а через определенную клеточку общества, через определенный первичный коллектив. Причем, входит в общество как частичка коллектива, как индивид, занимающий в коллективе определенное социальное положение. Через первичный коллектив и только через него человек отдает обществу свои силы и способности, получая за это от коллектива и только от него средства существования, возможности для социального функционирования и для жизни в бытовой сфере. Положение человека в обществе и судьба его здесь зависят от его положения в коллективе. Коллектив, предоставляя человеку возможность, трудиться и получать средства для жизни, здесь господствует над отдельным человеком. Потому здесь на деле, а не только в демагогии действует принцип: интересы коллектива выше интересов отдельного человека. Здесь не отдельный человек, а лишь целостный коллектив из многих людей есть полноценная личность. Отдельный же человек есть лишь частичная личность, есть личность лишь в качестве частички личности-коллектива. Конечно, из общего правила есть исключения. И кое-что люди получают независимо от клеточки-коллектива. Но рассмотренное выше отношение человека и коллектива является фактором, определяющим все прочие аспекты жизни людей, в том числе — и отклонения от этой основополагающей нормы.

Закрепощение. В советской конституции имеется пункт, гласящий, что граждане Советского Союза имеют право на труд. Этот пункт сформулирован явно с расчетом на пропаганду, — на противопоставление коммунистического общества буржуазному, в котором бичом миллионов людей является безработица. Но, по существу, этот пункт есть логический нонсенс. На самом деле граждане здесь обязаны трудиться, а обязанность эта есть в той же мере право, в какой обязанность солдат выполнять команды командиров, есть право делать это. Конкретнее же говоря, обязанность трудиться означает то, что граждане должны быть прикреплены к определенному первичному коллективу, и трудиться в качестве его члена. Если вы не числитесь сотрудником (работником) какого-то официально признанного коллектива, то вы здесь считаетесь уклоняющимся от трудовой деятельности (тунеядцем), хотя вы можете трудиться больше, чем члены коллектива. Вы можете быть паразитом фактически. Но если вы числитесь сотрудником официального коллектива, вы официально считаетесь трудящимся. В советском обществе имеется огромное количество целых первичных коллективов и должностей в первичных коллективах, в которых и на которых многие люди (счесть их невозможно) фактически ведут образ жизни бездельников и паразитов, получая за это вознаграждение, — одна из привлекательных для масс людей черт коммунизма.

Рассмотренная прикрепленность людей к коллективам не есть нечто выдуманное с какими-то темными целями. Она выражает фундаментальный факт положения человека в обществе: человек по идее не может жить, не будучи прикреплен к коллективу, ибо в идеале и в основе зарплата, получаемая в коллективе, есть единственный источник существования. Причем, опытным путем находится и размер вознаграждения члена коллектива: человек должен регулярно получать это вознаграждение, чтобы постоянно жить на положенном ему уровне, т.е. чтобы он не мог на долгий срок оторваться от коллектива и от контроля коллектива за ним. Здесь невозможно описать социальные механизмы, определяющие такого рода явления. Но они существуют и действуют, обычно — бессознательно и произвольно. Так, низкий жизненный уровень для массы населения и невозможность для них делать значительные сбережения есть проявление некоего «социального инстинкта» общества, а именно — инстинкта самосохранения, а не просто результат «временных» трудностей. Идея создания изобилия при коммунизме находится в вопиющем противоречии с фактической тенденцией этого общества к снижению жизненного уровня широких масс населения к допустимому минимуму.

Искушение. Анализируя жизнь людей на уровне клеточки, можно обнаружить то, что коммунистический строй есть, в первую очередь, соблазнительное искушение для них и лишь, во вторую очередь, новая форма эксплуатации и закрепощения. За право на труд, за гарантированную работу человек расплачивается обязанностью работать, прикреплением к официальному коллективу. За гарантированный отпуск и за путевку в дом отдыха человек платит примитивным обслуживанием в этом доме отдыха. За невозможность уволить рабочих с целью снизить себестоимость продукции общество платит существованием нерентабельных предприятий. За сравнительную независимость вознаграждения от качества и интенсивности труда общество расплачивается незаинтересованностью людей в повышении производительности труда и низкой зарплатой. За низкую квартирную плату и за гарантированное жилье люди расплачиваются жалкими квартирными условиями и системой прописки, т.е. и территориальным прикреплением людей. Проблема улучшения жилья становится для многих людей одной из труднейших и важнейших, а перемена места жительства становится настолько трудной, что решаются на это лишь в случае крайней необходимости.

Помимо гарантированного минимума основных, жизненных благ отмечу еще два важных фактора жизни людей, делающих советский образ жизни таким, что люди, несмотря ни на что, уже не в состоянии от него отказаться. Я ввожу понятие степени вознаграждения, определяя величину ее отношением того, что человек получает за свой труд, к тому, сколько он сил отдает за это. Так, по моим подсчетам, степень вознаграждения в коммунистическом обществе в целом значительно выше, чем в капиталистическом, а обратная ей степень эксплуатации — ниже. Так что коммунизм действительно приносит людям облегчение условий труда сравнительно с капитализмом. Люди расплачиваются за это тем, что жизненный уровень имеющих работу здесь много ниже того, какой имеют работающие люди на Западе. Советские люди меньше имеют. Зато они еще меньше работают и имеют какие-то минимальные гарантии.

Второй соблазн — сравнительная формальная простота жизни, что выражается в незначительном числе документов, которыми опутывается жизненный путь людей, и ясность самих жизненных линий. Одним словом, это общество не есть средоточие одних недостатков. Оно есть средоточие недостатков, порожденных достоинствами.

Жизнь людей в первичных коллективах стандартизирована в масштабах всего общества. Если вы изучили строение и функционирование клеточки данного типа и данного уровня, вы заранее можете ожидать примерно то же самое в других клеточках того же рода. Это обстоятельство сдерживает стремление людей к перемене мест работы и способствует общей тенденции к прикреплению людей к местам жительства и работы. Население коммунистических стран менее мобильно, чем в странах Запада.

Коренное противоречие. Сравнительно низкий коэффициент эксплуатации (и, соответственно, высокий коэффициент вознаграждения) получается не благодаря заботе Партии и Правительства о благе народа, а в силу самих отношений людей в фундаменте общества и условий их деятельности. Для самой влиятельной части населения здесь величина вознаграждения фактически не зависит или зависит в ничтожной мере от затрат и качества труда. Она в большей мере зависит от социального положения людей и от их социальной активности (например, от демагогии, от холуйства перед вышестоящими). Потому здесь ослабевает или полностью пропадает заинтересованность массы людей в хорошей работе и возрастает заинтересованность в улучшении своего положения за счет иных средств жизни в коллективе, вызывающих видимое отвращение, но принимаемых в качестве нормальных на деле. Власти поощряют хороших работников, дабы создать примеры, улучшающие отношение людей к труду. Но за счет этого выгадывают лишь единицы. Большинство остается равнодушным, так как видит, что «овчинка выделки не стоит», т.е. что люди больше выгадывают другими путями, чем «честным и добросовестным» трудом. Люди на опыте также убеждаются в том, что успехи в карьере в большей мере зависят от умения делать карьеру в массе людей, чем от талантов и труда, например, — от положения родителей, от знакомств, от анкетных данных, от поведения на собраниях, от лести начальству,» от взяток и услуг, от доносов, от готовности предать того, кого выгодно предать, и поддержать того, кого выгодно поддержать.

Хотя власти поощряют соревнование между людьми в коллективах и между коллективами (это стало неотъемлемым элементом советского образа жизни), отношения между людьми и коллективами здесь в большей мере и более существенным образом определяются не конкуренцией за лучшее исполнение заданий, за лучшее качество и большее количество продукции, а взаимным препятствованием или связыванием. Дело в том, что для коллективов и для людей в них строго определены их функции, масштабы их деятельности, источники сырья, места сбыта готовой продукции, короче говоря — все основные элементы жизни и деятельности, исключаяющие практически частную инициативу и личный риск. Это сделано всякого рода планами и инструкциями, регламентирующими действия коллективов. Следствием всего этого является показуха, формалистика (лишь бы отчитаться перед начальством), боязнь риска, незаинтересованность во введении и освоении новой, более совершенной техники, бессмысленные траты, очковтирательство, халтура, обман. Руководство стремится преодолеть эти отрицательные последствия коммунистической организации труда путем поощрения ударников (т.е. лучших тружеников), путем навязывания «социалистического соревнования», путем дотошной и громоздкой системы контроля и наказаний и другими путями. Конечно, это сдерживает катастрофические последствия самих объективных основ коммунизма, но в ничтожной мере. Разговоры о повышении дисциплины труда и производительности труда и о понижении себестоимости продукции, о более грамотном и культурном руководстве хозяйством, о скорейшем внедрении научно-технических открытий в производство являются навязчивой идеей руководства. Они суть показатели не достоинств коммунистического строя общества, а его неустранимых недостатков, преодолеть которые призывами вождя и идеологической обработкой населения, увы, невозможно. Так что величайшее достоинство коммунизма — относительное облегчение условий труда и обеспечение работой всех — неразрывно связано с его величайшим злом — с тенденцией к низкой производительности труда, к снижению качества продукции и к плохой (хотя и плановой) организации экономики страны. Сравнительно низкий жизненный уровень населения здесь объясняется, прежде всего, не дорогостоящей внешней политикой и милитаризацией страны, а именно рассмотренным органическим пороком этого общества. Чем дольше мир будет существовать без войн, тем отчетливее будет проступать этот порок. Объективно, независимо от воли и желания людей по этой причине страна заинтересована в мировых смутах и конфликтах, в завоевании новых земель, дабы иметь продукты питания и рынки сбыта плохой продукции. Лишь необъятные природные богатства, приученность населения к низкому жизненному уровню, эксплуатация союзников, выгодные отношения с другими странами мира, спекуляции на трудностях Запада и прямая помощь

Запада спасают Советский Союз от грандиозного экономического кризиса. В особенности — помощь Запада. Можно без преувеличений сказать, что Запад сам спасает и вскармливает своего потенциального могильщика.

Социальное неравенство. Уже на уровне клеточек очевиден факт различия людей по их социальным позициям. Основное из этих различий определяется отношением начальствования и подчинения. Можно упомянуть также различия в профессиональном уровне, в степени сложности овладения профессией, в престижности профессии, в степени ответственности и риска. Уже внутри клеточек складывается иерархия лиц, занимающих более или менее высокое социальное положение, — абсолютно неустраняемая основа для социального неравенства во всяком сложном и дифференцированном обществе. Есть эта основа и в коммунистическом обществе. Причем, здесь она оказывается единственной основой социальной иерархии. Общество в целом состоит из множества клеточек, которые, в свою очередь, образуют иерархию в системе начальствования и подчинения. Так что в результате в обществе в целом вместо обещанного социального равенства образуется многоступенчатая иерархическая лестница социальных позиций. Помимо того, что продвижение по этой социальной лестнице вверх само по себе представляет какой-то интерес для людей, оно существенным образом влияет на весь строй жизни людей, и, прежде всего, — на их материальное положение и на надежность и уровень гарантируемых благ. Борьба за повышение социальной позиции становится основой основ жизнедеятельности наиболее активной части общества, навязывая соответствующую психологию всему обществу. В обществе воцаряется психологическая атмосфера, ничего общего не имеющая с радужными мечтаниями утопистов и «научно обоснованными» предсказаниями классиков марксизма. Советские люди шутят: если при капитализме — человек человеку волк, то при коммунизме — человек человеку товарищ волк. В жертву разыгрывающимся тут стремлениям и страстям приносятся абсолютно все человеческие ценности, выработывавшиеся веками. И все это прикрыто покровом лицемерия, демагогии, формальных приличий. Что тут происходит, не заметишь с первого взгляда. Нужно долгие годы жить внутри советских коллективов, чтобы присмотреться и увидеть их скрытую жизнь. Хорошо известная морально-психологическая атмосфера в обществе, в котором условия жизни человека определяются деньгами, покажется вам романтической сказкой, если вы во всем объеме познакомитесь с той борьбой, которая в коммунистическом обществе ведется за социальные позиции, за связанные с ними блага. В обществе такого размера, как советское, в эту борьбу вовлечены десятки миллионов людей, ибо здесь именно социальное положение, а не деньги как таковые, есть богатство. Эта борьба поглощает все силы и способности людей. Ей подчинено всё остальное. Потому здесь борьба за некие человеческие права и гражданские свободы есть чуждое обществу явление. Здесь люди борются за эти права и свободы, но как за блага, которые они в той или иной мере и форме приобретают с повышением и улучшением своих социальных позиций. Вне этой реальности борьба за «права человека» и «демократические свободы» становится делом одиночек, по тем или иным причинам, исключенным из нормальной жизнедеятельности в советских коллективах.

Распределение. Социальное равенство в коммунистическом обществе не возможно в силу самых справедливейших за всю Историю человечества принципов распределения. Согласно официальной (марксистско-ленинской) советской идеологии на первой стадии коммунизма действует принцип «каждому по труду», а на второй (высшей) — принцип «каждому по потребностям». Очень хорошие принципы, не правда ли? Но одно дело — вид принципа на словах, и другое — в реальности. Можно, допустим, сравнить труд двух рабочих одной и той же профессии на одном и том же предприятии, двух бухгалтеров в одной конторе, двух профессоров в одном учебном заведении. А как сравнить труд рабочего, техника, инженера, директора завода, секретаря районного комитета партии, солдата, генерала, министра, дипломата, милиционера, музыканта? В реальности это сравнение осуществляется как сложный процесс жизни, как система проб и ошибок, как выбор людьми профессий, короче говоря — как процесс, который выражается практически действующим принципом

вознаграждения за труд: каждому по его социальному положению. А с точки зрения индивидуальной судьбы людей этот принцип реализуется как принцип: каждый урывает для себя из производимых обществом благ то и столько, что и сколько он сумеет урвать, занимая данную социальную позицию. Жизненные блага в этом обществе не даются. Они берутся людьми с боем.

Точно так же обстоит дело с принципом «каждому по потребностям», который тоже фактически действует в советском обществе, что позволяет мне рассматривать это общество как полный коммунизм. Оставим в стороне довольно неясное понятие изобилия. Советские люди, попадающие на Запад, воспринимают западное изобилие как нечто сказочное, как сверхкоммунизм. Принцип «по потребности» означает удовлетворение не любых потребностей людей (в смысле кто чего пожелает), но потребностей, признаваемых обществом в качестве таковых, — общественно признанных потребностей. А общество в качестве Потребностей человека данной социальной категории признает лишь то, что положено человеку фактически на этой социальной позиции. Члену Политбюро, например, положены особняки, подмосковные дачи, дачи на юге, личная охрана, личные продуктовые предприятия и многое другое. Это — его потребности как члена Политбюро. Общество никогда не признает это в качестве потребности не то что рядового рабочего, но даже профессора, генерала, директора завода.

Именно соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе со сложным разделением функций и со сложной системой начальствования и подчинения порождает чудовищное неравенство в распределении этих жизненных благ, — социальный закон, который не в силах отменить никакая партия, никакое правительство, никакое прогрессивное общественное движение, никакая реформа, никакая революция. Люди обречены на социальное неравенство, на борьбу как против него, так и за его сохранение и упрочение. На этой основе в советском обществе сложились более или менее устойчивые (с тенденцией к наследственности) слои и группы населения различного уровня обеспеченности, привилегий, гарантий. В советском обществе есть сотни тысяч людей, которые живут отлично и хорошо, миллионы — которые живут неплохо и терпимо. Число министров, генералов, академиков, директоров, заведующих, партийных чиновников и прочих лиц, занимающих какие-то должности, здесь огромно. Если привилегированные слои общества рассматривать по аналогии с господствующими классами прошлого, то можно сказать, что коммунизм значительно расширяет господствующую часть общества. При этом он делает положение представителей господствующих слоев более устойчивым и гарантированным, избавляет их от личного риска и от личных потерь. Так что в этом обществе есть достаточно много людей, которые имеют право считать этот строй жизни своим.

Свобода и насилие. Об отсутствии демократических свобод и о подавлении всяких оппозиционных движений в Советском Союзе сказано достаточно. Не буду повторяться. Хочу обратить внимание лишь на одно чрезвычайно важное явление, о котором обычно все помалкивают. Оно состоит в том, что вся система насилия в советском обществе вырастает из самого фундамента общества, а именно — из факта насилия коллектива над каждым из своих членов по отдельности. Советские люди, сообщая насилуя каждого человека по отдельности, насилуют в результате самих себя. Специальные органы надзора и подавления (КГБ, МВД) суть лишь отчужденные коллективами и объединенные в масштабах страны функции первичных коллективов и массы населения вообще. Подавляющее большинство граждан лично со специальными органами насилия соприкасается редко или не соприкасается никогда. Они имеют дело непосредственно со своими начальниками и собратьями и с местной властью, которая выполняет в отношении их скорее бюрократические функции и функции охраны их интересов и общественного порядка. Лишь отдельные индивиды, которые нарушают общепринятые нормы поведения и с которыми не удается справиться внутренними силами коллектива, становятся объектом внимания и деятельности

специальных органов власти. Для большинства же граждан, повторяю, высшей властью фактически являются члены их коллектива. Причем, сами же они выступают в роли высших судей, когда дело касается других. Первичные коллективы обладают мощной властью, позволяющей им удержать поведение своих членов в нужных рамках, ибо от них в первую очередь зависит положение и судьба отдельных людей. Коллектив может помешать улучшить жилищные условия, увеличить зарплату, сделать шаг в карьере. От коллектива зависит возможность увольнения человека и предания его суду. Если коллектив дает плохую характеристику, все прочие аналогичные коллективы реагируют на нее одинаково. И без особой санкции вышестоящих властей бывает практически невозможно найти подходящую работу. Жизнь первичных коллективов организована так, что не какая-то внешняя, злая воля, а добрая воля масс населения лежит в основе всей системы насилия. Последняя есть лишь организация и суммирование доброй воли и свободы граждан. В общей сумме действий граждан абсолютное большинство совершается с пониманием их целесообразности и без ощущения принуждения, — гегелевское изречение насчет свободы как познанной необходимости здесь очень близко к истине. Лишь ничтожная часть действий совершается как принудительная и вызывает протест.

Принудительный труд. Коммунистическое общество есть общество принудительного труда еще и в том смысле, что оно нуждается в армии рабов, которых можно было бы использовать в местах, где не хотят добровольно жить обычные люди, и на работах, которые не хотят выполнять обычные люди. На Западе на таких работах используют иностранных рабочих. В сталинские времена эта армия рабов пополнялась за счет массовых репрессий и бегства людей из деревень вследствие коллективизации. В Советском Союзе в настоящее время функции такой армии рабов отчасти выполняют заключенные. Их довольно много. Это — не профессиональные преступники, а главным образом обычные граждане, совершившие бытовые или должностные преступления. Отчасти эти функции выполняют солдаты и женщины. Но совершенно поразительное явление тут, о котором мало что знают на Западе, это — посылка многих людей на уборочные работы в деревню, на работу в овощных базах и в строительных отрядах. Это стало традицией. Люди идут на эти работы вроде бы добровольно. Но что это за добровольность! В учреждениях и на предприятиях людей специально выделяют для этого. И случаи отказа чрезвычайно редки. Многие соблазняются тем, что в городе сохраняется зарплата, и есть возможность провести «на воздухе» какое-то время и «погулять». Но большинство соглашается, зная о возможных неприятных последствиях отказа. Что здесь интересно — сама форма принуждения: последнее действует как добровольность.

Гражданские свободы. Те ограничения и запреты на поведение людей, которые сейчас принято рассматривать как нарушение неких «прав человека», действительно выражают сущность советского строя, но не в том смысле, какой буквально соответствует словесным формулировкам.

Возьмем, например, проблему свободы вероисповедания. Дело обстоит совсем не так, будто советские люди рвутся верить в бога и молиться, но зловерные власти репрессиируют их за это. Конечно, в Советском Союзе ведется антирелигиозная пропаганда. Открыто верующие люди имеют меньше шансов преуспеть в жизни (за редким исключением). Но не в этом главная причина антирелигиозного характера общества и атеистичности основной массы населения. Советские люди всей системой образования и воспитания и всей практической жизнью приучаются быть атеистами. В массе своей они не нуждаются в религии и не рвутся в нее, ибо существующие формы религии уже не отвечают типу человека этого общества и условиям его жизни. В первичных коллективах верующие люди суть редкость и не играют в них практически никакой роли. К религии обращаются главным образом люди, по тем или иным причинам выпадающие из активной жизни первичных коллективов. Старые религии и соответствующие организации, оставшиеся в наследство от прошлого, существуют тут до сих пор не потому, что общество не в состоянии с ними справиться. Как раз наоборот, они

существуют именно потому, что общество с ними справилось и поставило себе на службу. Они уже не опасны существованию нового общественного устройства. Они полезны ему, отвлекая на себя определенную часть потенциальной человеческой активности, которая могла бы пойти во вред строю.

Возьмем другой пример — проблему свободы литературного творчества (как часть проблемы свободы слова). Существует убеждение, что советская литература находится под тяжким гнетом партийного руководства, идеологии и цензуры, чем якобы и объясняется ее состояние. Это убеждение поддерживают сами советские писатели: им хочется выглядеть талантами, которым советские условия мешают развернуться. Дали бы им свободу творчества, — хочется им думать, — они явили бы миру величайшие шедевры. Но это убеждение, увы, не имеет ничего общего с реальностью. Советская литература не есть нечто автономное, отделенное каким-то образом от остального общества. Она вкраплена в общество так, что ее, как весьма относительное целое, можно видеть лишь на писательских съездах, когда она под бурные аплодисменты избирает Политбюро в почетный президиум, посылает приветственное письмо высшим руководителям, клянется в верности партийной генеральной линии и совершает прочие акции, точно выражающие ее социальную сущность. Советская литература — это несколько десятков тысяч (попробуй, сочти их!) писателей, которые не могут быть все талантами. Они в значительной своей массе могут быть только посредственностями, отобранными и обученными для исполнения определенных социальных функций, и главная среди них — идеологическая работа. Советская литература есть составная часть идеологического аппарата общества. Она сама есть сложная структура из множества организаций, с иерархией должностей, с характерной советской системой распределения благ, в том числе — распределения почестей, славы.

Дело обстоит не так, будто талантливые советские писатели стремятся делать правдивую и высокохудожественную литературу, но партийные и государственные власти им не дают этого делать. Дело обстоит так, что бездарные в массе многие тысячи писателей сами представляют партийную и государственную власть в данной сфере общества, сами суть строжайшая цензура над самими собою и своими коллегами. Они сами суть сначала носители режима, и лишь потом суть жертвы его, — справедливая плата за то привилегированное положение, какое они имеют сравнительно с низшими слоями общества. Жертвами режима здесь являются лишь немногие писатели, которые стремятся прокладывать новые пути в творчестве и имеют для этого настоящие способности.

Ограничение или полное уничтожение свободы передвижений, слова, объединений и других свобод не есть нечто произвольно выдуманное кучкой плохих людей и навязанное хорошим людям силой. Это — опытный факт, выросший из недр жизни. Советские люди по опыту знают, что «дай нашим людям свободу», так тут жить нормально будет невозможно. Это только в демагогических призывах и в воображении людей, не живущих обычной советской жизнью, свободы выглядят как абсолютное благо. В условиях коммунистического общества они немедленно переходят в свою противоположность, порождая последствия, которые вызывают протест в широких слоях населения. Они ведут к нарушению самих принципов коммунистического образа жизни, его молчаливо признаваемой справедливости. Если, например, крупный партийный или государственный чиновник имеет отличную квартиру, дачу, машину и прочие блага, население воспринимает это как должное. Но если человек, не занимающий высоких постов, имеет эти же блага, это воспринимается как преступление. Само население доступными ему средствами (доносы, письма, заявления) стремится помешать своим собратьям, жить не по их официальному положению. Точно так же обстоит дело и с прочими ограничениями свобод и запретами. Дело не в нарушениях неких человеческих норм, а в самих нормах человеческого бытия, в соблюдении норм.

Известно, например, что для советских людей затруднены или исключены совсем поездки за границу. Допустим на минуту, что принято на высшем уровне решение разрешить советским людям поездки за границу столь же свободно, как в западных странах. Но это пока на бумаге.

Надо еще организовать реализацию этого решения для огромного числа людей. На Западе не представляют, что это значит для советских людей — поездки на Запад, и не представляют, как это будет выглядеть в реальном исполнении. Тут расцветет такая мерзость, по сравнению с которой нынешняя система покажется вершиной нравственности. В советском обществе нет таких социальных механизмов и условий, которые гарантировали бы осуществление свобод в виде, адекватном их словесной формулировке, — вот в чем загвоздка. Борьба за ценности западного образа жизни на основе коммунистических социальных отношений есть дело долгой и кровавой истории, а не задачка для правительственного решения или диссидентской демонстрации.

Культура. Советское общество есть общество высоко образованное. В Советском Союзе, например, читают больше (в некотором отношении, конечно), чем на Западе, и к книге относятся с большим почтением. Пропаганда, разумеется, использует это как «лишнее доказательство» преимущества коммунизма перед капитализмом. Но если проанализировать этот факт, то окажется, что тут вообще бессмысленно говорить как о недостатках, так и о достоинствах строя общества. Этому факту есть объяснение. Здесь затруднены или отсутствуют другие развлечения, подобные западным, книги дешевые, есть время и возможности для чтения. Очень многие читают во время работы, в транспорте, на который порою теряются долгие часы, в очередях. Или другой факт — число лиц с высшим и специальным средним образованием. В Советском Союзе многие посты занимают, и многие деловые функции выполняют люди с образованием, хотя в этом практической надобности нет. В Советском Союзе, например, на заводе работает порою раз в пять-десять больше дипломированных инженеров, чем на аналогичном предприятии на Западе. Тут есть свои минусы. В частности — низкая зарплата советских инженеров. Но есть и плюсы: значительно большее число людей приобщается к образованию, что повышает образовательный уровень населения в целом.

В последние десятилетия социальное неравенство все более отчетливо стало отражаться и в системе образования. Дети из привилегированных слоев имеют возможность получить лучшее образование и выбирать учебные заведения по своему вкусу и соответственно высокому положению родителей. Для детей из низших слоев уровень образования много ниже, возможности выбора профессии ограничены. Практически действует принцип, согласно которому дети рабочих и крестьян должны оставаться рабочими и крестьянами, тогда как дети из высших слоев уже не опускаются ниже достаточно высокого уровня.

Каждый тип общества вырабатывает соответствующий ему тип культуры вообще. Теперь можно говорить о советской культуре как о классическом образце культуры коммунистической (социалистической). Состояние советской культуры более или менее известно на Западе, — она, можно сказать, налицо. Я скажу коротко лишь о ее социальной подоплеке.

Всякое подразделение общества надо рассматривать не только с точки зрения его очевидной роли в обществе, но и в том виде, как оно не столь очевидно существует для себя самого. В Советском Союзе имеются сотни тысяч писателей, художников, артистов, плясунов, музыкантов, певцов и прочих деятелей культуры. Все они относятся к числу творческих работников. Но творческий элемент в этой среде столь же ничтожен, как и в любой другой. Эта сфера деятельности привлекательна во многих отношениях, и в нее стремятся попасть миллионы людей, имеющих какие-то данные для этого и без таковых. Существуют многочисленные специальные школы, курсы, студии, кружки, которые отчасти помогают выявить и развить природные таланты, но которые в большей мере помогают заурядным от природы детям подняться до некоторого средне-общественного уровня одаренности и подготовиться к творческой деятельности. Что тут происходит с морально-психологической точки зрения, всеми тщательно скрывается. Как родители, так и дети проходят здесь мощную практическую школу коммунистической жизни и проявляют то, на что они способны в качестве граждан этого общества. Происходящее здесь настолько омерзительно, что невольно вспоминается тезис марксизма, согласно которому общество есть тоже форма движения

материи. Кроме того, в этой сфере есть огромное количество должностей, которые вообще не требуют никакой предварительной в творческом плане подготовки, — директора, заведующие, администраторы, статисты, бухгалтеры, редакторы... Многие из этих должностей дают их обладателям блага, недоступные даже высокопоставленным партийным чиновникам, академикам и генералам. Центральной фигурой в этой сфере является человек сравнительно образованный, «натасканный», тщеславный и корыстолюбивый, рано познавший закулисную жизнь и подноготную общества, абсолютно циничный, готовый на любую допустимую условиями пакость, чтобы урвать что-то для себя, ловкий, изворотливый, умеющий маскировать свою натуру.

Некоторые виды «творческой» деятельности находятся под особым покровительством властей. Таковы, например, балет, цирк, ансамбли песен и плясок. Они отвечают вкусам правящих кругов общества или являются элементом государственной политики. Так, советский балет долгое время служил целям пропаганды советского образа жизни на Западе. Советские танцоры не просто танцуют, а каждым своим движением доказывают правоту идей коммунизма и преимущество советского образа жизни перед западным. Особенность поощряемых и навязываемых государством форм «творчества» состоит в том, что они далеки от политики, идеологии и от самопознания общества. Но идеология, так или иначе, вторгается и в них, оказывая разрушительное воздействие.

Официально в Советском Союзе творчество не только поощряется, но даже вменяется в обязанность людям. Здесь от всех требуется «творческий подход» — от студентов, рабочих, руководителей. Рабочих призывают вносить рационализаторские предложения. Студентов призывают делать вклад в науку уже с первых курсов институтов. Слушателей партийных школ призывают творчески развивать марксизм в их безграмотных рефератах, обычно переписанных из популярных брошюр. Но на практике всё это вырождается в пустую формалистику и удушение реальных попыток творчества. Обещание идеологического коммунизма создать условия для всестороннего развития творческих потенций человека не может быть исполнено, если бы даже руководители общества искренне захотели этого: руководимые ими среднебездарные народные массы не позволят им совершать столь легкомысленные поступки. Но руководители общества по способу отбора их в руководители не способны захотеть такое. Они сами суть ярчайшие выразители господства серости и бездарности.

Идеология. Советское общество является идеологическим по той роли, какую в этом обществе играет идеология, какое значение ей здесь придается, сколько средств на нее тратится, как она влияет на сознание и поведение людей.

На Западе распространено мнение, будто советские люди уже не верят в марксизм и будто это есть признак слабости советского строя. Такое мнение свидетельствует о непонимании существа советской идеологии. Идеология не есть наука, хотя она (как это имело место с марксизмом) может возникать с претензией на науку и может использовать достижения науки (как это имеет место с советской идеологией). Ее задача — не открытие истин, а стандартизация и организация общественного сознания и управление людьми путем обработки их сознания. Идеология не есть религия. В идеологию не верят, ее принимают из рационального расчета, т.е. соглашаются ее считать тем, на что она претендует, и выражают это заметным образом. Ее усваивают так, что это сказывается в образе мышления и поведения людей, зависящем от социального расчета.

Марксистскую идеологию рассматривают как некий проект общества, по которому построено советское общество. Это предрассудок. Советское общество сложилось благодаря историческому стечению обстоятельств, благодаря опыту, стоившему огромных жертв, благодаря действию объективных социальных законов организации больших масс населения в единое целое, можно сказать — «вслепую». Марксистские тексты дали очень удобный фразеологический материал для создания единой государственной идеологии общества. Эти

тексты были приспособлены к объективным условиям исторического процесса, переработаны, определенным образом истолкованы, дополнены. Марксизм дал имя советской идеологии, некоторые фундаментальные идеи, основы идеологического языка. Но советская идеология не сводится к марксизму. Достаточно сказать, что она включила в себя ленинизм и сталинизм (последний — в неявной форме), испытала на себе влияние развития советского общества и вообще человечества в последние десятилетия, вобрала в себя целый ряд достижений современной науки.

В советскую идеологию люди не верят в том смысле, что не верят в обещанный марксизмом земной рай, в изобилие всех средств потребления, в развитие всех творческих потенций людей, в подлинную свободу, равноправие и справедливость. Но советская идеология не сводится к этим обещаниям. Последние занимают в ней незначительное место. Основное содержание советской идеологии составляет учение о мире, об обществе, о человеке, о познании, о методах мышления. И хотя это не есть наука в строгом смысле слова, она прививает людям единое мировоззрение и стандартную интеллектуальную реакцию на всё происходящее в мире, — стандартный способ думанья обо всем. Как бы люди ни относились к идеологии субъективно, практически они всю жизнь живут в поле действия идеологии, постоянно вынуждаются думать в том духе, как это требуется идеологией. Они вольно или невольно проходят постоянную тренировку на идеологический способ мышления. И не в их власти избавиться от него. Даже тогда, когда они критически относятся к марксизму и к своему образу жизни, они думают всё равно в категориях и формах идеологического мышления. Благодаря мощной системе идеологического воздействия на людей складывается некий интеллектуальный стандарт от рядовой уборщицы до генерального секретаря КПСС.

Идеологическое мировоззрение и идеологически оправдываемые формы поведения являются более адекватными условиям жизни в современном обществе, чем религиозное мировоззрение и морально обосновываемые формы поведения. Добавьте к этому мощный идеологический аппарат и беспрецедентную в истории человечества систему идеологического воспитания и образования, от которой просто невозможно ускользнуть. Школа, институты, специальные учебные заведения, семинары, курсы, кружки... Идеологией пронизана вся культура (газеты, литература, радио, телевидение). Очевидно, никакая религия не в силах конкурировать с государственной идеологией, никакая другая сектантская идеология. Идеологически обработанному человеку легче жить в советском обществе. С другой стороны, руководству обществом легче манипулировать таким человеком, легче охранять единство, однородность и монолитность общества.

Советская идеология не есть идеология только партии. Верно, что идеологическая работа есть одна из основных функций партии. Но идеологической работой под контролем партии занимается вся сфера культуры. И объектом ее является всё население страны.

Заключение. Советский образ жизни не есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. Он сложился исторически, и сталинский период был его юностью, его формированием. Теперь он вступил в фазу зрелости. Но и зрелое состояние общественного организма есть постоянное изменение, что, само собой разумеется. Какие бы изменения, однако, в нем ни происходили, незыблемыми остаются его основы, его законы, его основные тенденции. Бессмысленно рассчитывать на то, что это общество в силу внутренних причин и под благотворным влиянием Запада будет эволюционировать в сторону демократического общества западного типа. Наоборот, не представляет труда заметить, что Запад в силу внутренних причин и под влиянием дурного примера Советского Союза эволюционирует в сторону общества коммунистического типа. Советский Союз являет собою классический образец того, что ожидает Запад, если он будет до конца эволюционировать в этом направлении, если он не найдет в себе сил противостоять этой тенденции. Западные люди надеются, что, если им не избежать коммунизма, последний будет у них лучше, чем в Советском Союзе. Все может быть. Может быть, будет чуточку сытнее, чуточку занимательнее, чуточку ярче. Но эта «чуточка» не скроет принципиальных основ, которые не

могут быть иными в силу неподвластных людям законов. И как знать, может быть, будет и чуточку похуже. Если, например, немцы возьмутся за это дело, они построят коммунизм, по сравнению с которым нацистская Германия покажется верхом либерализма. Советский коммунизм может оказаться мягче западноевропейского, поскольку русские всё делают халтурно, в том числе — и свой социальный строй.

Абстрактно рассуждая, наиболее вероятная перспектива коммунистического типа общества — развитие и укрепление тех тенденций, которые действуют постоянно, т.е. и сегодня. Среди них — расслоение общества на классы, социальное и материальное неравенство, привилегии для высших слоев и минимальные гарантии для низших, закрепощение всего населения, создание армии рабов, укрепление органов надзора и подавления, подавление всяких попыток оппозиции и сопротивления. Короче говоря — усовершенствованный сталинизм, впитавший в себя некоторые достижения после-сталинского «либерального» периода, в особенности — безопасность режима для господствующих классов. Конкретно рассуждая, наиболее вероятная перспектива — борьба между коммунистическими и некоммунистическими странами, борьба внутри коммунистической части мира, борьба внутри коммунистических стран, — борьба всех против всех. Никакого идеального общества и идеального состояния для всех людей не было и не будет. Нынешнее благополучие Запада есть случайный и временный зигзаг истории.

Париж, 1980

Свобода и закрепощение

Принято думать, будто свобода есть благо, а несвобода (закрепощение) есть зло, будто человек по своей природе стремится к свободе, будто свобода есть некое неотъемлемое право человека. Даже те люди, которые по своему положению в обществе заинтересованы в ограничении свободы, облачают свои сокровенные желания в форму защиты свободы. Именем свободы оправдывают терроризм, взятие заложников, молодежные бунты и многие другие явления западной жизни. Трудно назвать другое явление общественной жизни, по поводу которого было бы столько же спекуляций, как по поводу свободы. В этом докладе я не претендую на то, чтобы предложить ясное и бесспорное решение проблемы свободы и закрепощения. Я хочу лишь дать хотя бы первичное представление о ее реальной сущности и сложности.

Понятие свободы в самом общем виде означает следующее. Предмет свободен, осуществлять некоторое движение (действие), если он обладает природной способностью совершать действия такого рода и не встречает препятствий в его осуществлении. Если предмет такой способностью совершать действия такого рода обладает, но имеются препятствия в их осуществлении, этот предмет не свободен, осуществлять эти действия (ограничен, скован). Существенно здесь то, что как свобода, так и ограничение свободы относительно по самому определению понятий — предметы свободны или несвободны всегда в каких-то определенных отношениях, а не вообще. Кроме того, сфера приложения понятий свободы и несвободы ограничена. Если предмет не обладает природной способностью к совершению действий данного рода, то бессмысленно применять понятия свободы и несвободы к данному случаю.

В применении к человеческому поведению понятия свободы и несвободы усложняются. Например, здесь нужно принимать во внимание желания и волю людей, способность предвидеть последствия своих поступков и заранее принимать в расчет эти последствия. Из множества поступков людей, далее, надо выделить такие, которые затрагивают интересы

других людей, — поступки социальные. Проблема свободы и закрепощения в том виде, в каком она служит предметом вашего внимания, касается именно этих социальных поступков людей. Ниже я сделаю несколько разрозненных замечаний о свободе и несвободе этих поступков с целью обратить ваше внимание на сложность и многосторонность этого явления.

Социальные поступки не являются прирожденными людям. Они суть изобретения человеческой истории. Они передаются из поколения в поколение. Люди им обучаются. Само собой разумеется, свобода в осуществлении этих поступков не может быть прирожденным качеством человека. Например, как можно говорить о прирожденной свободе вероисповедания и публикаций, если религия была открыта сравнительно недавно, а книгопечатание было изобретено всего несколько столетий тому назад. А для свободы эмиграции нужно, по крайней мере, иметь различные государства, закрепленные законом границы и гражданство. Между прочим, здесь требуется не только возможность покинуть страну, но и возможность попасть в другую страну. Хотел бы я знать, как реагировали бы западные страны, если бы Советский Союз предложил выпустить на Запад, допустим, миллион евреев!

Социальные свободы бывают дарованными свыше (властями), завоеванными в борьбе различных групп населения, вынужденными обстоятельствами. Так, освобождение крестьян от крепостной зависимости нередко диктовалось экономическими обстоятельствами, а не только желанием людей освободиться. Точно также и ограничения свободы разнообразны по своей природе. Они могут быть принудительными и добровольными. Случаи, когда люди заинтересованы в отказе от той или иной формы свободы, суть обычное явление в истории. Ограничения свободы бывают внешними (навязанными извне) и внутренними (самоограничения). Опять-таки ограничения на поведение, накладываемые на себя людьми из внутренних убеждений, точно также обычны в истории (моральные ограничения, например). Ограничения свободы поведения людей, исходящие снизу (из самих масс населения), играют в обществе не менее важную роль, чем навязываемые этой массе сверху, властями. Как свободы, так и их ограничения бывают реальными и лишь кажущимися, фиктивными. Если люди чего-то не делают, это еще не значит, что они лишены социальной свободы, это делать. А если люди что-то делают, это далеко не всегда означает, что они обладают социальной свободой такого рода. Социальные свободы и их ограничения должны быть так или иначе зафиксированы в обычаях, традициях, законах, идеологии, нормах морали и т.п. Как те, так и другие не абсолютны в том смысле, что могут нарушаться, и фактически нарушаются. Запреты на какие-то действия нарушаются людьми столь же часто, как и разрешения.

Социальные свободы не являются абсолютным благом, а ограничения на них или отсутствие их не есть абсолютное зло. Они могут быть злом с точки зрения одних людей и добром с точки зрения других, злом в одних отношениях и добром в других. Например, многие советские эмигранты отмечают, что они здесь (на Западе) часто страдают от необходимости самим делать выбор и принимать решения. Это обременительно, ибо накладывает на человека дополнительную ответственность за свои поступки и обрекает его на риск. Стоит ли говорить о том, что сами западные люди уклоняются от выработки самостоятельной способности суждений по многим вопросам жизни, полагаясь полностью на рекламу и прессу. По моим наблюдениям, этот добровольный отказ западных людей от свободы суждений достигает размеров, вполне сопоставимых с добровольным отказом советских людей от свободы в других отношениях.

Свобода сама по себе вообще не есть благо, а закрепощение само по себе не есть зло. Зло есть нарушение меры как того, так и другого. С этой точки зрения советское общество являет пример общества, которое прекрасно справляется со злоупотреблениями свободой, но само злоупотребляет средствами ограничения свободы. Западное же общество дает беспрецедентный в истории человечества пример торжества свободы и, одновременно, пример удивительной беспомощности перед злоупотреблениями свободой. Никакого

оптимального соединения достоинств того и другого нет. История знает лишь один путь решения проблем свободы и закрепощения: это — борьба между людьми, между группами людей, между странами и народами. Только борьба устанавливает исторически устойчивые рамки как свободы, так и закрепощения. Между прочим, замечу, что те люди, которые на Западе обеспокоены злоупотреблениями свободы, имеют такое же право на борьбу против этих злоупотреблений, как и борцы за свободу — на борьбу за свободу. Злоупотребления свободой суть нарушения меры свободы. Они точно также разрушают свободу, превращаясь в форму насилия одной части граждан над другими.

Надо различать разговоры о свободе и несвободе, с одной стороны, и реальность этих явлений, с другой. Не всегда то, что хорошо выглядит на словах, является добром в реальности. Не всегда то, что кажется злом на словах, есть зло в реальности. Часто бывает так, что зло есть совершенно необходимое условие нормальной жизни общества. Это всецело относится и к проблеме свободы и несвободы. Надо иметь в виду, далее, что отношение различных групп населения к тем же самым видам свободы и несвободы является различным в силу различия их положения в обществе. Свобода и несвобода имеют различные формы и различное значение в различных типах обществ. В частности, проблема свободы и несвободы в коммунистических и западных странах имеет принципиально различный смысл. Рассматривать эту проблему с некоей общей точки зрения — значит, оставаться в сфере пустой болтовни. Я в дальнейшем буду говорить об этой проблеме лишь в применении к коммунистическому обществу.

Стало общим местом говорить об отсутствии свободы в коммунистическом обществе и о закрепощении индивида в нем. При этом совершенно упускают из поля внимания тот факт, что граждане коммунистического общества являются свободными в каких-то других отношениях. И уж совершенно не стремятся выяснить, почему граждане коммунистического общества не являются свободными в западном смысле. Просто констатируется факт отсутствия каких-то свобод, этот факт объявляется абсолютным злом (плохая власть насилует хороший народ), гражданам приписывается желание избавиться от этого зла. Но ведь всякое серьезное зло относительно и имеет основания. Если многомиллионный народ позволяет кому-то насиловать себя из десятилетия в десятилетие, не проявляет особого желания бороться за некие «неотъемлемые» человеческие свободы, игнорирует призывы борцов, жаждущих «освободить» его, то невольно напрашивается вопрос об основаниях для такого странного явления. Так уж ли этот народ несвободен на самом деле? А если несвободен, то только ли из-за обмана и насилия?

Говоря о проблеме свободы и несвободы в коммунистическом обществе, надо принимать во внимание то, что необходимым образом связано с самой организацией общества и условиями нормального его существования, что является инициативой господствующих слоев населения, и что исходит из самой основной массы населения, что выражает соотношение сил борющихся слоев, что продиктовано политическими соображениями, и т.д. Короче говоря, необходимо учитывать все реальные аспекты жизни общества, а не отвлеченные морализаторские декларации и словесные спекуляции. Причем, рассматривать всё это надо в системе понятий, адекватной этому обществу, а не переносить на это понятия, которые еще сохранили какой-то смысл для обществ западных. Впрочем, по моим наблюдениям, они стали многосмысленными и пустыми для самого Запада. И тем более такой перенос недопустим в отношении оценочных критериев.

Рассмотрим несколько конкретных примеров для большей ясности. Известно, например, что в Советском Союзе труд является обязанностью для всех трудоспособных граждан, т.е. является принудительным. Фактически это означает, что каждый трудоспособный гражданин должен быть, прикреплен к какому-то деловому коллективу, и выполнять в нем какую-то работу. Лица, уклоняющиеся от выполнения этой обязанности, считаются правонарушителями и, так или иначе, преследуются. Всякого рода лица, вступившие в конфликт с советским обществом и уволенные с работы (диссиденты в том числе), не

составляют исключения. Они тоже рассматриваются как тунеядцы. Конечно, власти используют эту возможность для борьбы с диссидентами. Но такое положение не было выдуманно специально для диссидентов: оно сложилось еще задолго до того, как последние появились. И оно было изобретено отнюдь не как проявление некоей злобной природы власти. Власти в данном случае лишь следят за соблюдением общественных норм, продиктованных объективной необходимостью. Власти выполняют лишь волю общества. Принудительный труд и прикрепление граждан к местам работы выражают в коммунистическом обществе тот фундаментальный факт, что у работоспособного населения есть лишь один способ иметь средства существования и удовлетворять свои основные потребности, а именно — выполняя какую-то работу в деловом коллективе. Человек входит в общество через этот коллектив. И во всех важнейших аспектах жизни он зависит от коллектива. Люди здесь не просто принуждаются властью прикрепляться к коллективу. Они вынуждаются к этому самими условиями социального бытия. Более того, они к этому стремятся сами. Есть, конечно, многочисленные отклонения от этого общего правила. Но не они определяют общую ситуацию в стране. Люди, которые не прикреплены к официально признанным трудовым коллективам, осуждаются массой населения как тунеядцы. В большинстве случаев они таковыми являются на самом деле.

Возьмем другой пример — трудности с переменной места жительства и поражающую западных обывателей советскую систему «прописки». Эти явления обусловлены, прежде всего, тем, что жилой фонд в Советском Союзе не является частной собственностью. Есть, конечно, исключения. Но они не играют существенной роли в стране в целом или так или иначе зависят от общей советской системы (я не могу здесь объяснять такие детали). Жилой фонд находится во владении общества в целом. Если оставить в стороне (с целью упрощения) исторически данное его распределение, то главный способ распределения его таков. Различного рода общественные организации и предприятия получают определенные доли в свое распоряжение. Эти доли, в свою очередь, распределяются среди граждан. Это — довольно сложный и драматический аспект жизни граждан (впрочем, как и любое распределение благ). Важно здесь то, что граждане получают какие-то доли жилья не в собственность, а в распоряжение. Последнее имеет свои правила. Тут есть свои ограничения и свои свободы. Например, нельзя продать полученную таким образом площадь кому угодно. Правда, существует кооператив, где граждане «покупают» квартиры. Но и тут есть свои ограничения, сводящие «покупку» и «продажу» просто к выкачиванию денег из населения и к некоторым привилегиям в улучшении жилищных условий. Можно жилье обменивать, объединять, разделять, передавать детям. Но, повторяю, всё это находится под контролем государства и общественных организаций. И важнейшим ограничивающим и регулирующим средством здесь является система «прописки».

Прописка, грубо говоря, есть узаконенное право и разрешение жить на данной жилой площади. Как правило, невозможно иметь разрешение жить в данном населенном пункте без предоставления жилой площади, на которой получающий разрешение должен жить. И наоборот, чтобы иметь разрешение жить в данном месте, надо, чтобы тебе предоставили определенную жилую площадь для этого. Более того, гражданин имеет определенные обязанности в отношении места жительства, где он прописан: он прикреплен к этому месту, приписан. Он, конечно, может передвигаться по стране. Но всё же он, так или иначе, привязан к месту прописки. Это долго пояснять, и я ограничусь сказанным. Замечу только, что человеку не так-то легко найти другое место, где он мог бы жить без прописки, или сменить жилье вместе с пропиской. В стране вечный и непреходящий дефицит жилья. Причем, положение человека с жильем существенно зависит от его положения на работе: В крупных городах существует нелегальная практика сдачи комнат и даже квартир лицам, которые в них не прописаны. Но это — капля в море. Это, так или иначе, контролируется властями и населением.

Эта система распределения жилья и прописки является мощным орудием контроля со

стороны властей и общества в целом за поведением граждан, средством манипулирования ими в самых различных аспектах жизни. Человек готов пойти практически на всё, что от него требуется, чтобы получить в награду или в качестве аванса хорошее жилье. Эта система есть также мощное средство охраны общественного порядка, борьбы с жуликами и бандитами и т.д. В Советском Союзе все прекрасно понимают, что это есть ограничение свободы и средство манипулирования людьми. Но против этого не восстают. Люди ищут лазейки внутри этой системы, а не в ее уничтожении. Если кто-то попытается отменить эту систему, население в подавляющем большинстве восстанет против такого «освобождения». Эта система сложилась, прежде всего, как разумная защитная мера населения. Лишь в результате она стала ограничением свободы. Ограничение свободы здесь есть плата за защиту, за гарантии, за спокойствие и многое другое. Человек, имеющий хоть какое-то жилье и прописку в данном месте, имеет в условиях коммунистического общества нечто большее, чем место для сна: он имеет социальный корень. Лишь на этой основе он может устроиться в жизни и сражаться за лучшие условия. Это — прекрасный пример того, что закрепощение людей в обществе порой является в такой же мере их добровольным согласием быть закрепощенными, в какой оно есть продукт насилия над ними. Такие перемещения масс людей, как на Западе, в Советском Союзе невозможны по самим условиям жизни людей. Поэтому там не могут долго существовать всякие незаконные группы, начиная с уголовных банд и кончая диссидентами. Здесь складываются уголовные и оппозиционные группы, но с учетом прикрепленности людей к местам работы и жительства. Уголовные группы по месту работы жуликов здесь обычное дело.

Общеизвестно также существование советской цензуры. Но сколько всякой чепухи говорится и пишется на эту тему! Послушать, так картина представляется такая. Хорошие советские писатели стремятся писать правду в высокохудожественной форме, а плохие власти заставляют их лгать и писать бездарные книжки. Но, увы, эта картина не имеет ничего общего с реальностью. В Советском Союзе десятки тысяч писателей и еще большее число людей так или иначе занято в литературной индустрии. Десятки тысяч не могут быть не то что гениями, но даже талантами. Далее, в писатели отбираются люди определенного типа. Они получают определенное образование и воспитание. Они живут и действуют по общим советским условиям, т.е. по законам больших объединений людей. Они сами образуют социальную советскую структуру с иерархией социальных позиций, с распределением благ в соответствии с рангами и т.п. Они сами суть базисная и, одновременно, высшая власть в своей области. Они — часть партийного идеологического аппарата. Они сами решают, что и как писать, что разрешать и что запрещать печатать. В их среде появляются отдельные талантливые писатели, что тоже есть нормальное явление в любой массе писателей. Но с ними расправляются, прежде всего, сами собратья писатели. Специальные органы власти вступают в действие лишь тогда, когда писатели своими силами не могут задушить или хотя бы образумить строптивого. А цензура и вообще система обсуждений и редактирования есть благо для тысяч бездарных и часто плохо образованных советских писателей. И осуществляют ее сами же массы писателей.

Я коснулся лишь нескольких аспектов жизни советского общества. А их в реальности — сотни и тысячи. И они в реальности много сложнее. Они взаимосвязаны. Отдельно взятые проблемы кажутся простыми для решения, и люди на Западе удивляются, почему их в Советском Союзе не решают. Но если эти простые сами по себе проблемы взять в связи с другими, то они оказываются практически неразрешимыми. Как свободы, так и отсутствие таковых в коммунистическом обществе не абсолютны. Рамки их более или менее подвижны. Люди меняют места работы, многие ухитряются существовать без работы, меняют место жительства, высказывают свои затаенные мысли, критикуют власти и сам строй, выезжают за границу, печатают книги и т.д. Но на это уходят силы, порою — вся жизнь. Это связано с потерями, риском и даже жизненно серьезными жертвами. И это есть нормальная жизнь общества. Свободы и их ограничения не делаются сами собой. За них идет борьба. Борьба повседневная, во всех местах страны, во всех слоях общества, во всех учреждениях. Но эта

борьба ведется не в абстрактных формах борьбы за некие прирожденные права и свободы Человека, каковых в природе вообще нет, а в формах, доступных миллионам граждан общества и дающих какой-то реальный эффект. Нужна целая наука, чтобы описать эти формы. Причем, описать их можно только как часть картины общества в целом, ибо в отрыве от целой картины они будут непонятны. И при выдвигании лозунгов свободы надо принимать во внимание интересы определенных групп людей и их положение в данном обществе, иначе такие лозунги успеха иметь не будут. Для этого надо знать реальную структуру населения данного общества. Запад же совершенно не способен встать на такую позицию. Он упорно рассматривает советское общество в своих бессмысленных понятиях, упорно навязывает ему свои довольно смутные и примитивные представления о свободе и свои неопределенные критерии оценки всего происходящего. Конечно, в Советском Союзе находится довольно много людей, которые поддаются этому влиянию и вовлекаются в такого рода игры по поводу некоей Свободы. Но в целом масса советского народа остается равнодушной. И даже у участников упомянутой игры в Свободу, в конце концов, наступает апатия и разочарование.

В проблеме свободы и несвободы есть еще один аспект, о котором обычно стараются умалчивать, а именно — как и почему миллионы людей принимают свою форму закрепощения. Можно небольшое число людей и на небольшое время обманом и силой заставить принять некоторую форму закрепощения. Но когда речь идет о миллионах людей и их повседневной жизни в ряде поколений, то обманом и насильем ничего не объяснишь. В этом случае проблема «Почему люди закрепощены?» в сущности своей есть проблема «Почему люди предпочитают быть закрепощенными?». В отношении коммунистического общества это обнаруживается с полной очевидностью. Миллионы людей предпочитают коммунистическое рабство потому, что оно изначально и в основе есть соблазн и искушение. Коммунизм сначала несет с собою облегчение жизни и освобождение от многих ограничений прошлого. И лишь на этой основе и затем он несет с собою утяжеление жизни и закрепощение. Но он несет с собою одного рода освобождение и другого рода закрепощение. Он несет освобождение для одних людей и закрепощение для других. И несет он их в такой форме, что люди сразу видят освобождение, и оно им кажется абсолютным, но люди лишь потом ощущают закрепощение, и оно уже кажется им естественным, само собой разумеющимся, неотвратимым. Коммунизм, как показал опыт, не несет с собою всеобщего благополучия и не устраняет всех язв общественной жизни. Но он все же в некоторой мере удовлетворяет великий исторический соблазн людей жить стадно, без тяжкого труда, без постоянных самоограничений, без риска и личной ответственности за сделаемое, упрощенно, с гарантированным минимумом жизненных благ. Коммунизм удовлетворяет этот соблазн в очень малой степени. Но этой степени достаточно, чтобы люди согласились на новую форму закрепощения. Коммунистическое рабство есть сделка миллионов простых людей с исторической необходимостью.

Коммунистическое рабство в огромной степени сравнительно с прошлым обществом, расширяет численно круг членов общества, наделенных официальной властью над другими, и дает почти каждому рядовому члену общества крупную фактическую власть над ближними. Это общество до невиданных доселе размеров увеличивает массу власти, наделяя ею и миллионы своих рядовых членов. Наделяет по тем же законам, по каким вообще распределяются блага в этом обществе, — каждому соответственно его социальному положению. Но все же наделяет. Это такое рабство, в котором рабское положение компенсируется возможностью для каждого видеть в окружающих подвластные ему существа, — здесь вместо свободы предлагается возможность лишать свободы других, т.е. соучастие в закрепощении. Не стремление быть свободными, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе, — вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами.

Быть рабами — это легче и проще, чем не быть ими. Члены коммунистического общества сами осуществляют насилие друг над другом, сами делают своих собратьев рабами и

благодаря этому сами становятся рабами других. Они наделены в огромной мере свободой насилия над самим собою, — это форма внутреннего, а не внешнего рабства. Они предпочитают образ жизни, делающий их рабами, — неизбежная плата за этот образ жизни. История ничего не делает задаром.

В Советском Союзе был популярен такой анекдот. В пещере первобытных людей висит лозунг: «Да здравствует рабовладельческое общество — светлое будущее всего человечества!». Сейчас человечеству впереди светит новая форма рабства — рабство коммунистическое. С какой-то точки зрения это есть и царство свободы. Но свободы рабской, — вот в чем трагедия предстоящей истории.

Таким образом, проблема свободы и несвободы в применении к коммунистическому обществу не есть проблема некоего политического режима и политической борьбы людей против жестокостей этого режима. Это — проблема, касающаяся самого существа социального строя этой страны, — самого существа коммунизма как реального типа общества. И проблема эта — не для отдельного митинга, конференции, демонстрации, декрета, а для длительной истории человечества. Потому она заслуживает того, чтобы к ней более серьезно отнеслись и в разговорах на эту тему.

Нью-Йорк, 1981

Советский вклад в социальный прогресс человечества

Слово «коммунизм» употреблялось и употребляется во многих значениях. Я в свое время насчитал более сотни различных употреблений. Выбирать какое-то из них в качестве правильного — занятие бессмысленное и бесперспективное, ибо на этот счет никаких принудительных правил нет. К тому же во всех употреблениях этого слова, которые я рассмотрел, логические правила введения научных понятий не соблюдаются. Не соблюдаются они и в марксистской литературе. Это наносило значительный ущерб репутации марксизма. Знаменитое марксистское определение «полного» коммунизма через распределение «по потребности» стало предметом насмешек в самых широких кругах людей.

Состояние терминологии не есть нечто второстепенное, оно есть важный компонент самого способа исследования и понимания обозначаемых ею объектов. Я с самого начала моих размышлений на тему о коммунизме (а это началось еще в конце тридцатых годов двадцатого столетия!) пошел путем, которому не изменял всю жизнь и не намерен изменять впредь. Убедившись в том, что все то, что в те годы (как и во все последующие) печаталось и говорилось о коммунизме и о советской реальности, так или иначе, не соответствовало тому, что я сам наблюдал в этой реальности, я принял решение, изучать эту реальность как нечто объективно данное мне и выработать свое собственное ее понимание, отбросив упомянутый словесный мусор (разумеется, мусор с моей точки зрения). Я различил коммунизм идеологический (коммунистический идеал) и коммунизм реальный, т.е. тот социальный строй (или тип социальной организации человеческих объединений), который получается на самом деле при попытке воплотить идеал в жизнь, причем — получается в силу объективных социальных законов, независящих от сознания и воли людей.

В рамках идеологического коммунизма я различил немарксистский и марксистский идеалы. В первом случае имелся в виду идеал социального строя, при котором ликвидируется частная собственность на средства производства, частное предпринимательство и скопление больших богатств в частном владении. Во втором случае — то специфическое, что внес марксизм. Это специфически марксистское привнесение было четко определено классиками

марксизма и общепризнано в советской идеологии. Сюда входят доведение классовой борьбы до диктатуры пролетариата, отмирание государства и денег, различения социализма как низшей стадии коммунизма и «полного» коммунизма и т.д. Я установил для себя, что коммунистический идеал в первом смысле сполна реализовался в Советском Союзе в результате Октябрьской революции 1917 года, тогда как марксистский идеал не реализовался и, как я установил, в принципе не мог реализоваться в силу объективных социальных законов, которые, кстати сказать, не были известны марксистам (и прочим специалистам в сфере социальных исследований не известны до сих пор).

Сложившийся в СССР социальный строй я стал называть реальным коммунизмом. Для тех, кто считал его неправильным или ненастоящим коммунизмом, я делал оговорку: кому это название не нравится, можно удовольствоваться термином «советский социальный строй» или, короче, «советизм». Я считал и считаю до сих пор советизм наиболее полным (можно сказать — классическим) воплощением коммунистического идеала в первом смысле. И не вижу в обозримом будущем возможности того, что где-то возникнет нечто близкое к нему по уровню этого типа социальной организации. И говоря о советском вкладе в социальный прогресс человечества, я имею в виду именно советизм или реальный коммунизм. В этом отношении наша страна стала величайшим новатором социального прогресса человечества. Советский коммунистический эксперимент является непревзойденным в истории по масштабам, достижениям и влиянию на ход социальной эволюции человечества. И тот факт, что советский коммунизм был разгромлен, не снижает его историческую значительность. Более того, чем дальше он удаляется в прошлое, тем отчетливее проявляются и вырастают его масштабы. Прав был Есенин: большое видится на расстоянии. Убитый великан не становится карликом, а пришедший на его место карлик не становится великаном.

Советизм (реальный коммунизм) возник в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года и прекратил существование в результате антикоммунистического переворота, который начался в августе 1991 года и завершился в октябре 1993 года. Он прожил немногим более семидесяти лет. Срок с исторической точки зрения ничтожный. Он только вступил в стадию зрелости и еще не успел развернуть во всю мощь заложенные в нем потенции. Он был убит в самом начале своего пути, разрушен искусственно, а не изжил себя, как утверждают его враги, разрушители и мародеры. Тем не менее, он успел проявить свою социальную натуру настолько сильно и ярко, что вычеркнуть его из памяти человечества, как это стремятся сделать упомянутые люди, вряд ли удастся. История человечества просто немыслима без него, как немыслима без Великой французской революции конца восемнадцатого века, без наполеоновских войн, без первой мировой войны, без гитлеровского правления в Германии и других значительных событий реальной истории.

А стремление исказить и вычеркнуть совсем из истории советизм превысило все известные случаи такого рода и невольно порождает сомнение в здравом уме носителей этого стремления. Например, при праздновании Дня Победы над Германией в войне 1941-1945 годов говорили о том, что победу одержал народ. Просто народ. При этом не сказали ни слова о том, что это был народ советский, организованный в коммунистическую социальную систему, возглавлявшийся сталинским руководством и т.д. Победа в этой самой грандиозной войне в истории человечества была, прежде всего, и главным образом победой советизма. Это — исторический факт. И каким бы ни было наше субъективное отношение к советизму, игнорирование его означает умышленную фальсификацию истории.

Поразительно то, что в фальсификации сущности и истории советизма принимают участие не только политики и идеологи, но и люди, претендующие на статус ученых. Официально признанное научное понимание советизма так и не было создано в советские годы. Среди причин, помешавших выработке такого понимания можно назвать новизну самого предмета и общее состояние социальных исследований в мире. Но главным препятствием при этом, на мой взгляд, стала господствовавшая в стране марксистская идеология. Марксизм сам претендовал на статус высшей науки о социальных явлениях. И все то, что не укладывалось

в его рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось. С разгромом советизма марксистская идеология была просто отброшена. Но на ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, и условия для создания научного понимания советизма нисколько не улучшились. Забавно, что одни и те же попытки построения научной теории советизма, предпринимавшиеся мною, оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

Исторически реальный коммунизм (в качестве советизма) возник по такой схеме. Возникла коммунистическая идеология. У нее появились сторонники. Появились революционеры, намеревавшиеся изменить мир в соответствии с призывами ликвидировать частную собственность как основу эксплуататорского общественного устройства. В октябре 1917 года революционеры коммунисты осуществили революцию и захватили высшую власть в России. Они создали новую систему власти, с которой стали создавать коммунистическую экономику и другие компоненты новой социальной организации. В этой организации стала проходить вся жизнь населения страны. Очевидно, что процесс происходил совсем не по марксистской схеме: до революции в России не было никакого коммунистического базиса в марксистском смысле, так что в реальности не было никакого приведения надстроек в соответствие с базисом, а было, наоборот, создание нового базиса по инициативе и под руководством новой власти, т.е. надстройки в марксистском смысле.

Все компоненты новой социальной организации и их взаимоотношения строились не по идеологическому проекту. Такого вообще не было в строгом смысле слова «проект». Были отдельные высказывания на этот счет скорее мечтательного, морализаторского, агитационного и т.п. характера, а не научно обоснованного. Предпринимались попытки какие-то из них претворить в жизнь. Но скоро они отпали как нежизнеспособные и даже просто нелепые. Это не означает, что идеология не сыграла роль. Она как раз сыграла огромную роль, но именно как идеология, т.е. роль средства организации и ориентации масс людей на восстание против существовавшего социального строя, на его разрушение. Думаю, что без коммунистической идеологии это условие, совершенно необходимое для возникновения реального коммунизма в России в те годы, не появилось бы. Позитивная же работа по построению новой (коммунистической) социальной организации осуществлялась как историческое творчество многих миллионов людей в течение ряда поколений. Это была грандиозная историческая драма и в значительной мере трагедия для многих участников процесса. В нем совершались бесчисленные преступления. Имели место жестокость, обман, насилие, нелепости, ошибки, бессмысленные эксперименты, потери, жертвы и т.п. И все же это был грандиозный исторический процесс, в котором рождалось социальное существо более высокого уровня социальной организации человеческих объединений, какого до того не знала история человечества.

Этот процесс проходил как сознательный в том смысле, что в нем проделывалась огромная интеллектуальная работа, принимались бесчисленные сознательные решения, создавались планы, прилагались сознательно-волевые усилия к их выполнению, строились прогнозы и т.д. Но он не был субъективно произвольным. В нем действовали объективные социальные законы, независимые от воли и сознания людей. Никакого противоречия тут нет: социальные законы суть законы именно сознательно-волевой деятельности людей. Люди не знают о них и зачастую действуют вопреки им, за что они «наказываются» негативными последствиями своих поступков, что не отменяет сам факт существования таких законов. Реальный советский коммунизм сложился не по злumu или добromy умыслу отдельных деятелей истории (хотя такие умыслы суть обычные явления), а как закономерное социальное образование, во всяком случае — не менее закономерное, чем общества прошлого и настоящего, включая западные.

В моих многочисленных книгах и статьях, которые стали публиковаться на многих языках, начиная с 1976 года, я детальнейшим образом описал упомянутые социальные законы и тот тип социального феномена, который сложился в нашей стране и затем во многих других

странах в двадцатом веке после Октябрьской революции 1917 года. Это мое описание как в целом, так и в деталях принципиально отличается от марксистского социального учения (называемого историческим материализмом) и марксистского учения о коммунизме (называемого научным коммунизмом). Марксистское учение претендовало (и претендует) на научное понимание социальных явлений, включая реальный коммунизм. Но фактически оно не вышло за рамки идеологии. Я же противопоставил ему именно научный подход. Поясню кратко, в чем состоит отличие научного подхода в моем понимании от идеологического.

Научный подход к социальным явлениям (в моем понимании!) предполагает, что изучаемые объекты существуют в какой-то мере и форме эмпирически, на самом деле, а не в воображении. Их можно наблюдать. Высказываемые при этом суждения можно проверять путем сопоставления их с наблюдаемой реальностью. Когда возникло марксистское учение о коммунизме («научный коммунизм»), в реальности никакого социального явления такого рода нигде не было. И все, что говорилось на эту тему, можно было рассматривать лишь как гипотезы или проекты. В советские же годы специалисты по «научному коммунизму» игнорировали советскую реальность, вырывали из нее лишь то, что можно было изобразить как подтверждение учения Маркса, подгоняли явления реальности под марксистские фразы (фальсифицировали реальность), в лучшем случае утверждали, что коммунизм в стране еще не достроен или что он строится неправильно. Об изучении советской реальности именно как реального коммунизма и речи быть не могло. Всесильная советская идеология (в основе марксистская) расценивала даже самые робкие попытки на этот счет как клевету.

Научный подход к социальным явлениям, далее, означает субъективную беспристрастность в отношении этих явлений. Марксизм же всегда подчеркивал то, что он явился выражением интересов рабочего класса (пролетариата). В советские годы стали говорить об интересах трудящихся, трудового народа. И именно в этой пристрастности марксизма видели его величайшее достоинство. Утверждали, что именно переход на позиции пролетариата позволил классикам марксизма создать якобы научное понимание социальной реальности (и вообще всего на свете, включая атомы, электроны, хромосомы и т.д.). Марксисты до сих пор цепляются за это пристрастие, хотя пролетариат как социальный класс вообще почти исчез с исторической арены в странах западного мира. Да и в России социальная структура населения принимает такой вид, что пролетариат можно обнаружить лишь с помощью словесных махинаций. Думаю, что именно классовая тенденциозность марксизма стала одной из причин того, что марксизм не дал научного понимания социальных явлений вообще и реального коммунизма в особенности.

Говоря все это, я вовсе не отвергаю великую историческую роль марксизма как самой грандиозной в истории человечества гражданской (светской, нерелигиозной) идеологии. Без него была бы невозможна Октябрьская революция 1917 года в России, не возник бы советизм (советский реальный коммунизм). Но это не превращает марксизм в науку. Идеология состоит из множества суждений (утверждений, высказываний). Далеко не все они ложные. Многие истинны. Иначе идеология не может иметь успех в массе людей. В этом смысле можно говорить о степени адекватности идеологии той реальности, с которой ее соотносят. Марксизм имел довольно высокую степень адекватности той реальности, в которой он возник и затем распространялся. Идеологи и политики выдавали это за подтверждение научности марксизма, чего (научности) на самом деле никогда не было. Вследствие тех перемен, которые произошли в мире (включая нашу страну), степень адекватности марксистской идеологии настолько сократилась, что она утратила всякую позитивную роль. В Советском Союзе она стала одним из важных факторов в том комплексе факторов, который стал условием разгрома советизма (реального коммунизма).

Научный подход к социальным явлениям, наконец, предполагает следование правилам логики и методологии познания. На словах эти правила признаются всеми. Но в практике исследования и сочинения текстов с ними считаются очень редко и в самых примитивных случаях. Обычно же их игнорируют или не знают вообще. Марксисты к ним сознательно

относились с презрением, воображая, будто они следуют какой-то высшей (диалектической) логике. Если последнюю понимать как диалектический метод (диалектику), то он в марксизме был сведен к некоему учению об общих законах бытия, а эти законы ограничились заимствованными у Гегеля несколькими общими утверждениями, лишенными методологического смысла. А без фундаментальной логической обработки понятийного аппарата и методов социальных исследований научное понимание современной социальной реальности (включая советизм, запад-низм, постсоветизм, глобализацию) исключено даже при наличии страстного желания, иметь его и при поддержке со стороны правящих и имущих слоев населения страны. И не удивительно, что советизм (реальный коммунизм) остался непонятым на научном (в моем понимании научности) уровне как в Советском Союзе, так и на Западе. В официальной (университетской и академической) науке он на этом уровне не понимается и теперь, поскольку необходимые для этого интеллектуальные средства просто отсутствуют. Их не разрабатывают, им не обучают студентов. Если в этом направлении что-то и делается, то лишь отрывочно, случайно, несистематически. На интеллектуальном состоянии сферы социальных исследований это не сказывается заметным образом. А если к сказанному добавить вполне сознательное препятствование новшествам на этот счет со стороны массы специалистов в сфере логики, методологии и социологии, то рассчитывать на серьезные перемены в понимании интересующего нас здесь объекта в обозримом будущем не приходится.

Как я сказал выше, в советский период в нашей стране была изобретена социальная организация (строй, система) более высокого уровня, чем все существовавшие ранее и в других странах планеты. Я назвал этот уровень сверхобщественным, мотивируя это следующими соображениями. Осуществив экспликацию понятия «общество» по правилам логики, я установил: в том, что создавалось в Советском Союзе, имели место все основные компоненты социальной организации общества (государственность, правовая сфера, экономика, система образования, культура, идеология и т.д.). Но одновременно сложились над ними явления сверхгосударственности (их называли словами «партия» и «партийный аппарат»), сверхэкономики (в виде органов командно-плановой и централизованной системы построения и управления хозяйством), сверхидеологии (в виде единой гражданской идеологии и идеологического аппарата, контролировавшего всю менталитетную сферу) и т.д. Эти явления образовали целостную систему, подчинившую компоненты социальной организации общества. Последние, говоря языком диалектики, включились в систему сверхобщественной организации в «снятом виде». Тут проявилась общая закономерность развития — новое качество возникло как структурное образование более высокого уровня.

Фактически сложившееся советское сверхобщество было первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба. Наша страна с этой точки зрения опередила западный мир, по крайней мере, на пятьдесят лет. Запад встал на путь эволюции в направлении к сверхобществу лишь после второй мировой войны, причем — под влиянием Советского Союза и в соответствии с социальным законом уподобления противников в мировой борьбе за лидерство. Поскольку советское сверхобщество осталось непонятым в этом его качестве, все его явления оценивались в научной, политической и идеологической среде ошибочно, причем — как на Западе, так и в самом СССР. В последнем даже больше ошибались, чем на Западе. На Западе хотя бы догадывались о преимуществах советизма, придавая в пропаганде им негативную окраску. Советские же политики, идеологи и «ученые» от непомерного приукрашивания советизма в духе западных добродетелей бросились в другую крайность — преклонения перед пропагандистки приукрашенными дефектами западнизма и очернения непонимаемых достоинств своего советизма. Вспомните, что идеи коммунизма (социализма) с человеческим лицом и перестройки страны в западном духе стали навязываться советскому населению сверху, с высот власти и интеллектуальной элиты страны. Очернение советизма превратилось в Советском Союзе буквально в оргию, скорее напоминающую медицинское умопомешательство, чем критическое осмысление реальности. И эта оргия не утихает до сих пор. Теперь к породившим ее факторам добавилось

стремление оправдать свою эпохальную глупость и предательское поведение в судьбоносный период истории.

Обычно мои оппоненты выдвигают против моей концепции реального коммунизма такой аргумент: если советский строй был таким, как я его описываю, почему же он рухнул? Такой аргумент есть типичный пример логической безграмотности моих оппонентов. Я на такой вопрос отвечаю так. Во-первых, рухнул не советский социальный строй (советизм), а конкретная страна с таким строем, причем — в конкретных исторических условиях. Социальный строй не существует сам по себе. Это лишь один из аспектов организации жизни конкретного народа в конкретных геополитических условиях, в конкретной социальной среде. Советский Союз рухнул в результате многолетней войны нового типа с западным миром (более полувека!). Исторически сложился целый комплекс факторов, обусловивших этот крах. Среди этих факторов — колоссальный перевес сил Запада, назревание первого в истории специфически коммунистического кризиса в СССР, неизбежные дефекты самого советизма и т.д. Удивительно тут не то, на мой взгляд, что Советский Союз рухнул, а то, что страна в чудовищно трудных условиях перманентной борьбы с мощным западным миром в течение более чем семидесяти лет успешно защищала себя, выиграла крупнейшую в истории войну победу, добилась грандиозных успехов за исторически ничтожно малые сроки. И это — благодаря советизму! Советизм в нашей стране был молодым социальным строем, вполне жизнеспособным и самым совершенным из всего того, что могло сложиться в тех условиях. Он был разрушен искусственно. Причем, главную роль в его разрушении сыграли те, кто по идее должен был его защищать, — сами советские руководители, идеологи, привилегированные категории граждан. Вспомните, что в стране было около восемнадцати миллионов членов КПСС, которые при вступлении в партию давали клятву до последней капли крови сражаться за коммунизм. Они сдали коммунизм без боя, не пролив ни единой капли своей крови.

Но на этом эволюционный прогресс не прекратился. Разгромив советское сверхобщество на Востоке, западный мир сам устремился к сверхобществу. При этом он стремится с помощью российских холуев вообще вычеркнуть из памяти человечества тот факт, что Советский Союз в течение более семидесяти лет был бесспорным лидером эволюционного прогресса человечества. Я считаю, что наш долг как представителей русского народа, который был основным субъектом советизма, научно осмыслить опыт советизма и сохранить его хотя бы в какой-то мере в памяти потомков.

Москва, 2004

Имя века

Тема этого очерка — Сталин и сталинская эпоха. Для меня эта тема особенно важна. Дело в том, что я еще в школьные годы (в 1938 году) стал убежденным антисталинистом. В 1939 году был арестован за выступление против культа личности Сталина. Случилось так, что я бежал, скрывался, в урагане войны 1941-1945 годов «затерялся». До самой смерти Сталина вел тайную антисталинистскую пропаганду. После смерти Сталина (в 1953 году) я покончил с моим антисталинизмом. К этому времени я достаточно основательно изучил советское общество и в особенности сталинский период. Мой антисталинизм утратил смысл, уступив место объективно научному пониманию сталинской эпохи, ушедшей в прошлое. Я изложил это понимание тридцать лет спустя в книге «Нашей юности полет», опубликованной на Западе. Прошло еще двадцать лет. За эти годы было разрушено детище Сталина — советский социальный строй. Изучение этой глобальной и эпохальной катастрофы внесло свою долю в мое понимание Сталина, сталинской эпохи, сталинизма. В этом очерке я хочу

изложить основные черты этого итогового понимания.

Масштабы исторической личности определяются масштабами событий, в которых они играли значительную и даже решающую роль. С этой точки зрения, Сталин принадлежит к числу величайших личностей в истории человечества. Если девятнадцатый век можно назвать веком Наполеона и Маркса, то век двадцатый можно с полным правом назвать веком Ленина и Сталина. В этом очерке я намерен рассмотреть не конкретные факты и события сталинской эпохи и жизни Сталина, а их социальную сущность.

Сталинская эпоха. Чтобы дать объективную характеристику сталинской эпохи, необходимо, прежде всего, определить ее место в истории русского (советского) коммунизма. Сейчас можно констатировать как факт такие четыре периода в истории русского коммунизма: 1) зарождения; 2) юности (или созревания); 3) зрелости; 4) кризиса и гибели. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем ЦК партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период можно назвать ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы до смерти Сталина в 1953 году или до двадцатого съезда партии в 1956 году. Это — сталинский период. Третий (хрущевско-брежневский период) продолжался до прихода к высшей власти в стране Горбачева в 1985 году. И четвертый период начался с приходом к высшей власти Горбачева и завершился антикоммунистическим переворотом в августе 1991 года, возглавленным Ельциным, и разрушением русского (советского) коммунизма.

После 20-го съезда КПСС прочно утвердилось представление о сталинском периоде как о периоде злодейства, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее из всех злодеев в истории человечества. И теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв и дефектов сталинизма. Попытки высказаться объективно об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительной линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а их объективного понимания. Думаю, что я имею на это моральное право, поскольку с ранней юности был убежденным антисталинистом (о чем говорилось ранее). Ниже я кратко изложу основные выводы относительно Сталина и сталинизма, к которым пришел в результате многолетних научных исследований.

Ленин и Сталин. Советская идеология и пропаганда в сталинские годы преподносила Сталина как «Ленина сегодня». Теперь я думаю, что это верно. Конечно, между Лениным и Сталиным имели место различия. Но главным все-таки является то, что сталинизм был продолжением и развитием ленинизма как в теории, так и в практике строительства реального коммунизма. Сталин дал наилучшее* изложение ленинизма как идеологии. Он был верным учеником и последователем Ленина. Какими бы ни были их конкретные личные отношения, с социологической точки зрения они образуют единую историческую личность. Случай в истории уникальный. Я не знаю другого такого случая, чтобы один политический деятель большого масштаба поднял буквально на божественную высоту своего предшественника у власти, как это сделал Сталин с Лениным.

После 20-го съезда КПСС Сталина начали противопоставлять Ленину, а сталинизм — рассматривать как отступление от ленинизма. Сталин действительно «отступил» от ленинизма, но не в плане измены ему, а в том смысле, что внес в него настолько значительный вклад, что мы вправе говорить о сталинизме как об особом феномене.

Политическая и социальная революция. Великая историческая роль Ленина заключалась в том, что он разработал идеологию социалистической революции, создал организацию профессиональных революционеров, рассчитанную на захват власти, возглавил силы для захвата и удержания власти, когда представился случай, оценил этот случай и пошел на риск захвата власти, использовал власть для разрушения существовавшей социальной системы, организовал массы на защиту завоеваний революции от контрреволюционеров и

интервентов, короче говоря — в создании необходимых условий для построения коммунистического социального строя в России. Но сам этот строй сложился уже после него, в сталинский период, сложился под руководством Сталина. Роль этих людей настолько огромна, что можно смело утверждать, что без Ленина не победила бы социалистическая революция, а без Сталина не возникло бы первое в истории коммунистическое общество огромного масштаба. Когда-нибудь, когда человечество в интересах самосохранения все-таки вновь обратится к коммунизму как к единственному пути избежать гибели, двадцатый век будет назван веком Ленина и Сталина.

Я различаю политическую и социальную революции. В русской революции они слились воедино. Но в ленинский период доминировала первая, в сталинский на первый план вышла вторая. Социальная революция заключалась не в том, что были ликвидированы классы капиталистов и помещиков, что была ликвидирована частная собственность на землю, на фабрики и заводы, на средства производства. Это был лишь негативный, разрушительный аспект политической революции. Социальная же революция как таковая, в ее позитивном, созидательном содержании означала создание новой социальной организации масс многомиллионного населения страны. Это был грандиозный и беспрецедентный процесс объединения миллионов людей в коммунистические коллективы с новой социальной структурой и новыми взаимоотношениями между людьми, процесс создания многих сотен тысяч деловых клеточек невиданного доселе типа и объединения их точно также в невиданное доселе единое целое. Это был грандиозный процесс создания нового образа жизни миллионов людей с новой психологией и идеологией.

Хочу обратить особое внимание на следующее обстоятельство. Как критики, так и апологеты сталинизма изображают этот процесс так, будто Сталин и его соратники лишь воплощали в жизнь марксистско-ленинские проекты. Это — глубокое заблуждение. Никаких таких проектов не было вообще. Были общие идеи и лозунги, которые можно было истолковывать и которые на самом деле истолковывались, как говорится, вкось и вкривь. Не было таких проектов ни у самого Сталина, ни у сталинцев. Тут имело место историческое творчество в полном смысле слова. Перед строителями нового общества стояли конкретные задачи установления общественного порядка, борьбы с преступностью, борьбы с беспризорностью, обеспечения людей продуктами питания и жильем, создания школ и больниц, создания средств транспорта, строительства заводов для производства необходимых предметов потребления и т.д. Они поступали в силу жизненной необходимости, в силу наличных средств и условий, в силу объективных социальных законов, о которых не имели ни малейшего понятия, но с которыми вынуждены были считаться на деле, действуя по принципу проб и ошибок. Они не думали о том, что тем самым создавали ячейки нового общественного организма с его закономерной структурой и объективными, не зависящими от их воли социальными отношениями. Их деятельность была успешной в той мере, в какой они, так или иначе, считались с объективными условиями и законами социальной организации. В общем, и целом Сталин и его соратники действовали в соответствии с жизненной необходимостью и объективными тенденциями реального бытия, а не с какими-то идеологическими догмами, как им приписывают фальсификаторы советской истории. Замечу кстати, что материальные и культурные ценности, созданные в сталинские годы, были настолько огромны, что ценности, доставшиеся в наследство от дореволюционной России, выглядят в сравнении с ними каплей в океане. То, что национализировалось и обобществлялось после революции, на самом деле было не столь значительным, как об этом принято говорить. Материальную и культурную основу нового общества пришлось создавать заново после революции, используя новую систему власти. Со временем конкретные задачи, вынуждавшие строителей нового общества осуществлять коллективизацию, индустриализацию и другие мероприятия большого масштаба, отошли на задний план или исчерпали себя, а неосознанный и незапланированный социальный аспект заявил о себе как одно из главных достижений этого периода истории русского коммунизма.

Самым важным, пожалуй, результатом социальной революции, привлечшим на сторону нового строя подавляющее большинство населения страны, было образование деловых коллективов, благодаря которым люди приобщались к публичной жизни и ощущали заботу о себе общества и власти. Тяга людей к коллективной жизни без частных хозяев и с активным участием всех была неслыханной ранее нигде и никогда. Демонстрации и собрания были делом добровольным. К ним относились как к праздникам. Несмотря ни на какие трудности, иллюзия того, что власть в стране принадлежит народу, была все подавляющей иллюзией тех лет. Явления коллективизма воспринимались как показатели именно народовласти. Народовластия не в смысле западной демократии, а буквально. Представители низших слоев населения (а их было большинство) заняли нижние этажи социальной лестницы и приняли участие в социальном спектакле не только в качестве зрителей, но и в качестве актеров. Актеры на более важных ролях тогда тоже в массе своей были выходцами из народа. Такой вертикальной динамики населения, как в те годы, история не знала до этого.

Коллективизация и индустриализация. Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинскими злодеями из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость. Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из-за теории, зародившись в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Коллективизация была не злым умыслом, а трагической неизбежностью. Процесс бегства людей в города все равно нельзя было остановить. Коллективизация ускорила его. Без нее этот процесс стал бы, может быть, еще болезненнее, растянувшись на несколько поколений. Дело обстояло вовсе не так, будто высшее советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложившихся условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин стал не изобретателем русской трагедии, а лишь ее выразителем. Колхозы были злом, но далеко не абсолютным. Без них в тех реальных условиях была невозможна индустриализация, а без последней нашу страну разгромили бы уже в тридцатые годы, если не раньше. Но и сами по себе колхозы имели не только недостатки. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Хотя и в негативной форме, колхозы сыграли эту роль для десятков миллионов людей. Молодые люди получили возможность становиться трактористами, механиками, учетчиками, бригадирами. Вне колхозов появились «интеллигентные» должности в клубах, медицинских пунктах, школах, машинно-тракторных станциях. Совместная работа многих людей становилась общественной жизнью, приносящей развлечение самим фактом совместности. Собрания, совещания, беседы, пропагандистские лекции и прочие явления новой жизни, связанные с колхозами и сопровождавшие их, делали жизнь людей интересней, чем старая. На том уровне культуры, на каком находилась масса населения, все это играло роль огромную, несмотря на убогость и формальность этих мероприятий.

Индустриализация советского общества была так же плохо понята, как и коллективизация. Важнейший ее аспект, а именно — социологический, выпал из поля зрения как апологетов, так и критиков сталинизма. Критики рассматривали ее, во-первых, с критериями западной экономики как экономически нерентабельную (по их понятиям — бессмысленную) и, во-вторых, как волюнтаристскую, диктуемую соображениями идеологии. А апологеты не заметили того, что тут рождался качественно новый феномен сверхэкономики, благодаря которому Советский Союз в удивительно короткие сроки стал мощной индустриальной державой. И что самое поразительное, не заметили того, какую роль сыграла индустриализация в социальной организации масс населения.

Организация власти. В эти годы происходило, с одной стороны, объединение разбросанных по огромной территории различных народов в единый социальный организм, а с другой стороны, происходили внутренняя дифференциация и структурное усложнение этого

организма. Данный процесс с необходимостью порождал разрастание и усложнение системы власти и управления обществом. А в новых условиях он породил и новые функции власти и управления. Но она появилась на свет не сразу после революции. Нужны были многие годы на ее создание. А страна нуждалась в управлении с первых же дней существования нового общества. Как же она управлялась? Конечно, до революции существовал государственный аппарат царской России. Но он был разрушен революцией. Его обломки и опыт работы использовались для создания новой государственной машины. Но опять-таки нужно было что-то еще другое, чтобы это сделать. И этим другим средством управления страной в условиях послереволюционной разрухи и средством создания нормальной системы власти явилось рожденное революцией народовластие.

Употребляя выражение «народовластие» или «власть народа», я не вкладываю в них никакого оценочного смысла. Я не разделяю иллюзий, будто власть народа — это хорошо. Я имею здесь в виду лишь определенную структуру власти в определенных исторических обстоятельствах и ничего более. Вот основные черты народовластия. Подавляющее большинство руководящих постов с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения. А это миллионы людей. Вышедший из народа руководитель обращается в своей руководящей деятельности непосредственно к самому народу, игнорируя официальный аппарат. Для народных масс этот аппарат представляется как нечто враждебное им и как помеха их вождю-руководителю. Отсюда волюнтаристские методы руководства. Потому высший руководитель может по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, смещать их, арестовывать. Руководитель выглядел народным вождем. Власть над людьми ощущалась непосредственно, без всяких промежуточных звеньев и маскировок.

Народовластие есть организация масс населения. Народ должен быть определенным образом организован, чтобы его вожди могли руководить им по своей воле. Воля вождя — ничто без соответствующей подготовки и организации населения. Были изобретены определенные средства для этого. Это, прежде всего, всякого рода активисты, зачинатели, инициаторы, ударники, герои... Масса людей в принципе пассивна. Чтобы держать ее в напряжении и двигать в нужном направлении, в ней нужно выделить сравнительно небольшую активную часть. Эту часть следует поощрять, давать ей какие-то преимущества, передать ей фактическую власть над прочей пассивной частью населения. И во всех учреждениях образовывались неофициальные группы активистов, которые фактически держали под своим наблюдением и контролем всю жизнь коллектива и его членов. Руководить учреждением без их поддержки было практически невозможно. Активисты были обычно людьми, имевшими сравнительно невысокое социальное положение, а порою — самое низкое. Часто это были бескорыстные энтузиасты. Но постепенно этот низовой актив перерастал в мафию, терроризировавшие всех сотрудников учреждений и задававшие тон во всем. Они имели поддержку в коллективе и сверху. И в этом была их сила.

Высшей властью в сталинской системе власти был не государственный, а сверхгосударственный аппарат власти, не связанный никакими законодательными нормами. Он состоял из клики людей, лично обязанных главарю (вождю) своим положением в клике и предоставленной ему долей власти. Такие клики складывались на всех уровнях иерархии, начиная с высшей ступени, во главе с самим Сталиным, и кончая уровнем районов и предприятий. Главными рычагами власти были партийный аппарат и партия в целом, профсоюзы, комсомол, органы государственной безопасности, учреждения внутреннего порядка, армейское командование, дипломатический корпус, главы учреждений и предприятий, выполняющих задания особой государственной важности, научная и культурная элита и т.д. Государственная власть (советы) подчинялась сверхгосударственной. Важным компонентом сталинской власти было то, что называлось словом «номенклатура». Роль этого явления была сильно преувеличена и искажена в антисоветской пропаганде. Что такое номенклатура на самом деле? В сталинские годы в номенклатуру входили особо отобранные

и надежные с точки зрения центральной власти партийные работники, осуществлявшие руководство большими массами людей в различных районах страны и различных сферах жизни общества. Система руководства была сравнительно проста, общие установки — ясны и стабильны, методы руководства — примитивны и стандартны, культурный и профессиональный уровень руководимых масс — низок, задачи деятельности масс и правила их организации — сравнительно просты и более или менее единообразны. Так что практически любой партийный руководитель, включенный в номенклатуру, мог с одинаковым успехом руководить литературой, целой территориальной областью, тяжелой промышленностью, музыкой, спортом. Главная задача руководства такого рода состояла в том, чтобы создать и поддерживать единство и централизацию руководства страной, приучить население к новым формам взаимоотношения с властью, любой ценой решать некоторые проблемы общегосударственного значения. И эту задачу номенклатурные работники сталинского периода выполнили.

Репрессии. Вопрос о репрессиях имеет принципиальное значение для понимания не только истории формирования русского коммунизма, но и его сущности как социального строя. В них произошло совпадение факторов различного рода, связанных как с сущностью коммунистического социального строя, так и с конкретными историческими условиями, а также с природными условиями России, ее историческими традициями и характером наличного человеческого материала. Была мировая война. Рухнула царская империя, причем — коммунисты в этом были меньше всего повинны. Произошла революция. В стране дезорганизация, разруха, голод, расцвет преступности. Новая революция, на сей раз — социалистическая. Гражданская война, интервенция, восстания.

Никакая власть не смогла бы установить элементарный общественный порядок без массовых репрессий. Само формирование нового общественного строя сопровождалось буквально оргией преступности во всех сферах общества, во всех регионах страны, на всех уровнях формирующейся иерархии, включая сами органы власти, управления и наказания. Коммунизм входил в жизнь как освобождение, но освобождение не только от пут старого строя, но и освобождение масс людей от элементарных сдерживающих факторов. Халтура, очковтирательство, воровство, коррупция, пьянство, злоупотребления служебным положением и т.п., процветавшие и в дореволюционное время, превращались буквально в нормы всеобщего образа жизни россиян (теперь советских людей). Партийные организации, комсомол, коллективы, пропаганда, органы воспитания и т.д. прилагали титанические усилия к тому, чтобы помешать этому. И они действительно многого добивались. Но они были бессильны без органов наказания. Сталинская система массовых репрессий выростала как самозащитная мера нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности. Она становилась постоянно действующим фактором нового общества, необходимым элементом его самосохранения.

Бесспорно, сталинские репрессии имели место. И в них имело место многое такое, что заслуживает осуждения. Но то, как это делалось и делается до сих пор в разоблачениях сталинизма, само есть преступна фальсификация истории, ничего общего не имеющая со стремлением к исторической истине. Характерным для нее является жульнический прием, суть которого заключается в следующем. Для описания исторически данной реальности из множества ее событий отбираются такие, чтобы каждое суждение о них по отдельности было истинным, но чтобы их совокупность создавала ложную картину реальности в целом. В реальной жизни сталинского периода произошло такое множество событий, которое сосчитать невозможно. Это был гигантский океан событий. А в сочинениях разоблачителей сталинизма из этого океана событий тенденциозно вырывались лишь немногие. Суждения о них концентрировались в ограниченных текстах, которые преподносились как точный образ эпохи в целом. Фактически процент таких разоблачительных событий по отношению к реальному океану реальных событий настолько ничтожен, что при описаниях других эпох и стран такого рода события вообще не принимаются во внимание.

Так, может быть, социальная значимость этих немногих событий была настолько велика, что все прочие события меркнут перед ними? На самом деле и с этой точки зрения, упомянутые сочинения (и подобные им современные образы этой эпохи) суть фальсификация реальности. На самом деле в сталинскую эпоху (и вообще в советский период русской истории) в нашей стране произошли такие грандиозные социальные события, по сравнению с которыми события, вырываемые из исторического контекста разоблачителями, претендующими на некую «подлинную правду», просто не заслуживали бы внимания, если бы в мире хоть в какой-то мере считались с принципами научного подхода к пониманию социальных явлений большой исторической значимости.

Экономическая революция. Слишком мало сказать об экономике сталинской эпохи, что в ней имели место коллективизация и индустриализация. В ней сложилась специфически коммунистическая форма экономики, я бы сказал даже — сверхэкономика. Назову ее основные черты. В сталинские годы было создано огромное число первичных деловых коллективов (клеточек), которые, в совокупности образовали специфически коммунистическую сверхэкономику. Эти клеточки создавались не стихийно, не частным порядком, а решениями властей. Последние решали, что эти клеточки должны были делать, сколько иметь наемных работников и каких, как их оплачивать, и все прочие аспекты их жизнедеятельности. Это не было делом полного произвола властей. Последние принимали во внимание реальную ситуацию и реальные возможности. Создаваемые экономические (хозяйственные) клеточки включались в систему других клеточек, т.е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и, в конечном счете, — экономики в целом.

Над экономическими клеточками создавалась иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Она была организована по принципам начальствования и подчинения, а также централизации. На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом, противопоставляя ей свою рыночную экономику, прославляя ее как величайшее добро.

Коммунистическая сверхэкономика, организуемая и управляемая сверху, имела определенную целевую установку. Последняя заключалась в следующем. Во-первых, обеспечивать страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость и идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечивать граждан страны необходимыми средствами существования. В-третьих, обеспечивать всех трудоспособных граждан работой как основным и для большинства единственным источником существования. В-четвертых, вовлекать все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных коллективах. С такой установкой была органически связана необходимость планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом. Отсюда — знаменитые сталинские пятилетки. Эта плановость советской экономики вызывала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно безосновательно. Советская экономика имела свои недостатки. Но причиной их была не плановость как таковая. Наоборот, плановость позволяла сдерживать эти недостатки и добиваться успехов, которые в те годы признавались во всем мире как беспрецедентные.

Общепринято думать, будто западная экономика является более эффективной, чем советская. Это мнение просто бессмысленно с научной точки зрения. Надо различать экономические и социальные критерии оценки эффективности экономики. Социальная эффективность экономики характеризуется способностью существовать без безработицы и без разорения нерентабельных предприятий, более легкими условиями труда, способностью сосредоточивать большие средства и силы на решение задач большого масштаба, и другими признаками. С этой точки зрения, как раз сталинская экономика оказалась максимально эффективной, что стало одним из факторов побед эпохального и глобального масштаба. Культурная революция. Сталинский период был периодом беспрецедентной в истории

человечества культурной революции, коснувшейся многомиллионных масс населения всей страны. Эта революция была абсолютно необходимым условием выживания нового общества. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, не соответствовал потребностям нового общества во всех аспектах его жизнедеятельности, в особенности — в производстве, системе управления, науке, армии. Требовались миллионы образованных и профессионально подготовленных людей. В решении этой проблемы новое общество продемонстрировало свое преимущество перед всеми прочими типами социальных систем: самым легкодоступным для него оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, — образование и культура. Оказалось, что легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был самой мощной компенсацией за бытовое убожество.

Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как самая страшная угроза этому завоеванию революции. Быт при этом играл роль второстепенную. Надо было лично пережить это время, чтобы оценить это состояние. Потом, когда образование и культура стали чем-то само собой разумеющимся, привычным и будничным, это состояние исчезло и забылось. Но оно было и сыграло свою историческую роль. Оно пришло не само собой. Оно явилось одним из достижений сталинской социальной стратегии. Оно создавалось преднамеренно, систематически, планомерно. Высокий образовательный и культурный уровень людей считался необходимым условием коммунизма в самих основах марксистской идеологии. В этом пункте, как и во многих других, практические жизненные потребности совпадали с постулатами идеологии. В сталинские годы марксизм как идеология еще был адекватен потребностям реального хода истории.

Идеологическая революция. Все пишущие о сталинской эпохе много внимания уделяют коллективизации, индустриализации и массовым репрессиям. Но в эту эпоху происходили и другие события огромного масштаба, о которых пишут мало или умалчивают совсем. К их числу относится в первую очередь идеологическая революция. С точки зрения формирования реального коммунизма она, на мой взгляд, не менее важна, чем прочие события эпохи. Тут речь шла о формировании третьей основной опоры всякого современного общества наряду с системой власти и экономикой — единой государственной светской (нерелигиозной) идеологии и централизованного идеологического механизма, без которых успех строительства коммунизма был бы невыносим.

В сталинские годы определилось содержание идеологии, определились ее функции в обществе, методы воздействия на массы людей, наметилась структура идеологических учреждений, и выработались правила их работы. Кульминационным пунктом идеологической революции был выход в свет работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Существует мнение, будто эту работу написал не он. Но если даже Сталин присвоил чужой труд, в появлении его он сыграл роль неизмеримо более важную, чем сочинение этого довольно примитивного с интеллектуальной точки зрения текста: он понял необходимость такого идеологического текста, дал ему свое имя и навязал ему огромную историческую роль. Эта сравнительно небольшая статья явилась настоящим идеологическим (не научным, а именно идеологическим) шедевром в полном смысле слова.

После революции и гражданской войны перед партией, захватившей власть, встала задача — навязать свою партийную идеологию всему обществу. Иначе она у власти не удержалась бы. А это практически означало идеологическую обработку широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов — идеологических работников, формирование постоянно действующего аппарата идеологической работы, проникновение идеологии во все сферы жизни. А с чего пришлось начинать? Малограмотное и процентов на девяносто религиозное

население. Идеологический хаос и разброд в среде интеллигенции. Партийные работники — недоучки, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода идейных течениях. Да и сам марксизм они знали так себе. И теперь, когда возникла жизненно первостепенная задача переориентировать идеологическую работу на массы низкого образовательного уровня и зараженные старой религиозно-самодержавной идеологией, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными.

Нужны были идеологические тексты, с которыми можно было бы уверенно, настойчиво и систематично общаться к массам. Главной проблемой стало не развитие марксизма как явления отвлеченной философской культуры, а отыскание наиболее простого способа сочинения марксистскообразных фраз, речей, лозунгов, статей, книг. Надо было занизить уровень исторически данного марксизма так, чтобы он стал идеологией интеллектуально примитивного и плохо образованного большинства населения. Занижая и вульгаризируя марксизм, сталинисты, тем самым, вышелушивали из него рациональное ядро, единственно стоящее, что в нем вообще было.

Пусть читатель обратит внимание на тот идеологический хаос, какой имеет место в сегодняшней России, на бесплодные поиски некой «национальной идеи», бесконечные жалобы на отсутствие эффективной идеологии! А ведь образовательный уровень населения неизмеримо выше, чем был в начале сталинской эпохи, в поиски идеологии вовлечены огромные интеллектуальные силы, за плечами опыт по этой части многих десятков лет мирового прогресса! А результат — ноль. Чтобы по достоинству оценить сталинизм в этом плане, достаточно сравнить те времена с нынешними. Конечно, марксизм со временем стал предметом насмешек. Но это случилось через несколько десятков лет, причем — в сравнительно узких кругах интеллектуалов, когда сталинская идеологическая революция уже выполнила свою великую историческую миссию. И советская идеология, родившаяся в сталинские годы, не умерла своей смертью, а была просто отброшена в результате антикоммунистического переворота. То идеологическое состояние, которое пришло ей на смену, явилось колоссальной духовной деградацией России.

Идеология вместо религии. Общеизвестно, какая настойчивая и ожесточенная борьба против религии и церкви велась в Советском Союзе после революции. Почему? По меньшей мере, наивно рассматривать это просто как проявление беспричинной злобности, глупости и прочих отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причины для этого были, причем самые глубокие и серьезные с точки зрения хода истории. Это была не криминальная операция группы злодеев, а грандиозный исторический процесс. Указать на эти причины — не значит оправдать историю. История не нуждается ни в каком оправдании. Она проходит, игнорируя всякие морализаторские оценки ее событий и результатов. И нам остается лишь ломать голову над тем, как и почему это случилось.

Было бы также недостаточно объяснять эту борьбу против религии и церкви тем, что последняя оказалась на стороне контрреволюции, и что вожди революции организовали эту борьбу в угоду марксистской доктрине относительно религии. На религию и церковь действительно были обрушены репрессии сверху. Марксистская доктрина, несомненно, сыграла какую-то роль в деятельности отдельных людей. Но дело не столько в этом и даже в каком-то смысле совсем не в этом. Это лишь поверхность исторического процесса, его пена, а не глубинный поток. Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия, как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжелые обязательства и ограничения на их поведение. Религия действительно давала людям то, на что она и претендовала, но она при

этом взваливала на людей тяжелый груз и служила средством их порабощения. Подобно тому, как многомиллионные массы населения в революцию и в гражданскую войну сбросили путы социального гнета, игнорируя все их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнета, даже не подозревая о том, какого рода духовное закреплении идет ему на смену. Новое закреплении приходило к ним, прежде всего, как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринимается как наилучшее. Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Без поддержки населения власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прораставшей в душах людей в течение многих столетий. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман.

Но это было не только насилие и самонасилие, не только обман и самообман. Чтобы новое общество, рожденное революцией, выжило и укрепилось, ему необходимо было определенным образом перевоспитать и воспитать многомиллионные массы населения, породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль.

Сталинская национальная политика. Одной из многочисленных несправедливостей в оценке Сталина и сталинизма является то, что на них сваливают вину и за те национальные проблемы, которые возникли в результате разгрома советского блока, Советского Союза и советского (коммунистического) социального строя в странах этого региона. А между тем именно в сталинские годы имело место наилучшее решение национальных проблем из всего того, что было известно в истории человечества. Именно в сталинские годы началось формирование новой, наднациональной и действительно братской (по установкам и в главной тенденции) человеческой общности. Сейчас, когда сталинская эпоха стала достоянием истории, важнее не выискивать недостатки ее, а подчеркивать достигнутые на самом деле успехи интернационализма. Я не имею возможности в этой статье останавливаться на данной теме. Замечу лишь одно: для моего поколения, сформировавшегося в довоенные годы, национальные проблемы считались решенными. Они стали искусственно раздуваться и провоцироваться в послесталинские годы как одно из средств «холодной» войны Запада против нашей страны.

Сталин и международный коммунизм. Тема международной роли Сталина и сталинизма точно также выходит за рамки цели моей статьи. Ограничусь лишь кратким замечанием. Сталин начал свою великую миссию по построению реального коммунистического общества с решительного отрицания общепринятой догмы классического марксизма, будто коммунизм можно построить только во многих передовых западных странах одновременно, и с провозглашения лозунга построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. И это намерение он осуществил. Более того, он сознательно встал на путь использования достижений коммунизма в одной стране для распространения его по всей планете. К концу сталинского правления коммунизм действительно начал стремительно завоевывать планету. Лозунг коммунизма как светлого будущего всего человечества выглядел как никогда реальным. И как бы мы ни относились к коммунизму и к Сталину, бесспорным остается тот

факт, что никакой другой политический деятель в истории не добивался такого успеха, как Сталин. И ненависть к нему до сих пор не угасает не столько из-за причиненного им зла (многие в этом отношении превзошли его), сколько из-за этого его беспримерного личного успеха.

Триумф сталинизма. Война 1941–1945 годов против гитлеровской Германии была величайшим испытанием для сталинизма и лично для самого Сталина. И надо признать как бесспорный факт, что они это испытание выдержали: величайшая в истории человечества война против сильнейшего и страшнейшего в военном и во всех прочих аспектах врага завершилась триумфальной победой нашей страны, причем — главными факторами победы явились, во-первых, коммунистический социальный строй, установившийся в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года, и, во-вторых, сталинизм как строитель этого строя и лично Сталин как руководитель этого строительства и как организатор жизни страны в военные годы и Главнокомандующий вооруженными силами страны.

Казалось, что все баталии Наполеона в совокупности ничто в сравнении с этой баталией Сталина. Наполеон в конечном итоге был разгромлен, а Сталин одержал триумфальную победу, причем — вопреки всем прогнозам тех лет, предрекавшим скорую победу Гитлеру. Казалось, что победителя не судят. Но в отношении Сталина все делается наоборот: тьма пигмеев всех сортов прилагает титанические усилия к тому, чтобы сфальсифицировать историю и украсть это великое историческое деяние у Сталина и сталинизма. К стыду своему должен признаться, что я отдал дань такому отношению к Сталину как к руководителю страны в годы подготовки к войне и в годы войны, когда был антисталинистом и очевидцем событий тех лет. Прошло много лет учебы, исследований и размышлений, прежде чем на вопрос: «А как бы поступал ты сам, окажись на месте Сталина?», я ответил себе: «я не смог бы поступать лучше, чем Сталин».

И что только не инкриминируют Сталину в связи с войной! Послушать этих «стратегов» (о них поэт еще в 19-м веке сказал: «Каждый мнит себя стратегом, глядя бой со стороны»), так глупее, трусливее и т.п. человека на вершине власти, чем Сталин в те годы, не придумаешь. Сталин якобы не готовил страну к войне. На самом деле Сталин с первых дней пребывания у власти знал, что нам нападения со стороны Запада не избежать. А с приходом Гитлера к власти в Германии знал, что воевать нам придется именно с немцами. Даже мы, школьники тех лет, знали это как аксиому. А Сталин не просто предвидел это, он готовил страну к войне. Но одно дело — организовать и мобилизовать наличные ресурсы с целью подготовиться к войне. И другое дело — создать эти ресурсы. А чтобы создать их в условиях страны тех лет, нужна была индустриализация, а для индустриализации нужна была коллективизация сельского хозяйства, нужна была культурная и идеологическая революция, нужно было образование населения и многое другое. И все это требовало титанических усилий в течение многих лет. Я сомневаюсь в том, что какое-то другое руководство страны, отличное от сталинского, справилось бы с этой задачей. Сталинское справилось.

Стало буквально штампом приписывать Сталину, будто он прозевал начало войны, не поверил донесениям разведки, будто поверил Гитлеру и т.п. Я не знаю, чего больше в такого рода утверждениях — интеллектуального идиотизма или умышленной подлости. Сталин готовил страну к войне. Но далеко не все зависело от него. Мы просто не успевали, как следует подготовиться. Да и западные стратеги, манипулировавшие Гитлером, как и сам Гитлер, были не дураки. Им нужно было разгромить Советский Союз, напав на него раньше, чем он подготовится лучше к отражению нападения. Это все банально. Неужели один из самых выдающихся политических стратегов в истории человечества не понимал таких банальностей? Понимал. Но он к тому же участвовал в мировой стратегической «игре», стремился любой ценой отсрочить начало войны. Допустим, он в этом шаге истории проиграл. Зато он с лихвой компенсировал неудачу в других шагах. История ведь не остановилась на этом..

На Сталина сваливают вину за поражения Советской Армии в начале войны и за многое другое. Не буду утруждать читателя анализом такого рода явлений. Сформулирую лишь мой общий вывод. Я убежден в том, что в понимании совокупной ситуации на планете в годы второй мировой войны, включая как часть войну Советского Союза против Германии, Сталин был на голову выше всех крупнейших политиков, теоретиков и полководцев, так или иначе вовлеченных в войну. Было бы преувеличением утверждать, будто Сталин все предвидел и планировал в ходе войны. Конечно, было и предвидение, было и планирование. Но не меньше было и непредвиденного, непланируемого и нежелательного. Это очевидно. Но важно тут другое: Сталин правильно оценивал происходившее и использовал в интересах победы даже наши тяжелые поражения. Он мыслил и поступал, можно сказать, по-кутузовски. И это была военная стратегия, наиболее адекватная реальным и конкретным, а не воображаемым условиям тех лет. Если даже допустить, что Сталин поддался на гитлеровский обман в начале войны (во что я не могу поверить), то он блестяще использовал факт гитлеровской агрессии для привлечения на свою сторону мирового общественного мнения, что сыграло свою роль в расколе Запада и образовании антигитлеровской коалиции. Нечто подобное имело место и в других тяжелых для нашей страны ситуациях.

Заслуги Сталина в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов настолько значительны и бесспорны, что было бы проявлением элементарной исторической справедливости вернуть имя Сталина городу на Волге, где произошла важнейшая битва войны. Пятидесятилетие со дня смерти Сталина подходящий повод для этого.

Сталин и Гитлер. Один из способов фальсификации и дискредитации Сталина и сталинизма — отождествление их с Гитлером и, соответственно, с немецким нацизмом. То, что между этими явлениями имеет место сходство, не дает оснований для их отождествления. На таком основании можно обвинить в сталинизме и Брежнева, и Горбачева, и Ельцина, и Путина, и Буша и многих других. Конечно, тут влияние было. Но влияние Сталина на Гитлера было большее, чем второго на первого. Кроме того, тут действовал социальный закон взаимного уподобления социальных противников. Такое уподобление в свое время фиксировали западные социологи в отношении советской и западнистской социальных систем, — я имею в виду теорию конвергенции (сближения) этих систем.

Но главное — не в сходстве сталинизма и нацизма (и фашизма), а в их качественном различии. Нацизм (и фашизм) есть явление в рамках западнистской (капиталистической) социальной системы, в ее политической и идеологической сферах. А сталинизм есть социальная революция в самих основах социальной системы и начальная стадия эволюции коммунистической социальной системы, а не только явление в политике и идеологии. Не случайно потому имела место такая ненависть нацистов (фашистов) к коммунизму. Хозяева западного мира поощряли нацизм (фашизм) как антикоммунизм, как средство борьбы с коммунизмом.

И не забывайте, что Гитлер потерпел позорное поражение, а Сталин одержал беспрецедентную в истории победу. И не мешало бы нынешним антисталинистам подумать о том, в каких конкретно исторических условиях это происходило, и какое грандиозное влияние на человечество и на ход мировой истории оказала эта победа. »

И если уж проводить аналогии исторических деятелей, то последователем Сталина стал исторический великан Мао Цзэдун, а последователем Гитлера — исторический пигмей Буш младший. Но о такой глубокой и далеко идущей аналогии нынешние антисталинисты помалкивают.

Десталинизация. Фактическая борьба против крайностей сталинизма началась еще в сталинские годы задолго до непомерно раздутого доклада Хрущева на двадцатом съезде КПСС. Она шла в недрах советского общества. Сам Сталин заметил необходимость перемен, и свидетельств тому было достаточно. Доклад Хрущева был не началом десталинизации, а

итогом начавшейся борьбы за нее в массе населения. Хрущев использовал фактически начавшуюся десталинизацию страны в интересах личной власти. Придя к власти, он отчасти способствовал процессу десталинизации, а отчасти приложил усилия к тому, чтобы удержать его в определенных рамках. Он все-таки был одним из деятелей сталинской правящей верхушки. На его совести преступлений сталинизма было не меньше, чем на других ближайших сподвижниках Сталина. Он был сталинистом до мозга костей. И даже десталинизацию проводил волюнтаристскими сталинскими методами. Десталинизация была сложным и противоречивым процессом. И нелепо приписывать ее усилиям и воле одного человека с интеллектом среднего партийного чиновника и с повадками клоуна.

Что означала десталинизация по существу, с социологической точки зрения? Сталинизм как определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, масс населения, управления, поддержания порядка, идеологической обработки, воспитания и образования населения страны и т.д. сыграл великую историческую роль, построив в труднейших условиях основы коммунистической социальной организации и защитив их от нападений извне. Но он исчерпал себя, став помехой для нормальной жизни страны и ее дальнейшей эволюции. В стране отчасти благодаря, а отчасти вопреки ему, созрели силы и возможности для его преодоления. Именно для преодоления в смысле перехода на новую, более высокую ступень эволюции коммунизма. В брежневские годы эту ступень назвали развитым социализмом. Но как бы ни называли, подъем произошел на самом деле. В годы войны и в послевоенные годы предприятия и учреждения страны уже во многом стали функционировать не по-сталински. Достаточно сказать, что число деловых коллективов государственного значения (заводов, школ, институтов, больниц, театров и т.п.) к середине брежневских лет увеличилось сравнительно со сталинскими годами в сотни раз, так что оценка брежневских лет как застойных есть идеологическая ложь. Благодаря сталинской культурной революции, качественно изменился человеческий материал страны. В сфере власти и управления сложился государственный чиновничий аппарат и партийный сверхгосударственный аппарат, который был эффективнее сталинского народовластия, и сделал последнее излишним. Уровень государственной идеологии перестал соответствовать возросшему образовательному уровню населения. Одним словом, десталинизация происходила как естественный процесс созревания русского коммунизма, перехода его в рутинное зрелое состояние.

Снятие Хрущева и приход на его место Брежнева произошли как заурядный спектакль в заурядной жизни партийной правящей верхушки, как смена одной правящей клики другою. Хрущевский «переворот», несмотря на то, что и он был верхушечным с точки зрения смены личностей у власти, был, прежде всего, переворотом социальным. Брежневский же «переворот» был таковым лишь в высших сферах власти. Он был направлен не против того состояния общества, какое сложилось в хрущевские годы, а против нелепостей хрущевского руководства, против Хрущева лично, против хрущевского волюнтаризма, который перерос в авантюризм. С социологической точки зрения, брежневский период стал продолжением хрущевского", но без крайностей переходного периода.

В результате десталинизации на место коммунистической диктатуры сталинского периода пришла коммунистическая демократия хрущевского и затем брежневского периода. Я связываю этот период с именем Брежнева, а не Хрущева, поскольку хрущевский период был лишь переходным к брежневскому. Именно второй явился альтернативой сталинизму, причем — самой радикальной в рамках коммунизма. Сталинский стиль руководства был волюнтаристским: высшая власть стремилась насильно заставить подвластных граждан жить и работать так, как хотелось ей, власти. Брежневский же стиль руководства оказался приспособленческим: сама высшая власть приспособилась к объективно складывавшимся обстоятельствам. Другая черта брежневизма — система сталинского народовластия уступила место системе административно-бюрократической. И третья черта — превращение партийного аппарата в основу, ядро и скелет всей системы власти и управления.

Сталинизм не потерпел крах, как утверждают нынешние антисталинисты. Он одержал блистательную победу. Он сошел со сцены истории, исчерпав себя и сыграв свою роль еще в послевоенные годы. Сошел осмеянный и осужденный, но непонятый.

Москва, 2003

II. Переломный период

Горбачевизм

Словом «перестройка» называют период советской истории, начавшийся с приходом к высшей власти в Советском Союзе (с избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПСС) М.С. Горбачева в 1985 году, а также преобразования (реформы) в Советском Союзе по инициативе и под руководством Горбачева. Характерные черты деятельности горбачевского руководства (власти) я называю словом «горбачевизм». Ниже я кратко рассмотрю некоторые из них, представляющие социологический интерес. При этом я не намерен объяснять современную ситуацию в советской системе власти и управления личными качествами Горбачева и особенностями его поколения партийных работников, как это обычно делают пишущие на эту тему. Личные качества отдельных исторических деятелей и особенности целых поколений таких деятелей играют важную роль в историческом процессе лишь в той мере, в какой они соответствуют объективным потребностям, возможностям и закономерностям этого процесса. Поэтому я использую имя Горбачева лишь постольку, поскольку именно этот советский партийный карьерист-чиновник волею обстоятельств оказался выразителем и олицетворением определенного явления советской истории.

О тех людях, которые образовали инициативное ядро горбачевского руководства (горбачевизма), я начал писать уже в книге «Зияющие высоты» (1976). Тогда они находились на средних ступенях власти и второстепенных постах, но уже уверенно двигались к ее вершинам. В той же книге я предсказал их приход к высшей власти и форму их демагогии. Например, в конце книги один из персонажей, будущий перестройщик, выдвинул идею гласности как начало преобразований. И именно с лозунга и политики гласности горбачевское руководство приступило к своей перестройке.

Непосредственно о горбачевизме я начал писать и говорить в публичных выступлениях с первых же его шагов на исторической арене. В одном из первых выступлений я ввел в употребление термин «катастрофка», предсказав неизбежность катастрофических последствий перестройки. Впрочем, я этим предсказанием не горжусь, ибо эти последствия были очевидны и ряду других западных аналитиков. За короткое время мною опубликовано буквально десятки статей и интервью о горбачевизме. Уже в 1987 году в Швейцарии, Франции, Голландии, Канаде и Чили был опубликован сборник моих выступлений о горбачевизме, а в 1988-ом он был переиздан в Нью-Йорке. Это говорит о том, какой огромный интерес имел место в мире к событиям в Советском Союзе. Показательно то, что почти никто не высказывал опасение, что Советский Союз преодолет трудности и окрепнет в результате перестройки. Ее воспринимали больше как начало падения «империи зла» (так называли тогда Советский Союз его злейшие враги). Ниже я кратко изложу основные идеи упомянутых моих выступлений.

Феномен Андропова. Горбачев начал свою деятельность перестройщика как наследник той

линии в советском руководстве, родоначальником которой был Ю. В. Андропов. Вернее, последний сделал лишь попытку в этом направлении. Он умер, не успев дать имя этой линии. Горбачев имел шансы прожить дольше и обнаружить все потенциалы ее. Потому данному явлению предстоит войти в историю скорее не под именем андроповизма, а под именем именно горбачевизма.

Приход Андропова, бывшего в течение многих лет главой КГБ (а что это такое, — нет надобности, пояснять), к высшей власти был в советской системе преемственности власти явлением из ряда вон выходящим, но не случайным. Напомню читателю о том, что первая попытка прихода к высшей власти шефа КГБ Берии — провалилась. Провалилась и вторая попытка такого рода — Шелепина. Это и понятно. Репутация главы КГБ была тогда еще слишком одиозной. Приход такого человека к высшей власти нанес бы огромный ущерб стране во внешних отношениях, а внутри страны — самому высшему руководству. Теперь же ситуация в мире и в стране изменилась настолько радикально, что именно репутация Андропова как бывшего главы КГБ сработала в его пользу. Положение в стране в конце брежневского правления было очень тяжелое. Коррупция достигла высочайшего уровня. Трудовая дисциплина упала даже ниже привычного низкого уровня. Уровень же пьянства превысил все прошлые рекорды. Каково стало положение в экономике — общеизвестно. Пожалуй, лишь одно ведомство добилось выдающихся успехов. Была сломлена оппозиция. Советская агентура на Западе достигла неслыханных масштабов. КГБ стало силой, играющей существенную роль в военной сфере, в экономике и в политике. Среди высших руководителей шеф КГБ был лучше всех осведомлен о положении в стране и в мире, причем — объективно, без иллюзий, очковтирательства, без идеологической болтовни. В его распоряжении был мощный аппарат исполнительной и карательной власти. Он был способен пойти на серьезные меры, взять на себя ответственность за исправление тяжелого положения в стране.

Исторические явления всегда бывают результатом совпадения обстоятельств. В конкретном факте допуска к высшей власти именно Андропова сыграло роль также то, что ни одна из группировок в высшем эшелоне власти не получила подавляющего перевеса. Так что Андропов стал отчасти как фигура компромиссная. Он был болен, и из этого не делалось тайны. Более того, создавалось впечатление, что это даже подчеркивали. В его распоряжении не было времени, необходимого для создания аппарата личной власти вроде брежневского. Он был допущен к власти как временная фигура, наиболее подходящая для непопулярных, чрезвычайных мер, без которых было невозможно остановить движение страны к глубокому и всестороннему кризису.

Одно дело — занять высший пост в системе власти, и другое дело — удержаться на этом посту и суметь осуществить свои замыслы. Приступив к выполнению последних, Андропов неизбежно столкнулся с объективными условиями и закономерностями советской социальной системы, которые низвели его с небес мыслей и слов на землю неумолимой реальности. И с первых же шагов своего правления он из выдающегося главы КГБ стал превращаться в заурядного Генерального секретаря ЦК КПСС. Если внимательно проанализировать то, что удалось сделать ему (раздувание в пропаганде и в рутинной суете борьбы против пьянства и нарушений трудовой дисциплины, борьбы за повышение производительности труда и эффективности предприятий и т.д.), то можно заметить, что он лишь успел напугать правящие и привилегированные круги советского общества перспективой преобразований. И если ему не помогли умереть, то смерть его была для них очень кстати. Преемником его стал К. У. Черненко — бледная тень Брежнева. Отнюдь не соображения государственной целесообразности сыграли решающую роль в его избрании, а чисто эгоистические интересы все еще сильной брежневской мафии и страх перед перспективами андроповских преобразований для себя.

Социальный хамелеон. Прежде чем говорить непосредственно о горбачевизме, хочу обратить внимание на одну черту советской системы власти. В отношении к ней не столько

трудно, сколько в принципе невозможно найти однозначное объяснение причин, мотивов и намерений властей, не впадая в ошибки. Дело в том, что все более или менее значительные действия (решения, мероприятия, кампании и т.п.) властей в советском обществе неоднозначны и неустойчивы с точки зрения их мотивации, намерений и интерпретации. Совершенно незначительное явление здесь может послужить толчком к принятию важного решения. Затем этот исходный мотив может вообще исчезнуть и быть забытым, уступив место мотивам иного рода, возникшим уже в ходе принятия и даже исполнения решения. По мере осуществления какого-либо решения могут измениться его мотивы и цели. Результат осуществления решения вообще может отличаться от того, что было задумано в самом начале, и все компоненты ситуации решения могут быть пересмотрены и заменены новыми. В процессе выработки, принятия и исполнения решения возможно возникновение новых намерений и забвение прежних. Причем, все это облекается в словесные формы, которые обычно не совпадают с существом дела. В языке власть предержащих есть много такого, что имеет различный смысл для участников аппарата власти и для посторонних наблюдателей.

То, что я только что высказал, характеризует лишь в малой степени сложность, аморфность, изменчивость ситуации действий властей. Все то, что воплощается в официальных документах, попадает на страницы прессы и потом входит в исторические книги, на самом деле есть лишь одна из возможных интерпретаций прошлого, обычно мало чего общего имеющая с тем, как протекал процесс на самом деле.

Сказанное целиком и полностью относится и к «феномену горбачевизма». Судить об этом феномене на основе партийных документов, сообщений, прессы, речей партийных вождей и всякого рода их помощников и лакеев, на основе бесед ответственных лиц с журналистами и западными политиками и т.п. — значит, заранее обрекать себя на односторонность, поверхностность, иллюзии, искажение масштабов и важности событий, то есть обрекать себя на явные заблуждения. Горбачевизм обладает рассмотренным выше качеством хамелеонства в удесятенной степени сравнительно с его предшественниками. В нем отразились явления в жизни человечества в нашу эпоху во всей их сложности, запутанности, текучести, изменчивости и противоречивости. В описании его неизбежны суждения, которые могут показаться несовместимыми и исключаящими друг друга. Он явился результатом, проявлением, компонентом и активным стимулятором кризиса советского коммунизма, причем — первого в истории человечества специфически коммунистического кризиса коммунизма. Инициаторы и участники перестройки не осознают эту ситуацию как кризисную. Более того, они не имеют научного понимания своей социальной системы, как это признал Андропов незадолго перед смертью. Так что их поведение напоминает беспорядочные действия слепцов в состоянии паники.

Принудительная трезвость. Горбачев начал реформаторскую деятельность с антиалкогольной кампании, которая принесла ему в народе презрительную кличку «Минеральный секретарь». На примере этой кампании с самого начала горбачевизма обнаруживается ряд его черт.

Это, прежде всего, — принудительность реформ. Какие бы факты ни придавались гласности, и какие бы слова ни произносились по их поводу, при всех обстоятельствах остается неизменным одно: принудительность мер по преодолению реальных и мнимых пороков советской реальности. Это — неотъемлемое качество горбачевской «революции сверху». А чем это кончается, советский народ знает на личном опыте: провалом.

В прессе реформы сопровождаются безудержным признанием пороков — гласность! Это признание сочетается с удивительно плоскими размышлениями по их поводу. Глубокомыслие советских ученых, философов, журналистов, писателей и партийных деятелей достигает высот глупости, какие были немыслимы даже в сталинские годы. Например, один видный ученый усмотрел причину падения нравственности среди школьников в избыточном питании. И это — в условиях массового дефицита продовольствия! Другой известный мыслитель

предложил «ввести принудительную, обязательную для всех трезвость как непреложный закон для каждого» (это — его подлинные слова). Отметив тот факт, что принудительная трезвость не дала положительного результата в капиталистических странах, советский мыслитель утверждает, что в капиталистических странах «подобный закон не мог быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских условий жизни», что «капиталисты заинтересованы в спаивании народа». А в Советском Союзе, по его словам, «весь уклад жизни основан на заботе о населении» и «авторитет партии и советской власти обеспечат проведение в жизнь закона о принудительной трезвости».

На примере антиалкогольной кампании обнаруживаются и другие черты горбачевского реформаторства, например — несоответствие слов реальным делам, последствий реформ — замыслам. Пьянство не прекратилось, а усилилось и приняло ужасающие формы, условия жизни масс людей ухудшились (вместо обещанного спасения от всяческих зол).

Отсутствие трезвости. Горбачевизм навязывает советскому населению трезвость в прямом смысле слова. Но ему самому не хватает трезвости в широком смысле этого слова, — трезвости в оценке фактического положения в мире и в стране, в оценке реальных возможностей советской социальной системы и ее перспектив. Советское руководство, начиная с Ленина, довольно часто проявляло трезвость как во внешней, так и во внутренней политике. Эта трезвость всегда базировалась на некоторой практической необходимости и элементарном здравом смысле, но никогда — на научном анализе объективных закономерностей и тенденций самой коммунистической социальной системы как таковой.

Научный анализ системы не требовался самими обстоятельствами и характером стоявших проблем. Например, никакая серьезная наука не требовалась для того, чтобы допустить НЭП как временное средство преодоления продовольственных и других трудностей. Не требовалась такая наука и для того, чтобы понять необходимость индустриализации страны в интересах выживания и обороны. Государственная идеология (марксизм-ленинизм), сама претендовавшая на роль высшей науки и до некоторой степени удовлетворявшая нужды руководства, исключала научный подход к советскому обществу. Последний, с точки зрения идеологии, выглядел как злобная клевета на советский общественный строй, как антисоветская деятельность, гораздо более опасная для системы, чем любые атаки со стороны врагов.

Но теперь положение в стране и во всем мире сложилось такое, что трезвый подход советского руководства к назревшим проблемам просто не возможен без научного, беспощадно объективного понимания самой сущности коммунистической системы, ее закономерностей и тенденций. У горбачевского руководства хватило ума признать очевидные всем общеизвестные недостатки советского общества и констатировать проблемы, от которых уже нельзя было долгие уклониться.

Но у него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы допустить научное понимание самой сущности социальной системы, реальных причин очевидных недостатков и тех возможностей и «невозможностей», которые лежат в самой системе. У него не хватало ни ума, ни мужества для того, чтобы выработать программу действий в соответствии с природой руководимой системы, а не с субъективными представлениями о ней и амбициями некоторой части партийных чиновников, дорвавшихся до власти.

Отсутствие разумной трезвости сказывается буквально в каждом действии горбачевцев. Возьмем, например, их отношение к административно-бюрократическому аппарату. Он приобрел огромную власть не по недосмотру высшего начальства, а совершенно естественно, вырос из самого базиса общества. Коммунизм без этого аппарата так же невозможен, как капитализм без денег, без прибыли, без конкуренции, без банков. В условиях обобществления средств производства в масштабах страны и объединения всей деловой жизни в единый социальный организм с необходимостью возникает гигантская система

власти и управления. Эта система имеет свои неумолимые законы функционирования, неподвластные никаким постановлениям ЦК, никаким призывам вождей. Можно снять человека с какого-то поста в этой системе. Но нельзя отменить сам пост. Даже если такая отмена состоится формально, фактически отмененный пост так или иначе будет заменен новым. Причем, пост определяет и то, каким будет поведение его обладателя. Уклонения от нормы при этом не отменяют самое норму.

Попытки Горбачева обращаться непосредственно к неким народным массам через голову аппарата власти и управления выглядят просто смехотворно. Это — либо демагогия, рассчитанная на простаков, либо непроходимая глупость. Такое обращение вождя непосредственно к массам было уместно и давало эффект в сталинские годы, то есть юности советского общества. Теперь это общество превратилось в зрелый социальный организм. Народных масс, в старом смысле слова, нет. Есть низшие слои, не играющие решающей роли в деловой жизни страны. Огромное число чиновников само входит в массу населения (в «народ»). Обращаться прямо к некоему «народу», минуя их, как это позволяют теперь средства массовой информации (особенно телевидение), и как это делают горбачевцы, значит заменять реальное управление страной на видимость такового, прикрывать фактическое разрушение системы управления болтовней о его усовершенствовании. Так обстоит дело со всеми горбачевскими новшествами в этом важнейшем подразделении советской социальной организации. Невольно напрашивается вывод: горбачевизм есть стремление бездарных и научно безграмотных, но тщеславных партийных карьеристов перехитрить не только людей, но и объективные социальные законы. Горбачев говорит, что он любит «советоваться с Лениным», т.е. читать сочинения Ленина. Если уж он искренне хочет блага стране и народу, ему в первую очередь следовало бы забросить подальше сочинения классиков марксизма и советоваться с теми, кто действительно стремится к научному пониманию современности. Но, судя по всему, в окружении Горбачева таких людей нет. Тенденция отбросить марксизм, включая ленинизм, есть. Но не ради научного подхода к советской реальности, а скорее ради западных столь же ненаучных представлений о нем.

Уникально в сложившейся ситуации то, что именно высшее советское руководство фактически выражает теперь неверие в идеалы коммунизма и в специфически коммунистические методы организации жизнедеятельности общества и управления им.

Горбачевизм и Запад. Проблемы, которые назрели в Советском Союзе, хотя и являются проблемами внутренними, возникли как результат взаимоотношений Советского Союза с Западом. По замыслу идеологов коммунизма, коммунистическое общество должно превзойти передовые капиталистические страны (Запад) по производительности труда, по экономической эффективности предприятий и вообще по всем показателям деловой жизни. С первых же дней существования советского общества был выдвинут лозунг, догнать и перегнать капиталистические страны в этом отношении. Предполагалось осуществить этот лозунг в кратчайшие сроки. Но прошло почти семьдесят лет, а этот лозунг не только не осуществился, но стал казаться еще более утопическим, чем в первые годы после революции. Его ослабили, потихоньку опустив вторую часть («перегнать») и оставив только первую — «догнать». Изменилась несколько и его формулировка: стали говорить о том, чтобы подняться до мирового уровня.

Советское общество всю свою историю металось между двумя крайностями — между отторжением от Запада и преклонением перед ним. Первая выразилась в создании «железного занавеса» в сталинские годы, вторая становится доминирующей сейчас. Горбачевцы хотят поднять рентабельность предприятий, повысить технологический уровень промышленности, усовершенствовать систему управления и т.д. Повысить, улучшить, усовершенствовать, а в сравнении с чем, и с какой целью? Прогресс ради прогресса? Нет, в серьезной истории так не бывает. Не будь Запада, состояние советской экономики и системы управления превозносилось бы как верх совершенства. Не будь Запада, жизненные условия населения в Советском Союзе превозносились бы как рай земной, почти как «полный

коммунизм». Запад — вот что стало мерилom и образцом для преобразований, которые пытается осуществить горбачевское руководство. Но оно при этом намерено догонять Запад (возвышаться на уровень Запада) не за счет специфически коммунистических средств, а за счет средств, заимствованных у Запада, — подражая Западу, уподобляясь ему.

И не следует забывать о том, что уже почти сорок лет шла «холодная» война западного мира во главе с США против Советского Союза и стран советского блока. В ней Запад активно вмешивался во внутреннюю жизнь Советского Союза, оказывал огромное влияние на идеологическое состояние советского населения, особенно — на интеллигентскую среду, высшие слои и высшее руководство. Последнее было прочно заражено идеологией «социализма (коммунизма) с человеческим лицом», фактически означавшей ослабление советского режима в духе западного либерализма. Диссидентское движение было бы невозможно без поддержки со стороны Запада. Приход горбачевцев к высшей власти был оценен на Западе как победа диссидентских умонастроений, а самого Горбачева стали рассматривать как «диссидента на советском престоле».

Горбачевцы заверяют, что они «не отойдут от социализма в сторону рыночной экономики, идеологического плюрализма и западной демократии». Но способны ли они удержаться от этого на самом деле и удержать страну в рамках социализма?

Революция сверху. Западные средства массовой информации назвали горбачевскую перестройку революцией сверху. Это понравилось горбачевцам, и они сами стали рассматривать свою реформаторскую суету как революцию, осуществляемую по инициативе высшего руководства (и, разумеется, лично Горбачева), по указаниям высшего руководства и под его контролем.

Употребление выражения «революция» в применении к кампаниям такого рода, как горбачевские, простительно западным деятелям культуры, журналистам и политикам, не имеющим строгих ограничений в словоупотреблении. Но когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди? Конечно, как говорится, своя рука владыка. Высшая советская власть является высшей властью и в идеологии. Она может позволить себе иногда пококетничать с фундаментальными понятиями подвластной идеологии. Тем более это так лестно войти в историю в качестве революционера, причем революционера особого рода, совершившего переворот можно сказать в одиночку. «Что за человечье!»: Маркс, Ленин и Сталин, вместе взятые, были неспособны на такое. А о Хрущеве и говорить нечего: мелочь!

Но дело в том, что и идеология имеет свои законы, неподвластные даже таким «революционерам» («диссидентам на троне»), как Горбачев. И нарушение этих законов не может пройти безнаказанно даже для тех, кто хозяйничает в идеологии. Советский народ, начавший семьдесят лет назад величайшую революцию в истории человечества (как его приучили думать), рано или поздно задастся вопросом: а действительно ли происходящее (а со временем — происходившее) в стране есть революция? А если это — революция, то в какую сторону сравнительно с революцией, начатой в 1917 году? А что, если это — контрреволюция по отношению к тому, ради чего советский народ пошел на неслыханные жертвы? Не случайно же западные «империалисты» и их лакеи хвалят Горбачева за эту «революцию»!

Вот в таком духе думает определенная часть советского населения. Причем число людей, думающих так, растет, и будет расти, поскольку горбачевские нововведения, принося какие-то выгоды незначительной части населения, несколько не улучшают положение основной массы населения, а для значительной его части приносят явные ухудшения. С их точки зрения горбачевская «революция сверху» выглядит как покушение на основные

завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, то есть именно как контрреволюция, осуществляемая сверху. И для такого мнения более чем достаточно оснований.

В области экономики имеют место попытки внедрить методы капитализма под видом «самофинансирования» и поощрения частного предпринимательства. Даже в 20-е годы Ленин, повторяю, допускал НЭП как временную меру и считал ее отступлением от идеалов революции. А после семидесяти лет успешного строительства коммунистического строя прибегать к методам, аналогичным НЭПу, — значит отступать перед капитализмом в условиях, когда никакое отступление не требуется.

Отступления от принципов государственного (планового) регулирования цен идут в том же направлении. В коммунистическом обществе коренным образом меняется роль денег и вообще денежной системы. А то, что делается в стране в отношении ценообразования и «самоокупаемости», есть грубейшее нарушение принципов коммунистической экономики.

В вопиющем противоречии с идеями коммунизма находится также пропагандируемое в прессе намерение закрепить общественную собственность за трудовыми коллективами. Намерение повышать экономическую эффективность предприятий западными методами означает покушение на святая святых завоеваний революции — на гарантии в отношении трудоустройства. Цель коммунистических предприятий — не погоня за прибылью, а трудоустройство граждан и обеспечение им благополучного образа жизни, свободного от дефектов капитализма. В сфере управления обществом предпринимаются попытки нарушить ленинские принципы демократического централизма. В области культуры допущены западные влияния, приведшие к деморализации молодежи и идейной распущенности. В сфере быта обывательские интересы завладели душами людей. И в таком духе рядовой советский человек, воспитанный в рамках коммунистической идеологии и вкусивший преимуществ коммунистического образа жизни, рассматривает все явления горбачевской «революции».

Вопрос стоит так: есть ли эта «революция сверху» очередная руководящая кампания, фразеология и лозунги которой имеют лицемерный смысл, или она есть нечто серьезное, по сути дела, имеющее целью реальную перестройку жизни страны в буквальном соответствии с фразеологией и лозунгами?

Если это руководящий фарс, то он зашел слишком далеко, усилив идеологический и моральный кризис в стране. И тогда с ним надо кончать, пока не поздно. Если же это — серьезное намерение, то это есть контрреволюция по отношению к основным завоеваниям семидесятилетней советской истории. И в таком случае надо защищать эти завоевания. Иначе будет построен «демократический» коммунизм, в котором будут утрачены достоинства коммунизма, но не будут приобретены достоинства капитализма.

Кризис. Шумиха по поводу перестройки свидетельствует не столько о перспективах советского общества, сколько о его кризисном состоянии.

Я утверждаю, что это кризисное состояние является первым в истории реального коммунизма специфически коммунистическим кризисом в условиях нормального и даже успешного развития данного типа общества.

Я называю кризис такого рода социальным, в отличие от характерных для капитализма кризисов экономических. Хотя подобный кризис обнаруживается, прежде всего, в экономике, его нельзя считать экономическим по причинам и по широте.

Тяжелое экономическое состояние страны здесь есть следствие более глубоких причин, лежащих в самом базисе коммунистического общества. А кризис охватил все сферы советского общества, включая экономику, управление, идеологию, культуру. Этот кризис есть

результат суммарного действия всех основных феноменов коммунистической организации общества.

Можно доказать с математической убедительностью неизбежность таких кризисов. Разумеется, проявления их могут быть ослаблены и даже скрыты, как это имеет место в странах Запада при экономических кризисах. Но это не отменяет объективную закономерность, которая, так или иначе, даст о себе знать в виде тенденции к общему спаду в жизни общества.

Горбачевская перестройка есть не только проявление и следствие специфически коммунистического кризиса, но и поиск путей выхода из него. Этот кризис может быть преодолен лишь методами специфически коммунистическими, то есть методами, которые открыто применялись в сталинские годы и в завуалированной форме во все послесталинские годы.

Нынешнее советское руководство утратило веру в надежность этих средств и боится, что их применение вновь обнажит перед всем миром сущность коммунизма. Поэтому оно, впав в состояние растерянности перед лицом неумолимых законов истории, пытается заставить советское общество преодолевать специфически коммунистический кризис совсем некоммунистическими, западнообразными методами.

Но на этом пути трудности не преодолеваются, а лишь отодвигаются в будущее. Чем больше советское руководство добьется кажущихся успехов сейчас, тем серьезнее будут реальные трудности, которые возникнут в ближайшее время как неизбежное следствие этих временных успехов.

Заключение. Судьбу перестройки в конечном итоге решат не постановления ЦК КПСС, не советская пропаганда и даже не западные средства массовой информации, а реальные фундаментальные факторы советской и международной жизни. Чтобы предвидеть ее, надо найти объективные ответы на такие вопросы:

каким слоям советского населения, и в каких отношениях выгодна перестройка, и каким нет?

каковы общие выгоды для страны от перестройки, и каковы ее отрицательные последствия?

как сказываются эти последствия на социальном строе страны, на идейно-моральном состоянии населения и на обороноспособности государства?

к каким последствиям перестройка ведет во взаимоотношениях со странами советского блока и в самих этих странах?

как реально складывается международная ситуация для Советского Союза и как будет эволюционировать отношение к перестройке в мире в течение длительного времени?

Нью-Йорк, 1988

Историческая трагедия

В Москве 19–21 августа этого года была предпринята попытка государственного переворота. В нем как в фокусе сконцентрировалась вся сущность процесса перестройки, начавшегося в 1985 году с приходом Михаила Горбачева к высшей власти. Поэтому это событие заслуживает самого пристального внимания и объективной оценки. Подчеркиваю: объективной! Это подчеркивание нелишне, так как в современной ситуации в мире сохранить

позицию объективности очень трудно, если это вообще возможно. Тем не менее, я приложу все усилия к тому, чтобы остаться на этой позиции.

Когда начался переворот, если вообще к этому нелепому мероприятию на высотах власти приложимо высокое слово «переворот», все западные средства массовой информации немедленно окрестили его как путч. Слово «путч» в сознании западных людей вызывает вполне определенную картину: кучка заговорщиков, используя вооруженные силы, устраняет законное правительство и захватывает власть в свои руки. В данном случае на самом деле ничего подобного не было. Было нечто иное, что не укладывается в рамки привычных пропагандистских и журналистских штампов. Слово «путч» было пущено в оборот не приверженцами беспристрастной истины, а участниками одной из политических сил, кровно заинтересованных в дискредитации тех, кто рискнул пойти на переворот.

Рассмотрим сначала чисто внешний аспект события. Кто эти лица, образовавшие Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (сокращенно — ГКЧП) и предпринявшие ряд действий, истолкованных как переворот и на самом деле имевших шансы, перерасти в переворот? Вице-президент СССР Геннадий Янаев, премьер-министр СССР Валентин Павлов, председатель КГБ СССР Владимир Крючков, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, министр обороны СССР Дмитрий Язов, первый заместитель председателя Совета обороны СССР Олег Бакланов, председатель Крестьянского союза СССР Василий Стародубцев и президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР Александр Тизяков. Так что «путчисты» были людьми, входившими в состав центральной власти СССР. Запомните это: центральной власти!

Президент Михаил Горбачев находился в отпуске. Согласно указу вице-президента Янаева, он, Янаев, вступил в исполнение обязанностей Президента СССР в связи с тем, что Горбачев по состоянию здоровья не мог исполнять обязанности Президента, причем Янаев сделал это на основании статьи 127.7 Конституции СССР. Вопрос о фактическом состоянии здоровья Горбачева стал предметом мировой политики, так что истину на этот счет узнать практически невозможно. Попытка переворота не удалась, и победители вобьют в головы людей ту версию, какую найдут нужным. А если бы переворот удался, то изобразить версию ГКЧП не представило бы никакого труда.

Никто, кроме Горбачева, не был отстранен от власти. Никто не был арестован. Другое дело, что успех переворота мог бы со временем привести к серьезным изменениям в стране и в системе власти. Это и напугало демократов и радикалов, а также их западных покровителей и инструкторов. Поэтому они и проявили бешеную активность по дискредитации попытки переворота и его срыву. Если смотреть на событие как на нечто серьезное, а не как на имитацию переворота, то такое поведение «путчистов» выглядит как непростительная ошибка. Они не младенцы — знали, на что шли. Если они имели серьезные намерения, то первым делом должны были бы арестовать всех активных радикалов, включая Ельцина. Это главное условие переворота ими не было выполнено, что стало важнейшей причиной его срыва.

Члены ГКЧП заявили, что над страной нависла смертельная опасность, что начатая Горбачевым перестройка зашла в тупик, и необходимы чрезвычайные меры по выводу государства и общества из кризиса. Более того, Янаев заявил, что советское руководство и дальше будет следовать курсом, который в 1985 году начал Горбачев. В это никто не поверил, это надо было предвидеть заранее и первым делом осудить всю перестройку как преступление против интересов страны и народа. Именно этого от них ждали миллионы людей, которые их поддержали бы. «Путчисты» этого не сделали, обрекая себя, тем самым, на провал. Весь «путч» с самого начала выглядел как фарс или даже как провокация. Впечатление такое, что «путч» был кому-то нужен, но такой, чтобы его было легко раздавить, и чтобы он дал повод для той «революции», которая произошла в Москве на основе его

подавления. Надо отдать должное тем, кто спланировал эту операцию.

Членов ГКЧП обвинили в том, что их действия были неконституционными. Так ли это было на самом деле? Я утверждаю, что сам подход к событию с юридическими мерками лишен какого бы то ни было смысла. Если бы переворот удался, то было бы достаточно оснований, чтобы признать его конституционность, и нашлось бы достаточно число экспертов, которые привели бы убедительные аргументы в пользу этого. Переворот сорвался, и доминирующие в стране и в мире силы оценили его как неконституционный, найдя для этого подходящие аргументы. Но, повторяю, и то и другое бессмысленно именно юридически. Если встать на позицию оценки событий как конституционных или неконституционных, то с полным основанием можно вообще все действия горбачевского руководства оценить как неконституционные. Я уже не говорю о действиях Ельцина, неконституционный характер которых признавали даже сами представители лагеря реформаторов и радикалов.

По приказу ГКЧП в переворот пытались вовлечь вооруженные силы. В советской истории уже был такой случай в 1953 году, когда убрали Берия. Тогда в Москву были введены части тех же элитарных дивизий, которые теперь, почти сорок лет спустя, были введены по приказу ГКЧП. Члены ГКЧП, отдавая приказ о вводе их в Москву, поразительным образом не учли тех перемен, которые произошли за послесталинские годы, и того состояния, в которое ввергла советское население сама же государственная идеология и пропаганда за годы перестройки, не говоря уж о необычайно активной пропаганде антикоммунистических и антисоветских сил. Это решение ГКЧП было грубейшей политической ошибкой, непростительной для людей, которые сами находились на вершинах власти и знали положение в стране лучше многих других. Хотели этого члены ГКЧП или нет, но включением вооруженных сил в свою политическую борьбу они сыграли на руку тем, против кого намеревались вести борьбу. Они фактически сыграли тут роль провокаторов, усилив в огромной степени деморализацию армии и надолго, если не навсегда, исключив возможность нового переворота. Если этих людей стоит судить, то, прежде всего, за поразительную некомпетентность и нерешительность.

Радикальные силы во главе с Ельциным использовали конституционную демагогию, в рамках которой еще держались члены ГКЧП, и взяли на себя роль защитников конституционного порядка и демократии, что, разумеется, усилило симпатии к ним мирового общественного мнения. Они с поразительной быстротой мобилизовали ту часть населения Москвы, Ленинграда и других городов, которая была наиболее активной политически и поддерживала их. Такая реакция радикальных сил наводит на ту же мысль: если «путч» не организовали специально, то его, по крайней мере, кое-кто ожидал.

Большинство населения, втайне сочувствовавшее членам ГКЧП и надеявшееся на то, что кошмар перестройки, в конце концов, кончится, осталось пассивным. К тому же оно, развращенное и одураченное пропагандой реформаторов и радикалов в течение последних шести лет, впало в состояние полной растерянности, и было совершенно неспособно судить о том, на чьей стороне правда, с точки зрения их же интересов. Это молчаливое большинство всегда было пассивной массой в стране, покорно выполнявшей распоряжения начальства. Продержись ГКЧП хотя бы пару недель, оно восприняло бы переворот как нечто само собой разумеющееся и нормальное. Оно решило бы, что установка свыше переменялась и нужно жить так, как жили раньше. Радикалы понимали это. И поэтому действовали стремительно. Я думаю, что это понимали и политические лидеры Запада. Они приложили огромные усилия к тому, чтобы сорвать переворот. Без усилий со стороны Запада срыв переворота был бы затруднен и даже мог бы не состояться.

Одной из важнейших причин провала попытки переворота является та позиция, которую заняли центристы, включая руководство КПСС. Фактически переворот поддержали организации и группы людей, не имевших влияния в обществе. Это, например, Совет ветеранов труда и ветеранов войны, которым радикалы создали репутацию недобитых

сталинистов. Члены ГКЧП рассчитывали на поддержку центристов. Они сами принадлежали к центристам и пытались выступить именно в такой роли. Но неумолимая логика политической борьбы приписала им роль совсем иную — роль консерваторов, стремившихся остановить пагубную для страны (с их точки зрения) политику перестройки и восстановить нормы жизни, сложившиеся в доперестроечные годы. Радикалы сделали многое для того, чтобы создать им такую репутацию. Кроме того, с этим аспектом политической борьбы переплелся другой, не менее важный, а именно — борьба между центральной властью, возглавлявшейся Горбачевым, и республиканской властью РСФСР, возглавлявшейся Ельциным. Логика политической борьбы после поражения консерваторов и фактического отстранения их от власти вела к поляризации в самом лагере реформаторов. Центристы при этом, по самому своему положению в системе власти вынужденные принимать какие-то меры по сохранению целостности страны и общественного порядка, все более толкались на то, к чему призывали консерваторы. Они вольно или невольно брали на себя функции разгромленных ими консерваторов. Радикалы же, которые нисколько не заботились исполнением позитивных функций власти, по самой их природе непопулярных в народе, подхватили лозунги перестройки и развили активную деятельность по разрушению советского социального строя, системы власти и идеологии, приобретая своей разрушительной деятельностью огромную популярность в массах.

Сложилось своеобразное двоевластие. Республиканская власть не подчинялась центральной, саботируя ее распоряжения и всячески дискредитируя ее. Такое положение не могло длиться вечно. Если бы не была попытка переворота, Горбачеву самому пришлось бы, так или иначе, предпринять нечто подобное. Но это не входило в его тактику. Он привык делать грязную работу чужими руками, сохраняя ореол политической святости и непорочности. Я не исключаю того, что он в какой-то форме сам замешан в подготовке фарса переворота.

Провал попытки переворота означал поражение центральной власти, склонной к умеренной перестройке, и победу республиканской власти, рвавшейся к коренной ломке всего советского образа жизни. Двоевластие, по крайней мере, на данное время, закончилось. Монополию на перестройку захватили радикалы. Трудно сказать, как далеко может зайти этот процесс и насколько молчаливое большинство способно оказать ему сопротивление.

Теперь от лидеров Запада зависит, кто из двух будет продолжать дело развала страны. Конечно, было бы лучше, если бы они продолжали это дело совместно, как это было до сих пор. Но, увы, «дружба» двух главных служителей Запада, по всей вероятности, окончилась насовсем. Хотя страна и велика, диктатор может быть лишь один. Горбачев хорошо поработал в пользу Запада, заслужив кучу премий и титулов вроде «человек года» и «человек десятилетия». Естественно, ему самому хотелось бы довести дело развала страны до конца, чтобы к полученным наградам и титулам добавить самый высший, а именно — «человек века». Но история с попыткой переворота, предпринятой людьми из его команды, подмочила его репутацию. Ельцин явно оттеснил Горбачева на задний план и стал фигурой номер один в политической жизни страны. Но он имеет репутацию человека, который может выкинуть неожиданный фортель, а это не соответствует точным расчетам творцов западной стратегии. Ельцин, как и Горбачев, прошел школу лжи, лицемерия и коварства в том же самом брежневском партийном аппарате. Отрекаясь от коммунизма, такие перевертыши не перестают быть стопроцентным порождением этого самого коммунизма. Хамелеоны коммунизма могут принимать любую форму и окраску.

Поразительным в данной ситуации является то, что руководство КПСС почти не поддержало попытку переворота, хотя это был последний шанс спасти КПСС как единственную силу, способную еще мобилизовать население страны на борьбу против надвигающейся катастрофы. С этой точки зрения руководители КПСС заслуживают еще большего презрения, чем радикалы, теперь открыто стремящиеся разрушить в стране коммунистическую систему до основания. Руководители КПСС должны были понимать, что Советский Союз выстоял в

войне с Германией только благодаря тому, что был коммунистической страной. И теперь Советский Союз способен выстоять в «теплой войне» только как коммунистическая страна. Разрушение коммунизма здесь равносильно полному разгрому страны. Лидеры Запада и все те, кто в армии Запада занят разрушением Советского Союза, прекрасно понимают эту банальную истину и бьют именно в это самое важное место в обороне страны.

Руководство КПСС может служить образцом того, какую гнусную породу людей породил коммунистический социальный строй. Никогда еще руководство большой организации не обнаруживало такого огромного числа предателей своей идеологии и своей собственной партии. Я считаю поведение таких высших руководителей КПСС, как Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и им подобные, основной причиной поражений Советского Союза в битве с Западом и в разрушении страны. И в данном случае роль руководства КПСС оказалась предательской. Если бы «путчисты» выступили с откровенным призывом к членам партии покончить с перестройкой, которая на самом деле провалилась как нечто созидательное, то на улицы Москвы вышло бы народу в десять раз больше, чем масса приверженцев Ельцина. Но вожди КПСС всех уровней, дрожа за свою шкуру, не сделали этого, подписав, тем самым, себе приговор.

Ближайшим следствием провала попытки переворота явилось то, что Ельцин запретил КПСС на территории РСФСР, запретил выпуск газеты «Правда» и других газет, не запрещенных во время «путча». Никто на Западе ни слова не сказал о том, что эти решения неконституционны, хотя их неконституционный характер очевиден. Протесты Горбачева по этому поводу производили жалкое впечатление — чувствовалось, что эту политическую игру он проиграл. Он попался в ловушку своей собственной политики.

Исход попытки переворота и ситуацию в стране после этого нельзя понять, не принимая во внимание такой фактор, как Запад. Я не собираюсь здесь выступать в роли обличителя каких-то козней Запада. Борьба есть борьба, и Запад в борьбе с коммунизмом был вправе использовать то оружие, каким располагал. И надо отдать должное тем, кто осуществлял планы Запада, что они эту задачу выполнили блестяще. Может быть, многолетняя борьба Запада против коммунизма является самой значительной войной в его истории. Тем не менее, этот аспект дела до сих пор почему-то остается в тени.

Теперь общепринято считать, что «холодная» война закончилась, и что большая заслуга в этом принадлежит Горбачеву и его сподвижникам. Но при этом стараются помалкивать о том, в чем именно заключалась роль Горбачева. Пройдут годы, и потомки оценят эту роль по достоинству, а именно — как предательство национальных интересов своей страны и своего народа. Я не знаю в истории другого такого случая предательства, который можно по масштабам и последствиям сопоставить с этим. Вторая мировая война дала немало примеров предательства такого рода, но они просто детская забава в сравнении с тем, что удалось сделать Горбачеву в мирное время. Если бы лидеры Запада назначили на пост главы государства своего собственного политика, он не смог бы нанести такой ущерб своей стране, как это сделал Горбачев. Он действовал как опытный партийный аппаратчик, со знанием дела используя всю мощь власти, какой обладало коммунистическое государство.

Как-то вскользь, между прочим, признают основной результат окончания «холодной» войны, говоря о том, что Советский Союз перестал быть второй сверхдержавой, и что США остались единственными в этой роли. Но это сказано слишком слабо. Дело в том, что в результате «холодной» войны вообще разгромлен советский блок в Европе, а Советскому Союзу нанесено сокрушительное поражение. И главную роль в этом сыграли не мудрость и мужество лидеров Запада, а предательская политическая стратегия советского руководства.

И уж совсем никто не говорит даже намеками о том, что окончание «холодной» войны было не окончанием войны Запада против советского блока, а лишь началом нового периода войны, который я называю «теплой войной». Это — настоящая война, новая форма мировой

войны. В ходе ее Советский Союз терпит беспрецедентное поражение, причем по вине своего предательского руководства. Главным оружием в этой войне пока являются политические, экономические, идеологические, пропагандистские и психологические средства, а также западная агентура и «пятая колонна» Запада в Советском Союзе, захватившая все ключевые позиции в стране. Но дело не ограничивается только этими «мирными» средствами. Последние были бы бессильны, если бы не подкреплялись средствами «горячей» войны. А с этой точки зрения горбачевцы и радикалы фактически разрушили обороноспособность страны. Даже мимолетное участие армии в попытке переворота показало, что армия расколота и деморализована. В армии вообще разрушено сознание необходимости обороны страны. Радикалы открыто проповедуют капитулянтские настроения, внушая обезумевшим людям мысль, что после капитуляции перед Западом американцы помогут советским людям совершить такой же скачок, какой они помогли сделать немцам и японцам. Происходящее сокращение вооружений фактически ведет к тому, что военный потенциал Запада будет неизмеримо превосходить советский. Варшавский пакт распался, а НАТО, наоборот, не проявляет ни малейшего намерения последовать его примеру. Опыт войны в Ираке и знание общего состояния советского населения, включая армию, уже породило на Западе идею, что война с Советским Союзом может стать лишь «большим Ираком», то есть прогулкой с огромными материальными затратами, но без человеческих жертв со стороны Запада, с громом оркестров, с красочным праздничным ликованием. Что при этом произойдет с советским населением — это мелочь. Подумаешь, какое дело — несколько десятков миллионов коммунистов!

Провал попытки переворота в Москве есть не победа некоей демократии и некоего прогресса над некими силами реакции, а очередная победа Запада в его «теплой войне» против советского народа, ведущейся под предлогом борьбы против коммунизма.

Хочу особое внимание обратить еще на один аспект сложившейся ситуации. Если принимать за чистую монету то, что говорят сами радикалы, и как это движение освещается в средствах массовой информации, симпатизирующих им, то дело выглядит так, будто, с одной стороны, действуют черные силы, а с другой — светлые. Первые якобы хотят вернуть страну к сталинизму, а другие мужественно борются за свободу и процветание народа. На самом деле такая интерпретация не имеет ничего общего с реальностью. На деле именно радикалы несут с собою диктаторский режим сталинского типа, а не «путчисты». Последние несли с собою режим брежневского типа, являющийся альтернативой сталинизму.

Сталинский и брежневский режимы, с политической точки зрения, различаются по двум признакам. Первый признак: один является волюнтаристским, другой — приспособленческим. Сталинисты стремятся силой заставить народ делать то, чего хочет высшее руководство. Брежневисты приспособляются к рутинному процессу жизни. Второй признак: сталинисты стремятся создать аппарат власти вне партийного аппарата, а брежневисты — в рамках партийного аппарата. Для сталинистов характерно народовластие, то есть организация масс по законам массовых движений с вождем во главе, с формально неопределенной структурой управления. Для брежневистов характерна партийно-государственная бюрократия со строго фиксированными функциями.

Горбачевское руководство с самого начала обнаружило сталинские тенденции. Горбачев создал систему власти вне партийного аппарата — президентскую систему. Он постоянно требовал особых полномочий и получал их. Его реформы носили принудительный характер, что он сам подчеркивал. Но он еще сохранял партийный аппарат в качестве своего оружия, правда, уже в ослабленном виде. С провалом «путча» положение изменилось. Ельцинский волюнтаризм превзошел не только горбачевский, но даже сталинский. В отношении аппарата власти Ельцин пошел еще дальше Горбачева и Сталина: он вообще взял установку на полное разрушение партийного аппарата и на создание системы народовластия вождистского типа. В отличие от Сталина, Ельцин прикрывает суть своего режима яростным антикоммунизмом в духе нашего времени, дабы завоевать похвалы на Западе и привлечь на

свою сторону антикоммунистически настроенные элементы дезорганизованного общества. Именно Ельцин, а не Горбачев и «путчисты», оказался способным на репрессии. Если в стране появится новый ГУЛАГ, то заранее можно с большой степенью уверенности утверждать, что создателем его будут радикалы во главе с Ельциным, а не консерваторы. Только ельцинский ГУЛАГ будет демократическим, ГУЛАГом «с человеческим лицом».

Перестройка при всех ее перипетиях по самой своей глубокой сущности была и остается переходом страны от брежневского режима к новой форме режима сталинистского, облаченного в форму демократии. Эта форма явилась результатом приспособления к новым условиям, навязанным Советскому Союзу поражением в его «холодной» войне с Западом. Горбачевцы и вслед за ними ельцинцы в интересах захвата власти и удержания ее использовали стратегию пораженцев в этой войне, повторяя вольно или невольно стратегию Ленина и большевиков при захвате ими власти в 1917 году. Но нужен длительный трагический опыт, прежде чем массы увидят в обманчивой оболочке демократии более страшный режим, чем тот, который они разрушают под лозунгами свободы и благополучия. Когда люди поймут это, будет уже поздно. Им останется лишь вспоминать о брежневском периоде как о золотом периоде советской истории.

Русские люди совершили трагический шаг, пойдя в свое время на коммунистическую революцию. Но они совершают не менее трагический шаг, отказываясь от результатов своей нелегкой более чем семидесятилетней истории. Я не вижу никаких оснований для восторгов ни по поводу попытки переворота, ни по поводу ее провала. И то и другое сработало одинаково в пользу рокового движения к национальной катастрофе.

Мюнхен, 1991

От коммунизма — к колониальной демократии

Моя позиция. У меня никогда не было никаких намерений и планов преобразования России. Нет их и сейчас. И вряд ли они появятся в будущем. Я не политический деятель, не идеолог и тем более не советчик, указующий людям, как им следует «обустроить» свое общество. Я всего лишь исследователь. Мои намерения никогда не шли и не идут дальше желания понять российскую (а ранее — советскую) реальность по возможности объективно и на основе своего понимания делать какие-то прогнозы относительно ее эволюции в будущем. Я изложил мое понимание в многочисленных публикациях, которые остались почти или совсем неизвестными в России. В числе этих публикаций — книги «Коммунизм как реальность», «Сила неверия», «Кризис коммунизма», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Желтый дом» и «Смута», до сих пор не опубликованные в России. А то, что как-то просочилось сюда, не дает адекватного представления о моих воззрениях.

У меня нет надежды на то, что отношение к моему творчеству в России может измениться к лучшему. Тем не менее, я счел своим долгом высказаться по поводу положения в России, и ее будущего.

Коммунизм. Слово «коммунизм» не отличается однозначностью и определенностью. Во избежание терминологической путаницы и бессмысленных терминологических споров я здесь словом «коммунизм (или «коммунистический социальный строй») буду называть тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе до 1985 года, в странах советского блока в Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и других странах. Что касается тех, кто считает, будто советское "общество не было настоящим коммунизмом, я готов признать их мнение справедливым лишь при том условии, что они построят «настоящий коммунизм» в реальности, а не только в воображении.

Я отвергаю марксистское учение о двух стадиях коммунизма и о «полном коммунизме» как высшей стадии. Это учение нелепо с научной точки зрения. То, что мы видели в России в сталинские и особенно в брежневские годы, это и было настоящим и полным коммунизмом. И никакой другой в природе просто невозможен в силу объективных социальных законов. Он может быть хуже или лучше в каких-то отношениях и в различных странах. Но суть его не может быть никакой иной.

Я отвергаю широко распространенное мнение, будто коммунизм в России чужд русской истории и русскому народу, будто он был навязан кучкой идеологов массам доброго и хорошего населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация огромных масс людей, а не просто политический режим. Он сложился в России не по марксистскому проекту — такого проекта вообще не было — а в силу объективных законов организации больших масс людей в единый социальный организм, причем в условиях бегства людей за самое обычное физическое выживание. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось, лишь по некоторым признакам похоже на марксистские идеи. Говоря так, я ни в коем случае не подвергаю сомнению роль марксистских идей в борьбе людей за коммунистическое общество. Но идеи, вдохновляющие исторические движения, редко совпадают с сущностью этих движений буквально. Ведь и нынешние реформаторы российского общества вдохновляются такими идеями, которые мало что общего имеют с тем, что они творят на самом деле. Старая мудрость сохраняет неувядающую силу: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Коммунизм в России возник не на пустом месте. Он имел здесь исторические предпосылки, исторические корни. Корни (предпосылки, зародыши, элементы) коммунизма существуют в самых различных обществах. Существовали они и в дореволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Так что утверждение марксистов, будто коммунистические социальные отношения не вызревают в некоммунистическом обществе, просто фактически ложно. Корнями (зародышами, элементами) коммунизма являются социальные феномены, которые я назвал феноменами коммунальности. Они обусловлены тем, что большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К ним относятся, например, объединения людей в группы, отношения начальствования и подчинения, государственные учреждения, профсоюзы, партии, полиция, армия, секретные службы и т. д. В определенных условиях коммунальные феномены могут стать доминирующими и всеобъемлющими в обществе и породить специфически коммунистический тип общественного устройства, как это и произошло в России после 1917 года.

Коммунистическое общество является не менее естественным социальным образованием, чем любое другое, и в том числе западное. Оно имеет свою специфическую социальную структуру и свои объективные закономерности функционирования. Эти структура и закономерности не имеют ничего общего с тем, как это общество изображалось в советской и тем более в западной идеологиях, претендующих на статус социальной науки, но не содержащих в себе ничего научного.

В западной идеологии и пропаганде, а вслед за ними — и в прозападной российской пропаганде после 1985 года коммунистический (советский) период российской истории рассматривается как черный провал. Россию даже окрестили «империей зла». Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной и беспрецедентной в истории человечества фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки, — идеальных обществ вообще не существует. Но оно имеет и достоинства. Кстати сказать, на Западе в свое время именно заразительный пример достоинств коммунизма породил тревогу. Уже сейчас многие люди бывших коммунистических стран с тоской вспоминают о том, что они потеряли, разрушив коммунизм. И советский период

русской истории был не провалом, а, наоборот, самым значительным периодом. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к нашему времени, будут поражены тем, как много было сделано в нашу эпоху, причем в тяжелейших исторических условиях. Я никогда не был и не являюсь апологетом коммунизма. Но самое элементарное чувство справедливости заставляет воздать ему должное.

При исследовании и описании коммунизма надо различать то, что вытекает из его внутренних закономерностей, и то, что связано с конкретными историческими условиями его возникновения и выживания, а также с условиями борьбы за существование в окружающей среде. Коммунизм в России возник в условиях краха монархической системы и ужасающей разрухи вследствие первой мировой войны. Затем — гражданская война и интервенция. Угроза реставрации дореволюционных порядков и нападения извне. Нищее и безграмотное население, разбросанное по огромной территории. Около ста различных национальностей и народностей с феодальными и даже родовыми социальными отношениями. Подготовка к войне с гитлеровской Германией и сама война, которая стоила Советскому Союзу беспрецедентных жертв. После короткой передышки — подготовка к новой войне и «холодная» война. Если вырвать ситуацию в стране и политику советского руководства из этого исторического контекста, то она покажется серией глупостей и преступлений. Но это не было только глупостью и преступлением, хотя и глупостей было немало, а о преступлениях и говорить нечего. Это была трагическая и беспрецедентная по трудностям история. Будь в стране иной социальный строй, она была бы разрушена и растащена по кусочкам. Страна выжила главным образом благодаря новому социальному строю — коммунизму. И нельзя все дефекты жизни в СССР относить за счет коммунизма. Многие из них суть результат неблагоприятной истории.

Кризис коммунизма. Советская идеология, настаивая на неизбежности кризисов при капитализме, считала коммунистическое общество бескризисным. Это убеждение разделяли даже критики коммунизма. Не было сделано ни одного исследования, результатом которого явилось бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о его возможности. Были бесчисленные «предсказания» гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах, но они не имели ничего общего с предсказанием именно кризиса. Он произошел неожиданно для политиков, специалистов и масс населения. Его стали осознавать как кризис лишь после того, как он разразился во всю мощь, да и то в не адекватной ему форме. Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он сам больше, чем кто бы то ни был, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Неожиданность кризиса объясняется многими причинами, и в их числе — отсутствием научной теории коммунистического общества. Нет надобности, говорить о том, какой вид имело учение о коммунизме в советской идеологии. Его презирали, причем вполне заслуженно. На роль правдивого понимания претендовала критическая и разоблачительная литература и публицистика. Но и она не выходила за рамки идеологического способа мышления. За истину выдавался факт критичности. Чем больше чернилось все советское, тем более истинным это казалось или истолковывалось так умышленно.

На Западе положение было не лучше. Хотя сочинения западных авторов по форме выглядели более наукообразно, по сути дела они были даже дальше от истины, чем советские. Если советская идеология боялась обнаружения закономерности дефектов коммунизма, то западная идеология боялась признания достоинств его. С одной стороны, создавался апологетически ложный, а с другой стороны — критически ложный образ коммунизма. Например, в советской идеологии утверждалось, будто советское общество построено в соответствии с гениальными предначертаниями «научного коммунизма» Маркса и Ленина. В западной идеологии утверждалось, будто в основе советского общества лежит

вздорная утопия глупого Маркса и кровожадного Ленина. В советской идеологии утверждалось, будто коммунистические социальные отношения стали складываться лишь после революции. В западной идеологии утверждалось, будто эти отношения навязаны массам советского населения силой и обманом после революции. Такой параллелизм можно увидеть по всем важнейшим вопросам, касающимся понимания советского общества и коммунизма вообще. С точки зрения научных критериев, утверждения советской и западной идеологии суть явления однопорядковые. Сходно и их влияние на умы людей. Если, например, коммунистический строй в Советском Союзе не имеет общечеловеческих корней и предпосылок в прошлой истории страны, если он сначала был выдуман в теории и затем как-то навязан населению, то его тем же путем можно изменить в желаемом духе или отменить вообще законодательным путем и распоряжением властей. Именно такой идеологический идиотизм лежал в подсознании или сознании будущих реформаторов. Пускаясь в перестроечную авантюру, реформаторы и их идеологические лакеи полностью игнорировали не только реальность Запада, но и реальность своего собственного общества. Отрекаясь от своей идеологии, они, тем самым, не переходили автоматически к научному пониманию реальности, а лишь меняли ориентацию идеологизированного сознания на противоположную, то есть, переходили на позиции западной идеологии.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрывать глаза, его осознали в извращенной форме, а именно — как некое обновление и выздоровление общества, как некую «перестройку». В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса все бросились искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, — в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

Кризисы суть обычное явление в жизни всякого общества. Переживали кризисы античное, феодальное и капиталистическое общества. Нынешнее состояние западных стран многие специалисты считают кризисным. Кризис общества не есть еще его крах. Кризис есть отклонение от некоторых норм существования общества. Но не всякое отклонение есть кризис. Отклонение от норм может быть результатом природной катастрофы, эпидемии или внешнего нападения. В 1941–1942 годах Советский Союз был на грани гибели. Но это не был кризис коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности.

Каждому типу общества свойствен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества свойствен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический кризис очевидным образом отличается от него. Он заключается, коротко говоря, в дезорганизации всего общественного организма, достигая, в конце концов, уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения. Но ядром его становится кризис системы власти и управления.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать, по крайней мере, такие факторы, играющие различную роль в его возникновении, как: 1) механизм потенциального кризиса; 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность; 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образует те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи коммунистическому социальному строю. Они действуют всегда, порождая тенденции

отклонения от его норм. Постепенно накапливаясь и суммируясь, эти отклонения создают предпосылки для кризиса. Чтобы описать механизм кризиса конкретно, нужно по мере описания общества в его нормальном («здоровом», идеальном) состоянии в каждом пункте описания указывать, в чем именно заключается отклонение от нормы и почему оно происходит, то есть закономерность самого нарушения норм. Например, плановая экономика неизбежно порождает элементы хаоса и незапланированности, без которых вообще невозможно осуществление планов. Единство системы власти и управления порождает распад ее на враждующие группировки, причем мафиозного типа. Прогресс экономики, культуры и прочих аспектов общества порождает расхождение между потребностями управления и возможностями их удовлетворения. Тотальное идеологическое оболванивание порождает идеологический цинизм и ослабление иммунитета к влиянию враждебной идеологии. Общество вынуждено постоянно принимать меры против таких отклонений от норм, чтобы удерживать их в терпимых пределах. Но это удается лишь частично и до поры до времени.

Условия кризиса суть нечто внешнее для сущности коммунизма как такового. Они способствуют созреванию кризиса и его наступлению, но сами по себе не порождают его. Кризис мог произойти при других условиях, даже при противоположных. Его могло не быть и при данных условиях. Условия кризиса не обязательно суть нечто неблагоприятное для общества и неудачи. Это могут быть и успехи, и благоприятные обстоятельства. Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать то, что в послевоенные годы, особенно — в годы брежневского правления, в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинским периодом. Это не были годы «черного провала» и «застоя». Среди условий кризиса следует упомянуть прирост населения. Население увеличилось более чем на сто миллионов человек. Никакая западная страна не выдержала бы такую нагрузку, не впад в кризисное состояние по одной этой причине. Прирост населения сопровождался возрастанием доли непроизводительного населения и непомерным ростом его appetites в отношении материальных благ.

Важнейшую роль в созревании кризиса сыграл тот факт, что человечество пропустило одну очередную мировую войну. Благодаря непомерно затянувшемуся мирному времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили возможность проявить свою неумолимую силу. Но затянувшийся мирный период не был периодом всеобщей любви и дружбы. Он включил в себя «холодную» войну, которая по своей силе и жесточести может быть поставлена в один ряд с войнами «горячими». Советский Союз вынуждался на непосильные траты и на такие взаимоотношения с окружающим миром, которые истощили его силы и принесли ему репутацию «империи зла». Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно непомерно усилило западное проникновение в Советский Союз и страны его блока. Запад стал неотъемлемым фактором внутренней жизни страны, в огромной степени способствовавшим ослаблению защитных механизмов советского общества как общества коммунистического.

Надо, далее, различать возможность кризиса, которая постепенно усиливается в течение многих лет, но до определенной поры остается скрытой, и превращение этой возможности в действительность. Последнее происходит взрывообразно, сравнительно со временем накопления кризиса — внезапно. Те факторы, которые приводят к такому кризисному взрыву, образуют толчок к кризису. В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса — созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом «перестройки». Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой «нажал кнопку», и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они не помышляли ранее.

Дело обстояло не так, будто в обществе начался кризис, вынудивший власть на определенную политику реформ, а, наоборот, власть начала проводить определенную политику, мотивируясь соображениями, ничего общего не имевшими с интересами предотвращения надвигавшегося кризиса (об этом вообще не думали), и будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Высшая власть выпустила джинна кризиса из бутылки своими нелепыми и безответственными реформами и установками. И сделала хорошую мину при плохой игре: превратившись в марионетку неуправляемого процесса, она стала изображать роль сознательного реформатора общества.

Сущность и форма исторического процесса. В исторических процессах большого масштаба редко бывает так, что их сущность проявляется в адекватной ей форме и очевидным для участников событий и наблюдателей образом. Обычно она бывает скрыта в мешанине множества разнородных явлений и воспринимается людьми в извращенной форме. При этом политика, идеология и пропаганда прилагают титанические усилия к тому, чтобы скрыть сущность процессов и вбить в головы масс ложные представления о них. А в наше время колоссального развития и засилья средств массовой информации, точнее говоря — средств манипулирования массами — идеологически-пропагандистское оболванивание масс вообще стало решающей силой в исторических событиях и в их восприятии людьми.

Сказанное всецело относится к пониманию сущности хрущевского «переворота» в 1956 году, десталинизации страны и перехода к брежне-визму. Я неоднократно обращал внимание на то, что оценка брежневского периода как продолжения сталинизма была ошибочной, более того — умышленной идеологической ложью в антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Брежневизм был не продолжением сталинизма, а реальной и единственно возможной в тех условиях альтернативой ему. Десталинизация страны означала переход от сталинистского волюнтаризма с системой сверхвласти, стоявшей над партийно-государственным аппаратом, и вождистской организацией управления к приспособленческому режиму с системой сверхвласти в рамках партийного аппарата и партийно-государственной системой управления. Хрущевская попытка сохранить волюнтаристский режим личной диктатуры не удалась. Брежневский режим сложился как своего рода демократия в противовес «тоталитаризму» сталинистского образца. Но конкретно-исторические обстоятельства скрыли суть этого перелома, а идеология и пропаганда (как советская, так и западная) сделали все, чтобы замутить и без того сложную ситуацию.

С первых же дней появления на исторической арене горбачевского руководства я в бесчисленных статьях и интервью, а также в книгах «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», «Катастрожка» и «Смута» утверждал и настаиваю на этом до сих пор, что горбачевизм возник как попытка перейти от демократического брежневизма к диктаторскому режиму сталинистского типа. Эта сущность горбачевизма проявилась в стремлении навязать стране насильственным путем сверху такой образ жизни и такое направление эволюции, какого хотело высшее начальство, и создать систему сверхвласти вне партийного аппарата и над ним. Отсюда возня с бесконечными реформами, практически разрушавшими страну, ее экономику, государственность и идеологию, требование чрезвычайных полномочий лично Горбачеву, установление «президентской» системы власти, фактически аналогичной диктаторской, вождистской власти Сталина.

Суть горбачевизма осталась скрытой. В пропаганде все было перевернуто и извращено. Хотя именно так называемые консерваторы объективно выступали как защитники коммунистической демократии (чего не поняли они сами!), горбачевцы приняли ложное обличье борцов против «тоталитаризма», за «подлинную демократию», за приобщение страны к «современной цивилизации» и т. п. На горбачевскую деятельность по насилению

страны наложился фактор по имени «Запад». Этот фактор начал играть решающую роль в том, что стало происходить в стране, придав процессу желаемые для него форму и направление.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли, хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суэта разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прибегая к другому образному сравнению, можно сказать, что горбачевское руководство оказалось подобным обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Повторяю, кризис общества еще не есть его крах. Кризисы возникают и как-то преодолеваются. Назревший в Советском Союзе кризис мог быть преодолен средствами этого общества как общества коммунистического. Никакая особая перестройка основ общества не требовалась. Но разразившийся по вине высшего руководства кризис советского общества привел это общество к краху. И решающую роль при этом сыграло поражение СССР в «холодной» войне с Западом.»

Страна была ослаблена кризисом. А ее руководители, спасая свою шкуру и репутацию и став послушными марионетками сил Запада, встали на путь предательства интересов своей страны. Они открыли ворота советской крепости врагу. В истории человечества вряд ли было нечто сопоставимое по масштабам с этим предательством.

«Холодная» война. Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей и апологетов капитализма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали непременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах угрожающе росло коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу внедрения коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918-1920 годах. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией СССР навязал свой строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Укрепились коммунистические партии в Западной Европе. Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала вполне реальной.

Но было бы ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического мира исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 года стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял. Да и для Гитлера борьба против коммунизма («большевизма») была не столько самоцелью, сколько предлогом для захвата «жизненного пространства» и превращения живущих там людей в рабов нового образца. Победа Советского Союза над Германией и расширение сферы его влияния в мире резко сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. А в перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели.

В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма — идея «холодной» войны — возникла как нечто само собой разумеющееся.

Обычно выражение «холодная война» употребляют как обозначение конфликта между коммунистическим и западным мирами, особенно между США и СССР, начавшегося сразу после окончания второй мировой войны. Его назвали «холодным», поскольку не были вовлечены вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношения между противниками. По единодушному признанию политических и идеологических лидеров Запада, «горячая» война с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вообще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что коммунистические режимы свергнуть военным путем невозможно. Так что «горячая» война ограничилась «малыми» войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически «холодная» война вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войной Германии с ее союзниками против СССР в 1941-1945 годах. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества — экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей: радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, публицити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости — национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т.п. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

«Холодная» война не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

Это была война особого типа, первая в истории человечества «мирная» война. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта — применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда это было, чтобы в смертельной схватке опасения последствий останавливали врагов?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх последствий имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной» войны. Гонка вооружений и политика на грани «горячей» войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Главным оружием в «холодной» войне были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления.

Организаторами и исполнителями «холодной» войны ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать

идейно-психологический иммунитет населения. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, переключавшая внимание людей с социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно психоанализа. Перефразируя слова одного западного социолога, можно сказать, что в «холодной» войне победил не капитализм, а лучшие средства оболванивания людей, действовавшие от его имени.

Опыт этой войны разрушил целый ряд предрассудков, столетиями владевших умами людей. Считалось, например, что народ надолго обмануть невозможно. «Холодная» война дала блестящий пример того, что с современными средствами идеологической обработки людей и манипулирования массами народ легче обмануть, чем отдельного человека, причем обмануть надолго, на любое время, пока есть смысл и средства для этого.

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) полностью деморализовал советское общество и, прежде всего, его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате, вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени.

Принято считать, будто поражение СССР и его сателлитов в «холодной» войне доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности общественного устройства коммунистического типа. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе достоинства капитализма. Но победа Запада над СССР не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная» война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Есть немало примеров противоположного характера, которые можно истолковать как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная» война даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм, нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в этой войне.

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса

в период «холодной» войны как борьбы двух социальных систем — капитализма и коммунизма — было поверхностным и, в конечном счете, ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела, это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной» войне лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений.

Западнизация. Запад есть социальное образование, занимающее определенное социогеографическое пространство, имеющее определенную структуру и живущее по определенным законам больших объединений людей. Этот социальный великан нуждается в среде существования помимо занимаемой им территории, нуждается в использовании для своего бытия всей остальной планеты. А это становится все труднее и труднее. Во-первых, коммунизм резко сократил «охотничью зону». Во-вторых, появляются другие «охотники», например Япония. В-третьих, прочие страны не очень-то охотно поддаются, они сами хотят поживиться, время от времени начинают «брыкаться». В-четвертых, прежние военные методы стали небезопасными для самого Запада. Одним словом, пришлось менять политическую стратегию. Я думаю, что подходящим названием для новой политической стратегии Запада может служить слово «западнизация» (или «вестернизация»). Ниже я охарактеризую ее основные черты.

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, внушает Запад западизируемым народам, и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации — включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли равномогущих и равноправных партнеров — это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, — а в роли, какую Запад сочтет нужной ему самому.

Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западизируемых стран, да и то на короткое время. Но, в общем, и целом, эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления не зависящих от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты, а в перспективе — на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т. п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизирваемой страны, и даже желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнения и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие.

Добровольность со стороны западнизирваемой страны еще не означает, что все население единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощью, вполне достаточной для того, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что, как бы западнизация той или иной страны ни начиналась, она перерастает в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизирваемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизирваемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстного спасителя западнизирваемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

«Теплая» война. С окончанием «холодной» войны не прекратилась борьба Запада против Советского Союза, а после распада последнего — против России. Я назвал этот новый этап борьбы «теплой войной». Эта война велась и ведется в строгом соответствии с принципами стратегии и тактики западнизации. Она охватила, прежде всего, сферу идеологии. Говоря о советской идеологии, я здесь имею в виду не марксизм-ленинизм, а суммарное идейное состояние населения страны, в котором марксизм-ленинизм был лишь частью, причем лишь формально главной.

Советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это — обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и

ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще. Идеологическое оболванивание западных людей не уступает таковому в коммунистических странах, а во многом превосходит последнее.

В СССР в массе населения всегда процветало низкопоклонство перед Западом. Государственная идеология боролась против него и сдерживала хотя бы формально. С началом кризиса (то есть «перестройки») произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но и стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их начали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним обращались за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Официальная советская идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массивной идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Развернулась беспримерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советское руководство встало, в конце концов, на путь насильственной западнизации страны, принялось насаждать западные политические формы и социальные отношения. В языке пропаганды их назвали рыночной экономикой и демократией. Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневого экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой, антисоветской и антикоммунистической пропаганды и массового помутнения умов, а в верхах власти — просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории.

Как сказал один западный социолог, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, в этом переломе победу одержал не капитализм, а лучшая пропаганда, которая велась от его имени.

Результаты насильственной западнизации СССР не замедлили сказаться. Начался стремительный распад всех основ советского общества. Стала разваливаться экономика, деградировать культура, разлагаться моральное и психологическое состояние широких слоев

населения. Под предлогом борьбы с якобы преступным коммунизмом и за роспуск КПСС была буквально разгромлена вся система государственности. Распался Советский Союз. Страна покрылась сетью кровавых конфликтов. Расцвела преступность. Разрушены все лучшие достижения советской истории, доставшиеся ценой невероятных усилий миллионов людей в течение многих десятилетий. Началось такое разграбление богатств страны, какого не позволяли себе победители в войнах прошлого с побежденной страной. «Теплая» война вступила в завершающую фазу — в фазу превращения России в колониальную демократию.

Колониальная демократия. Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это суть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран, особенно Великобритании. Но в целом это — новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы — многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут служат лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того, чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образцы западной культуры, вернее — псевдокультуры Запада. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений.

Нужно быть слепым, чтобы не замечать, что Россию нынешние ее правители усиленно толкают на путь колониальной демократии. И нужно быть врагом своего народа и предателем Родины, чтобы изображать этот процесс как благо для народа. Россия никогда, и ни при каких обстоятельствах не превратится в страну, аналогичную странам Запада и равноценную им в этом качестве, не станет частью Запада. Это исключено в силу ее географических, исторических и современных международных условий, а также в силу характера образующих ее народов.

Утверждая это, я не становлюсь на сторону проповедников теории исключительности судьбы России. Я утверждаю, что исключительной является историческая судьба Запада, а не России. Западный тип общественного устройства (капитализм и демократия) дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом. Для подавляющего большинства народов планеты он оказался либо гибельным, либо обрек их на роль придатков и сферы колонизации Запада. Россия уже сыграла исключительную роль в истории человечества, создав коммунистический социальный строй, который на некоторое время позволил ей сохранить независимость от Запада и вдохновил другие народы на это. Теперь Россия эту роль утратила, возможно — навсегда. Теперь Запад просто не допустит, чтобы в мире появился мощный западообразный конкурент на мировых рынках в лице России. Россия нужна Западу не как партнер в дележе мира, а лишь как зона дележа. Русским в планах Запада уготована судьба, аналогичная чсудьбе незападных народов, то есть судьба заурядная и позорная для бывшей великой страны и второй сверхдержавы планеты.

Может ли Россия избежать такой участи? Возможности у нее для этого невелики, но исключать их полностью было бы ошибочно. И главное, на мой взгляд, условие для этого — осознать с полной и беспощадной ясностью то, в каком положении она оказалась, и по какой причине. В России же ощущается страх перед такой ясностью. Ничем не сдерживаемое словоблудие заполонило всю интеллектуальную сферу общества. Люди боятся признаться себе в том, что совершили беспрецедентную в истории глупость, поддавшись добровольно влиянию реформаторов и их западных наставников, и боятся высказать это вслух. В этом страхе кроется, на мой взгляд, главное препятствие для реализации возможности, о которой я сказал выше.

Москва, 1993

Завершение русской контрреволюции

О событиях 3–4 октября 1993 года в России пишут очень мало, а на Западе и вообще ничего. Их замалчивают, игнорируют или занижают до уровня некоего приведения к порядку уголовных преступников. Зато о событиях августа 1991 года не перестают говорить. Это смещение внимания неслучайно. Августовские события 91-го года дают больше оснований изображать эволюцию российского общества после 1985 года как некое освобождение от коммунистического ада и как переход к демократическому раю западного образца. Октябрьские же события 93-го года в любой интерпретации заставляют сомневаться в правдивости официальной информации о них. Что бы о них ни говорили, факт остается фактом: мощные вооруженные силы совместно с частями особого назначения утопили в крови горстку невооруженных людей, а в приступе оплаченного рвення заодно побили множество подвернувшихся под руку случайных граждан. Первые события создают извращенное представление о переломе в русской истории после 1985 года. Вторые же вольно или невольно разоблачают сущность этого перелома, а также неприглядную роль в нем Запада.

Я считаю, что именно события октября 93-го, а не августа 91-го заслуживают того, чтобы стать историческим символом, сопоставимым по степени важности с событиями, которые вошли в историю под названиями «выстрел «Авроры»» и «штурм Зимнего», только с обратным знаком. Октябрьские события 1917 года стали символом великой социальной революции, выдвинувшей Россию на роль знаменосца социального прогресса человечества, а октябрьские события 1993-го имеют шансы стать со временем символом самой грязной разрушительной и предательской контрреволюции, низвергнувшей Россию на позорную роль

холуйского придатка и зоны колонизации Запада.

Я не вижу надобности доказывать то, что октябрьские события 93-го завершили перелом в истории России, который является контрреволюцией по отношению к коммунистическому социальному строю, рожденному в результате революции 1917 года. Теперь это уже становится общим местом и даже предметом гордости для тех, кто считает себя активным участником перелома. Последний был подготовлен в 1985-1991 годах. Вполне открыто и явно он начался в августе 91-го. В течение двух с немногим лет велась колоссальная работа всех сил контрреволюции и оказывалась всемерная поддержка со стороны Запада для доведения его до завершения. События октября 93-го поставили в нем последнюю точку. Они кровью закрепили фактически сложившееся положение, как бы придав ему тем самым статус законности.

За утверждения такого рода меня нередко обвиняют в чрезмерном пессимизме. Мол, я не оставляю никакой надежды. Надежды кому, и какой? То, что я говорю, для многих означает как раз не пессимизм, а крайний оптимизм. Эти люди много лет лелеяли надежду на крах коммунизма в России и самой России. Они делали все от них зависящее, чтобы этот крах произошел. Для них наступило время ликования. И давно ли такому ликованию предавались миллионы рядовых россиян? И многие ли из них хотя бы пальцем шевельнули, чтобы помешать тому, что случилось со страной? Да и сейчас еще миллионы оболваненных россиян именно в крахе коммунизма видят надежду на некое возрождение России.

Если же под оптимизмом и надеждой на лучшее будущее понимать восстановление всего того хорошего, что было достигнуто за годы советского строя, то у меня просто язык не поворачивается сказать какие-то утешительные слова вроде «выстоит Россия, выживет, воспрянет, не впервой, не такое видали» и т.п. Такого не видали. Такое случилось впервые, и надо быть готовым к тому, что впереди у России путь, какому не позавидуешь.

Говорят, будто в России есть силы, способные спасти от полного краха и вновь поднять ее на уровень великой державы, играющей первые роли или, по крайней мере, одну из первых ролей в мире и в мировой истории. Какие силы? Где они? Дремут? Так они продремлют еще триста лет. Скрыты? Так они и останутся скрытыми навек. Те силы, которые заявили о себе (а никаких других, которые о себе не заявляют, просто не бывает), ничего и никого спасти и поднять не могут, кроме самих себя. Они способны лишь сохранять сложившееся положение, внося в него мелкие поправки, причем без особого ущерба для себя и даже с выгодой.

Те, кто утверждает, будто в России есть силы, способные вытянуть страну из пучины, в которую ее низвергла контрреволюция 1985-1993 годов при поддержке чуть ли не всего активного населения страны, должны опровергнуть хотя бы следующие мои утверждения.

Когда осуществлялся заключительный акт контрреволюции, массы российского населения оставались пассивными. Миллионы людей смотрели телевизионные передачи о расстреле защитников «Белого дома». Миллионы людей видели, как зверски убивали их братьев, дерзнувших восстать против недругов своего Отечества. Они не бросились на улицы помешать расправе. А ведь выбежало бы несколько сот тысяч человек, они голыми руками раздавили бы палачей. Выбежали только те, кто аплодировал палачам. Контрреволюция завершилась под аплодисменты тех, кто фактически стал хозяином страны!

Можно ли это считать всего лишь результатом обмана народа? Не думаю. Дело в том, что за годы советской истории в стране произошло радикальное переструктурирование населения. Сложились многочисленные влиятельные слои, группы, клики, мафии, категории и т.д., которые и стали опорой и движущей силой контрреволюции. Хотя они были и остаются в меньшинстве, именно они стали задавать тон в жизни страны.

Рассчитывать на какой-то мифический народ бессмысленно. Что такое теперь российский

народ? И те, кто отдавал приказ убивать повстанцев, есть часть народа. И повстанцы — часть народа. И убивавшие солдаты и милиционеры — часть народа. И аплодировавшие убийцам новоиспеченные миллионеры — часть народа. И начавшие перестройку руководители КПСС — часть народа. Рабочие и крестьяне — тоже часть народа. А какую роль они сыграли в случившемся? Какую — интеллигентская прослойка? Сразу же после расстрела «Белого дома», то есть 5 октября, в газете «Известия» было опубликовано письмо группы известных российских писателей. Авторы письма называли повстанцев убийцами, хотя убивали именно их, этих людей, называли фашистами, хотя настоящие фашисты — их убийцы и т.д. Они благодарили Бога за то, что армия и органы правопорядка расправились с повстанцами. Они призывали президента запретить все виды коммунистических и националистических партий, запретить все оппозиционные газеты и признать нелегитимными Съезд народных депутатов и Верховный Совет. И эти писатели — тоже часть народа. Одним словом, контрреволюция в России имела глубокие социальные опоры. В результате контрреволюции эти опоры не ослабли, а, наоборот, укрепились.

В России нет великих социально-политических идей, способных вдохновить значительную часть ее граждан на историческое мужество и подвиги, без чего о новом взлете и думать нечего. Ей уже навязали никчемные, шкурнические, ветхие и чужие идеи, рассчитанные на самую интеллектуально примитивную и деморализованную массу людей, лишенных всякого чувства гражданской ответственности за судьбу страны. И такие великие вдохновляющие идеи по заказу не выдумает, если они сами уже не заявили о себе ощутимым образом. А весь мир стал таким, что в нем для таких идей просто нет никакой почвы. Все более или менее значительные идеи, владеющие умами и сердцами мыслящей части человечества, суть идеи асоциальные: спасение окружающей среды, спасение от чрезмерного роста населения, спасение от преступности, устранение атомной угрозы и т.п. Время великих социальных идей прошло. Теперь их просто душат в зародыше, если какие-то идеи такого рода пытаются прорасти. Да и каких идей можно ожидать от бывших профессоров Высшей партийной школы при ЦК КПСС, от бывших работников партийного аппарата, от бывших идеологов марксизма-ленинизма, от бывших полковников и директоров заводов, от продажных перевертышей из сферы гуманитарных наук, от социологически безграмотных писателей и журналистов, от всякого случайного в сфере социальной мысли сброда, заполонившего своими кустарными соображениями страницы бесчисленных газет и журналов? Для рождения великих идей мало несчастья страны. В истории человечества целые цивилизации погибали, не родив даже среднего уровня мыслишки. Для великих идей нужно подходящее время, нужны гениальные умы, нужна достаточно сильная среда, способная по достоинству оценить эти идеи.

У России нет национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. Российские интеллектуалы, за редким исключением, уже в хрущевские годы сами стали заражаться и заражать соотечественников умонастроениями антипатриотизма, антикоммунизма, антисоветизма и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни, представляя его себе в сильно идеализированном виде. Тот факт, что это не мешало им служить советскому режиму в доперестроечные годы и преуспевать за его счет, ничуть не опровергает сказанное. То двоемыслие, о котором Оруэлл писал еще в 1948 году, было присуще российской интеллигенции в особенно сильной степени. Российская, холуйская по натуре, интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 году, всячески поддерживала процесс разрушения страны и, в конце концов, оправдала все преступления правящих клик.

Все политическое пространство России уже захватили дилетанты, демагоги, тщеславные болтуны, мракобесы, невежды, перевертыши, предатели, мелочные хитрецы и интриганы, шкурники, хапуги, трусы, приспособленцы, явные дураки и даже просто клинические шизофреники. В качестве идейных наставников и политических лидеров России были извне

навязаны всякого рода ничтожества, раздутые в пропаганде до масштабов личностей эпохальных. Поэтому в России в ближайшем будущем вряд ли возможно появление значительных политических лидеров. Карлики, завладевшие ареной истории, не допустят появления великанов. Для спасения России нужны политические стратеги масштаба Ленина и Сталина, способные в течение многих лет терпеливо проводить определенную и перспективную политическую линию, опираясь на профессиональную партию и на поддержку масс населения. А это невозможно хотя бы уже в силу утраты Россией ее именно стратегической роли в истории. Ленины и Сталины появляются не так уж часто, не чаще чем раз в столетие.

В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно вызывала всеобщее восхищение. И даже на Западе специалисты считали ее лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создают систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях, прививая им чуждую русским традициям и характеру народа прозападную систему ценностей, которая подвергается жестокой системе критики даже самими западными специалистами, идеологами и представителями религии. Те поколения, которые теперь подрастают, принадлежат уже к иному миру, к иной цивилизации, вырастающей не из основ русской национальной жизни, а из заимствований чужеродных образцов. Они не имеют исторических корней в делах, идеях, в системе ценностей своих предшественников. Растут поколения людей, являющихся карикатурной имитацией всего худшего, созданного западной цивилизацией. С таким человеческим материалом, считаю, уже невозможны никакие великие свершения.

В России произошел полный разрыв поколений — политический, гражданский, идейный, моральный, психологический. Со сцены сошли поколения, которые совершили Великую революцию, подняли страну из развалин, защитили ее от иностранной интервенции, совершили беспрецедентный скачок в культуре, превратили страну в могучую индустриальную державу, подготовили ее к самой страшной в истории войне, разгромили самую мощную вражескую армию в мире, превратили страну во вторую сверхдержаву планеты. От них остались одиночки, оплеванные всеми, оклеветанные, названные «коммуняками», «красно-коричневыми», «фашистами», «сталинистами» и прочими бранными словами. Им на смену пришли поколения шкурников, перевертышей, предателей, разрушителей, капитулянтов. Они не просто подвергли критике то, что было сделано их отцами и дедами. Они разрушили весь механизм преемственности поколений, благодаря которому народ мог существовать как нечто единое целое в историческом времени. Говоря словами Гамлета, в России распалась связь времен.

Меня упрекают в том, будто я только критикую и не предлагаю никакой позитивную программу. Во-первых, я не критикую, а анализирую реальность по возможности объективно. А во-вторых, я предлагаю фактически нечто большее, чем высосанные из пальца и заимствованные на Западе проекты «обустройства России». А именно — я утверждаю, что мы уже имели наилучшее для условий России и для населяющих ее народов социальное устройство, сложившееся в 1917–1985 годах. Советский социальный строй, политическая система, система воспитания, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и т.д. были вершиной русской истории вообще. Это, повторяю и подчеркиваю, был оптимальный вариант «обустройства» России, вершина ее исторического бытия.

Я не хочу этим сказать, будто советская система организации жизни общества вообще является наилучшей и очень хорошей. Ее недостатки мне были хорошо известны с юности, я начал подвергать ее критике еще тогда, когда нынешние перевертыши служили ей с великим усердием. Я хочу сказать лишь следующее: все то, что было в России до советской системы, было неизмеримо хуже. И то, что пришло ей на смену, есть упадок, деградация, умирание.

Говоря таким образом, я вовсе не призываю моих соотечественников просто восстановить то,

что было до 1985 года. Я прекрасно понимаю, что это уже невозможно практически (прочти, читатель, еще раз изложенную выше характеристику положения в России). Речь ведь идет о проекте общественного устройства, о программе действий для какой-то категории россиян, которых не устраивают нынешнее состояние России и направление ее эволюции. Я говорю таким россиянам (и только им, а не вообще каким-то неопределенным существам): изучите советское общество, и вы выработаете наилучший из реалистичных проектов общественного устройства для России. Но за реализацию этого проекта придется сражаться по законам серьезной истории, причем с жертвами и без гарантии успеха. Контрреволюция, со слов о которой я начал эту статью, есть свершившийся факт. Постсоветский или посткоммунистический период пришел надолго и всерьез. Не надо строить иллюзии, будто новый режим уже изжил себя и вот-вот рухнет. Никакой режим не рухнет сам по себе, его рушат какие-то внешние для него силы. Если ваша борьба против этого режима когда-нибудь увенчается успехом, и вы получите возможность осуществить свой проект на деле, то создаваемое вами общественное устройство будет не реставрацией прошлого, а чем-то новым, более адекватным новым условиям.

Контрреволюция в России успешно завершилась в октябре 1993 года. И нам теперь предстоит жить и действовать в условиях посткоммунистической социальной системы. А как действовать, это есть дело желаний, чувств и совести каждого из нас в отдельности.

Москва, 1994

Величайший перелом в истории человечества

Будущее есть реализация потенций и тенденций настоящего. Двадцать первый век будет веком торжества тех потенций и тенденций, которые созрели в нашем, двадцатом, веке. Этот происходящий на наших глазах и при нашем участии процесс перехода настоящего в будущее является, на мой взгляд, эпохой величайшего перелома в истории человечества. Я здесь хочу сказать об основных, опять-таки, на мой взгляд, чертах этой эпохи.

Двадцатый век войдет в историю человечества как век, в котором произошли коммунистические революции, во многих странах мира возник коммунистический социальный строй (реальный коммунизм), коммунизм стал распространяться по планете, угрожая овладеть всем человечеством и уничтожить тот социальный строй, который имел место в западных странах. Перед лицом этой угрозы западный мир мобилизовался. В середине века началась беспрецедентная в истории человечества война, получившая название «холодной» войны. Это была война за историческое выживание и мировое господство между коммунистическим миром, возглавлявшимся СССР, и западным миром, возглавлявшимся США. Война длилась почти половину века. Хотя о ней написано и сказано много слов, объективная информация о ней во всем объеме до сих пор еще не предана гласности, а научное исследование ее — дело будущего. Это и понятно, так как война Запада против мирового коммунизма еще не закончена, и Запад еще не может (если он вообще когда-нибудь будет на это способен!) позволить себе объективный взгляд на прошедший период войны.

В результате «холодной» войны коммунистический мир потерпел жестокое поражение. Я склонен считать это поражение роковым, предопределившим ход человеческой истории на много веков вперед. Была дискредитирована и потеряла прежнее влияние коммунистическая идеология. Распался блок коммунистических стран Восточной Европы и Советский Союз. Рухнул коммунистический строй в этих странах. Наступил упадок коммунистического движения в странах Запада и «третьего мира». Началась интеграция стран Запада. Начался

процесс формирования глобального общества.

Во второй половине XX столетия произошел перелом в самом социальном строе Запада и во всей социальной ориентации эволюции человечества. «Холодная» война способствовала этому перелому и форсировала его. Хотя процесс еще не завершился, сущность его уже теперь обнаруживается достаточно отчетливо. Я кратко расскажу о моем ее понимании.

Общепринято считать социальный строй западных стран, с экономической точки зрения, капитализмом. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А таких определений существуют десятки. Какие считать «подлинными», и какие — нет? К тому же капитализм не есть нечто раз навсегда данное. В его истории различают два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество, некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое. После второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей.

Западное общество превратилось в общество денежного тоталитаризма. Естественно, сложился и механизм, осуществляющий и охраняющий этот денежный тоталитаризм. Он достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор западного общества. Его образует гигантская финансовая система, которая теперь обусловлена, прежде всего, необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом. Превращение банковской системы в денежный тоталитаризм привело к тому, что подавляющее большинство членов общества, имеющих какие-то источники дохода, оказались соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть, осуществляя основную часть денежных дел через банки. К этому присоединился рост акционерных предприятий и банков. Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало в этом отношении почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Но это была лишь одна из линий происшедшего перелома. Другая линия — изменение отношений между частной собственностью и частным предпринимательством. С точки зрения характера юридических субъектов, предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица. Ко второй группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. В первом случае частные предприниматели организуют дело на основе кредитов, которые они получают от денежного механизма. Доля их собственного капитала в общей сумме капиталов ничтожна. Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, есть редкое исключение или временное состояние. Во втором случае функции капиталиста выполняет организация из лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица.

Таким образом, в экономике западнизма частное предпринимательство перестало быть

неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику и сущность западного общества. И с этой точки зрения западное общество перестало быть капиталистическим.

И третья важнейшая линия происходящего перелома в сфере экономики — образование мирового рынка. А это означает не просто расширение сферы экономической активности и установление определенных отношений между некими равноправными партнерами, а образование наднациональных и глобальных экономических империй, можно сказать — образование сверхэкономики. Эти империи приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Сверхэкономика властвует над экономикой в ее традиционном смысле — над экономикой первого уровня. Тут все большую роль начинают играть средства внеэкономические, а именно — политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

С точки зрения системы власти и управления, западное общество считается демократическим. Опять-таки, что такое демократия? Существует множество различных определений этого слова. Какое принять за «подлинное»?! Но дело не в названии. Важно, что собой представляет реальная политическая система Запада в наше время.

Бесспорно, многопартийность, разделение властей, выборность органов власти, их сменяемость, публичность их работы и другие признаки западной демократии можно наблюдать в современной политической системе Запада. Но они никогда не исчерпывали систему власти и управления западного общества. Они всегда были лишь частью последней, причем не самой главной. Они были на виду, производили много шума, создавая ложную видимость сущности власти. Есть универсальные законы всякой государственности, как западгистской, так и коммунистической. Возьмем, например, ее масштабы. Эта сфера в западных странах огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее и по ее роли в обществе. Лишь ничтожная часть занятых в ней людей суть выборные члены представительных учреждений. Причем они, как правило, — профессиональные политики. Государство фактически вторгается во все сферы общественной жизни. Оно является владельцем и распорядителем гигантских денежных сумм, важнейшим участником денежного механизма, крупнейшим организатором предприятий и мероприятий большого масштаба.

В сфере западной государственности, как и в сфере экономики, можно различить два уровня — уровень государственности в обычном смысле, на котором фигурирует демократия, и уровень сверхгосударственности. Структура второго плохо изучена, вернее говоря — познание ее есть одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, будто ничего подобного тут вообще нет. Однако в средствах массовой информации время от времени проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи ее.

Сверхгосударственная система власти и управления западнизма формируется и воспроизводится по многим линиям. Назову основные (на мой взгляд) из них. Система государственности состоит из огромного числа людей, учреждений, организаций. Она сама нуждается в управлении, можно сказать, в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, служащих личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. К ним примыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей и т.п. Это — «кухня власти».

Вторую линию образует совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта, и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т.п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, издатели, профсоюзные лидеры, кинопромышленники, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры СМИ, высокопоставленные чиновники, политики и т.д. Эта среда получила название правящей элиты.

И четвертая основная линия образования сверхгосударственности -создание бесчисленных учреждений и организаций блоков и союзов западных стран, а также системы средств функционирования глобального общества и управления им.

Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупинки демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Коммунистическая государственность уже теперь выглядит в сравнении с ней как дилетантизм. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. Я это говорю не в порядке разоблачения или упрека, — упаси меня боже от этого! Просто по объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует Запад, демократия в том ее виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна. Об этом открыто говорят теперь многие западные теоретики.

Я не могу здесь останавливаться на том, каких масштабов в западном обществе достигли СМИ, система идеологического оболванивания масс, массовая культура, средства коммуникации и другие факторы колоссального прогресса человечества в нашем веке и какую мощь они приобрели. Совместно с рассмотренными изменениями в сфере экономики и государственности они преобразовали западное общество настолько, что можно констатировать возникновение качественно нового социального феномена, который содержит в себе в «снятом» виде и капитализм, и демократию, и даже коммунизм, но не сводится к ним. Это, повторяю и подчеркиваю, есть новое качество в эволюции человечества, какого не было ранее. Я называл этот новый социальный строй Запада западнизмом.

Процесс формирования западнизма происходил одновременно как процесс интеграции Запада и формирования глобального общества. Тут имело место не случайное историческое совпадение, а глубокая связь. Эти процессы явились различными аспектами единого мирового процесса. Один из них стимулировал другой и был бы невозможен без другого. Западнизм формировался как явление общезападное и глобальное.

Интеграция Запада и формирование глобального общества, в свою очередь, суть стороны единого процесса. Авторы, пишущие на тему о глобальном обществе, обычно ссылаются на такие факторы. Во-первых, это — множество проблем, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран мира. Во-вторых, складывается мировая экономика, ломающая границы национальных государств и влияющая решающим образом на их экономику. В-третьих, мир уже опутан сетью международных объединений и учреждений, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела бы изолированную

жизнь. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Складывается единая мировая культура и т.д.

Все это верно. Но при этом все авторы, пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или игнорируют совсем тот факт, что идея глобального общества есть идея западная, а не абстрактно мировая. Инициатива движения к такому обществу исходит от Запада. В основе ее лежит не столько стремление различных народов к объединению (такое стремление появляется редко), сколько стремление Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть, прежде всего, завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Конечно, кое-что перепадает и им, но движущий мотив глобализации экономики не в них. Некоммерческие международные организации в большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе испытывающие влияние этих сил. Мировой информационный порядок есть порядок, установленный странами Запада. Фирмы и правительства Запада осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные СМИ господствуют в мире. Мировая культура есть, прежде всего, навязывание народам мира современной западной (я бы сказал западнистской) культуры. Выражения «информационный империализм» и «мировая культурная империя» придумали не коммунисты, а сами западные идеологи.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не ново. Они сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества. Это их отношение к прочему миру не исчезло, оно лишь приняло новую форму применительно к новым условиям. Теперь они сами объединяются в новое гигантское социальное целое, чтобы совместными усилиями установить свое господство над всей планетой. Причем, это не есть проявление мечты, корысти, тщеславия, безумия, эгоизма, гуманизма, властолюбия и каких-то положительных или отрицательных качеств людей. Это стало жизненной необходимостью для западных стран, стало принудительным средством, сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении, а в том, что человечество вынуждается двигаться в этом направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей.

То, о чем я говорил выше, не есть нечто абсолютно предрешенное, фатальное. Это тенденция эволюции. Тенденция сильнейшая, но все-таки тенденция. И не единственная. Несмотря ни на что, коммунистическая тенденция не исчезла насовсем и никогда не исчезнет, причем не только вне стран Запада, но и внутри них. Она исторически обнаружила себя, прежде всего, на самом Западе, породив коммунистическую идеологию как феномен Запада и лишь затем как феномен международный. И крах коммунистического Советского Союза есть крах конкретной страны в конкретных условиях, а не банкротство и не естественная смерть системы как таковой. Коммунистический социальный строй в России только вступил в стадию зрелости, еще не успел развить все заложенные в нем потенциалы, еще далеко не достиг стадии старости. Он впал в состояние кризиса, вполне естественное для всякой социальной системы. Но жизнь его была прервана искусственно. Он был просто убит силами внутренней контрреволюции и Запада. Утверждения, будто он обнаружил свою нежизнеспособность, лишены каких бы то ни было оснований. В истории человечества жизнеспособные сами по себе социальные организмы погибали не менее часто в начале их жизни, чем нежизнеспособные и изжившие себя.

Будущее человечество еще может преподнести неожиданные сюрпризы. Тем более сам

западный социальный строй (западнизм) имеет в себе объективную тенденцию эволюционировать в коммунистическом направлении. 70-летний коммунистический опыт России не прошел даром для человечества. Следы его влияния на Западе ощущаются во всех сферах жизни общества. Наблюдая антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду на Западе, хочется повторить слова Христа: «Видят соринку в глазу другого и не замечают бревно в своем собственном».

Только нам, русским, вряд ли стоит впасть в эйфорию по поводу будущего возможного торжества коммунизма. Если на Западе построят свой коммунизм, то это постараются сделать уже без нас, без русских. Нам же оставят донашивать историческое тряпье в виде парламентской демократии, частной экономики, дремучего православия, самодуров-правителей и прочих «прелестей» постсоветского периода. Каждому, как говорится, свое.

Мюнхен, 1994

Советская контрреволюция

В период между избранием Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году и расстрелом «Белого дома» по приказу Ельцина в октябре 1993 года произошла совокупность событий, в результате которых был разгромлен коммунистический социальный строй, сложившийся в Советском Союзе благодаря Великой Октябрьской революции 1917 года. Поэтому я считаю себя вправе называть эти события словами «советская контрреволюция».

В западной идеологии и пропаганде советская контрреволюция изображается обычно так, будто советский социальный строй (коммунизм) рухнул в силу своей внутренней несостоятельности, будто он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа от коммунизма и перехода к капитализму. В России эта концепция принята как нечто само собой разумеющееся. И это не просто по недомыслию (хотя и недомыслие тут имеет место). Разгром советского коммунизма еще не завершился полностью. У западных организаторов и российских исполнителей советской контрреволюции еще нет стопроцентной уверенности в том, что с коммунизмом в России покончено навсегда. Соккрытие истины относительно сущности советской контрреволюции еще остается важнейшей задачей ее идеологов и апологетов. А советским (и затем российским) исполнителям контрреволюции к тому же хочется выглядеть благородными освободителями советских людей и прочего человечества от гнета и ужасов некоего коммунистического зла, а не послушными марионетками западных хозяев и не добровольными предателями великих исторических завоеваний, достигнутых их соотечественниками и предшественниками ценой колоссальных усилий и жертв.

Детальное научное исследование советской контрреволюции есть задача для ученых будущего, когда остынут страсти и кому-то будет позволено приоткрыть завесу идеологической лжи, скрывающую социальную сущность этого исторического явления. Я здесь ограничусь лишь некоторыми соображениями относительно того направления, по какому должна (с моей точки зрения) двигаться стремящаяся к истине мысль.

Советская контрреволюция была порождена комплексом факторов как внешнего, так и внутреннего, как объективного, так и субъективного характера. Чтобы установить, какие именно факторы и какую именно роль сыграли в ней, необходимо, прежде всего, четко выделить ее из потока конкретно-исторических событий, установить ее временные и событийные границы. Надо установить образующие ее конкретные действия людей и

установить, что именно связало эти действия в единое целое, в одно сложное совместное действие множества различных людей. Общим для всех этих действий было то, что они так или иначе разрушали социальный строй страны, разрушали реальный советский коммунизм. И именно эта их антикоммунистическая направленность объединяла их в огромное единое историческое действие, имевшее результатом разгром советского коммунизма.

Но чтобы выполнить эту задачу, необходимо точно знать, в чем именно заключалась коммунистическая социальная организация (социальный строй) советского общества. Знать научно, объективно, а не в том виде, как его изображали и изображают в идеологии и пропаганде (как в советской, так и в антисоветской).

Основу советского общества составляли организация системы власти и управления (а не экономика) и ее положение в социальной организации общества в целом. Эта система пронизывала все общество во всех жизненно важных измерениях и на всех уровнях социальной иерархии, начиная с ее вершины и кончая первичными деловыми коллективами. Можно сказать, что коммунистическое общество в Советском Союзе было государственно-организованное человеческое объединение. Более того, тут следует говорить даже не просто о государственности, а о сверхгосударственности. А основу, ядро, стержень, скелет и голову этой сверхгосударственности образовывал социальный феномен, который называли словом «партия», но который на самом деле не был партией в смысле привычных политических партий Запада. Он лишь имел подобие партии, имел какие-то генетические источники в партии. Но фактически он был явлением качественно иного рода.

Если исходить из реальной, а не из воображаемой коммунистической социальной организации советского общества, если исходить из научного понимания ее, а не из идеологических ложных догм, то начало советской контрреволюции следует отнести к тому моменту советской истории, когда стали сознательно разрушать советскую систему власти и управления, а точнее говоря, когда приступили к разрушению аппарата КПСС. И началось это вскоре после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Началось по инициативе Горбачева и было поддержано высшим партийным руководством и его идеологическими холуями. Началось с вершины власти, изнутри системы власти, то есть из самых глубин базиса коммунистической социальной организации. А завершение советской контрреволюции произошло уже при Ельцине, когда была ликвидирована КПСС, и по приказу Ельцина были расстреляны жалкие остатки советской государственности. Советская контрреволюция хронологически и по составу образующих ее событий заключена в эти рамки. Относить ее начало в более отдаленное прошлое (а ее относят даже к временам Хрущева), а окончание — в годы после расстрела «Белого дома», значит, растворять ее в более обширном историческом потоке и искажать, тем самым, ее социальную сущность. События, предшествовавшие началу деятельности Горбачева по разрушению КПСС и так или иначе связанные с этим, сыграли роль условий и предпосылок контрреволюции, а все события, произошедшие после прихода Ельцина к высшей власти в России и расстрела «Белого дома», явились неизбежными следствиями уже совершившейся контрреволюции. Здание советского общества как общества коммунистического рухнуло как следствие того, что был разрушен его социальный фундамент.

Советская контрреволюция есть явление внутренней жизни Советского Союза и затем (после распада последнего) — России. Естественно, раз она произошла, она имела на то основания в самом советском обществе. Эти основания можно разделить на объективные и субъективные. Из объективных факторов отмечу два — расслоение советского общества и назревание кризиса.

Вопреки марксистскому учению о бесклассовости коммунистического общества, в реальном советском обществе с самого начала наметилось расслоение населения на социальные классы, занимающие различное положение в структуре общества и соответственно обладающие различными возможностями в распределении жизненных благ. Неравенство в

этом отношении было не каким-то отклонением от неких «правильных» норм, предписанных классиками марксизма, а проявлением объективных законов социального бытия. К концу брежневского периода классовое расслоение советского общества достигло высокого уровня. Стала очевидной тенденция к снижению вертикальной динамики населения, то есть сокращались возможности перехода из одних слоев в слои более высокого уровня. Представители высших слоев редко стали опускаться в низшие слои. Они имели разнообразные привилегии сравнительно с низшими слоями и возможности приобретать жизненные блага благодаря своему положению в обществе. Они были хозяевами общества. Ничто не угрожало их привилегированному положению. Они имели такие гарантии своего положения, каким могли завидовать привилегированные слои западных стран. Они имели блага без риска потери, без особых усилий и забот.

А между тем произошло нечто такое, что находится в явном несоответствии с социальными законами и даже со здравым смыслом. Те советские люди, которые стали активными идеологами и деятелями контрреволюции, как правило, были выходцами из высших слоев общества, принадлежали к его привилегированной части, занимали в нем высокие посты (достаточно назвать Горбачева, Яковлева, Ельцина), принадлежали к идеологической и культурной элите. Они поднялись в высшие слои за счет советской системы, в ней добились успехов, сделали карьеру. Согласно социальным законам они по своему положению в обществе должны были быть опорой этого общества, его апологетами и защитниками. А они ринулись разрушать его, превзойдя на этом пути диссидентов, критиков режима, самых отъявленных антикоммунистов Запада. Они начали с остервенением рубить сук, на котором сидели. Почему?! Никаких объективных факторов в социальной организации советского общества для этого не было. Очевидно, вступили в силу факторы, действовавшие извне советского общества, причем, действовавшие как факторы, породившие в нем определенное идейное, моральное и психологическое состояние населения, то есть как факторы субъективные.

Не следует забывать о том, что сразу после окончания второй мировой войны началась «холодная» война западного мира, возглавляемого США, против советского блока, возглавляемого СССР. Теперь общеизвестно, что основным оружием в ней были средства воздействия на идейное, моральное и психологическое состояние советских людей. И надо признать, что это воздействие было весьма эффективным. Особенно сильным оно было в отношении самой социально активной части высших и средних слоев советского общества, включая правящую и идеологическую элиту.

«Холодная» война длилась сорок лет до начала советской контрреволюции — срок более чем достаточный для того, чтобы эта часть советского населения, которой предстояло стать основной силой и опорой контрреволюции, подвергалась моральному и идейному разложению. Она стала прозападно настроенной и возжаждала иметь для себя западные жизненные блага, сохраняя то, что уже имела. Этот фактор послужил одним из важнейших условий успеха контрреволюции. Но сам по себе он не порождал никаких намерений и «планов осуществить контрреволюцию на деле. Для этого не было других условий. Чтобы это условие вступило в силу, контрреволюция должна была быть развязанной каким-то образом, причем безопасным для этой категории граждан. Каким — об этом еще не знал никто вплоть до того момента, когда контрреволюция уже достигла стадии очевидности, когда было дано разрешение на нее с вершины власти. И даже более того, последовал призыв к ней и поданы примеры не только ненаказуемого антикоммунистического поведения, но даже поощряемого.

К концу 60-х годов в Советском Союзе сложилась ситуация в экономике, получившая название «застоя». В сравнении с процветавшей в те годы экономикой западных стран этот фактор вносил свой вклад в умонастроения советских людей, подогреваемые западной пропагандой. Советские люди, разуверившиеся в скором приходе коммунистического изобилия («по потребности»), стали видеть земной коммунистический рай на Западе. Этот

фактор стал одним из условий успеха будущей (для тех лет) контрреволюции.

Коммунистическое общество считалось бескризисным лидерами и идеологами не только коммунистических стран, но и стран западных. И это убеждение было бы верным, если бы никаких других кризисов, кроме кризисов капиталистических, в природе не происходило. Советское общество было бескризисным в том смысле, что в нем были исключены капиталистические экономические кризисы, ибо оно было обществом не капиталистическим, а иного типа. Но это не избавляло его от кризисов иного рода. Всякое общество, так или иначе, переживает кризисные ситуации, соответствующие его природе. В советском обществе назревал кризис, но кризис специфически коммунистический, первый в истории кризис такого рода. В силу того, что отсутствовало, и даже фактически было запрещено научное понимание советского общества, согласно которому складывавшееся положение можно было бы оценить как предкризисное, приближение кризиса просто проглядели, не заметили и не захотели замечать.

Это положение стали рассматривать как показатель несостоятельности коммунистической экономики. Процветание же экономики на Западе стали приписывать исключительно капитализму. Причем, такое понимание возникло вовсе не спонтанно, а было навязано извне советского общества западной идеологией и пропагандой. Последняя имела в Советском Союзе колоссальный успех, поскольку начисто отсутствовало научное понимание не только своего, советского социального строя, включая экономику, но и западного социального строя (западнзма), а также в силу того, что к этому времени западнистская система ценностей почти полностью вытеснила систему коммунистических ценностей в массах советского населения, в особенности и в первую очередь, в его высших и близких к высшим слоях.

Что на самом деле имело место в Советском Союзе в эти годы? СССР превратился во вторую сверхдержаву планеты отнюдь не за счет экономической несостоятельности коммунизма и застоя, а, наоборот, за счет необычайно интенсивного развития. Только одни проглядели его вследствие самоослепления, а другие умышленно сфальсифицировали, изобразив как провал. В послевоенные годы население Советского Союза выросло на сто миллионов человек! Повысился жизненный уровень. Выросли потребности людей. Теперь речь шла не просто о хлебе и какой-то крыше над головой, а о комнатах, квартирах, телевизорах, холодильниках, мотоциклах, автомашинах и т.д. И страна, так или иначе, делала колоссально много, чтобы жить на достаточно высоком уровне.

В послевоенные годы (в особенности в «застойные»!) буквально в десятки раз увеличилось число предприятий, учреждений, организаций, произошло усложнение общества в таких масштабах и с такой скоростью, какой никогда до этого не было в истории человечества для объединения таких огромных размеров, каким был Советский Союз. Усложнились все аспекты жизни общества: образование, культура, коммуникации, международные отношения и т.д. Естественно, назрели проблемы и возникли трудности, с которыми уже нельзя было должным образом справляться прежними средствами. В стране стала назревать кризисная ситуация. Но какой именно кризис назревал? И как осознавалась эта угроза советскими лидерами и идеологами?

Сущность надвигавшегося кризиса заключалась в том, что сложившаяся и нормально функционировавшая до этого система власти и управления советского общества стала неадекватной новым условиям. И по мере прогресса общества степень неадекватности все более возрастала. Этот процесс можно было остановить, то есть предотвратить кризисный взрыв или смягчить его. Его можно было преодолеть теми средствами, какими советское общество располагало, то есть средствами коммунистическими. При этом не требовалась никакая перестройка социальной системы. Наоборот, необходимо и достаточно было усовершенствование именно коммунистической социальной организации. Необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. Он был уже слишком мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению и усложнившейся структуре

общества, а также усложнившимся условиям управления. Необходимо было усилить систему планирования и ввести более строгий контроль над выполнением планов. Нужно было повышать квалификацию работников системы власти и управления именно как работников коммунистической системы, разрабатывать экономическую теорию именно для этой системы, усиливать централизацию экономики и управления ею и т.д. Короче говоря, надо было идти по пути усиления и усовершенствования всего того, что в западной идеологии и пропаганде подвергалось критике и осмеянию именно потому, что это фактически работало и могло позволить Советскому Союзу преодолеть трудности. Но советские руководители и их идеологические холуи поступили как раз наоборот. Они ринулись в перестройку, гибельность которой была очевидна заранее. Перестройка развязала кризис, который стал всеобъемлющим, охватив и сферу экономики. К чему это привело, известно. Нет надобности, еще раз говорить об этом.

Почему высшее советское руководство во главе с Горбачевым поступило так? Можно ли это объяснить только глупостью, тем, что не ведали, что творили, руководствуясь добрыми намерениями? Думаю, что нет. Объяснить этот феномен, игнорируя внешние факторы, невозможно. При всех недостатках того состояния советского общества накануне контрреволюции в нем сама по себе не назрела никакая потребность в ослаблении и разрушении государственности, в разрушении экономической системы и прочих жизненно важных сфер общества. И идеи такого рода не владели умами и чувствами достаточно значительных и влиятельных слоев общества. Все это пришло и охватило страну, как внезапная эпидемия или природная катастрофа, лишь на основе свершившейся контрреволюции, как ее следствия.

Обратимся к внутреннему субъективному аспекту — к идейному и психологическому состоянию советского населения. Оно определялось условиями жизни, воспитанием, образованием, идеологией и пропагандой. Оказывал влияние и Запад (ведь шла «холодная война!»), но до определенного момента, о котором скажу ниже, влияние внутренних факторов доминировало. И каким бы ни было недовольство населения отдельными явлениями советской жизни (нет такого общества, в котором все и всегда довольны всем!), даже мысли не возникало о ликвидации советской социальной организации. Ее достоинства еще ощущались старшими поколениями на своем опыте, а молодежь не имела источников для другой идеологии, чтобы можно было говорить о внутреннем переломе. Даже диссиденты и критики советского строя не выдвигали лозунгов свержения коммунизма. И организации, способные возбудить массы на это, были немыслимы, всякие намеки на это искоренялись, и поддержки в массах не могло быть никакой.

Советская контрреволюция не может быть научно объяснена, если не принимать во внимание внешние факторы, ибо она была задумана и спланирована на Западе и навязана советским людям со стороны Запада. Ее совершили советские люди. Но их побудили на это силы Запада. Ими манипулировали силы Запада. Это была эпохального и глобального масштаба операция, лишь принявшая форму локально-советского социального переворота. Разумеется, это произошло не сразу. Не надо забывать, что сразу после второй мировой войны началась «холодная» война, которая длилась почти полвека, война нового типа, по своим масштабам и последствиям превзошедшая все прочие войны в истории человечества. В самом ее начале ставилась задача лишь ограничивать Советский Союз, сдерживать его мировые претензии, всячески дискредитировать и ослаблять. В ходе ее были испробованы самые разнообразные средства. Инициаторы ее начали эту войну нового типа, поскольку решили, что победить Советский Союз в привычной «горячей» войне невозможно. И лишь в конце ее, убедившись в том, что и идеологически-пропагандистское воздействие на советское население не имеет желаемого результата, стратеги «холодной» войны использовали подходящий случай и осуществили диверсионную операцию, принявшую форму контрреволюции. Советская контрреволюция явилась завершающей операцией Запада в «холодной» войне против Советского Союза. Именно эта сознательная и заранее

запланированная операция объединила различные факторы воедино и направила их совокупное действие в одну точку.

Выше я упомянул о случае, сыгравшем переломную роль в ходе «холодной» войны. Что это за случай? Имя этому случаю — Горбачев.

Горбачев не просто как конкретная личность, а как символ начала запланированной диверсионной операции, закончившейся разгромом основы советского общества, советской государственности.

Деятели «холодной» войны с самого начала изучали советскую систему власти и управления, особенно высшее руководство, обозначаемое словом «Кремль». В составе советологии возникла особая ее отрасль — кремленология. Она самым педантичным образом изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, центральный партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти. Изучала, не брезгуя даже анализом мочи и кала высших руководителей власти. Но основное внимание в течение длительного времени (пожалуй, до конца 70-х годов) было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоев населения и создание прозападно ориентированной массы советских граждан, фактически игравших роль «пятой колонны» Запада и занимавшихся (вольно или невольно) идейно-моральным разложением советского населения (не говоря уже о прочих функциях). Так было создано диссидентское движение. Одним словом, основная работа велась по линии разрушения советского общества «снизу». Тут были достигнуты серьезные успехи, ставшие одним из факторов будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху.

К концу 70-х годов западные деятели «холодной» войны поняли это. И поняли, что основу советского коммунизма образует его система власти, а в ней — партийный аппарат. Изучив досконально структуру партийного аппарата, характер отношений функционеров в нем, их психологию и квалификацию, способ отбора и прочие его черты, деятели «холодной» войны пришли к выводу, что развалить советское общество можно только «сверху», разрушив его государственность, а для разрушения последней необходимо и достаточно разрушить партийный аппарат, начав это разрушение с самого высшего уровня. Такая возможность представилась, когда начался кризис высшего эшелона власти в связи с запредельным постарением (можно сказать, одряхлением) Политбюро ЦК КПСС (последние годы Брежнева, годы Андропова и Черненко). В это время командование западных сил «холодной» войны выработало совершенно определенный план завершения войны: захватить высшую власть Советского Союза в свои руки, проведя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС «своего» человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования, которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества. Такой план стал реальным лишь постольку, поскольку такой «свой» человек на эту роль уже имелся: Горбачев. Проведение Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было фактически первой операцией в составе грандиозной операции по осуществлению советской контрреволюции. Горбачев вполне оправдал расчеты своих западных манипуляторов. И даже превзошел их.

Если припомнить, что конкретно делал Горбачев, то без особых усилий станет очевидно, что вся его деятельность была планомерным и преднамеренным разрушением партийного аппарата КПСС. В те годы шутили по этому поводу: в Советском Союзе осуществляется разгром КПСС под руководством... КПСС. И это было на самом деле так. Но это было не шуточное развлечение, а великая историческая трагедия. Эту деятельность высшего руководства КПСС по разрушению основы советского общества советские люди завершили уже под руководством Ельцина, который просто запретил КПСС. А глава партии Горбачев покорно подписал бумагу о самоликвидации ЦК партии, хотя по всем законам поведения обязан был призвать партию к сопротивлению. После этого процесс разрушения всей

системы советской государственности пошел с поразительной быстротой. И молниеносно рухнуло все общество: первичные коллективы, экономика, идеология, культура и т.д. Такое никак не могло случиться неким естественным путем. Такое стало возможно лишь постольку, поскольку разгром советской государственности был осуществлен самими ее руководителями под диктовку западных манипуляторов.

У советского коммунизма не оказалось серьезных защитников. Он был разрушен почти без всякого сопротивления со стороны широких слоев населения, членов партии (а их было около 20 миллионов!) и партийных функционеров. Имели место два открытых выступления — так называемый «путч» в августе 91-го и бунт депутатов Верховного Совета в октябре 93-го. Но и они имели место не как попытки защитить коммунизм, а совсем иное оформление.

Большинство вождей и участников бунта 1993 года были люди, участвовавшие в разгроме КПСС и в ликвидации «путча» 1991 года, а «путчисты» были сами участниками горбачевского переворота в партии и системе власти в целом. Некоторые западные авторы называли советскую контрреволюцию бархатной. В западной и российской прозападной пропаганде «объясняли» (и до сих пор «объясняют») этот феномен отсутствия у советского коммунизма массовых и серьезных защитников некоей ненавистью советских людей к коммунизму, якобы страдавших под игом этого чудовищного тоталитаризма, стремлением к освобождению от этого гнета и т.п. Данное «объяснение» не имеет ничего общего с реальностью. Чтобы дать научное объяснение этого феномена, необходимо научное понимание сущности коммунистической организации советского общества и характера самой контрреволюции как военной (в смысле «холодной» войны) операции.

Советское политическое и идеологическое руководство просто не отдавало себе отчета в том, на какой путь оно направляло страну, и к каким последствиям должна была привести их деятельность. Многие были уверены в незыблемости социального строя страны. Даже сам Горбачев сначала публично заявлял лишь об усовершенствовании этого строя (о «социализме с человеческим лицом»). Многие активные участники процесса сделали карьеру вместе с горбачевским руководством и благодаря участию в его политическом курсе. Они воспринимали горбачевскую перестройку просто как условие своего личного успеха, наплевав на всякую гражданскую ответственность за это, — по самим условиям образования, воспитания, отбора в систему власти и функционирования в ней, они поступали как обычные карьеристы. Прочая масса чиновников всех сортов осуществляла разрушение коммунизма как исполнение своих рутинных функций, внося в свою работу коррективы в духе новых установок. Контрреволюция не сразу обнаружила свою социальную натуру. Каждое мероприятие по отдельности не выглядело как контрреволюция, а их взаимосвязь не обнаруживала себя очевидным образом. Контрреволюция сначала происходила как совокупность сравнительно мелких преобразований внутри партийного аппарата, причем на высшем уровне. Если при этом и имела место какая-то борьба, она не выходила за рамки партийного аппарата. Мероприятия, в совокупности осуществлявшие контрреволюцию, постепенно сверху спускались в партийный аппарат низших инстанций и охватывали всю систему власти.

Инициаторы и активные деятели контрреволюции не сразу открыто заявили о своих намерениях. Сначала они еще клялись в верности коммунизму, обещая лишь улучшения. Потом заговорили о перестройке социально-политической системы, наконец — о решительном отказе от коммунизма. Добавим к этому фактор западного идеологического давления. Что касается масс населения, они по своему положению в обществе воспринимали действия своей власти как новый курс, не ведущий к краху общества. Когда процесс до этого дошел, и массы стали что-то осознавать, контрреволюция уже совершилась. Они ее просто проглядели.

И опять-таки не надо забывать о том, что почти полвека шла мощнейшая антикоммунистическая пропаганда со стороны Запада, подхваченная и усиленная внутренними силами контрреволюции. В течение многих лет осуществлялось идеологическое

оглупление советского населения и преднамеренное моральное разложение всех слоев общества путем навязывания западной системы ценностей, органически чуждой советскому обществу как обществу коммунистическому. Широкие слои населения были деморализованы, впали в состояние идейной и психологической растерянности и стали в высшей степени подверженными современным средствам манипулирования ими.

О том, что советская контрреволюция была спланирована на Западе и осуществлена силами самих советских правителей и их идеологических слуг как диверсионная операция «холодной» войны, свидетельствует и то, какой социальный строй установился в стране вследствие ее. Если даже допустить, будто коммунистический социальный строй в Советском Союзе рухнул в силу своей внутренней несостоятельности (что, повторяю, есть идеологическая ложь!), из этого никак не следует, что в результате его краха на его место должен был прийти социальный строй западного образца. Последний стал навязываться советскому населению «сверху» и искусственно, причем вопреки интересам народа и с очевидными катастрофическими последствиями для страны. Фактически это было навязывание разгромленной в войне стране порядков, желаемых для победителей. Аналогично поступал Советский Союз в оккупированных после победы над Германией в 1945 году районах Европы. Только тогда это было очевидно, поскольку война была «горячей» и советское военное присутствие в этих районах не вызывало никаких сомнений. Теперь же особенности «холодной» войны породили и особенности использования победителями результатов победы в побежденных странах.

Советская контрреволюция завершилась успешно, определив судьбу России и русского народа на много поколений вперед. Теперь о ней стараются не вспоминать, как о чем-то давно минувшем и утратившем актуальность. Повседневная суеда сует посткоммунистической (постконтрреволюционной) России овладела умами и чувствами россиян. Много говорится и пишется о спасении и возрождении России. Но при этом почти полностью игнорируется или фальсифицируется главная причина того, почему и как Россия оказалась в положении, в котором встала проблема ее спасения и возрождения. А без объективно беспощадного понимания сущности советской контрреволюции ни о каком спасении и возрождении России и речи быть не может.

Мюнхен, 1998

Фактор предательства

Одним из важнейших факторов, обусловивших крах советского (русского) коммунизма, был фактор предательства. Пожалуй, впервые в истории человечества этот фактор не только заранее принимался во внимание теми, кто руководил разрушением русского коммунизма, но заранее планировался и создавался в огромных масштабах как фактор эволюционного процесса. Так что он заслуживает внимания как одна из характеристик проектируемой и управляемой истории.

Понятие предательства. Что такое предательство — это вроде бы очевидно. Но именно «вроде бы». И лишь в простейшем и привычном обиходе. Стал человек шпионом другой страны — предатель. Перешел на сторону врагов в войне — предатель. Но даже в таких случаях критерии оценки либо неопределенны, либо зачастую нарушаются. Например, предателя генерала Власова превращают в героя, в идейного борца против сталинизма. А явные представители «пятой колонны» Запада в Советском Союзе и в России безнаказанно живут на русской земле и даже процветают, — входят в высшие слои российского общества и в его высшую власть. И уж никакой очевидности нет, когда речь заходит о группах людей, о

больших человеческих объединениях и целых народах, а также когда имеет место поведение людей; состоящее из большого числа поступков в сложных и изменчивых условиях. К тому же характер поступков людей и критерии их оценки меняются со временем. Человечество в отношении эволюции предательства прошло путь от немногих примитивных и очевидных форм индивидуального предательства до массовых, изощренных и скрытых форм. И все это нужно принимать во внимание при определении научного понятия этого явления.

Надо различать морально-юридический и социологический подходы к проблеме предательства. Первый достаточен в отношении индивидуальных поступков людей в простых ситуациях. Второй необходим для научного понимания поведения больших множеств, масс и объединений людей в сложных исторических процессах. Именно такой случай имел место в годы подготовки, осуществления и закрепления результатов контрреволюционного переворота в Советском Союзе.

Простейший случай предательства есть отношение между двумя людьми. В этом отношении судьба одного человека существенным образом зависит от другого. Первый доверяет второму, уверен в том, что второй выполнит свои обязательства по отношению к нему. Второй имеет определенные обязательства по отношению к первому, осознает эти обязательства, знает, что первый доверяет ему, надеется на него в этом их отношении. Это отношение может быть закреплено словом, обещанием, клятвой, традицией, привычкой, общественным мнением, правилами морали, юридическими законами. Если второй человек не выполняет своих обязанностей в этом их отношении, то это называется словом «предательство»: второй предает первого.

Более сложные случаи предательства — когда партнерами являются либо один человек и группа людей, либо группы людей с обеих сторон, либо объединения многих людей, большие массы людей, целые народы и страны. Например, это отношение между правительством и подвластным населением страны, между лидерами партии и прочими членами партии, между партией и представляемым ею классом и т. д. Вырожденный случай — когда человек, группа людей или вообще человеческое объединение предает самого себя. Но и в этом случае происходит удвоение — человек или объединение людей фигурирует в разных аспектах или берется в разное время. Например, человек может предать свои жизненные принципы ради каких-то других целей или невольно совершить поступки, которые играют предательскую роль по отношению к нему самому (в другое время или в другом отношении). Аналогично возможно самопредательство человеческих объединений.

В другом аспекте усложнение ситуации предательства происходит за счет того, что принимается во внимание третий компонент — враг (человек, группа, большое объединение), в пользу которого совершается предательство, который провоцирует предательство, способствует ему, использует его. Классический образец — две враждующие страны, граждане одной из них предают свою страну в пользу враждебной.

В третьем аспекте усложнение идет за счет усложнения участников отношения предательства, увеличения числа действий, образующих в совокупности предательское поведение, разнообразие этих действий, растянутость во времени и т. д. Образец этого — руководство одной страны проводит предательскую в отношении своей страны политику в пользу другой страны, враждебной ей. Среди действий этого предательского руководства могут быть такие, которые по отдельности не являются предательскими, но совокупность которых, образует предательство.

Кто несет ответственность за предательство? В простейших случаях индивидуальных предательств это очевидно: сам человек, совершивший предательство. Тут применение моральных и юридических критериев трудностей не представляет. Ну а если участники некоторой ситуации — большие человеческие объединения? Например, целая армия капитулирует, как это случилось в войне 1941–1945 годов. Если командование приказывает,

сложить оружие и солдаты это приказание выполняют, кто они — предатели или нет? А как оценить поведение командования, которое решает, что борьба бесполезна? Возникают ситуации, когда люди оказываются не в состоянии сдержать клятву. Тут возникают трудности с оценкой поведения людей. А в случае с целой страной и ее руководством положение неизмеримо усложняется. Тут каких-то всеобщих критериев оценки поведения нет. Моральные и юридические нормы тут фактически теряют смысл. Во всяком случае, общепризнанный и узаконенный кодекс норм для таких случаев отсутствует. Действуют общественное мнение, политические соображения, традиции.

Бывает предательство осознанное и неосознанное, преднамеренное и непреднамеренное. Во всяком сложном и значительном предательстве, в котором участвуют многие люди и которое состоит из многих поступков в растянутом временном интервале, можно заметить как осознанность и преднамеренность, так и неосознанность и непроизвольность, причем в различной степени и в различных комбинациях. Это затрудняет оценку явления в целом, в особенности, если отсутствуют достаточно строгие критерии на этот счет и желание понять явление объективно. Большинство предательств относится к явлениям такого рода. Они чаще всего не оцениваются как предательство, не наказываются или наказываются слабо, не мучают совесть предателей. И дело тут не в некоем падении нравственности (хотя и это имеет место), а в возникновении жизненных ситуаций, к которым не применимы нормы морали и юридические нормы.

Для оценки поведения людей как предательства нужны какие-то люди, стоящие над ними или независимые от них в определенном отношении. Для наказания одних людей за предательства нужны другие, имеющие силу и оправдание осуществить это. Если таковых судей и карателей нет, предательство остается неразоблаченным публично и ненаказанным. Предательство высших и сильнейших людей зачастую не оценивается и не наказывается как таковое.

Величайшее предательство в истории. Предательство есть широко распространенное явление как в личной жизни людей, так и в исторических процессах. Оно является постоянно действующим фактором человеческого бытия. Прогресс человечества противоречив. В той сфере, к какой относится предательство, он оказался явно не в пользу преданности, верности и надежности. И вершиной прогресса человечества в этом отношении стало то предательство, которое произошло в Советском Союзе и в России с приходом к высшей власти Горбачева и завершилось контрреволюцией 1991 — 1993 годов, олицетворяемой Ельциным.

Напоминаю, что я употребляю слово «предательство» в социологическом смысле, как научное понятие. Спрашивается, почему бы тут не употребить другое слово, поскольку слово «предательство» несет на себе нагрузку морально-юридического смысла? Я настаиваю, однако, именно на этом слове, поскольку научное понятие в данном случае является экспликацией (проявлением и уточнением) интуитивного словоупотребления. Оно содержит в основе своей морально-юридическую смысловую нагрузку. Достаточно припомнить поведение высшего партийного и государственного руководства страной, возглавлявшегося Горбачевым и Ельциным, работников партийного аппарата и миллионов членов партии, дававших клятвы верности партии, стране, идеалам коммунизма и т.п., но нарушивших эти клятвы и разрушивших советский социальный строй, советскую систему власти, партию, идеалы коммунизма и т.п. по указке и под аплодисменты врагов. И никакими словесными ухищрениями не оправдаешь это предательское поведение, причем предательское как в моральном, так в значительной части и в юридическом смысле.

Предательство, о котором идет речь, является чрезвычайно сложным сплетением огромного числа разнообразных поступков огромного числа людей. Причем оно вплетено в сложный исторический процесс жизни страны, составляющей часть жизни человечества. Оно имеет сложную структуру во многих измерениях. В частности, оно имеет «вертикальную»,

иерархическую структуру: горбачевская клика предаёт прочую часть высшего партийного руководства, последнее предаёт весь партийный аппарат, партийный аппарат предаёт всю систему власти и партию, все они предаёт подвластное население, Советский Союз предаёт союзников по советскому блоку, советский блок предаёт ту часть человечества, которая рассчитывала на его поддержку. Аналогично в других измерениях имеет место сложная структура. Очевидно, распространять на эту социальную эпидемию интуитивное словоупотребление нельзя. Требуются специальные познавательные средства, чтобы мысленно выделить это грандиозное социальное явление и осуществить его анализ. Для этого нужно осуществить профессиональное социологическое исследование. То, что я предлагаю здесь, есть лишь первый, ориентировочный шаг в этом направлении.

Рассматриваемое предательство никак не следовало из социальных законов советского строя (реального коммунизма), не было закономерным и неизбежным. Его могло и не быть. Оно явилось результатом уникального стечения исторических обстоятельств. Но оно не было случайным в том смысле, что было подготовлено всем ходом советской истории и намерением хозяев западного мира склонить определенную часть советского народа на предательство; это намерение нашло тут благоприятную почву.

Ниже мы рассмотрим некоторые (далеко не все) компоненты и вехи процесса подготовки этого рокового предательства в советский период русской истории.

Сталинский период. Начнем с оргии доносов, начавшейся в 30-е годы. Донос сам по себе не есть предательство. Но он в определенных условиях становится школой и формой (средством) предательства. Донос есть явление общечеловеческое, а не специфически советское и коммунистическое. Он процветал и в дореволюционной России, и в наполеоновской Франции, и в гитлеровской Германии. На Западе он возник как социальное явление вместе с христианством (вспомните Иуду!). В многовековой истории христианства он сыграл роль не менее значительную, чем в кратковременной истории русского коммунизма (вспомните инквизицию и использование исповеди!). В советской истории доносы сыграли роль огромную, а 30-е и 40-е годы были годами буйства доносов. Они стали одним из важных средств управления страной.

Отношение к доносам было двойственным. С одной стороны, они считались явлением аморальным. Поскольку они касались близких людей (родственников, друзей, коллег, соратников), они расценивались как предательство. С другой стороны, они насаждались искусственно сверху в массовых масштабах и поощрялись. Доносчикам внушали, что они выполнили священный долг перед страной, народом, партией, идеалами коммунизма. И хотели этого власти или нет, система массового доносительства стала организованной государством школой предательства для миллионов людей. Предательство было изъято из сферы моральных и юридических норм.

Хочу обратить внимание читателя на то, что главными в рассматриваемой оргии доносов были не тайные штатные осведомители органов государственной безопасности (их было не так уж много), а добровольные энтузиасты, сочинявшие бесчисленные доносы в органы власти и в учреждения средств массовой информации, а также открытые доносы в виде выступлений на всякого рода собраниях и в виде публикаций (книги, статьи), — публичные доносы.

Вся страна превратилась в арену доносительства. При этом предательство в отношении друзей, родственников, сослуживцев, коллег стало обычным элементом доносов.

Доносительство, о котором говорилось выше, было массовым явлением, но осуществлялось каждым человеком индивидуально. Эта эпидемия индивидуальных предательств происходила одновременно с предательствами коллективными.

Жизнь советских людей была насыщена всякого рода собраниями. А это — критика и самокритика, разоблачение и осуждение недостатков и их виновников, принятие решений, осуждающих членов коллективов, и т.д. Что творилось в этом отношении в органах власти и управления, в творческих организациях, в учебных заведениях и т.п., сейчас трудно себе вообразить. Коллективные погромы коллег снимали ответственность с каждого члена коллектива по отдельности. Верность слову и дружбе, честь, надежность и прочие качества порядочного человека стали явлениями исключительными, невыгодными и даже опасными для человека. В случае коллективного предательства члены коллектива по отдельности не выглядели и не ощущали себя предателями. Ответственность ложилась на тех, кто возглавлял коллектив. А с них она снималась тем, что они выполняли распоряжение свыше.

В свете того, что произошло в России после 1985 года, надо, на мой взгляд, пересмотреть оценку сталинских репрессий 30-х годов. Конечно, в них были перегибы, пострадали многие невинные, на этом грели руки всякие негодяи. Но они имели основания в самой реальности. Строительство нового социального строя проходило в борьбе различных сил. Эта борьба порождала раскол людей на враждебные лагеря. Противники сталинской политики самой логикой борьбы выталкивались в лагерь врагов, становились на путь предательства.

Но сталинские репрессии, пресекая деятельность фактических и потенциальных предателей, создавали предпосылки для будущих предателей. И вообще, вся деятельность советской власти по созданию и укреплению нового социального строя одновременно ковала будущих предателей этого строя. Причем в большом количестве. Не забывайте, что высшие советские предатели (Горбачев, Яковлев, Ельцин и многие другие) прошли начальную школу предательства в комсомоле и в партии сталинского периода.

В начале войны 1941–1945 годов в плен сдавались боеспособные воинские части и даже целые армии. В чем дело? Антисоветчики и антикоммунисты «объясняли» это ненавистью к советскому социальному строю (к коммунизму).

Конечно, отчасти это имело место, но лишь для ничтожной части людей. Я пытался объяснить это тем, что солдаты в массе своей не имели возможности для индивидуальной борьбы с врагами. И отчасти это было верно. Но лишь отчасти. Я сам был свидетелем случаев, когда можно было сражаться с немцами, а целые части добровольно сдавались и без приказов высшего начальства складывали оружие. Так что введение Сталиным особых заградительных отрядов в тылу у ненадежных частей было абсолютно правильной защитной мерой. И советские солдаты стали мужественно и самоотверженно сражаться, будучи поставлены в условия, когда отказ от сражения стал угрожать им гибелью.

Так в чем же дело? Думаю, что сыграло роль качество человеческого материала. Различные народы имеют разную склонность к предательству. У нас, у русских, эта склонность довольно сильная. Русское холуйство, угодничество, покорность перед силой, хамелеонство и т.д. естественно переходило в соответствующих условиях в предательство.

А героизм?! А Матросов, панфиловцы, оборона Бреста?! Одно другое не исключает. На одного Матросова приходились тысячи трусов, шкурников, паразитов. Мы победили в войне. Но главным фактором победы, на мой взгляд, был советский социальный строй и сталинское руководство. Благодаря им, тот же самый человеческий материал стал важнейшим фактором победы. Сталинское руководство осталось верным стране и идеалам коммунизма. Оно объявило самую беспощадную войну всяким явлениям предательства. Как вы думаете, что случилось бы, если бы сталинское руководство дрогнуло и встало на путь предательства? Очевидно, мы были бы разгромлены уже в 1941 году.

Этот пример красноречиво говорит о том, что для научного объяснения таких грандиозных социальных явлений, как рассматриваемое предательство, необходимо принимать во

внимание совокупность факторов в их взаимодействии, а не эти факторы сами по себе и с какой-то одной точки зрения; Склонность советских людей к предательству была замечена организаторами «холодной войны» в самом ее начале (1946 год). Но они же тогда решили (что было верно!), что русских нельзя победить в «горячей» войне. И ставку на предательство как на важнейший фактор «холодной войны» они сделали, когда для этого сложились подходящие условия, думаю — в начале 80-х годов.

Хрущевизм. Сталинская эпоха завершилась хрущевской десталинизацией. Коснусь лишь одного ее аспекта в связи с нашей темой, на который почти никто не обратил внимания: миллионы сталинистов во главе с самим Хрущевым (а он был сталинским холуем!) молниеносно предали своего вождя Сталина и превратились в активных антисталинистов. Я не помню ни одного случая в те годы, чтобы кто-то публично выразил преданность Сталину и сталинизму. Вся десталинизация в целом прошла как массовое предательство, инициатива которого исходила с высот власти и в которое было вовлечено почти все активное советское население. Она явилась своего рода репетицией к тому роковому всеобщему предательству, которое через тридцать лет будет совершено по инициативе горбачевского и затем ельцинского руководства.

Хрущевское предательство затронуло лишь некоторые аспекты советского общества, оставив без изменения его социальный строй. И потому оно не стало роковым. К тому же зарвавшегося Хрущева остановили и отстранили от власти. Но его деятельность обнаружила уязвимость идейно-морального состояния советского общества и разрушительную мощь советской системы власти, когда ею распоряжаются дураки и авантюристы. Эпидемия предательства по отношению к сталинизму разразилась по команде с вершины власти и молниеносно стала массовой, всеобъемлющей. Массы населения проявили особую покорность власти, когда власть ослабляла требования к массам, необходимые для сохранения их социальной организации, то есть на пути снижения напряженности исторической битвы за коммунизм. И все это было замечено западными организаторами «холодной войны» и принято в расчет.

Брежневские годы. В брежневские годы порожденная Хрущевым эпидемия предательства была приостановлена и заглушена. Но вирусы этой болезни не были убиты совсем. Они стали быстро размножаться и заражать советский социальный организм по множеству других каналов. Главные из этих каналов — либеральная интеллигентская фронда, диссидентское движение, «самиздат», «тамиздат», эмигрантская волна.

Надо всегда помнить о том, что у нашей страны был могучий враг — западный мир, что шла «холодная война». Наши внутренние предатели формировались этим врагом, поддерживались им, подкупались им. Они ориентировались на этого врага. Не будь его или будь он слабее и менее активным, такой эпидемии предательства не было бы. Ее сумели бы предотвратить.

Западные службы, занятые в «холодной войне», сознательно рассчитывали на предательство. В них работали квалифицированные и осведомленные люди. Они знали о предательствах сталинских лет. Они знали о капитуляции миллионов советских солдат в начале войны 1941 — 1945 годов. Они знали о десталинизации именно с точки зрения массового предательства. Западные службы прямо ставили своей задачей создание в Советском Союзе «пятой колонны». У них была разработана технология этой работы.

Одним из приемов их работы, например, было выделение особых личностей, прежде всего, в сфере науки, культуры, идеологии. Эти личности противопоставлялись прочей массе их коллег и сослуживцев. Их превозносили в средствах массовой информации на Западе, а прочих унижали, превращали в объект издевательств. Их печатали на Западе, устраивали их выставки, приглашали к себе, платили большие деньги. В силу логики внутренних взаимоотношений первые превращались в вольных или невольных предателей, заражая

прочих завистью и духом предательства. Я думаю, что жажда отнять у диссидентов и критиков режима мировую славу, зависть к ним сыграла важную роль в превращении Горбачева в эпохального предателя. Диссиденты получали паблисити на Западе и в пропаганде на Советский Союз, кампании в их защиту, материальные средства. Имело место даже политическое и экономическое давление на советские власти. Для эмигрантов заранее готовились места работы, давались хорошие подачки. Раздувался и национализм. Создавались особые националистические центры и организации. Одним словом, шла многолетняя терпеливая работа по заражению советского общества вирусами антисоветизма и антикоммунизма, по созданию массовой готовности советского населения на предательство эпохального масштаба.

Апогей предательства. Вся эволюция предательства, о которой мы говорили, сконцентрировалась в горбачевско-ельцинском предательстве. Новым здесь было то, что предательство осуществилось как компонент диверсионной операции Запада, завершившей «холодную войну». Горбачев как глава партии и государства снял запрет на предательство, и подготовленная лавина предательства сокрушила страну.

На ком лежит ответственность за это? Очевидным образом — на высшей власти страны во главе с Горбачевым.

Каковы критерии такой оценки? Чтобы оценить поведение высшей советской власти как предательское или отвергнуть такую оценку, надо, во-первых, исходить из долга власти по отношению к подвластному населению. Этот долг состоит в том, чтобы сохранять и укреплять сложившийся строй, охранять территориальную целостность страны, укреплять и защищать суверенитет страны во всех аспектах ее социальной организации (власти, права, экономики, идеологии, культуры), обеспечивать личную безопасность граждан, охранять систему воспитания и образования, социальные и гражданские права, короче говоря, — все то, что было достигнуто за советские годы и что стало привычным образом жизни населения. Власть знала об этом. Население было уверено в том, что власть будет выполнять свой долг, и доверяло власти. Выполнила власть этот долг или нет? Если нет — почему? Во-вторых, надо выяснить, действовала советская власть самостоятельно или манипулировалась извне, планировалось ее поведение кем-то вне страны или нет, действовала власть в интересах этой внешней силы или нет?

Реальность советской истории после 1985 года такова, что оценка поведения советской власти как предательства по отношению к подвластному населению не вызывает никакого сомнения у объективного наблюдателя. Тут мы имеем классически явный образец предательского поведения. Эта оценка не была высказана какими-то авторитетными силами потому, что таких сил просто не было, и нет. Внешние силы, манипулировавшие советской властью, умышленно поощряли предательство, изображая его в пропаганде в ложной форме добра, а внутри страны не оказалось сил, способных дать оценку власти как предательства и действовать по отношению к власти так, как положено, поступать с предателями.

Предательство осталось незамеченным и ненаказанным, потому что инициаторы и руководители предательства вовлекли в ситуацию предательства многие миллионы советских людей, «утопив» свое личное предательство в массовом, и сняв с себя, тем самым, ответственность за него.

Население стало либо сообщником и орудием предательства, либо осталось пассивным (равнодушным) к нему. Большинство вообще не поняло происходившего. А когда начали что-то понимать, предательство уже совершилось. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что советский народ в течение семидесяти лет нес на себе тяжелый груз исторической миссии. Он устал от него. Он воспринял контрреволюционный переворот как освобождение от этого исторического груза и поддержал переворот или, по крайней мере, не стал ему препятствовать, не задумываясь над тем, к каким последствиям приведет это освобождение.

Никому в голову тогда не приходила мысль, что советский народ, сбрасывая с себя груз исторической миссии, тем самым, капитулировал перед врагом без боя — совершал предательство в отношении самого себя.

Само собой разумеется, в поведении населения сыграл роль и социальный строй нашей страны. Система власти была организована так, что массы подвластного населения были полностью лишены социально-политической инициативы. Последняя была монополией власти. А в рамках самой власти она сосредоточивалась в ее верхах, лишь в ничтожной мере распределяясь по ее иерархическим ступеням. Население было приучено, полностью доверять власти. А внутри власти это доверие фокусировалось на ее верхушку. Людям и в голову не приходила мысль, что верхи могут встать на путь предательства. Так что, когда процесс предательства начался, население восприняло его как мероприятие власти, и аспект предательства остался незамеченным.

Внесла свою лепту в подготовку предательства идеология. Как известно, одним из принципов советской идеологии был интернационализм. Он, с одной стороны, перерастал в космополитизм для значительной части населения, в основном образованной, зажиточной и нерусской. Попытки Сталина бороться против космополитизма потерпели неудачу. С другой стороны, интернационализм способствовал тому, что этнически русские в массе своей оказались в Советском Союзе в самом жалком положении. Национальная политика власти фактически оказалась антирусской, осуществлялась в значительной мере за счет русских. Это привело к разрушению и, по крайней мере, к занижению национального самосознания русских — к русской денационализации. А это, в свою очередь, привело к тому, что русский народ оказался равнодушным к предательству диссидентов, эмигрантов, высших руководителей, деятелей культуры (в основном нерусских) и других категорий граждан, настроенных космополитично.

Сыграло ли это предательство решающую роль в крахе советской социальной системы и страны в целом? Если понимать слово «решающая» в том смысле, что не будь этого предательства, то социальный строй Советского Союза и сам Советский Союз уцелели бы, и страна избежала бы катастрофы, то, скорее всего, на поставленный вопрос можно ответить утвердительно. Вероятность такого исхода «холодной войны» усиливалась тем обстоятельством, что на последнем этапе войны западная стратегия почти на сто процентов строилась именно в расчете на это предательство. Советская (русская) контрреволюция произошла в конкретно-исторической форме именно предательства — предательства, навязанного врагами извне, организованного правящей и идеологической элитой страны, поддержанной социально активной частью населения и без боя капитулировавшей прочей массой пассивного населения.

Горбачевско-ельцинское предательство является величайшим предательством в истории человечества по всем его основным параметрам: по составу вовлеченных в него людей, по массовости, по степени сознательности и преднамеренности, по конкретно-историческому содержанию, по социальному уровню, по последствиям для многих стран и народов, по роли в эволюции всего человечества. Так что, если у нас украли право на роль первооткрывателей нового, коммунистического пути социальной эволюции человечества, то, казалось бы, нас должны признать чемпионами в сфере предательства. Но я боюсь, что и в этом отношении нас сбросят на уровень марионеток в глобальных операциях хозяев западного мира (глобального сверхобщества), а вождей нашего беспрецедентного эпохального предательства — Горбачева и Ельцина — впишут в историю как интеллектуальных кретинов и моральных подонков, как они того и заслуживают. Ужас нашей русской трагедии удваивается оттого, что она произошла не в героической, возвышенной и жертвенной, а в ублюдочной, трусливой, шкурнической, унижительной и подлой форме. Мы уходим с исторической арены в Небытие не в яростном сражении за жизнь и достоинство великого народа, как это положено в античной трагедии, а целуя ноги топчущего нас и руки поощряющего нас в нашем холуйстве и бросающего нам жалкие подачки бездушного врага.

Наша трагедия беспрецедентна и в ее позорности.

Мюнхен, 1998

Русская трагедия

Социальная трагедия. Слово «трагедия», как и вся прочая терминология сферы социальных объектов, является многосмысленным и плохо обработанным в качестве научного понятия. В общеразговорном языке оно употребляется обычно для обозначения событий, в которых происходит гибель людей и их объединений. Но не любую гибель такого рода называют трагедией. Если, например, в сражении в войне погибают солдаты, слово «трагедия» тут выглядит неуместным. Чтобы оценить ту или иную гибель людей как трагедию, требуется еще указать переживание ими или какими-то другими людьми этой гибели именно как трагедии. И переживание это должно быть настолько сильным, чтобы перед ним поблекли прочие переживания.

В античном словоупотреблении слово «трагедия» имело более узкий и даже несколько смещенный сравнительно с интуитивным употреблением смысл. В частности, оно предполагало определенность гибели тех или иных людей. Предопределяли эту гибель некие высшие силы — боги или неопределенная судьба. Они избирали жертву трагедии, заранее выносили ей смертный приговор, мотивируя его некоей виной избранной жертвы. Трагедия в этом смысле считалась предсказуемой. Предсказывали ее оракулы, пророки и боги. А порою это было ясно самим жертвам с самого начала, и они поступали как обреченные на гибель.

Я здесь буду употреблять слово «трагедия» как социологическое понятие, осуществив экспликацию (уточнение и выявление) некоторого интуитивного его употребления. Оно будет близко к античному смыслу, но не будет совпадать с ним полностью. Такая экспликация совершенно необходима, если мы хотим понять по существу, что произошло с нашей страной и нашим народом к концу XX века и что их ожидает в наступающем веке.

Трагедия в социологическом смысле (скажем, социальная трагедия) включает в себя следующие основные компоненты: 1) жертву; 2) судью; 3) палача. Все эти компоненты суть люди как социальные существа или объединения людей, рассматриваемые как целое, — все они суть социальные субъекты. Возможно совпадение каких-то двух и даже всех трех компонентов в одном субъекте, — субъект осуждает сам себя или даже наказывает сам себя. Это — логически вырожденные случаи. Но и в них происходит удвоение и даже утроение одного субъекта — он выступает в различных ролях, так что все три компонента, так или иначе, присутствуют.

Судья социальной трагедии не есть причина исторических событий, являющихся компонентом данной ситуации как трагедии. Он есть именно судья. Его историческая роль состоит в том, чтобы выбрать определенный социальный субъект в качестве жертвы трагедии, оценить какие-то поступки избранной жертвы как преступные (с точки зрения судьи!), то есть установить вину жертвы, вынести приговор и найти его исполнителя, то есть палача.

Понятие вины я здесь употребляю точно так же, как социологическое, а не как моральное и юридическое (хотя оценка упомянутых поступков с моральной и юридической точки зрения не исключается). Оценка поступков социального субъекта как вины предполагает, помимо судьи, также того, в отношении кого жертва трагедии осуждается как виновная. Если при этом два или все три субъекта (виновный, судья и только что упомянутый третий субъект)

совмещаются в одном, имеет место удвоение и утроение одного субъекта того же типа, как и упомянутое выше.

В социальной трагедии, повторяю, судья выносит приговор жертве. Палач приводит в исполнение приговор судьи. Судья считает свой приговор оправданным теми или иными соображениями — моральными, юридическими, гуманными, справедливости и т.п. Палач в оправдании не нуждается. Признание жертвой вины не требуется — ее не спрашивают об этом. Если жертва сама кается, она выступает лишь в роли помощника судьи и палача, — и такое случается в конкретной истории.

В трагедийной ситуации судья располагает силами, превосходящими силы жертвы. Он рассчитывает на то, что уцелеет в борьбе с жертвой, отделается ничтожными потерями, не пострадает совсем или даже выгадает. Если задуманная расправа с жертвой не удастся, ситуация не становится трагедией.

Классическим примером трагедийной ситуации в рассматриваемом смысле может служить ситуация с Сербией, которую мы можем наблюдать сейчас. Жертва трагедии — Сербия и сербы как народ. Судья — хозяева западного мира, точнее говоря — глобальное сверхобщество, сложившееся как своего рода «надстройка» над национальными государствами Запада. Этот судья усмотрел вину Сербии в некоем преступлении против албанцев в Косове. Палачом в операции по наказанию Сербии являются вооруженные силы США и НАТО. Наказание было спланировано заранее. Мировое общественное мнение обрабатывалось с помощью грандиозных средств массовой дезинформации, чтобы оправдать нападение на Сербию. Агрессия в отношении Сербии имеет целью ликвидацию Сербии как суверенного общества и разрушение сербского народа в качестве суверенного человеческого объединения, лишение его именно качеств народа, то есть убийство его. Еще грандиознее трагедия России и русского народа.

Русская трагедия. Жертвой русской трагедии является Россия и русский народ как целостные социальные объединения. Подчеркиваю: именно как нечто единое целое. Гибель армии не есть гибель каждого солдата по отдельности. Гибель народа не есть гибель каждого человека, принадлежащего к народу. Народ как целое может быть разрушен даже без больших потерь в численности. Гибель страны не обязательно есть уничтожение всего того, что было на ее территории.

Говоря о русском народе, я имею в виду этнически русских и всех тех людей, которые сами идентифицируют себя как русских и разделяют судьбу русского народа. Слово «судьба» употребляется в широком смысле, как слово общеразговорного языка, и в узком смысле, как социологическое понятие. Во втором смысле оно относится не к любому событию в жизни социального субъекта, а к его жизни в целом, которая завершается определенным концом. В этом смысле мы говорим о судьбе Римской империи, династии Романовых, советского коммунизма, Советского Союза, Наполеона, Сталина, Гитлера и т.п. Тот, кто разделяет судьбу русского народа, переживает ее как свою.

То, что стало происходить в России, начиная с 1985 года, есть растянувшаяся во времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа, проявившаяся в его деградации и вымирании. Не все люди на планете переживают эту гибель как трагедию. Для большинства людей это просто событие где-то в чужой стране, для многих это желанное и радостное явление, в особенности для тех, кто заранее планировал эту гибель и активно участвовал в осуществлении этого плана, а также для тех, кто, так или иначе, выгадал от краха СССР и советского коммунизма и от гибели русского народа. Лишь некоторая часть людей искренне переживает это как трагедию. К их числу принадлежат те русские люди, которые испытали на себе, наблюдали в своем окружении и осознали тот факт, что происходит именно гибель народа, к которому они принадлежат и судьбу которого переживают как личную гибель. Далеко не все русские таковы. Не исключено, что такие

вообще в меньшинстве, а прочие либо рады этому, либо вообще не переживают это событие в том аспекте, в каком некоторые переживают его как трагедию.

Русская трагедия обладает чертами трагедии в античном смысле, фактор предопределенности ее необычайно силен. О неизбежности ее предупреждали отдельные провидцы. Чувство неотвратимости гибели русского народа уже овладело многими его представителями. Утверждения, будто этого можно было избежать, логически недоказуемы, а эмпирически ложны. Они скорее служат запоздалым раскаянием, самооправданием и самоутешением. Утверждения, будто Россия и не такое видала, будто Россия была и в худшем положении, да выжила, будто Россия возродится и вновь станет великой державой, относятся к той же категории, а чаще — ни к чему не обязывающей демагогии. Они не имеют действенной силы. Неумолимая и жестокая истина состоит в том, что ничего подобного в истории русского народа не было. Народ гибнет только один раз в своей исторической жизни, как и рождается лишь один раз.

Хотя все народы бывшего Советского Союза оказались в тяжелом положении в результате переворота, произошедшего после 1985 года, но лишь для русского народа это положение оказалось социальной трагедией. Почему именно для него? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить, кто является судьей в русской трагедии и в чем, с точки зрения этого судьи, заключается вина России и русского народа.

Судья в русской трагедии. Роль судьи в русской трагедии играют хозяева западного мира, организационно объединившиеся в глобальное сверхобщество. Я уже упомянул о нем. Поясню конкретнее, что это такое.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных «национальных государств». Это суть социальное образование более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов «национальные государства» западного мира, но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто идиллически гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Но это — обычное явление в любых больших объединениях людей. Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует, и «национальные государства» все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Процесс интеграции западных стран в единое социальное объединение происходит как «вертикальное» структурирование самих этих стран и всего западного мира в целом. Заключается это структурирование в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по которым организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Из них уже сложилось своего рода общество второго уровня или сверхобщество, возвышающееся как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняющее последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это сверхобщество, используя средства западных обществ («национальных государств»), фактически контролирует более 50 процентов всех мировых ресурсов (по некоторым данным — более 70 процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Так что в отношении него вполне уместно выражение «глобальное сверхобщество».

Это глобальное сверхобщество фактически правит человечеством в наше время, а не

какая-то небольшая кучка богачей. Это сверхобщество включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и остальным человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов остального человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в Соединенных Штатах. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты.

Глобальное сверхобщество уже включает в себя многие десятки миллионов людей. Оно имеет сложную структуру. Эта структура еще не оформилась достаточно отчетливо и почти не изучена научно. Оно не подчиняется правителям отдельных стран Запада. Наоборот, последние, так или иначе, зависят от него. Оно распоряжается такими огромными ресурсами, какими не располагает остальная часть человечества. Правители этого глобального сверхобщества, формирование которого началось после второй мировой войны, и стали историческим судьей России и русского народа — присвоили себе роль судьи в русской трагедии. Поскольку они вовлекли в свою деятельность в этой роли десятки и даже сотни миллионов людей западного мира, одобрявших и поддерживавших их в намерении наказать русских за приписанную ими русским некую вину перед человечеством, то их тоже можно включать в объединение западных людей, которое мы называем судьей в русской трагедии.

Историческая вина русских. В чем заключается вина России и русского народа и перед кем, разумеется, вина, с точки зрения судьи русской трагедии? Она заключается в той роли, какую Россия и русский народ сыграли в истории человечества в результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, причем в этой роли, поскольку она коснулась интересов западного мира. Хотя эту роль сыграл Советский Союз и множество населявших его народов, весь мир ассоциировал ее именно с Россией и русскими, поскольку Россия была основной частью Советского Союза, а русские — основной частью советского населения. Именно благодаря им, социалистическая (коммунистическая) революция оказалась успешной, а социалистический (коммунистический) социальный строй продержался семьдесят лет.

Рассматриваемая историческая роль России и русского народа воспринималась и переживалась западным миром и его хозяевами во многих аспектах. Назову основные из них. Во-первых, Россия осуществила прорыв в мировом эволюционном процессе, открыв новое направление социальной эволюции, качественно отличное от западного. На этом пути Россия добилась колоссальных успехов. Она нашла решение самых фундаментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути. Она стала реальным коммунистическим конкурентом западному варианту эволюции человечества. Во-вторых, опыт коммунистической России стал заразительным образцом для многочисленных народов планеты. А в результате победы над Германией в войне 1941-1945 годов Советский Союз навязал свой социальный строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Коммунизм стал стремительно распространяться по планете.

Соответственно стали сокращаться возможности Запада в отношении колонизации планеты в своих интересах. Над Западом вообще нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели. В-третьих, СССР стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза военного разгрома Запада и победы мирового коммунизма стала

выглядеть вполне реальной. Западные люди не один десяток лет жили в страхе перед Советским Союзом (перед «русскими!»). В-четвертых, в самих странах западного мира под влиянием советского («русского») коммунизма усиливалась тенденция к усвоению целого ряда черт коммунизма. Отмечу, наконец, тот факт, что СССР (Россия в первую очередь) за поразительно короткое (с исторической точки зрения) время развил колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал, который напугал Запад не меньше, чем потенциал военный.

Именно под угрозой крепнувшего советского (русского) коммунизма происходила консолидация западного мира и формирование глобального сверхобщества в рассмотренном выше смысле. Это происходило в ходе «холодной» войны западного мира, возглавлявшегося США, против советского блока, возглавлявшегося Советским Союзом. Западная идеология и пропаганда в течение почти полувека создавали и вбивали в головы западных людей образ СССР как «империи зла», советского периода русской истории как «черного провала», советского (коммунистического) социального строя как преступного. Идея преступности коммунизма вообще (и русского коммунизма, в первую очередь) и необходимости разрушения его во имя спасения западного мира и западных ценностей стала основной идеей западной идеологии и пропаганды, а также руководящей идеей всех мировых сил, организованных хозяевами западного мира (в конечном итоге — глобальным сверхобществом) на борьбу против якобы преступного, якобы виновного во всех грехах против человечества русского коммунизма, то есть против России и русского народа как носителей этой «заразы». Были разработаны детальнейшие планы разрушения именно России и русского народа. Как судья русской трагедии, так и палач, приводивший его приговор в исполнение, фактически не отделяли социальный строй России от его носителя.

Судьба России и русского народа была спроектирована деятелями глобального сверхобщества после второй мировой войны. В этом проекте можно различить два этапа: 1) антисоветский; 2) собственно антирусский.

Антисоветский проект. Антирусский проект был выработан не сразу. Он конкретизировался и корректировался по мере хода «холодной» войны. Сначала он включал только проблему будущего (для тех лет) Советского Союза. Решение ее осуществилось в три этапа. Первый этап — сдерживать активность и влияние СССР в мире, ограничивать его глобальные претензии. Второй этап — дезинтегрировать советский блок и изолировать Советский Союз. И третий этап — дезинтегрировать СССР, разрушить коммунистический социальный строй в странах, образующихся в результате его распада, и навязать им такой социальный строй, какой желателен для хозяев западного мира. В результате реализации антисоветского проекта возник антирусский проект в собственном смысле слова.

Антирусский проект. Несмотря на распад Советского Союза, Россия еще оставалась сильной страной, во многом — преемницей СССР. Цель глобального западнистского сверхобщества теперь заключалась в том, чтобы добить Россию. Прочие страны бывшего Советского Союза опасности уже не представляли. Это добивание было запланировано в три этапа. На первом из них — разрушив коммунизм, навязать России такую социальную организацию, которая исключила бы возможность возрождения России, подъем ее на уровень великих держав планеты. Осуществить дезинтеграцию России в той или иной подходящей форме. На первых порах, сохраняя Россию как единую страну, способствовать автономии этнических и административных регионов и усилению сепаратистских тенденций в них, раскалывать население на различные этнические группы, слои, классы и т.д., создавать многочисленные враждебные друг другу партии и общественные организации, газеты, журналы и т.п., способствовать связям регионов со странами вне России, минуя центральную власть. Эти и другие явления суть различные аспекты атомизации России. Если появится возможность расчленения России на политическом (государственном) уровне и это окажется целесообразным с точки зрения интересов Запада, осуществлять это незамедлительно.

На втором этапе планировалось разделить проблемы России и проблемы русского народа. В чем тут дело? До сих пор речь шла о территории России, населенной каким-то населением. Теперь же речь пошла о судьбе этнически русского населения. При этом русские рассматриваются фактически как прирожденные (биологические, генетические) носители коммунистической «заразы».

В этом отношении хозяева глобального сверхобщества являются продолжателями дела Гитлера, но на более мощной основе современной науки и в замаскированной под демократию форме.

На этом этапе планируется низведение русских на уровень народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа. Планируется направить русский народ на путь деградации и вымирания вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления. Открыто высказывались планы сокращения русского населения до 50 и даже до 30 миллионов. Тэтчер даже высказала идею, что для освоения региона России в интересах Запада хватило бы и 15 миллионов. Разработан богатый арсенал средств для этого. Недоедание. Разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания. Сокращение рождаемости. Стимулирование детских заболеваний, алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности. Планируется «сжатие» русских в сравнительно небольшом пространстве Европейской России. Возможно даже введение закона пропорционального распределения территорий в зависимости от числа людей. Тогда на «законных» основаниях русских просто согнут в резервации, как индейцев в Северной Америке. Идея таких планов — довести русских до такого состояния, чтобы они не смогли удерживать занимаемую ими территорию, которая стала величайшим соблазном для западного мира. Планируется также замещение русских примитивными (с точки зрения планирующих) народами, способными жить в климатически трудных условиях и имеющими заниженные жизненные претензии сравнительно с русскими, а также растворение русских в среде других народов. Планируется заселение русских городов представителями нерусских народов, противопоставление одних частей русских другим, выделение и денационализация русской элиты, колонизация русских районов представителями западных народов. Предполагается использование русских в будущей войне с Китаем, при этом предполагается пожертвовать как минимум тридцатью миллионами русских.

Исполнение приговора. Рассмотренный проект не остался лишь замыслом и желанием. Он приводился в исполнение. По мере его осуществления он усиливался — аппетит приходит во время еды. Основную его часть можно считать осуществленной: разрушен советский блок, разрушен Советский Союз, разрушен советский коммунизм, России навязан социальный строй, какой хотели хозяева западного мира, Россия направлена на путь деградации и превращения в зону колонизации для Запада.

Кто приводил и приводит (ибо процесс гибели жертвы русской трагедии еще не завершился) в исполнение смертный приговор России и русским? Во-первых, все те люди, учреждения и организации Запада, которые, так или иначе, были вовлечены в «холодную» войну. Во-вторых, «пятая колонна» Запада в СССР, включавшая агентов западных шпионских организаций, советских людей, ставших агентами западных секретных служб, диссидентов, националистов, эмигрантов и т.п. В-третьих, предатели из высшего партийного и государственного аппарата, морально разложившиеся представители власти и привилегированных слоев общества. В-четвертых, фрондирующая интеллигенция. В-пятых, разросшаяся и сросшаяся с властью и привилегированными слоями криминальная часть населения страны. В-шестых, массы советских людей, оболваненных западной антисоветской и антикоммунистической пропагандой и ставших оплотом и ударной силой контрреволюционного переворота. Западная армия «холодной» войны умело организовала все эти категории советских людей на разгром советского социального строя и, как следствие, распад всех основ жизни России и русского народа. Тут мы видим случай, о котором я в

общей форме говорил выше, — когда сама жертва трагедии становится помощником и исполнителем воли своего палача. И исторический процесс принимает форму социального самоубийства народа, спланированного и спровоцированного внешним убийцей.

Исполнение исторического приговора в отношении России и русского народа растянулось на много лет. Решающим событием этого исторического процесса явился контрреволюционный переворот начала 90-х годов XX столетия — русская контрреволюция.

Завершение русской трагедии. Русская трагедия еще не завершилась. Успешно осуществляется второй этап антирусского проекта. Впереди предстоит третий этап, пожалуй, самый страшный: он касается присутствия русских в истории человечества. Сущность этой части проекта — постепенно искажая и занижая вклад русских в историю человечества, в конце концов, исключить из памяти человечества все следы пребывания их в истории вообще, сделать так, как будто никогда такого великого народа на Земле и не было. Это «вычеркивание» русских из истории уже практически делается. Причем делается педантично, планомерно, со стопроцентной уверенностью в том, что это делается на благо человечества. Такая фальсификация истории не раз производилась в прошлом. А с современными средствами это — заурядная проблема.

Надо различать два типа фальсификации истории. Первый — произвольная, рутинная и подетальная фальсификация, обусловленная самими средствами познания и описания исторических событий, то есть средствами исторической памяти человечества. Второй — преднамеренная, экстраординарная и комплексная фальсификация, обусловленная причинами сугубо социального порядка.

Рассмотрим сначала первый тип. Оставим в стороне дописьменный (дознаковый) период. Тогда средства памяти были мизерными, потому были мизерными и средства фальсификации того, что помнилось. Обратимся к письменному периоду. Вы все прекрасно знаете, что мы фиксируем события истории в языке. А слово, изреченное, есть ложь, как гласит старинная мудрость. Нельзя объять необъятное. Мы вынуждены извлекать из необъятной истории мизерные крохи и привносить что-то от себя, чтобы организовать их в целое, — сочинять связные тексты.

Современная информационно-интеллектуальная техника принципиально не меняет положения. Введем некие исторические «атомы» — минимальные исторические события, не расчленяемые на более мелкие события. Можно подсчитать, что на описание в языке одного года реальной истории такой, какой она была на самом деле, то есть со всем множеством событий, вплоть до минимальных, потребовалось бы использовать все компьютеры планеты, превратив всех людей в компьютерных операторов, и работать днем и ночью непрерывно миллиард лет. И фактически современная интеллектуально-информационная техника служит могучим средством фальсификации истории. Она позволяет утопить в океане фактов научный подход к историческим явлениям. Кроме того, описанием истории занимаются люди, а не боги. Люди воспитаны и образованы определенным образом, занимают определенное положение в обществе, имеют определенные эгоистические цели. Все это влияет на характер обработки информации. Проходит время. Подавляющее большинство событий бесследно исчезает в прошлое, будучи незафиксированными и даже вообще неосознанными. Меняется отношение людей к событиям прошлого. Они начинают рассматриваться и интерпретироваться в ином историческом контексте.

В эволюционном процессе имеют место два рода событий — допороговые и сверхпороговые. Первые не оказывают никакого влияния на характер эволюции, вторые оказывают. Но люди, включая специалистов, не различают их. Более того, они обычно преувеличивают роль допороговых событий и преуменьшают или совсем игнорируют сверхпороговые. Вы сами знаете, как много внимания уделялось и уделяется незначительным личностям (королям, президентам и т.п.) и событиям, а самым важным — почти никакого. И в описании истории это

выражается очень сильно, настолько сильно, что нарушается всякая мера. Если даже допустить, что все описывающие исторические события люди стремятся к истине, результатом их общих усилий является не описание истории такой, какой она была на самом деле, а такой, какой она им представлялась и представляется по прошествии времени. Причем в течение веков по бесчисленным каналам стекается воедино грандиозный поток произвольной фальсификации истории. В него вливается к тому же мутный поток умышленного искажения и вранья бесчисленного множества лжецов и мошенников.

Сфальсифицированная картина истории до поры до времени выполняет свою функцию. Но наступает период жизни человечества, когда эта картина оказывается неадекватной данной функции. И тогда люди должны стремиться к некоей «истине». Но есть истина абстрактно-научная. И есть истина конкретно-историческая. Вернее, то, что люди считают или будут считать истиной. Тут слово «истина» путает. Лучше говорить об адекватности представлений о прошлом тем новым потребностям человечества, которые сложились в результате исторического процесса. Эти представления оказываются неадекватными новым потребностям. Возникает потребность привести представления о прошлом в соответствие с настоящим. И эту потребность должно удовлетворить сознательное «исправление» истории. Причем оно должно произойти как грандиозный перелом, более того — как организованная грандиозная операция, как эпохальная фальсификация всей истории человечества. Тут речь идет уже не о фальсификации наблюдаемых исторических событий по отдельности, а о переработке совокупности зафиксированных сведений об исторических событиях, которые уже исчезли в небытие и в принципе не могут наблюдаться. Тут речь идет не об изменении понимания все тех же явлений бытия, а о приспособлении совокупности знаков, которые когда-то сопоставлялись с явлениями бытия, к потребностям людей жить уже в другой среде. Тут нужны специально обученные люди. Они должны быть организованы так, чтобы совместно создавать согласованную картину прошлого. Они должны фактически придумать прошлое, какое требуется для настоящего, используя наличный материал. Такая фальсификация не раз производилась в прошлом. Например, с утверждением христианства в Европе, с приходом к власти в России династии Романовых, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах. И теперь такая фальсификация запланирована, причем в отношении русских особенно тщательно. Подчеркиваю: вполне сознательно запланировано полное вычеркивание русских как особого великого народа из истории. Вся история человечества будет сфальсифицирована так, чтобы от нас и следа не осталось. Этот процесс уже начался. С нами считались, пока мы были сверхдержавой, когда мы конкурировали с Западом и угрожали ему, когда могли следить за тем, как нас изображали, когда сами могли фальсифицировать их историю в наших целях. А как только рухнул Советский Союз и советский коммунизм, как только начался всеобъемлющий крах России, отношение к нам резко изменилось. Нас стали преподносить в самом ужасающем виде, как дураков, уродов, воров, холуев, бездарностей, преступников и т.д. Из культуры стали упоминать только то, что является охвостом западной псевдокультуры. Достижения прошлого, еще не так давно потрясавшие мир, стали сознательно замалчиваться и разворовываться. Вступила в силу сознательная и детально разработанная установка низвести нас на уровень самых примитивных народов планеты.

Конечно, трудно поверить, что намерение совсем исключить нас из исторической памяти человечества осуществимо. Ведь искажения истории, так или иначе, разоблачаются. Разоблачаются, но не любые. Можно разоблачить отдельную ложь. Но когда их миллионы и миллиарды, когда происходит их отбор и комбинирование, когда это делается из года в год, из десятилетия в десятилетие, когда в деле фальсификации заняты миллионы профессионально подготовленных людей, используется баснословная техника и специально разработанные приемы фальсификации, когда миллиарды людей идеологически оболваниваются из поколения в поколение, никаких шансов для преодоления этого мирового потока лжи и для восстановления истины не остается. Не исключено, что через несколько столетий какая-то крупинка истины будет открыта. Лишь крупинка. И какая? В ней наша история

вообще может не отразиться или отразиться в таком виде, что будет неузнаваема. Увы, наиболее вероятный вариант — нас, русских, вообще вычеркнут из истории. Будет так, как будто нас вообще не было. Все сделанное нами разворуют, присвоят, припишут другим, исказят до неузнаваемости. Какие-то следы от нас останутся. И с помощью логических и математических методов, используя интеллектуально-информационную технику, в принципе будет возможно произвести исторические «раскопки» и вычислить, что в XX веке существовал какой-то (именно какой-то!) великий народ, занимавший такую-то территорию и сыгравший огромную историческую роль. Но будет ли сделано официальное признание того, что это были русские?

Мюнхен, 1999

III. Россия на распутье

Феномен Путина

С приходом В.В. Путина к высшей власти в нашей стране начался новый период. Он ожидался как значительный перелом в жизни страны еще в ельцинские годы. И надо признать, что ожидания с этой точки зрения оправдались: начавшийся период действительно обещает стать значительным. Значительным не в том смысле, что он непременно принесет какие-то блага россиянам, а в том смысле, что должны произойти важные события в эволюции страны. И я в этой статье хочу высказать некоторые соображения на этот счет.

Закат ельцинизма. В истории разрушения советского (коммунистического) и возникновения постсоветского (посткоммунистического) социального строя в нашей стране уже можно констатировать три периода, символизируемые именами Горбачева, Ельцина и Путина. Я буду их называть соответственно горбачевским, ельцинским и путинским. В горбачевский период начался процесс разрушения советского социального строя, и были подготовлены условия для антисоветского (антикоммунистического) переворота. Этот переворот произошел в ельцинский период. Он начался в августе 1991-го и завершился в октябре 1993 года расстрелом Верховного Совета (Белого дома). К концу 90-х годов ельцинский режим сыграл свою историческую роль, а именно — возглавил и мобилизовал российское население на разгром советской (коммунистической) социальной организации, на создание постсоветской социальной организации по западным образцам и под диктовку сил Запада, на низведение России с уровня великой мировой державы на уровень зоны колонизации для Запада. Приведя Россию в состояние всесторонней социальной катастрофы, этот режим полностью изжил себя. Он стал угрозой самим «завоеваниям» антикоммунистического переворота и западнизации страны. Он осточертел не только большинству россиян, но даже своим западным вдохновителям и манипуляторам.

Ожидание перелома. Естественно, должен был появиться человек, который возглавил бы назревший переход России к постельцинскому этапу социальной эволюции. Такой этап ожидался подавляющим большинством российского населения. Ожидался и такой человек. Различные категории россиян различно представляли ожидаемый период, различные надежды возлагали на ожидаемого человека. Объединяло всех одно: само состояние ожидания. И такой человек появился: это — В.В. Путин. Появление именно Путина не было фатальным. Эту роль мог сыграть кто-то другой. Насколько мне известно, для большинства россиян появление именно Путина было неожиданностью. И тем более это было

неожиданностью для Запада. Во всяком случае, я почти со стопроцентной уверенностью могу утверждать, что Вашингтон не планировал на российский «престол» именно Путина. Я думаю, что Путин «проскочил» по недосмотру Вашингтона. Даже поверхностное наблюдение международной политической суеты обнаруживало известную растерянность на Западе в связи с появлением Путина.

Но кто бы ни стал преемником Ельцина, можно было с большой степенью уверенности предвидеть социальную роль, которую предстояло сыграть ему: закрепить основные результаты антикоммунистического переворота горбачевски-ельцинского периода, завершить формирование постсоветской социальной организации, преодолеть вопиющие дефекты ельцинского режима, нормализовать условия жизни российского населения в рамках новой социальной организации, нормализовать положение постсоветской России в глобальном сообществе. Разумеется, от того, какая именно конкретная личность могла возглавить решение упомянутых проблем, многое зависит. Россияне на своей шкуре испытали то, какую огромную разрушительную роль сыграли в истории России такие личности, как Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар, Козырев, и другие известные деятели прошедшего горбачевско-ельцинского периода. И теперь вопрос в том, кто окажется на вершине российской власти, приобрел в сознании россиян судьбоносное значение.

«Кремль» и «семья». Путин появился на высотах политической жизни России как ставленник «семьи» (ельцинской клики), как ставленник «Кремля». Это бесспорно. Но кто, делающий политическую карьеру, не бывает на каком-то ее этапе чьим-нибудь ставленником?! Горбачева вытянул из провинции в Москву Андропов, а на пост Генсека его выдвинул Громыко. Ельцина выдвигал сам Горбачев и Лигачев. Наполеон был ставленником членов Директории. А как Ельцин обошелся с Горбачевым?! Как Наполеон обошелся с теми, ставленником кого он был?! Путин был профессиональным работником аппарата власти («аппаратчиком»). Естественно, он с кем-то работал, кто-то его поддерживал, кто-то оценивал его как работника. По всей вероятности, он был достаточно хорошим работником, иначе такую профессиональную карьеру вряд ли сделал бы. Естественно, стоявшая у власти «семья» преследовала свои интересы, выдвигая Путина. Было бы нелепо, если бы она выдвинула человека, который априори стал бы действовать во вред ей. Но она выдвигала его на высокий пост, рассчитывая на то, что он справится с обязанностями на этом посту. И она на этот счет не ошиблась. Она выдвигала Путина как своего человека. Но то, какую роль предстояло ему сыграть, зависело уже от обстоятельств, неподконтрольных «семье».

Хочу обратить внимание на то, что выражения «семья» и «Кремль» употреблялись как синонимы. А между тем тут совпадение лишь частичное. Слово «Кремль» обозначает подразделение в системе власти, а слово «семья» обозначает конкретную группу лиц, захвативших в свои руки это подразделение власти. «Семья» немыслима без Ельцина и близких ему людей. «Кремль» же был до «семьи» и остался после того, как ставленник «семьи» Путин выставил ее оттуда. Путин был выдвинут «семьей» на роль главы правительства, а затем — на роль главы «Кремля» как высшего органа власти, а не на роль главы «семьи». И именно это его положение в сложившихся условиях обусловило его роль выразителя национальных интересов России, а не эгоистических интересов «семьи».

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство возвышения Путина. Он появился на высотах власти не как «избранник народа», а как профессиональный чиновник, делавший успешную служебную карьеру, — как узкопрофессиональный «аппаратчик», а не как руководитель широкого профиля. Выборы лишь узаконили его положение на вершине власти. На пути к высшей власти это происхождение Путина сработало в его пользу: он резко отличался своим поведением от прочих кандидатов в президенты. Но у многих возникало сомнение: на высшем уровне власти доминирующей является политическая стратегия, требующая опыта и способностей руководителя широкого профиля.

Взлет популярности. Путин появился на политической арене, когда эпоха популизма,

благодаря которому Ельцин оказался и долго держался на вершине власти, прошла. Рейтинг Путина стал стремительно расти, хотя средства массовой информации не очень-то старались раздувать Путина и даже отчасти пакостили. Главный фактор, определивший необычный рост популярности Путина, заключался в том состоянии, в каком оказалось большинство россиян самых различных социальных категорий ко времени его выдвижения, и в его умонастроениях. Недовольство ельцинским режимом достигло высшего уровня. На первый план вышла настоящая потребность в наведении элементарного порядка во всех сферах общественной жизни и, прежде всего, потребность во власти, способной навести такой порядок. Именно в сильной власти массы населения увидели ключ к спасению России. Жажда и ожидание спасителя овладели умами и чувствами десятков миллионов россиян. Российское население разделилось на меньшинство, которое вполне устраивало положение, сложившееся благодаря ельцинскому режиму, и большинство, которое было не удовлетворено ельцинским режимом, так или иначе страдало от него и жаждало перемен, видя путь к ним в сильной власти. Что это такое, на этот счет ясного представления не было. Сильная власть представлялась не в какой-то определенной организации всей системы власти, а лишь в другой личности, символизирующей некую «сильную власть».

Все известные личности на политической арене России, претендовавшие на высшую власть, либо порядком надоели широким кругам населения, либо были недостаточно популярны, либо вообще не вызвали доверия. Никто не тянул на роль потенциального спасителя гибнущей России. Путин появился в числе претендентов на пост президента как человек новый. В сознании масс он не был непосредственным виновником их бед. Он не нес личной ответственности за данное состояние России. Попытки как-то «раскопать» его деятельность в аппарате власти личностей, как-то скомпрометировавших себя, успеха не имели и не могли иметь. Путин, повторяю, сделал карьеру не как политик, а как профессиональный аппаратчик с довольно узкой специализацией, не проходивший выборных массовых процедур, не восседавший в президиумах заседаний, короче говоря — за кулисами опостылевшей всем публичной активности, можно сказать — как «работяга». Те качества, которые у него выработались при этом, сработали явно в его пользу, когда он волею судьбы был вытолкнут на роль руководителя широкого профиля. Он резко выделялся из множества претендентов на высший пост в системе власти своим обычным поведением. А главное — он совершал поступки по правилам власти, в то время как прочие лишь говорили о власти. Он имел возможность на такие поступки, поскольку уже находился у реальной власти. Тут несущественны масштабы и важность поступков с какой-то иной точки зрения. Важно то, что люди заметили сразу в поведении Путина наличие некоей субстанции власти, способность властвовать. В его конкурентах такая субстанция власти не ощущалась совсем или ощущалась в ничтожной мере. Что бы они ни говорили и какие бы позы ни принимали, ввести в заблуждение миллионы зрителей и слушателей на этот счет было невозможно. Тут средства массовой информации, в особенности телевидение, оказали плохую услугу конкурентам Путина. Они все просто ступали на его фоне, хотя он почти ничего особенного не делал. Пожалуй, тут слово «хотя» неуместно. Следует сказать, что именно его заниженная публичная активность и дала такой эффект.

Повторяю и подчеркиваю, ибо это очень важно для понимания ситуации: Путин уже обладал реальной властью и демонстрировал, на что он фактически способен, тогда как его конкуренты воспринимались как правители с негативным опытом или как говорюны на тему о власти. Все говорили о спасении России, много обещали, хвастались своими заслугами, способностями, знаниями. Путин говорил мало, почти ничего не обещал, был скромнен. Зато поступал так, что создавался образ делового человека и потенциального спасителя России. Страдающее большинство россиян сфокусировало в личности Путина свои желания и надежды. Они не понимали (и в принципе не способны понять) того, что между намерением удовлетворить потребности (надежды, чаяния) людей и конкретным путем осуществления этого намерения, как говорится, дистанция огромного размера.

Политический переворот. К концу 1999 года популярность Путина достигла зенита. И по законам явлений такого рода она не могла слишком долго удержаться на этом уровне, она должна снижаться, что бы ни предпринимал человек в таком положении. Популярность есть массовое явление, есть состояние сознания масс. Я думаю, что к этому времени в «семье» сложился круг людей, которые поняли это. Они поняли, что ко времени официальных выборов президента ситуация в стране и в мире для ставленника «семьи» и для самой «семьи» может оказаться неблагоприятной. В России и на Западе были достаточно серьезные силы, действовавшие против Путина. Они надеялись внести свои коррективы в предвыборный процесс. И возможности у них для этого были вполне реальные. Во всяком случае, полной уверенности в том, что ставленник «семьи» станет президентом, если выборы произойдут в намеченный срок, не было. Понимая это, упомянутые люди из ельцинской клики пошли на операцию, результатом которой явилось отстранение Ельцина от власти и назначение Путина исполняющим обязанности президента. На мой взгляд, операция эта была проведена умно и своевременно. Отстранение Ельцина прошло как добровольный уход от власти, причем убедительно мотивированный и долгожданный для большинства россиян. Законность формально была соблюдена, а от нее и требуется именно формальность, и не более того. Придраться было не к чему. Да и некому. Многие были ошеломлены, что вполне понятно.

Что бы тогда ни происходило за кулисами «Кремля» и что бы ни утверждали по этому поводу политики, политологи и журналисты, с социологической точки зрения рассмотренная операция была именно политическим переворотом, причем верхушечным. Используя выражение «политический переворот», я не вкладываю в него никакого негативного смысла. В наше время и в условиях постсоветской России политический переворот не обязательно есть нечто противозаконное и негативное. История человечества второй половины XX века породила множество новых социальных феноменов, которые еще только предстоит изучить социологам. Рассмотренный переворот принадлежит к их числу. Во всяком случае, никаких оснований для ухода Ельцина с поста президента всего за несколько месяцев до официальных выборов не было, кроме упомянутых выше опасений. Ссылки на состояние здоровья Ельцина лишены смысла, поскольку оно никогда не препятствовало исполнению той роли, какую ему навязали обстоятельства прошедшего периода.

Рассмотренный политический переворот predetermined исход официальных выборов. Выборы лишь узаконили фактическое положение в системе власти, сложившееся в результате переворота. Тогда исход выборов ни у кого не вызывал сомнения. Ведущие политики тогда пустили в оборот совершенно бессмысленное выражение «безальтернативные выборы», хотя в выборах участвовало множество кандидатов, среди которых был вполне серьезный конкурент Путина — Зюганов, как это было и в выборах 1996 года.

Социальная сущность переворота. Путинский политический переворот есть явление неоднозначное, как и вообще все более или менее значительные события российской истории последних десятилетий. Напоминаю, что Путин появился на высшем уровне российской власти как ставленник «семьи», которая была ненавистна широким слоям российского населения. И при этом он волею обстоятельств, не зависящих от «семьи», стал выразителем интересов и надежд именно этих слоев населения. Напоминаю, что к концу 90-х годов в широких слоях населения назрело недовольство ельцинским режимом такого уровня, что мысль о конце ельцинского периода стала всеобщей, чем-то само собой разумеющимся. Назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую систему власти и управления более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать ее, лишить ее вида, в каком она стала посмешищем во всем мире. Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности. Кто бы ни был организатором переворота, и какими бы ни были субъективные намерения этих людей,

этот переворот в сложившихся условиях России, так или иначе, содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для нее последствиям деятельности ельцинского режима, то есть последствиям западнизации России. Именно этим объясняется, главным образом, «чудо» взлета путинского рейтинга и того, что он был избран уже в первом круге. Именно так большинство россиян восприняло путинский переворот, придав ему определенный социальный смысл — смысл попытки сопротивления России насильственной западнизации и сопротивления превращению России в зону колонизации для глобального западнистского сверхобщества. Я считаю это третьей попыткой такого рода. Первой попыткой был «путч» в августе 1991 года, второй — восстание Верховного Совета в конце сентября — начале октября 1993 года.

Не следует забывать о том, что путинский переворот произошел в условиях, когда уже завершился разгром советской социальной организации, и на ее месте стала складываться постсоветская организация, то есть в условиях фактически происходящей западнизации России, в условиях зависимости России от Запада, в условиях заинтересованности Запада в том, чтобы Россия и впредь оставалась в этом положении. Ельцинский курс эволюции России должен сохраняться, и Путин был допущен к власти, чтобы сохранить его и упрочить. Таким образом, третья попытка России высвободиться из пут западнизации и зависимости от Запада изначально содержит в себе противоречие: она заключена в рамки самой необходимости западнизации России и интеграции ее в глобальное сверхобщество, в котором доминирует Запад.

У власти. Одно дело — путь к власти, и другое дело — деятельность после прихода к власти. Эта деятельность зависит уже от других факторов, чем те, которые предопределили победу на выборах. Одно дело — желания и надежды масс людей, ставшие основой успеха на пути к власти, и другое дело — конкретный способ их удовлетворения в сложившихся условиях. С первых же шагов деятельности в качестве главы новой власти Путину пришлось столкнуться с сопротивлением со стороны тех, в интересах кого, казалось бы, был совершен политический переворот. Я имею в виду конфликты, связанные с олигархами, с Советом Федерации, со средствами массовой информации и другие. И они не случайны. Они неизбежны. Не эти, так какие-то другие.

При всех обстоятельствах Президент России вынужден осуществлять мероприятия, без которых невозможно решение назревших проблем исторического выживания России, в рамках совокупности объективно данных факторов. Основные из этих факторов суть природные условия, человеческий материал, сложившееся состояние страны, взаимоотношения с внешним миром (с Западом — в первую очередь) и наличная социальная организация страны. На последний из упомянутых факторов надо обратить особое внимание. От него в наибольшей степени зависит успех исторической миссии Путина. Он вынужден укрепить и усовершенствовать его. Но именно он является главным препятствием на пути к этому. Тут имеет место объективное историческое противоречие, преодоление которого может стать делом длительной и трудной исторической эпохи — путинской эпохи.

Москва, 2000

Постсоветизм

Постсоветизмом (или посткоммунизмом) я называю ту социальную организацию, которая в основных чертах сложилась в России в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Это — явление исторически новое, не имеющее аналогичных прецедентов в прошлом и складывающееся буквально на наших глазах, причем — с

паразитической (с исторической точки зрения) скоростью. Детальное социологическое исследование его есть дело будущего. Тем не менее, основные черты можно наблюдать уже сейчас, причем в почти лабораторно явном виде.

Постсоветизм начал формироваться в России не в результате естественноисторического и имманентного для России процесса, а как нечто чужеродное российскому населению и его историческим, природным и геополитическим условиям, насильственно навязанное россиянам сверху (кучкой людей, ставшей «пятой колонией» Запада и захватившей высшую власть) и извне (под давлением со стороны сил Запада и по их указке). Это произошло после антикоммунистического переворота в годы горбачевско-ельцинского правления. В результате этого переворота была разрушена советская (коммунистическая) социальная организация. Хотя последняя и переживала состояние кризиса, обусловленное стечением ряда исторических факторов, тем не менее, она была вполне жизнеспособна. Она блестяще доказала свою эффективность в труднейших для страны условиях. Она еще только вступила в стадию эволюционной зрелости и еще не успела раскрыть все свои созидательные возможности. С точки зрения эволюционного уровня она превосходила все те формы социальной организации, какие знала история человечества, включая страны Запада. Запад в этом отношении отставал от Советского Союза, по крайней мере, на 50 лет.

В результате горбачевской «перестройки» Советский Союз был ввергнут в состояние всестороннего кризиса. А предательская капитуляция перед Западом в «холодной» войне привела к распаду советского коммунистического блока и самого Советского Союза и к упомянутому антикоммунистическому перевороту, ставшему началом разгрома советской социальной организации (советизма). Россия была направлена на путь всесторонней деградации и превращения в зону колонизации для Запада. Немедленно стала складываться новая социальная организация, предназначенная реформаторами и их западными манипуляторами для закрепления сложившегося состояния России, — постсоветизм. Он создавался как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма.

Чтобы охарактеризовать это «чудо» социального творчества, нужно хотя бы в какой-то мере иметь представление об упомянутых трех его ингредиентах. Я думаю, что никакие особые пояснения тут не требуются. Еще живо большое число россиян, которые на личном опыте познали советизм (коммунизм). В российских СМИ его поносят с неослабевающим остервенением, так что и молодежь достаточно получает информации о нем. Западнизм становится обычным явлением постсоветского образа жизни. Россияне успели познакомиться с ним на практике. А что касается российского фундаментализма (феодализма), его превозносят в СМИ и навязывают россиянам с все возрастающим ажиотажем, так что кажется, будто мы живем в дремучем средневековье. Поэтому я ограничусь лишь кратким пояснением упомянутых ингредиентов постсоветизма.

С советизмом Россия прожила более семидесяти лет. С ним она добилась выдающихся, эпохальных успехов, на несколько десятилетий стала лидером социальной эволюции человечества. Советский период был и, по всей вероятности, останется навсегда вершиной российской истории. И как бы к нему ни относились строители новой социальной организации России, советизм стал и будет в дальнейшем одним из решающих факторов в определении типа создаваемой ими социальной организации. Происходит это не в силу каких-то субъективных пристрастий. Таких пристрастий нет. Более того, имели и имеют место сильнейшие антипатии, так как советизм несет с собой для них потерю или ущемление их привилегированного положения. Происходит это в силу объективного социального закона социальной регенерации. Сила этого закона такова, что строителей постсоветизма даже обвиняют в преднамеренной реставрации советизма, хотя они из кожи лезут, чтобы истребить всякие его следы. Ирония истории состоит тут в том, что в условиях России советизм можно выкорчевать только методами... советизма. Принимая меры против него, антисоветчики и антикоммунисты, вышедшие из среды коммунистов и воспитанные под их

влиянием, невольно сохраняют и подпитывают его.

Черты советизма в постсоветском социальном гибриде заметны даже без специальных социологических исследований для тех, кто в какой-то мере знаком с советизмом. Президентская власть копирует власть советского «Кремля», причем даже сталинского периода. Президент имеет тенденцию превратиться в вождя, заботящегося о нуждах всего «трудового» народа. Он опирается на силовые структуры, назначает удобное ему и подконтрольное ему правительство, стремится к контролю над прочими сферами общества, стремится апеллировать к массам (к «народу») непосредственно, минуя якобы враждебных «народу» и коррумпированных чиновников-бюрократов (телевидение на этот счет — дар истории).

Значительная часть граждан живет и добывает средства существования фактически по-советски. Это «бюджетники». Большинство живет хуже, многие — так же, немногие — лучше. Но по социальному типу — сходно с советскими временами. В советские годы эти категории граждан составляли основную часть работающего населения. Они были оплотом советского строя. Их роль в постсоветской России изменилась, их социальная значимость резко снизилась, но все же она остается ощутимой. Постоянно возникают чрезвычайные ситуации, преодоление которых требует коммунистических методов решения социальных проблем. Между прочим, это имеет место и в странах Запада. Имеют место проблемы, требующие не просто сильной государственной власти, но власти, действующей методами, подобными тем, какие были характерны для власти советской. Это проблемы борьбы с преступностью, с нищетой и с детской беспризорностью, организации образования, вооруженных сил, ВПК, разведки, международных операций и т.д. Все эти аспекты жизни современного большого и развитого общества с необходимостью порождают тенденции коммунистической социальной организации в любой стране, а в бывшей коммунистической стране это не только выглядит как реставрация советизма, но и в значительной мере происходит на самом деле. Я уж не говорю о том, какое важное место в постсоветской России занимает культура, накопленная за советские годы. Это культура высочайшего мирового уровня. Она пронизана советизмом, составляет его неотъемлемую часть. И полностью очистить ее от советизма не удастся никогда.

Западнизмом я называю социальную организацию, какую можно наблюдать в западных странах. В отношении нее употребляют слова «капитализм», «демократия», «частная собственность», «частное предпринимательство», «рынок», «многопартийность», «гражданское общество» и т.д. Важно иметь в виду то, что в советской России, в каком бы она состоянии ни находилась, никаких серьезных предпосылок для западнизма не было. Он стал насаждаться в России искусственно, насильственно, усилиями высшей власти. Стал насаждаться после антикоммунистического переворота теми россиянами, которые захватили в стране политическую власть. Захватили в результате грандиозной диверсионной операции, подготовленной силами Запада в ходе «холодной» и «теплой» войн (мировой войны нового типа) и осуществленной «пятой колонной» Запада в России. Западнизм стал насаждаться по западным образцам и под давлением (под руководством) со стороны сил Запада. Причем стал насаждаться в том виде, какой был желателен в интересах Запада, а отнюдь не России. При этом умышленно игнорировались конкретные условия России, ибо целью сил Запада было и остается ослабление России и превращение ее в зону для своей колонизации.

Если ингредиент советизма появился в постсоветизме в силу объективного социального закона вопреки воле и желаниям творцов постсоветизма, то ингредиент западнизма, наоборот, появился тут в соответствии с волей и желаниями борцов постсоветизма, но в нарушение объективного социального закона адекватности социальной организации человеческому материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям страны. Западнизация России в том виде, как ее стали осуществлять творцы постсоветизма, очевидным образом не соответствовала упомянутым факторам. В результате ее получилась не западнистская социальная организация, а лишь нечто похожее на нее по

некоторым чертам (приватизация, многопартийность, подобие рынка и т.п.), т.е. лишь имитационная форма.

В третьем ингредиенте гибрида постсоветизма сочетается действие объективного социального закона, который я называю законом социальной деградации, и стремления части реформаторов во главе с президентом реанимировать некоторые явления дореволюционной России (в основном — российского феодализма), причем, игнорируя при этом социальный закон адекватности, о котором я упомянул выше.

Закон социальной деградации в постсоветской России проявляется как реанимация православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности и т.д. В значительной мере (если не главным образом) это делается искусственно, сверху. Сами по себе явления дореволюционной России не возродились бы. Они не столько возрождаются, сколько изобретаются вновь. Изобретаются как идеализация (т.е. фальсификация) прошлого в качестве средства против советизма (коммунизма), как отрицание того эволюционного прогресса, какой имел место в советское время. Тут происходит беспрецедентная историческая деградация, буквально падение с вершины прогресса в пропасть прошлого.

Социальный гибрид не есть просто смешение элементов различных социальных организаций. Это именно гибрид. Как гибрид деревьев различных видов не есть дерево, на котором растут листья и плоды различных видов, а есть дерево, на котором растут листья и плоды, сходные по некоторым признакам с листьями и плодами этих разных видов, а по другим признакам отличные от тех и других, так и тут гибрид разных социальных организаций суть новая социальная организация с компонентами, отличными от таковых у источников гибридизации. Например, постсоветский «Кремль» имеет некоторые черты советского «Кремля» и черты президентской власти США. Но он отличается от того и другого. В частности, президент России приходит к власти не так, как советский генсек, и не так, как американский президент. Он не располагает практически такой властью и такими средствами, как они, не имеет в своем распоряжении такие материальные средства, у него другие отношения с «парламентом» и т.д. Аналогично в сфере экономики: на самом деле нет реальной многоукладности, а есть гибриды, напоминающие явления разных укладов. Частные предприятия порой ведут себя так, будто они государственные, а государственные — как будто они частные.

Постсоветизм есть гибрид как в целом, т.е. с точки зрения комбинации ингредиентов, так и в каждом из ингредиентов, по отдельности. В сфере власти доминирует тенденция к советизму, что выражается в усилении роли президентской власти («Кремля»), уподобляющейся советской (об этом я уже говорил выше). Но при этом имеет место и запад-нистская тенденция, проявляющаяся в парламентаризме, многопартийности, гласности и т.д. В названиях отражается и дореволюционная государственность (Дума, Государственный совет). Ощущается тяготение к монархии, которая прославляется сверх меры. В сфере экономики доминирует тенденция к западнизму (приватизация, банки, частный бизнес, рынок). Но сохраняются элементы государственной плановой и командной экономики. «Кремль» стремится взять под свой контроль важнейшие отрасли экономики. В идеологической сфере россиянам всеми средствами обработки их сознания неумоимо навязывается западная идеология в ее худших проявлениях (проповедь насилия, разврата, корыстолюбия, карьеризма, потребительства и т.д.), православие под маркой национального возрождения и обломки советской идеологизированной культуры (кино, театр, литература, эстрада). И по всем трем линиям имеет место лишь имитация пропагандируемых явлений. Обломки советской идеологии порождают лишь мазохистскую тоску по безвозвратно утраченным завоеваниям советской эпохи. Поддерживаемое высшей властью православие фактически не имеет той власти над душами россиян, на какую претендует. Оно не предохраняет от нравственного разложения населения и от преступности, не несет с собой никакого подлинного духовного возрождения и национального единения, создавая лишь

имитацию их. Помои западной идеологии нисколько не запад-низируют менталитет россиян по существу, способствуя лишь имитации внешних форм поведения на самом примитивном уровне.

Какой тип гибрида складывается в целом, т.е. с точки зрения отношения между компонентами социальной организации? Поскольку третий ингредиент гибрида не имеет шансов стать доминирующим самостоятельно, то можно достаточно уверенно установить границы, в которых будет эволюционировать постсоветизм, — это советизированный за-паднизм и западнизированный советизм. К какой из этих границ будет ближе реальный постсоветизм, зависит от целого ряда факторов как внутреннего, так и внешнего характера. С точки зрения внутренних факторов, преимущества имеет система власти и управления, тяготеющая к советизму. И опыт последних лет показывает, что эта тенденция усиливается, и будет усиливаться. Третий ингредиент, поддерживаемый «Кремлем», явным образом уступает ему доминирующую роль. Да и второй ингредиент, пожалуй, в большей степени зависит от «Кремля», чем «Кремль» от него. Во всяком случае, он пока не готов взять в свои руки управление страной.

Отношения России с Западом складываются таким образом, что инициатива принадлежит в большей мере «Кремлю», чем хозяевам российской экономики. По моим наблюдениям, Запад склоняется не столько к усилению российского парламентаризма, сколько к усилению «Кремля», но такого, который послушен требованиям сил Запада. А возглавляемый Путиным «Кремль» этому условию удовлетворяет. Тем более на самом Западе наступила постдемократическая эпоха. Так что есть основания считать наиболее вероятной эволюцию постсоветизма в направлении западнизированного советизма. И как это ни парадоксально, главным препятствием на этом пути является позиция «Кремля»: он в силу необходимости и социальных законов вынужден делать нечто такое, что выглядит как восстановление советизма, но делает это, сохраняя и укрепляя результаты антикоммунистического переворота и придавая своим действиям подчеркнuto антикоммунистический характер.

Как я уже говорил, при создании постсоветизма его творцы игнорировали (нарушили) закон соответствия социальной организации человеческому материалу страны, ее историческому наследию, ее природным и геополитическим условиям. Они стали насильственно навязывать стране чуждую ей западнистскую организацию. Последняя не является пригодной для любых народов и любых условий их существования. Опыт истории показал, что для большинства незападных народов она несет закабаление и гибель. Силы Запада навязывали ее России не с целью облагодетельствовать ее народы, а с целью разрушить могучего конкурента в борьбе за мировое господство. И они этого добились.

Творцы постсоветизма нарушили закон однокачественности компонентов социальной организации, пытаясь соединить взаимоисключающие черты коммунистической власти, капиталистической экономики и феодальной идеологии, слепив на скорую руку социального монстра («рогатого зайца»), годного для музея социальных уродов, а не для жизни большого народа. Неизбежным следствием этого явилась дезинтеграция органической целостности страны на множество разрозненных структур: аппарат центральной власти («Кремль»), представительную власть (Дума), чиновничий аппарат, экономические структуры, СМИ, религиозные структуры, криминальные структуры и т.д. Следствием этого также явилось взаимное ослабление позитивных и взаимное усиление негативных качеств скрещиваемых социальных организаций. Не случайно поэтому при конвергенции коммунизма и капитализма, о которой в свое время говорили западные социологи, в России реализовался не позитивный, а негативный вариант. Российский социальный гибрид уступает как западнистскому, так и коммунистическому источникам. Возникнет ли какое-то новое качество, не предусмотренное в источниках (в ингредиентах гибрида), теоретически предсказать невозможно, а практика гибридизации еще слишком коротка для категорических выводов. Но одно бесспорно априори: в сложившихся условиях для России эволюционное чудо исключено. Возможна лишь его имитация.

Слово «имитация» многосмысленно. Я употребляю его здесь как социологический термин в следующем смысле. Имитировать некоторый объект (действие, событие, явление) «А» — значит создать объект (осуществить действие, совокупность действий) «В», похожий на «А» и воспринимаемый как «А». При имитации предполагается то, что имитируется (скажем, подлинник), и то, что его имитирует (скажем, имитант). Возможно, что подлинник существует эмпирически, и возможно, что он существует лишь в воображении, на словах. И даже тогда, когда подлинник существует эмпирически, он имитируется в том виде, в каком воображается (понимается, описывается в словах) имитатором. Имитация есть сознательное действие людей по созданию объектов-имитантов, которые по замыслу этих людей должны восприниматься какими-то людьми как объекты-подлинники. Это делается как подражание, как подделка, для обмана, для показухи, для создания видимости и т.п. В человеческой истории это широко распространенное, привычное, обычное явление. Оно есть неотъемлемый элемент театрального аспекта человеческой жизни. Можно говорить о степени имитационности того или иного человеческого объединения в целом, его отдельных событий, действий властей, партий и т.д.

Советизм обладал очень высокой степенью имитационности. Россияне, прожившие какую-то часть сознательной жизни в советские годы, должны помнить, какую огромную роль тогда играла показуха, создание видимости успехов, всякого рода торжественные спектакли, долженствующие демонстрировать единство, преданность, готовность и т.п., воображаемые явления советского образа жизни. Имитационный аспект советской жизни достигал таких масштабов, что даже в официальной советской идеологии и культуре дозволялось критиковать его самым беспощадным образом. Постсоветизм стал закономерным преемником советизма с этой точки зрения, несколько снизив его в поверхностных проявлениях, но зато углубив его до самых основ социальной организации постсоветского общества. В силу законов социальной гибридизации, о которых упоминалось выше, имитационность становится не просто второстепенным свойством новой социальной организации России, но таким свойством, которое определяет ее глубинную сущность как в целом, так и каждого ее компонента в отдельности.

В стране вроде бы необычайно много делается для того, чтобы навести порядок, долженствующий обеспечить ее возрождение, подъем и процветание. Но в основном — по видимости. В реальности происходит, с одной стороны, неуклонная деградация во всех основных аспектах жизни общества. А с другой — разрастается и процветает показной, театральный, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России. Чем глубже деградирует страна, тем помпезнее и ярче становится имитационная маскировка деградации. Падение в бездну имитируется как взлет в небеса.

С чисто социологической точки зрения, будущее России уже предопределено не на одно десятилетие, а на многие десятки лет, если не на все столетие. Оно предопределено тем антикоммунистическим переворотом, который произошел в горбачевско-ельцинские годы, и вследствие которого Россия была сброшена с вершины эволюционного прогресса на уровень страны третьей степенной важности, обреченной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма или американизма. Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет.

Что касается внутренней социальной эволюции России, то эмбрион ее будущего уже родился — это социальный гибрид из обломков советизма, из подражания западнизму и из реанимации заgrimированных призраков дореволюционной России. Насколько этот гибрид жизнеспособен? С точки зрения самовывживания и продолжительности существования он может жить долго. А с точки зрения возрождения и процветания России? На этот счет строить какие-то иллюзии было бы, по меньшей мере, наивно. Этот социальный гибрид и был сляпан на скорую руку специально с таким расчетом, чтобы не допустить возвышения России на уровень державы, играющей первостепенную роль в дальнейшей эволюции человечества.

Замечу в заключение, что в постсоветском гибриде слились воедино далеко не лучшие черты коммунизма, западнизма и феодализма, а скорее худшие.

Москва, 2001

Постсоветская власть

Постсоветская власть создавалась из остатков (материала и опыта) советской, но по западным образцам. Из западнистской власти было заимствовано, разумеется, не все, а только та ее частичка, которую в западной идеологии и пропаганде раздували и прославляли как признаки демократии именно западнистского образца. Это многопартийность, тип выборности, гласность, президентская система и т.д. Что получилось на деле? Даже сами западнизаторы российской власти жалуются на то, что подлинная западная демократия в России никак не получается. Получается лишь нечто похожее на нее.

Возьмем такую черту демократичности западнистской системы власти, как разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. И эту идею российские реформаторы собезьянничали на Западе, вернее, взяли из западной идеологии и пропаганды, предназначенной для стран и народов, приобщаемых к западному образу жизни. Формально законодательную власть образует федеральное собрание, включая Думу. Исполнительную власть образует «Кремль», т.е. президент с тем аппаратом (множеством людей и учреждений), который подчиняется ему и может увеличиваться, организовываться и набирать силу по его инициативе. Президент избирается, но весь аппарат управления является полностью невыборным, назначаемым президентом и другими чиновниками невыборного аппарата. Президент распоряжается правительством и «силовыми рычагами». Он обладает фактически полномочиями, которые позволяют усматривать явную аналогию постсоветского «Кремля» советскому. Основная законодательная инициатива исходит из «Кремля». Законодательная же власть (Дума) фактически играет роль совещательного органа при президенте и роль государственного учреждения, придающего легитимность некоторым распоряжениям президента. Что касается демократизации судебной власти, это для самого Запада слишком дорогое и далеко не всегда эффективное явление. А в условиях России, если принять во внимание число, характер и разнообразие преступлений и качества человеческого материала, вовлеченного в систему правосудия, по крайней мере, два государственных бюджета пришлось бы потратить на содержание и деятельность органов правосудия, разделить все преступно способное население на преступников и судей, заставив их периодически меняться местами, и все силы страны бросить на демократическое судопроизводство. Не случайно поэтому реформа системы судопроизводства встречает такие протесты со стороны здравомыслящих россиян. Правда, их осталось не так уж много.

Но одновременно есть признаки, ограничивающие эту аналогию и делающие нынешний «Кремль» похожим на «Вашингтон», т.е. на демократическую президентскую власть. Нет гарантии, что президент будет избран на новый срок. «Парламент» (Дума) не контролируется президентской партией. Такой партии вообще нет. Для усиления схожести с американским образцом такая партия нужна. И попытки создать ее предпринимаются.

Признаком западнизации российской власти считается многопартийность. Россия в этом отношении превзошла западные страны не в два-три раза, а в сотни раз! Такая сверхмногопартийность Западу даже не снилась. И теперь приходится думать о том, как загнать ее в приличные западные нормы — сократить число партий до нескольких. Принимаются соответствующие меры. В результате число организаций, признаваемых партиями, сократится. Еще более будет сокращено число партий, которые смогут преодолеть

установленный барьер на выборах в Думу.

Но этот процесс замены многопартийной распушенности на некую «подлинную» западную многопартийность еще не означает, будто российская власть превращается в западную демократию. Она становится похожей на последнюю, имитирует ее. Но для подлинности этого мало.

Требуется множество других факторов, каких в России пока еще нет, и какие вряд ли когда-либо появятся в полной мере. В частности, партии, преодолевшие выборный барьер и получающие право ввести своих представителей в Думу, не становятся правящими в западном смысле. Президент избирается не как представитель какой-то партии, а вообще независимо от партий. И правительство формируется президентом независимо от партий.

Этот процесс «нормализации» многопартийности имеет следствием результат, вообще превращающий многопартийность в явление показное, лишенное серьезного политического смысла, — в явление виртуальное, чисто имитационное. Все партии по условиям признания в качестве таковых (по условиям регистрации) становятся социально одинаковыми, законопослушными, жаждущими быть полезными «Кремлю» и иметь за это должное вознаграждение.

Президентская партия (партия власти) мыслится в России, пережившей семьдесят лет коммунистической власти, не как возможная правящая партия в западном смысле — для этого надо менять конституционный статус президента, — а как послушное орудие президентской власти, как средство полного подчинения Думы и как гарантия переизбрания президента на новый срок. Конечно, Дума и без этого, в конце концов, подчиняется воле президента. Но иногда она может взбрыкнуть, что вредит репутации президента. И с выборами всякое может случиться. Разочарование массы населения может накопиться. Одним словом, демократия демократией, а «Кремль» должен быть реальной высшей властью. А это пахнет советским «Кремлем», сталинизмом, диктатурой. Плюс к тому, для фактического (а не показного, как сейчас говорят, виртуального) управления страной в российских условиях нужна действительно сильная власть, подобная советскому «Кремлю», а это невозможно без партии, подобной по реальной силе КПСС.

Надо различать два аспекта в положении «Кремля»: 1) стремление и способность «Кремля» занять доминирующее положение в рамках самой системы власти, внести свой вклад в ее организацию, по идее управлять ею; 2) способность системы власти как целого управлять страной, способность «Кремля» управлять страной, способность его использовать прочие части системы власти для управления страной. Появившись на свет как элемент западнизации российской власти, как явление западной демократии, в условиях России, «Кремль» оказался в положении, в котором он вынужден уподобляться советскому «Кремлю», к тому же в сталинском варианте, когда еще не сложился всесильный «партийный» аппарат. Но только уподобляться, не более того.

«Кремль» стремится стать доминирующим компонентом в самой сфере власти. Партии, так или иначе, стараются приспособиться к нему, а то и вообще готовы прислуживать ему, рассчитывая за это на соучастие в органах власти и поддержку с его стороны. Дума фактически превращается в орган, формально узаконивающий решения «Кремля». Но с точки зрения управления страной, постсоветская система власти в целом располагает ничтожными возможностями для решения проблем, касающихся состояния страны в целом и ее положения в мире. Ее функции на этот счет крайне минимизированы, а зачастую вообще сводятся к банальным призывам бороться с явными недостатками, причем без выяснения социальных причин возникновения этих недостатков. Зато способности изображать бурную руководящую деятельность (имитировать сильную власть) у этой власти оказались огромными, так что она оказалась властью по преимуществу виртуальной.

Поговаривают об изменении статуса президента — чтобы он избирался как глава партии, становящейся в случае победы на выборах правящей партией (как в США). Но весьма сомнительно, что такое случится. Скорее всего, закрепится существующий способ воспроизводства и сохранения власти «Кремля». В чем он заключается? Ельцин искал и намечал себе преемника, причем такого, который продолжил бы его начинания и гарантировал бы положение его «седохи». Путин стал исполняющим обязанности президента еще до истечения срока президентства Ельцина — обстоятельства сложились так, что ради самосохранения сложившейся власти Ельцин был вынужден уступить свое место намеченному преемнику. Официальные выборы Путина президентом стали чистой формальностью. Их исход был предрешен заранее. Этот прецедент говорит о том, что сложились механизм и технология отбора кандидата в президенты и его избрания, независимые от конституционной процедуры и случайностей демократии. Этот механизм, надо полагать, будет иметь силу и в дальнейшем.

Если не случится ничего из ряда вон выходящего, Путин почти наверняка останется президентом. Появление политической фигуры, способной конкурировать с ним на выборах, — по условиям во власти, в стране и в мире, — маловероятно. Политическая стратегия Путина характеризуется такими принципами: 1) делать хоть что-то для улучшения жизни в стране в условиях сложившейся социальной организации (т.е. постсоветизма, ельцинизма); 2) интегрироваться в западное сверхобщество, возглавляемое США, на любых устраивающих Запад (США) и мало-мальски терпимых для России условиях. Такая стратегия максимально выгодна для «Кремля». По всей вероятности, она утвердится надолго. Так что президент не может быть фактически смещен, пока, по тем или иным причинам, не изживет себя. Это делает его положение сходным с положением Генерального секретаря ЦК КПСС, а положение постсоветского «Кремля» — с советским. Но, повторяю, не более того. Для полной аналогии не хватает «пустыка»: советской социальной организации в целом.

Москва, 2001

Чрезвычайные ситуации и власть

Чрезвычайные ситуации (буду для краткости обозначать их буквами «ЧС») это такие ситуации, которые возникают в каких-то частях страны и в стране в целом и ведут к тяжелым последствиям для людей вплоть до гибели частей объединения и даже всего объединения. Сейчас в России эти ЧС стали настолько частыми и серьезными, что пришлось создать особое федеральное министерство по борьбе с ними, а лицам, ответственным за их преодоление, пришлось предоставлять особые полномочия, выходящие за рамки принципов демократии. Если этого не делать, то массы людей, попавших в ЧС, в состоянии отчаяния будут явочным порядком принимать меры спасения. Нет надобности говорить о том, чем это угрожает человеческому объединению.

Сейчас уже забыли о том, что советский (коммунистический) социальный строй сложился в значительной мере как средство преодоления огромного числа ЧС во всех сферах и регионах страны, а также гигантских ЧС, охватывавших всю страну. Ленинское и особенно сталинское руководство действовало не по каким-то высосанным из пальца марксистским инструкциям, — никаких таких инструкций в марксизме вообще не было, а если и было что-то похожее на них, с этим фактически не считались или действовали наоборот. Оно действовало в силу вынужденности условиями ЧС, в силу жизненной необходимости. И многомиллионные массы населения понимали это и оказывали поддержку ле-нинско-сталинскому руководству. Русский реальный коммунизм возник как добровольное движение масс в условиях постоянных жизненно опасных ЧС. Насилие играло роль, но лишь как средство организации

добровольности. Добровольность сама по себе не заключает в себе способность к самоорганизации.

После второй мировой войны в Советском Союзе резко ослабла угроза крупных ЧС и потребность в их преодолении. Я в свое время отметил как одну из важнейших причин ослабления готовности масс населения к преодолению ЧС тот факт, что была «пропущена» одна мировая «горячая» война. Следствием этого явилось ослабление коммунистической социальной организации в Советском Союзе как организации, созданной для борьбы с ЧС и их последствиями. Тут произошло нечто подобное тому, что происходит со спортсменом, переставшим тренироваться и утратившим перспективу использовать результаты тренировок. Русский коммунизм утратил качества профессионального борца с ЧС, расслабился и стал разлагаться внутренне. И, как оказалось, было достаточно сравнительно небольших усилий со стороны Запада, чтобы нанести ему смертельный удар.

Вследствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы Россия вступила в эпоху перманентных ЧС. Парадокс истории тут состоит в том, что социальная организация, наилучшим образом приспособленная для преодоления ЧС, разрушена. И именно это послужило основным фактором начала эпохи перманентных ЧС. Но сами по себе ЧС не ведут к коммунистической революции и к установлению коммунистической социальной организации. Они способствуют лишь тенденции к этому как одной из тенденций эволюции, но не единственной и в сложившихся условиях весьма слабой. Та социальная организация, которая пришла на место коммунистической, вынуждена иметь дело с ЧС, но не рассчитана на их преодоление. Она действует, но спорадически и не лучшим образом, поскольку сама слаба и располагает мизерными ресурсами. Она скорее имитирует деятельность, создавая видимость успешности, и этого достаточно для ее самоутверждения.

Особенность нынешней ситуации в России состоит в том, что деятельность по преодолению ЧС почти полностью становится обязанностью центральной власти — «Кремля». При этом «Кремль» не располагает такими ресурсами и такими средствами мобилизации населения страны, какими располагал советский «Кремль». Сегодняшнему российскому «Кремлю» приходится фактически вести перманентную борьбу с другими компонентами социальной организации постсоветской России, и, прежде всего, с экономической и правовой сферами. И чем чаще будут возникать ЧС (а это неизбежно) и чем серьезнее они будут (и это тоже неизбежно), тем отчетливее будет проявляться внутренняя конфликтность самой новой социальной организации России и тем больше «Кремль» будет вынуждаться действовать советскообразно, по-коммунистически. Различные органы, комиссии, учреждения и отдельные личности будут во все возрастающей степени получать повышенные (сверхдемократические) полномочия действовать так, что это будет давать повод определенным силам в стране усматривать в этом тенденцию к реставрации советизма (коммунизма). «Кремль», со своей стороны, будет стремиться демонстрировать свой антикоммунизм, свою верность «демократическому» курсу, выработанному в ельцинские годы. Последствия такого состояния постсоветской социальной организации, я думаю, уже очевидны: низкая эффективность в преодолении ЧС и высокая эффективность в их порождении.

ЧС стали привычными буднями постсоветской России, но социологи что-то не торопятся заняться серьезным научным изучением этого феномена. Отсутствует самая элементарная классификация ЧС. В частности, проблема борьбы с организованной преступностью и терроризмом фактически стала проблемой ЧС. А между тем тут в одну кучу сваливаются самые разнородные явления. Все отчетливее стали проявляться ЧС, охватывающие не отдельные части страны и частные подразделения жизни людей, а всю страну в целом, — ЧС социальные. К их числу относятся проблемы территориальной целостности и обороноспособности страны, состояния экономики, организованной преступности, алкоголизма, наркомании, вымирания русского населения, детской беспризорности, деградации образования и науки, идейного и культурного падения и беспредела и т.д. Это

общеизвестно. Но все явления такого рода не рассматриваются как ЧС. Они суть следствия антикоммунистического переворота и деятельности новой, постсоветской социальной организации. Реформаторы делают вид, что это — не продукты реформ. Сваливают вину на советские годы («наследие коммунизма»), на некие трудности «переходного периода», на некие «мировые процессы» и т.п. Предпринимаются какие-то меры в отношении этих явлений, умалчивать о которых стало невозможно. Власти декларируют намерения, навести должный порядок и обеспечить перелом и подъем. Но способна ли власть в рамках постсоветской социальной организации преодолеть такие ЧС социального масштаба, сохранив при этом единство, целостность и суверенитет страны? Вряд ли. Она может имитировать совет-скообразное поведение, сделать хорошую мину при плохой игре, найти словесное оправдание своим действиям и представить любой ход событий как свой успех. Но не более того. Реальное преодоление таких ЧС невозможно без радикальных перемен в самой социальной организации страны. Тут мало решений и распоряжений высшей власти. Тут нужен практически действенный механизм исполнения этих решений и распоряжений, способный использовать все ресурсы страны и мобилизовать их на достижение единой цели. Существующая социальная организация России априори исключает такой механизм. Не для этого она искусственно создавалась теми, кто организовал антикоммунистическую контрреволюцию в стране и пришел благодаря ней к власти.

В западном мире точно так же имеют место ЧС, растет их число и возрастает степень их серьезности и масштабности. Но тут есть существенное отличие от России. Запад интегрируется и структурируется в направлении сверхобщества, что было направлением эволюции России в советские годы. Теперь Россия отеклась от этого пути, разгромив свое сверхобщество, пусть коммунистическое, но сверхобщество, т.е. объединение более высокого уровня социальной организации, чем были громившие его в годы «холодной » войны западные страны. Теперь Россия опустилась на более низкий уровень социальной организации. От коммунизма осталась лишь тенденция к советизации, обусловленная универсальными законами коммунальности и подогреваемая постоянными ЧС. В России доминирует тенденция к атомизации и дезинтеграции. Запад сравнительно с Россией огромен и чудовищно богат. В его социальной организации достаточно средств для решения проблем коммунального аспекта, включая преодоление ЧС социального характера и масштаба. Западнизм содержит в себе в «растворенном» виде основные качества реального коммунизма. Они нисколько не угрожают ему. Эволюция западного мира пошла в таком направлении, что проблема преобразования социальной организации там вообще потеряла практический смысл. Запад строит свой коммунизм, но не для всех, а для избранных и без идеологических пут и предрассудков. Россия просто не в силах тягаться с Западом в этом отношении. Ей остается лишь имитация западных образцов при отсутствии реальных сил для преодоления все нарастающих ЧС. В какой мере она способна допустить усиление единственно доступного для нее средства на этот счет — коммунистической тенденции, это зависит от конкретных обстоятельств, которые трудно предсказать и спланировать.

Москва, 2002

Перманентный реформизм

В конце 20 века в нашей стране начался социальный перелом. Он начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева. Основные его события произошли в годы ельцинского правления. Но он еще не завершился полностью, т.е. в такой мере, чтобы его можно было считать явлением прошлой истории. Он продолжается. Он является сложным, многоплановым и многоступенчатым историческим процессом. Данная статья посвящена одному из важнейших его компонентов — социальным реформам. Чтобы разобраться в том,

что собой представляет этот аспект переживаемой нами российской истории, необходимо точно установить сущность перелома в целом.

Сущность социального перелома заключается в том, что был разрушен советский (коммунистический) социальный строй (социальная организация) в нашей стране. Именно разрушен, а не изжил себя, не рухнул в силу внутренних причин, в силу своей исторической несостоятельности, как утверждает западная и российская прозападная идеология и пропаганда. Он был еще очень молодым, с исторической точки зрения, едва достигшим степени зрелости. Он блестяще доказал свою жизнеспособность и эффективность. Благодаря ему наша страна одержала великую победу над гитлеровской Германией, руками которой западный мир хотел разгромить коммунистический Советский Союз. Он стал заразительным примером для многочисленных народов мира. Благодаря ему наша страна стала второй сверхдержавой планеты. Он стал реальной силой, способной составить конкуренцию социальному строю западных стран (западнизму) в борьбе за мировую гегемонию. В страхе перед ним Запад сразу же по окончании второй мировой войны начал беспримерную в истории войну против нашей страны, получившую название «холодной». Почти полвека длилась эта война, имевшая со стороны Запада целью разрушение советского коммунизма и самого Советского Союза как его носителя. Социальный перелом, о котором здесь идет речь, явился результатом и завершением «холодной» войны. Советский коммунизм был искусственно и насильственно разрушен вследствие капитуляции Советского Союза в «холодной» войне перед силами Запада.

Я употребляю слово «перелом», а не «революция», потому что это процесс более сложный, чем те явления, которые принято называть революциями. Он включает в себя как часть политический переворот, который в известном смысле можно отнести к категории революционных, но не сводится к нему. В горбачевские годы был подготовлен этот политический переворот. Последний начался 19-21 августа 1991 года. Он был возглавлен Ельциным. Завершился он 3–4 октября 1993 года расстрелом Верховного Совета РФ по приказу Ельцина. В эти годы наметилась эпоха социального реформаторства, которое во всю мощь развернулось в последующие годы ельцинского правления и с неослабевающей силой продолжается до сих пор, так что ему не видно конца и края. С началом 2000 года начался новый период российской истории — период законодательного оформления и закрепления результатов горбачевско-ельцинского периода, период конкретизации и детализации социальных реформ и продолжения реформаторства на уровне интенсивного законодательства и воплощения его в реальность, можно сказать, период реформаторского законодательства или законодательского реформаторства. Начался он с приходом к высшей власти Путина. И похоже на то, что он войдет в историю под его именем.

Таким образом, в социальном переломе, о котором здесь идет речь, следует различать следующие компоненты: 1) политический переворот; 2) совокупность социальных реформ; 3) конкретизация, детализация и законодательное закрепление реформ.

Одной из фундаментальных установок западной стратегии «холодной» войны с самого ее начала была установка на ослабление (а впоследствии на полное уничтожение) «железного занавеса» — отнюдь не с целью облегчения участи советских людей, а с целью своего проникновения в советское пространство и усиления своего воздействия на советское население и в первую очередь на советские правящие и идеологические круги. И одним из средств такого воздействия стала идеология (напоминаю, что «холодная» война была, прежде всего, войной идеологической) необходимости реформирования советского общества. Эта установка Запада нашла благоприятную почву в Советском Союзе: в нем действительно назрела потребность в переменах в силу внутренней эволюции. Представители довоенного поколения, еще уцелевшие и сохранившие какую-то память, должны вспомнить, что основным лейтмотивом идеологической жизни страны стала идея: «Дальше так жить нельзя, надо что-то менять!»

Но что именно менять и как? В стране на самом деле начался процесс реформирования, основу которого образовала десталинизация. Он начался до Хрущева. Хрущев лишь использовал его в своих интересах и придал ему тот вид, с каким он и вошел в историю. Десталинизация страны произошла под сильным влиянием Запада, именно так, как хотелось западным стратегам «холодной» войны. Сталинизм был дискредитирован. Его отождествили с советским (коммунистическим) строем вообще. Под видом борьбы со сталинизмом, причем идеологически сфальсифицированным, пошла затем вся «холодная» война. Хотя Хрущева, которого можно считать предтечей Горбачева, одернули и убрали, тем не менее, мания реформизма осталась, а придание коммунизму образа извращенного сталинизма не преодолено до сих пор.

Советское общество осталось непонятым на научном уровне, как впоследствии признал Андропов, на короткое время ставший во главе страны. Попытки социальных реформ предпринимались фактически вслепую, на авось и под влиянием идущих с Запада идей. Десталинизация в сфере идеологии фактически открыла дорогу для западной идеологии в Советский Союз. Остановить «тлетворное влияние Запада» (как тогда говорили) не могли никакие меры мощного идеологического механизма, ибо они сводились к усиленному навязыванию марксизма-ленинизма, становившегося все более неадекватным переменам на планете, и всяческому препятствованию попыткам научного понимания реальности. Идеологический кризис стал началом и основой тенденции к первому в истории специфически коммунистическому кризису, который разразился вследствие горбачевских реформ и точно так же остался непонятым научно.

Ко времени появления Горбачева на высотах советской власти в западной стратегии «холодной» войны был выработан более или менее ясный план победоносного завершения войны путем завоевания «Кремля» под свое влияние и манипулирования его деятельностью по разрушению советской (коммунистической) социальной организации. Само возведение Горбачева на вершину власти произошло в значительной мере как диверсионная операция. И вся реформаторская деятельность его проходила именно так, как этого хотелось западным манипуляторам.

Ко времени его прихода на вершину власти Советский Союз был на грани кризиса. В этой ситуации были недопустимы никакие реформы вообще. Нужно было сначала преодолеть кризис, что было возможно советскими (коммунистическими), и только советскими, средствами, и уж потом приступить к реформам, обдуманым на научном уровне. Горбачев, наоборот, ринулся в реформаторство, которое стало толчком к кризису. Сама его перестройка и явилась реальностью кризиса, на что и рассчитывали западные манипуляторы. А с точки зрения содержания, горбачевская деятельность вышла за рамки реформ, якобы имевших целью улучшение существовавшего социального строя (построение «социализма с человеческим лицом»). Результатом ее явилось ослабление советской системы власти, выразившееся в лишении партийного аппарата статуса высшей, сверхгосударственной власти, и перенос высшей власти в советы, в попытке создания президентской власти, независимой от партийного аппарата и от КПСС вообще, в разрыхлении всей системы власти и управления и т.д. Объективно это сыграло роль подготовки политического переворота.

Как бы успешно ни действовал Горбачев по разрушению советской социальной организации в интересах Запада, в начале девяностых годов прошлого века западным стратегам «холодной» войны стало ясно, что разрушить советский коммунизм на пути реформ невозможно. В стране назрел протест против горбачевизма. Все усилия Запада оказались под угрозой срыва. Тогда был спровоцирован августовский «путч» 1991 года, позволивший начать осуществление политического переворота. Только силами явно антикоммунистической власти было возможно продолжить серию мероприятий по разрушению советской социальной организации. Переворот оказался удачным.

Политический переворот не есть реформа. Это очевидно, когда переворот происходит

настолько быстро, что внутри его просто не помещаются действия властей, похожие на реформы. Но в рассматриваемом случае переворот растянулся более чем на два года — с 19 августа 1991 года по 4 октября 1993 года. И в его структуру вошли действия власти, в отношении которых употреблялось слово «реформа». Не буду оспаривать правомерность такого словоупотребления. Важно тут то, что власть предпринимала действия по разрушению одной социальной организации и действия по созданию другой. В реальности эти акции переплетались, сливались воедино. При этом сохранялся человеческий материал и условия жизни людей. Многие воспринималось именно как преобразование чего-то одного, воспринималось как реформа в привычном смысле слова. Но происходило нечто другое с социологической точки зрения.

Возглавленный Ельциным политический антикоммунистический переворот проходил под лозунгами продолжения реформ, причем решительнее и основательнее, чем это делалось горбачевской властью, еще сохранявшей хотя бы видимость советской. То, что называли реформами, было на самом деле беспрецедентной в истории человечества всесторонней ломкой вполне здоровой, эффективной и еще очень молодой с исторической точки зрения социальной организации и создание на скорую руку новой социальной организации по западным образцам, которые воспринимались в том виде, в каком их навязывала западная идеология и пропаганда, из обломков советской системы и реанимированных призраков дореволюционного прошлого.

Представьте себе: вы разрушаете один дом и вместо него строите новый. Ни то, ни другое не есть реформа, т.е. преобразование одного и того же дома. В языке вы эту ситуацию можете назвать реформой жилья, скрыв, тем самым, суть дела. Нечто подобное происходит и в рассматриваемой ситуации. Только тут возможности для словесного искажения реальности гораздо богаче. Идеологически нейтральным словом «реформа» тут маскируют социальное явление гораздо более серьезное, чем просто преобразование чего-то постоянно существующего.

На основе политического антикоммунистического переворота в ельцинские годы в реформаторской деятельности власти произошло раздвоение на разрушительный и созидательный аспекты. Задачей реформ стало разрушение коммунистической социальной организации и создание вместо нее новой, посткоммунистической социальной организации. Слово «реформы» тут сохранило смысл лишь постольку, поскольку новая власть имела дело с той же материальной культурой и тем же человеческим материалом в тех же геополитических условиях, какие достались ей в наследство от советской эпохи. Помимо этого раздвоения произошло еще другое в аспекте принятия решения и его конкретного исполнения.

В процессе реформирования человеческого объединения достаточно большого размера и высокой степени сложности, каким является Россия, надо различать социально-политический и правовой (юридический) аспекты. Они, конечно, связаны, но не суть одно и то же. В первом аспекте вызревает намерение осуществить ту или иную реформу и принимается решение на высшем уровне власти. Во втором аспекте это решение оформляется и закрепляется юридически. Соответствующие законы детализируются, уточняются, принимают форму серии законов. Тут создаются соответствующие учреждения, назначаются или выбираются исполнители решений. В дело вовлекаются органы власти, вплоть до органов наказания.

Не всякие решения властей суть реформы. Не всякие реформы связаны с громоздким правовым аспектом. Многие реформы локального масштаба и частного значения осуществляются, можно сказать, явочным порядком и без шумихи. Возможны случаи, когда это имеет место и в отношении реформ большого масштаба и значения, как это часто происходило в советский период, например. Возможны также случаи, когда поднимается большая юридическая суэта по поводу мизерных по социальной сути реформ, как это, к примеру, можно наблюдать в наше время.

В условиях социального перелома в России можно наблюдать значительное расхождение между упомянутыми аспектами. В каждом из них наблюдается бурная деятельность, можно сказать, эпидемия прожектерства и эпидемия законодательства. Они совместно добивают советский коммунизм и строят новую, постсоветскую социальную организацию.

Горбачевские реформы подготовили антикоммунистический переворот, осуществленный под водительством Ельцина. Результатом ельцинских реформ явилось стремительное разрушение коммунистической социальной организации, создававшейся почти три четверти века. С приходом к высшей власти Путина начался новый период реформаторства. Ожидавшийся массой россиян, ставших жертвами двух первых периодов, радикальный перелом в их пользу не произошел. Теперь уже можно определенно констатировать, что путинский период реформ является продолжением и укреплением ельцинских. Вместе с тем, этот период вносит нечто новое в российское реформаторство. Что именно?

Установилось достаточно четкое отношение между законодательной и исполнительной властью в плане реформаторства. Оно оказалось практически противоположным тому, какое должно было бы по идее иметь место в западной демократии, которую Россия вроде бы имитирует. Функцию социально-политического аспекта реформ захватила исполнительная власть в лице президента, а технико-юридическое оформление решений президента отдано законодательной власти — Государственной думе. И до тех пор, пока сохраняется существующая (сложившаяся в основных чертах в ельцинские годы) социальная организация, законодательная (по идее) власть будет оставаться подсобным учреждением фактически реформаторского «Кремля», т.е. исполнительной (по идее) власти. И с этой точки зрения, постсоветская социальная организация ближе к советскому «Кремлю», чем к западной демократии.

Ничего удивительного я в этом не вижу. Дело в том, что постсоветская система власти есть не просто имитация западной, она есть гибрид западной и советской. И в силу объективных социальных законов (а не в силу недомыслия и злого умысла) она имеет тенденцию к сверхгосударственности. «Кремль» по своему положению во власти и по конституционным прерогативам является выразителем этой тенденции. Он такую возможность имеет. Более того, в силу сложившихся условий, он на это вынуждается. Россия сейчас переживает становление новой социальной организации в таких исторических условиях, что добить коммунизм и построить вместо него нечто западообразное можно только методами власти советскообразной. Напомню читателю: в горбачевские годы в кругах работников партийного аппарата шутили, что они громили КПСС под руководством... КПСС. В этой шутке была большая доля истины.

Усиление реформаторской роли «Кремля» очевидно. Многие делается как распоряжения президентской власти, минуя участие власти законодательной. Система власти в целом обнаруживает тенденцию не просто к советизму, но к советизму вождистского типа. Но пока только тенденцию. Для ее легитимации не хватает новой государственной идеологии, материальных средств, послушной президентской партии, подъема материального уровня широких слоев населения, контроля над экономикой и СМИ, приручения оппозиции и многого другого. На все это нужны многие годы реформ.

Возникает резонный вопрос: наступит ли, в конце концов, время, когда реформы закончатся, и россияне смогут насладиться жизнью в стране, целиком и полностью реформированной? Разумеется, все, что в истории начинается, рано или поздно кончается. Но когда и как? Если Россия не исчезнет вообще, то окончание эпохи ее реформирования в обозримом будущем не предвидится. Вряд ли ныне живущим россиянам удастся узреть такую волнующую сцену: на трибуну под гром аплодисментов поднимается президент и объявляет о том, что переходная эпоха реформ закончилась и им предстоит жить в развитом (для начала развитом, а потом в полном) западнизме. Основания для такого пессимистического утверждения имеются. Назову основные из них.

Задача политического переворота в горбачевско-ельцинские годы свелась к захвату высшей власти в стране сравнительно небольшой группой лиц, ориентированных на разрушение коммунистической социальной организации и создание новой, которую они воображали как западнистскую.

Но построить такую социальную организацию практически — на это нужно историческое время. Такое распоряжением высшей власти не сделаешь. Для этого нужна мобилизация усилий целого поколения. Нужна смена поколений, чтобы люди забыли о поломанном коммунизме, лишились бы материала для сравнений и стали представлять себе советское время в том виде, какой желателен для реформаторов. Задача социальных реформ и состоит в том, чтобы мобилизовать миллионы людей на постоянную жизнедеятельность в этом духе на многие годы. Но эти годы реформы должны стать образом жизни активной части населения страны и под их воздействием — всех прочих граждан. Напомню, что после политического переворота 1917 года аналогичный период растянулся более чем на двадцать лет.

Второе основание для моего утверждения — характер постсоветской социальной организации, создаваемой на месте разрушенного коммунизма. Это социальный гибрид, сочетающий в себе черты разнородных социальных систем — разрушаемого коммунизма, искусственно насаждаемого западнизма и также искусственно реанимируемого национально русского фундаментализма. Это явление в истории человечества новое. Наивно рассчитывать на то, что сразу будут найдены реформы, решающие новые проблемы. Неизбежен длительный период проб и ошибок, отбора и накопления удачных решений. И главный реформатор — «Кремль» — должен набраться исторического (а не одномоментного) терпения и выдержки, выработать социальную стратегию и следовать ей, во что бы то ни стало. На такое был способен сталинский «Кремль». Но способен ли на это постсоветский?

И третье основание — несоответствие замыслов реформаторов и их реализации. Одно дело реформы в мыслях реформаторов, и другое дело — состояние страны, насильственно реформируемой. В сложившихся условиях в России и в мире неизбежно расхождение между реальной деградацией страны, с одной стороны, и показным подъемом, с другой. Реформы не могут иметь всеобъемлющий успех, способный заглушить деградацию. Они могут иметь лишь частичный успех, подкармливающий видимость общего подъема. Необходимы все новые и новые усилия для поддержания курса на реформы. Тут требуются не столько конкретные и ясные мероприятия в духе уже принятых реформ, сколько сохранение самого курса эволюции страны в русле реформ вообще, — некое состояние перманентной реформации. При этом складывается своего рода идеология, подобная идеологии построения «полного коммунизма». Мол, потерпите еще немного (сколько? лет пятьдесят, сто, двести?), окончится «переходный период», т.е. период реформ, и вы заживете в прекрасном западнистском (плюс дремуче-русском) «светлом будущем». И зримые черты последнего вы можете воочию наблюдать в показных успехах реформ. Как тут не вспомнить Хрущева, который, побывав в США несколько дней и увидев там кукурузу, пообещал, что «нынешнее» поколение будет жить при полном коммунизме.

Деятельность всякого реформатора ограничена не только его личными качествами, включая способность объективного понимания реформируемой реальности, но в гораздо большей мере самой этой реальностью, включая характер ее социальной организации. Последняя в России, как я уже отметил, есть гибрид разнородных компонентов. А в силу объективных законов социальной гибридизации, не подвластных воле реформаторов, такой гибрид может быть лишь имитацией советизма, американизма и национально русского феодализма. Имитацией не только в смысле подражания, заимствования и подделки, но и в смысле, пример которому дал один из персонажей Ильфа и Петрова — слесарь-самоучка: он из остатков разбитого мотоцикла сделал стационарный двигатель, который был очень похож на настоящий, только не работал.

Экономический переворот

Переход от коммунистической социальной организации в России к нынешней (постсоветской) произошел не по марксистской схеме. До переворота в России не было никаких предпосылок для него в экономике. Сначала произошел политический переворот. Затем захватившие власть реформаторы начали осуществлять преобразование экономики.

Экономикой называют то, что в человеческом объединении специально создается искусственно и делается регулярно для того, чтобы добывать, производить и распределять материальные средства существования. Буду в этом случае употреблять слово «хозяйство» или выражение «хозяйственная экономика». Экономикой называют также всякие инвестиции денег с целью приобретения прибыли, т. е. использование денег как капитала. Эти инвестиции охватывают не только сферу хозяйства, но и культуру, спорт, медицину, науку и т.д. Буду в таком случае употреблять выражение «денежная экономика» или слово «бизнес» — различие этих словоупотреблений существенно. Например, возможна такая ситуация в стране, что происходит прирост денежной экономики (порою значительный) в то время, как происходит упадок экономики хозяйственной. Возможно также такое, что хозяйственная экономика прогрессирует, а денежная находится в состоянии упадка.

Экономика достаточно развитых стран содержит в себе как хозяйство, так и бизнес. Но при этом может доминировать какой-то один аспект. Классическим образцом доминирования хозяйства может служить коммунистическая экономика, имевшая место в Советском Союзе. Классическим образцом доминирования бизнеса является западнистская экономика, имеющая место в западных странах. Первая использовала и денежный механизм, а вторая охватывает и сферу хозяйства. Но между ними имеют место качественные различия.

Реальная экономика есть совокупность особого рода деловых клеточек (предприятий, учреждений, организаций и т.п.) — экономических клеточек. К экономическим клеточкам относятся такие хозяйственные клеточки, которые узаконены государством, — узаконено юридическое лицо, ответственное перед государством за деятельность клеточки, узаконена «профессия» клеточки и ее расположение, установлено налоговое отношение с государством. К экономическим клеточкам относятся также денежные клеточки, для которых также имеет силу только что сформулированное отношение с государством. Денежные клеточки имеют зоной своей деятельности как хозяйственные, так и внехозяйственные клеточки (в сферах науки, культуры, спорта и т.д.). Это не означает, будто эти внехозяйственные клеточки превращаются в часть экономики. Они оказываются подверженными действию экономических законов, но остаются клеточками неэкономическими. Экономическими являются при этом лишь сами клеточки денежного механизма.

В зависимости от способа образования и характера юридических субъектов клеточки разделяются на две категории. К первой категории относятся такие клеточки, которые создаются решениями властей. Власти определяют их деловые функции и отношения с другими клеточками. Сотрудники их нанимаются на работу по профессии. Они не являются собственниками ресурсов, которыми распоряжаются, и собственниками результатов своей деятельности. Юридические лица этих клеточек назначаются органами власти и управления. Они суть государственные чиновники. Буду называть такие клеточки юридически государственными или общественными. Ко второй категории относятся клеточки, которые создаются по инициативе частных лиц и организаций, а не распоряжениями властей. Но и тут

полного произвола нет. Эти клеточки должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты, т.е. лица или организации, распоряжающиеся деятельностью клеточек и несущие за это ответственность перед государством и законом. Юридические субъекты свободны, определять характер дела клеточек, их внутреннюю организацию и отношения с окружающей средой. Они являются собственниками средств, на которые создаются клеточки, и продуктов их деятельности. Или они получают право быть юридически субъектами от таких собственников. Такие клеточки буду называть юридически частными, частнособственническими или частнопредпринимательскими.

Я считаю необходимым зафиксировать также в социологических понятиях различие экономических клеточек в другом аспекте, а именно в аспекте окупаемости или рентабельности. В этом аспекте клеточки разделяются на такие две категории. К первой категории относятся клеточки, которые являются рентабельными (по существующим нормам), самокупаются, т.е. реализация продуктов их деятельности приносит средств достаточно для возмещения всех затрат, выплаты зарплаты сотрудникам, выплаты налогов, удовлетворения интересов собственников. Назову такие клеточки социально целостными и экономически автономными.

Ко второй категории относятся клеточки, для которых рентабельность (самоокупаемость) не исключается, но и не является необходимой. Для их возникновения и существования достаточно, чтобы удовлетворять требованиям некоторого более обширного социального объединения в качестве его части. Это объединение может быть объединением экономических клеточек. Но не только. В него могут входить и неэкономические клеточки. Оно вообще может быть в целом неэкономическим. Назову такие клеточки социально частичными и экономически зависимыми.

Экономические клеточки различаются также по своей структуре, заключенной между двумя крайностями: одна крайность — в них нет ничего такого, что не относится к делу, которым они заняты, другая крайность — они насыщены компонентами, не относящимися к делу (например, партийные, профсоюзные и комсомольские организации в советских экономических клеточках). Наконец, экономические клеточки различаются по объему социальных функций. Одни из них ограничиваются исключительно экономическими функциями, как это имеет место в западных клеточках, другие же выполняют функции воспитания сотрудников, контроля над их поведением, заботы о них и т.п., как это имело место в советских клеточках.

Экономика в целом характеризуется составом клеточек различного рода, их пропорциями и взаимоотношениями, их распределением по отраслям и по территории страны и т.д. Это — сложная структура, складывающаяся в зависимости от различных факторов, меняющаяся со временем, но вместе с тем воспроизводящаяся в основных чертах. Она характеризуется чертами, определяющими ее социальный тип. Этот тип является одной из определяющих характеристик социальной организации в целом. Как тип социальной организации в целом не превращается сам по себе в другой тип в силу каких-то социальных законов, — таких законов просто нет, — так и один тип экономики не превращается в другой. Возможно лишь такое: один тип экономики погибает, в частности — насильственно разрушается, и в человеческом объединении (в чело-вейнике) создается другой тип. Политики, идеологи и прочие граждане, несведущие в социальных законах, воспринимают такую ломку как преобразование (реформирование).

Советская экономика складывалась в течение многих десятков лет. Складывалась как совокупность государственных (общественных) клеточек, социально частичных и экономически зависимых, не рассчитанных на рентабельность, рассчитанных на удовлетворение материальных потребностей (хозяйственных), функционирующих в

соответствии с государственными планами, образующих единое хозяйственное целое, социально насыщенных неделовыми явлениями, выполняющих многочисленные социальные неделовые функции.

Экономические клеточки включались в систему других клеточек, т.е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и, в конечном счете, экономики в целом. Они, конечно, имели какую-то автономию в своей жизнедеятельности. Но в основном они были лимитированы задачами упомянутых объединений и экономики в целом. Над ними возвышалась разветвленная иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Эта структура была своего рода нервной системой экономики. Она была организована по принципам начальствования-подчинения. На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом.

Коммунистическая экономика как организуемая и управляемая сверху имела целевую установку как единое целое. Она заключается в следующем. Во-первых, обеспечить страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость, идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечить граждан общества средствами существования. В-третьих, обеспечить всех трудоспособных работой как основным и для большинства единственным источником средств существования. В-четвертых, вовлечь все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных деловых коллективах.

Из рассмотренного характера и положения экономики с необходимостью следуют такие важнейшие признаки коммунистического хозяйства. Во-первых, преобладание социально-политических соображений при решении экономических проблем. Это касается распределения бюджета, установления цен на массовые продукты, шкалы заработной платы, состава продукции, районирования предприятий и т.д. Во-вторых, ориентация на удовлетворение самых фундаментальных нужд населения и решение важнейших для выживания страны проблем. Пре-пятствование производству продуктов сверх необходимого и разрастанию паразитарных явлений. Тенденция к дефициту средств потребления. И, в-третьих, необходимость централизованного управления и планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является высоко эффективной, а коммунистического — неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут оказаться различными. Возможны, в частности, чисто экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. Главным здесь является не экономическая эффективность отдельно взятых предприятий, а интересы целого, причем не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и, тем самым, дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу.

И вот российские реформаторы, захватив политическую власть в стране, решили превратить российскую коммунистическую экономику в экономику западнотского типа. Они не понимали на научном уровне ни ту и ни другую. Они имели о них лишь идеологически примитивное и извращенное представление, навязанное им в годы «холодной» войны западными идеологами и российскими критиками советской экономики. Но российской экономикой они могли распоряжаться по своему произволу, ограниченному лишь наставлениями (фактически — приказами) западных наставников. А последние подсказывали им такие идеи, реализация

которых была в интересах Запада, победившего в «холодной» войне, а именно разрушение суверенности российской экономики и превращение России в придаток западной экономики. Совокупность этих идей и мер по их реализации характеризуется одним словом: приватизация.

Что такое приватизация? Это — превращение вещей (материальных предметов), прав заниматься какой-то деятельностью и доходов от нее, бывших собственностью и правами государства, в собственность и права частных лиц. Приватизация не есть возникновение частной собственности и частного предпринимательства, а именно превращение государственной (общественной) собственности и государственного (общественного) предпринимательства в частные. Если, например, в постсоветской России стали возникать новые предприятия, каких не было в советское время, это не приватизация. Приватизация — это если заводы, учебные заведения, больницы, квартиры и т.п., созданные в советские годы как государственные, превращаются в собственность частных лиц.

Есть приватизация и приватизация. Приватизация имеет место и в западных странах. Например, во Франции приватизировали некоторые автомобильные заводы, в Германии — почту, а в США — даже отдельные тюрьмы. Важно иметь в виду, что в западных странах подавляющее большинство предприятий являются частными. А те немногие, которые являются государственными, создавались и функционировали, так или иначе, по социальным (подчеркиваю: социальным!) законам экономики с доминированием частного предпринимательства. Приватизация государственных предприятий не меняет типа экономики и общей ситуации в ней. Как правило, ее даже не замечают рядовые граждане. Ее замечают те, кого она непосредственно касается. И то она не проходит безболезненно. Например, увольняется и остается без работы некоторое число людей, повышаются цены на некоторые товары и услуги.

Иначе обстояло дело с приватизацией в России после антикоммунистического переворота. Она коснулась экономики коммунистической, в которой почти все предприятия были государственными (общественными). О том, что сие значит, говорилось выше. Приватизировались предприятия и целые сферы хозяйства, совершенно не приспособленные к условиям частнособственнической и частнопредпринимательской экономики, — к условиям бизнесной экономики. Волевым решением власти стали создавать экономику частного бизнеса не путем инвестиций капиталов в создание новых предприятий — ничего подобного не было, — а путем захвата готовых коммунистических предприятий хозяйства страны частными лицами. Захвату придали экономическую видимость. На самом деле это была неэкономическая операция. Это был грабительский захват богатств страны, разгромленной в войне нового типа. Это было мародерство, воровство, использование положения, награда за предательство и т.д., но только не экономические мероприятия. Разговоры о некоем первоначальном накоплении капитала были вопиющим невежеством и жульническим прикрытием и оправданием военного грабежа.

В результате этой так называемой приватизации были уничтожены советские трудовые коллективы, бывшие основой социальной организации населения и ячейками его жизнедеятельности. Были уничтожены невыгодные с точки зрения бизнеса предприятия и предприятия, нежелательные с точки зрения интересов западных стран. Возникла безработица. Началось идейное и моральное разложение широких слоев населения. Началось состояние, названное словом «беспредел», т.е. социально-экономическая катастрофа страны.

Невозможно поверить, будто российские реформаторы искренне верили в то, что эта приватизация приведет к подъему российской экономики на уровень западных стран. Их западные советники (вернее, хозяева) знали, что приватизация советской экономики неизбежно приведет к краху, чего и хотели на Западе. Приватизация была осуществлена как грандиозная диверсионная операция Запада. Осуществлена руками российских

реформаторов, сыгравших роль «пятой колонны» Запада в России. Впечатление такое, будто армия завоевателей захватила страну и преобразовала ее применительно к своим интересам. Население России разделилось на грабителей и ограбленных. Грабители — внутренние завоеватели, поддерживаемые и руководимые внешними.

Новая постсоветская экономика стала создаваться в России не путем превращения коммунистической экономики в западнистскую, что было исключено в принципе, а путем преднамеренного разрушения первой и создания из ее материала некоего подобия второй. О каком-то превращении здесь говорить в такой же мере правомерно, в какой построение нового дома на месте и из материала разрушенного дома есть превращение одного и того же дома из одного состояния в другое.

Постсоветская экономика еще находится в стадии формирования. Но основные черты ее видны уже сейчас. Это лишь подобие западнистской экономики. Она есть гибрид советизма и западнизма. Она лишь частично инвестиционная. Изнутри инвестировать некому. Государство нищее. Встав на путь приватизации, оно оказалось само ограбленным, а с другой стороны стало соучастником грабежа. Сохранив за собой часть собственности, оно само стало нуждаться в инвестициях. Оставшись частичным собственником крупных предприятий и отраслей, созданных в советских условиях, не рассчитанных на бизнес в западном духе, оно оказалось зависимым от мирового «рынка» (от Запада в первую очередь). Оно оказалось в положении частного предпринимателя.

Российская экономика утратила экономический суверенитет. На уровне крупных предприятий она превратилась в придаток западной экономики. На уровне средних и мелких предприятий доминирующими являются предприятия сферы обслуживания — мелкая торговля, рестораны, посреднические конторы, агентства, исследовательские центры, учебные заведения и т.п., одним словом — непроизводительные предприятия. На вершине экономической пирамиды хозяйничают «олигархи», сросшиеся с государственным аппаратом, — гибрид сверхгосударственной и сверхэкономической власти. С одной стороны, тут заметны черты сверхобщества советско-западнистского типа. А с другой — видны черты колониальной экономики. Не видно только обещанного реформаторами расцвета и подъема на уровень «цивилизованных» стран.

Москва, 2002

Идеология

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы в России была разгромлена советская социальная организация. При этом наиболее жестоко обошлись с советской идеологической сферой. На место обещанного реформаторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма в Россию устремились потоки западной идеологии, началась поощряемая властями реанимация православия, стали расцветать всякого рода секты и шарлатанские учения, была отброшена и дезорганизована немарксистская часть советской идеологии, включая философию, социальные учения, этику, эстетику. Наступило состояние, в отношении к которому слово «беспредел» уместно с не меньшими основаниями, чем в отношении к прочим аспектам социальной организации страны.

Утопающим в трясине идеологического беспредела россиянам с высот политической и идеологической «элиты» время от времени бросаются соломинки и даже порою целые охапки соломы, ухватившись за которые россияне вроде бы должны обрести идейную ориентацию в постсоветском идейном пространстве. Это делается по трем основным линиям, по каким вообще формируется постсоветская социальная организация России — по линиям

советизма, западнизма и национально русского фундаментализма.

Хотя советская идеология разрушена и всячески очерняется, от нее осталось достаточно значительное наследие. Оно сохраняется не только потому, что его невозможно истребить в течение короткого времени, но и потому, что преднамеренно сохраняется и даже подкармливается из самых различных соображений. Нет надобности, обосновывать это утверждение. Читатель сам может видеть это в телевидении, кино, театрах, газетах, на выставках, юбилеях и прочих общественных мероприятиях. Хозяева новой России всячески стремятся создать видимость, будто продолжается некий «нормальный» ход жизни, будто отброшены лишь некие ужасы коммунизма, а все ценное живет, как ни в чем не бывало.

Среди спасительных идеологических соломинок по линии советизма попадают, естественно, идеи реставрации советской социальной организации. Имеют ли эти идеи какие-то перспективы? Думаю, никаких.

За последние годы в России и в мире произошли такие перемены, что в России сейчас просто некому сражаться за идеалы коммунизма. Эти идеалы дискредитированы настолько, что даже крупнейшая коммунистическая партия (КПРФ) в значительной мере отреклась от них. И Запад не остановится перед применением новейшего оружия против России, если возникнет реальная угроза реставрации коммунизма. А в самой России нет людей, способных мобилизовать россиян на сопротивление западной агрессии, подобное тому, какое имело место в годы войны против гитлеровской Германии. Да и без вмешательства Запада нынешняя политическая власть России, какой бы она ни была беспомощной в прочих отношениях, достаточно сильна и решительна, чтобы самым жестоким образом подавить всякие попытки реставрации коммунизма. Подавить под видом благородной борьбы против терроризма и экстремизма. Давая клятву Конгрессу США не допустить возрождение «чудовища коммунизма», бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцин имел для этого веские основания.

По линии западнизации в российскую менталитетную сферу и в головы россиян неудержимым потоком вливаются помои западной идеологии. Но и по этой линии в идеологическую российскую трясику сыпется спасительная солома. Она сыпется как из «Кремля», так и из «гражданского общества», т.е. из политических партий, общественных движений, культурных организаций. В общем виде она выглядит примерно так. В одном популярном мультфильме есть персонаж — кот Леопольд, который обращается к мышам, делающим ему всяческие пакости, с призывом: «Ребята, давайте жить дружно!» Этому кота можно считать основателем данной линии постсоветской идеологии. Не Маркса и Ленина — с этими исчадиями коммунизма покончено, — а именно демократического кота Леопольда. Его первым последователем стал первый президент России Ельцин, который после учиненного под его водительством погрома Советской России обратился к россиянам с призывом жить в единстве и дружбе, как тому и учил кот Леопольд. У Ельцина, естественно, нашлись продолжатели его дела. Они обогатили это учение новыми идеями такого же высочайшего интеллектуального уровня: ребята, давайте жить в согласии, по справедливости и по закону!

При этом не предпринимается никаких попыток осуществить хотя бы мало-мальски объективный анализ той социальной организации, которая создается в России вместо разрушенной советской. Возможно ли вообще в рамках новой постсоветской социальной организации для миллионов людей жить в согласии, по справедливости, по закону? Могут ли жить в согласии миллиардеры, нажившие богатства за счет ограбления миллионов сограждан, и ограбленные и обнищавшие сограждане, владельцы роскошных особняков и обитатели трущоб, безработные, беспризорники, коррумпированные чиновники, преуспевающие политики, банды преступников, жиреющие попы, атеисты, проститутки, охранники, торгаши, выброшенные из армии офицеры и из науки ученые и т.д.? Можно ли уговорами заставить миллионы преступников, порождаемых самими условиями новой социальной организации, жить по закону?

Социальная сущность всей такой спасательной идеологической соломы тривиальна: заставить россиян примириться с теми последствиями, к каким привел антикоммунистический переворот, уйти от постановки и тем более от решения действительно жизненно важных социальных проблем, уговорить жертвы реформ быть послушными, не конфликтовать друг с другом и с властями, сделать вид, будто все случившееся было неизбежно и пошло на благо страны и народа, уйти от ответственности за исторические глупости и преступления, имитировать начало эпохи подъема и движения к процветанию.

Просматривая программы партий и выступления партийных лидеров, невольно задаешься вопросом: в каком веке мы живем — где-то в средние века еще до появления великих мыслителей 18 и 19 веков или в 21 веке, имея за плечами грандиозные научные открытия и не менее грандиозный опыт социальных преобразований 20 столетия? Куда все это испарилось? Неужели все это впустую? Неужели сочинители спасительной идеологической соломы никогда и ничему не учились? Неужели они уверены в том, что с интеллектом кота Леопольда сделают вклад в эволюционное творчество человечества?!

Пусть представители политической элиты, бросающие тонушим россиянам «соломинки» в виде слов «согласие», «закон», «справедливость» и т.п., ответят себе на вопросы: возможно согласие между грабителями и ограбленными или нет? законно приобретены баснословные богатства незначительной частью россиян или нет? справедливо ли сказочное благополучие меньшинства россиян и нищета большинства или нет? Если «да», то все такие «соломинки» суть сплошное лицемерие. И масса россиян не до такой же степени оболванена идеологически, чтобы принимать их за чистую монету и влачить жалкое существование, утешаясь этими пустышками. Если «нет» (а именно так отвечает себе большинство россиян), то у самих производителей спасательной «соломы» вряд ли надолго хватит терпения строить здание постсоветизма на такой зыбкой идейной основе.

Один из лидеров будущей партии власти высказал идею о необходимости единения россиян «перед лицом мирового терроризма», чем и будет заниматься создаваемая партия. Невольно напрашивается сравнение с разрушенной КПСС недавнего прошлого, аналогом которой будет создаваемая партия власти постсоветской России в той или иной мере в силу объективных социальных законов, независимо от того, знают об этих законах создатели партии или нет, и независимо от того, хотят они этого или нет. КПСС призывала советских людей к единению в борьбе за построение коммунистического социального строя — «светлого будущего всего человечества» (и реальные шансы на это были), причем в борьбе против капиталистического (империалистического) западного мира, которую (борьбу) советские люди на самом деле вели на всем протяжении советской истории. А тут — «перед лицом мирового терроризма»! Не слишком ли это мелко и поверхностно для партии, рассчитывающей на историческую роль? Россия неизмеримо больше пострадала и страдает от политических кретинизмов и предателей, от грабителей приватизаторов, от организованной преступности, от наркомании, от нищеты, от вымирания населения, от деградации интеллектуального потенциала и т.д.

Идеология «перед лицом мирового терроризма» есть идеология американская, а не российская, причем временная. Американцев самих она уже не очень-то вдохновляет. Уж если объединяться и шагать дружными рядами, то уж лучше перед лицом пожаров, наводнений, массовых грабежей, вымирания населения, сокращения продолжительности жизни, беспризорности и прочих явлений такого рода, ставших буднями российской постсоветской жизни. Только перед таким лицом дружными рядами можно шагать скорее к коммунизму, чем к капитализму.

А сколько спасательной соломенной трухи сыпется в идеологическую трясиину постсоветской России по третьей линии — по линии реанимации российского фундаментализма, включая сюда в первую очередь православие! Сила воздействия ее поистине поразительна. Новые правители страны, значительная часть которых в свое время входила в атеистическую элиту

КПСС и получила атеистическое образование, быстренько обучились кое-как креститься и, прикинувшись ревностными христианами, сделали ставку на православную церковь, претендующую на роль духовного вождя в деле возрождения России. Такого раболепства перед всем, что, так или иначе, связано с православием, монархией, дворянством и т.п., какое можно наблюдать сейчас, не было даже в дореволюционные годы. Если вдруг будет принято решение превратить президента в царя или императора и ввести дворянские титулы чиновникам и богачам, наверняка поднимется ликование, какого не было даже в мае 1945 года. Пигмеи контрреволюции готовы стать князьями, графами и баронами, превратив прочий люд в холопов.

Включаю телевизор, листаю газеты и журналы, слушаю ораторов, беседую со знакомыми людьми — и переживаю ужасающее состояние, будто я живу не в 21 веке, являющемся преемником и наследником величайших в истории человечества научных открытий и технических изобретений 20 века, а в дремучем средневековье. Теперь я не удивлюсь, если вдруг увижу разъяренную толпу, бегущую за одиноким человеком, которого эта толпа заподозрила в атеизме. Толпу не невежественных и тупых людей, а людей образованных, с научными степенями и званиями, писателей, политиков, общественных деятелей, генералов, профессоров и прочих представителей постсоветской российской элиты, включая бывших высокопоставленных функционеров КПСС. Двадцать с лишним лет прожил на некоммунистическом и даже антикоммунистическом Западе, но ничего подобного не видал нигде, даже в США.

Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — идеологическая деградация России. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым в исламских странах. Это беспрецедентное историческое падение России стремятся изобразить как освобождение от гнета коммунистической идеологии, как проявление свободного волеизлияния народа, как духовное прозрение и возрождение народа и т.п. Это не просто заблуждение — это составная часть умышленной тотальной фальсификации истории и умышленного оболванивания российского населения, которое было заранее спланировано стратегами «холодной» войны уже в самом начале ее как средство именно духовного разложения советского народа, занижения его образовательного, морального и идейного уровня.

Через средства массовой информации россиянам усиленно навязывается утверждение, будто православная религия и церковь (православие) выражают национальные интересы русского народа, и будто бы поэтому началось их бурное возрождение. В реальности произошло нечто иное. В реальности под предлогом отмены марксизма-ленинизма как государственной идеологии была разрушена вообще вся сфера светской (нерелигиозной, гражданской) идеологии, которая не сводилась к марксизму-ленинизму. Последний составлял лишь часть этой сферы, создававшейся усилиями советских ученых, писателей, художников, деятелей кино и театра и т.д. в течение многих десятилетий. Православие при поддержке новой (постсоветской) власти просто захватило освободившееся место подобно тому, как была захвачена некоторой частью населения страны вся экономическая сфера, созданная в советские годы и дезорганизованная в результате переворота.

То, что происходит с православием в России, не есть всего лишь свобода религии, какая по идее должна иметь место в демократической стране, на что претендуют реформаторы России. Свобода религии при этом не должна быть засильем религии. А в России настойчиво проповедуется требование считать русскими только таких граждан, которые исповедуют православную религию. Церковь должна быть отделена от государства. Это означает, в частности, что церковь не должна вторгаться в систему образования, с чем фактически православие не считается. Не соблюдается и условие равноправия религий. Православие

стремится стать привилегированной религией, пользующейся особым покровительством власти, что ему фактически удастся. Свобода религии предполагает также свободу от религии, т.е. свободу для нерелигиозной идеологии, включая атеизм, пропаганду атеизма, воспитание атеистических убеждений. В нынешней России фактически для этого нет никаких условий. Хотя формального (юридического) запрета на это нет, на деле созданы такие условия, что активный атеизм фактически не допускается и систематически подавляется и изгоняется из памяти россиян.

Нерелигиозная (светская, гражданская) идеология не сводится к атеизму и не обязательно является антирелигиозной. Это может быть идеология, опирающаяся на результаты достижений науки. С такой претензией в свое время возник марксизм и ленинизм. И было бы фактически неверно (просто нечестно) отвергать великую роль, какую он сыграл в истории нашей страны и всего человечества. Со временем он утратил былое влияние, став неадекватным той ситуации, которая сложилась на планете во второй половине 20 столетия. Его кризис стал одним из факторов кризиса и краха советского коммунизма. Но это не означает, что светская идеология вообще потерпела крах. Силы западного мира, одержавшие победу в «холодной» войне, руководствовались не религиозной, а светской идеологией (хотя и не выраженной так явно, как марксизм). И сейчас они осуществляют глобализацию человечества с идеями не религиозной, а светской идеологии. Намерение придать мировой агрессии США и стран НАТО вид войны христианства против мусульманства успеха не имело, и не будет иметь. В современных условиях в западном мире никакая религия не может приобрести ту власть над сознанием людей, какую она имела когда-то. Даже Ватикан жалуется на недооценку церкви, хотя по видимости католичество никогда не было таким активным, как теперь. Сами условия существования и социальные закономерности западнизма вынуждают западный мир быть атеистическим по сущности, какую бы религиозную внешность ему ни навязывали его правители. Это целиком и полностью относится и к России, раз она пошла по пути западнизации. В 21 веке стать на долгое время властителем душ россиян и преодолеть идеологический беспредел на этом пути православия не по силам. Выдержать конкуренцию с современными СМИ, ставшими «ватиканами» идеологии западнизма, оно бессильно. Сам образ жизни россиян в новых условиях исключает возвращение их в идейное состояние феодальной России. Церковь может вернуть себе былую власть над сознанием россиян только при условии превращения их в безграмотных, тупых, больных и нищих холопов. Россия действительно имеет шансы стать такой. Но у нее и на этом пути есть мощные конкуренты: политическая власть, руководствующаяся какой-то светской идеологией, и денежный тоталитаризм, руководствующийся циничной светской идеологией западнизма.

Одновременно с реанимацией православия в среде российской интеллигенции (точнее, той ее части, которую я называю идеологенцией) начались поиски некой «национальной идеи», которая по силе воздействия на массы населения была бы сравнима с марксизмом-ленинизмом недавнего прошлого, но чтобы при этом была его отрицанием. Это должна быть национально русская идеология. Ее должно принять большинство этнических русских, вдохновиться ею, забыть о различиях положений и интересов, объединиться и зашагать дружными рядами по пути возрождения, подъема и процветания России. С интеллектуальной точки зрения, идея явно не уступающая идеологии кота Леопольда (жаль, что кота звали Леопольдом, а не Васькой, как все упростилось бы!).

Национальная идея отличается от упомянутой выше идеи единства и согласия тем, что исходит не от власти и политической партии, намеревающейся служить высшей власти («Кремлю») и участвовать во власти, а из среды россиян, озабоченных тяжелым состоянием русского народа и угрозой его вырождения. Она имеет целью объединить русский народ и возбудить его на борьбу за его интересы именно как народа. Цели вроде благородные. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. В конкретном исполнении замысла получается нечто такое, что вполне укладывается в существующее состояние

идеологического беспредела. В разговорах и публикациях на эту тему русский народ и его история идеализируются. В их описаниях в возвышенно хвалебных тонах предстают и православие, и монархия, и великодержавность, и черты социальной организации, против которых шла вековая борьба лучших представителей народа. Очерняется советский период. Игнорируются реальные качества русского народа, такие, например, как низкий уровень самоорганизации и национальной солидарности, покорность перед властями, низкопоклонство перед Западом, и другие, практически исключающие консолидацию русского народа, независимую от центральной власти и представителей других народов. Русский народ не сумел в более или менее значительной степени воспользоваться теми возможностями, какие ему предоставлялись в советские годы. И в годы краха советского строя он не оказал практически никакого сопротивления тем, кто громил этот строй. Русские националисты сваливают вину за то состояние, в котором оказался русский народ, на представителей других народов, в особенности — на евреев. Но ведь большинство тех, кто сыграл самую активную роль в разгроме Советского Союза и советского социального строя, являются этнически русскими (Горбачев, Ельцин и их «команды»). Суть дела не в этнических, а в социальных факторах, которые сторонники «национальной идеи» игнорируют или не понимают, когда берутся судить о них.

Заметное место в спасительной «солومه» занимают идеи евразийства. Я не имею возможности рассмотреть их в этой статье. Замечу лишь, что они имеют много общего с идеями «национальной идеи». Их приверженцы точно так же игнорируют или ложно истолковывают социальные процессы, происходящие в человечестве, и фактическое состояние России, и ее положение в процессе глобализации. Шансы для России сплотить и возглавить азиатские страны на борьбу с США и странами НАТО — равны нулю. Таковы же шансы на то, что идеология роли России как лидера и объединителя народов Европы и Азии в этой борьбе будет иметь значительный успех в России, влиять на политическую стратегию российских правителей.

Россия уже вступила на путь западнизации, в процесс глобализации в его западнистском (американо-европейском) варианте. И если какие-то силы и события свернут ее с этого пути, они ни в коем случае не будут порождены евразийством.

Наконец, последняя соломинка, за которую предлагается ухватиться россиянам, тонущим в трясине идеологического беспредела, — это патриотизм. При этом предполагается ясным и общеизвестным, что такое патриотизм. Последний считается бесспорной добродетелью. Приводятся примеры выдающихся патриотов, а также времен, когда патриотизм сыграл огромную (даже решающую) роль в исторических событиях. Россияне призываются возлюбить Россию и действовать на благо ее.

На самом деле простота и очевидность проблемы патриотизма кажущаяся. Тут есть свои сложности, связанные, во-первых, с пониманием самого явления патриотизма как явления социального и, во-вторых, с пониманием конкретной ситуации в России в этом отношении. Поступок считается патриотическим, если человек совершает его в интересах своей страны (родины) и делает это из чувства любви к родине и верности ей. Не всякий поступок в интересах страны является патриотическим. Он может совершаться из каких-то шкурнических соображений. Отдельный человек оценивается как патриот, если его деятельность определяется множеством патриотических поступков в течение более или менее длительного времени, возможно — всей жизни. Характеристика массы людей и целого народа (и даже объединения нескольких народов) с точки зрения патриотизма не сводится к характеристике отдельных людей, входящих в них, подобно тому, как характеристика леса не сводится к характеристике входящих в него отдельных деревьев. Это — характеристика массовая. Требуются особые правила исследования (включая правила измерения и вычисления), чтобы ее установить. Народ может содержать патриотов и непатриотов. Входящие в него люди могут совершать как патриотические, так и непатриотические поступки. Тут требуется выяснить степень патриотизма, которая может быть высокой или низкой, может меняться со

временем и в зависимости от ситуации. Чувство патриотизма не является прирожденным. Оно воспитывается. Оно не обязательно бессознательно и спонтанно. Оно может быть результатом размышлений. Может быть даже вынужденным, например, — когда у человека нет выбора. Чувство патриотизма может основываться на факторах позитивных (гордость за величие страны, за ее успехи, благополучие, природу, условия жизни и т.п.) и негативных (несчастья, нападения врагов, угроза благополучию народа и т.п.).

Часто ссылаются на поведение советских людей в годы войны с гитлеровской Германией как на образец патриотизма. При этом не знают или преднамеренно опускают то, что на одного Матросова находились сотни шкурников и трусов, что непатриотические поступки не поощрялись и наказывались, а патриотические поощрялись и вознаграждались, что миллионы людей были поставлены в такое положение, что были вынуждены совершать патриотические поступки, что степень патриотизма народа менялась (стала возрастать), что массовый патриотизм был организован колоссальными усилиями системы власти и идеологического аппарата и т.д. В результате действия совокупности факторов (о некоторых из них я упомянул) в массе народов Советского Союза было выработано идеологическое состояние, компонентом которого стала высокая степень патриотизма. Она проявлялась в миллиардах поступков людей, и это стало одним из факторов победы. Разговоры о патриотизме и призывы к нему занимали в этом грандиозном свершении народа ничтожно малую роль.

В той ситуации, которая сейчас сложилась в России, степень патриотизма российского населения чрезвычайно низка, низка как никогда, близка нулю. И если бы она была высокой, в России просто нет условий для того, чтобы она заметным образом сработала как важный фактор социальной эволюции страны. Более того, я в России не вижу сил, способных поднять степень патриотизма и заинтересованных в этом. Тут возможна лишь имитация патриотизма, подделка, спектакли на эту тему и словоблудие, не обязывающее к патриотическому поведению массы россиян. Патриотические умонастроения просто не могут воплотиться в действия, объединяющиеся в единый поток поведения народа в интересах страны, ибо такого единства народа и его интересов просто нет в самом постсоветском состоянии России. Где тот враг, в борьбе с которым народ выступит как единое целое? Какова та великая цель, ради достижения которой народ в массе готов пойти на жертвы? Нет такого внешнего врага, ибо основные враги для большинства россиян — их собственные соотечественники, выгадавшие от контрреволюционного переворота. Нет такой цели, ибо эгоистические цели нынешних хозяев России, составляющих меньшинство населения, не могут стать историческими целями страны как единого целого. В нынешней России просто нет таких «амбразур», на которые могли бы броситься новые матросовы, нет таких матросовых и нет тех, кто способен воздать им должное. Патриотизм как массовое явление просто лишен смысла.

В России предпринимаются отдельные разрозненные попытки (в большинстве кустарные) выработать идеологию, адекватную современным условиям и требованиям, идеологию светскую (нерелигиозную) и ненационалистическую, опирающуюся на научные исследования современной реальности. Но они имеют ничтожно мало шансов пробиться к известности и признанию, если даже они достигнут высочайшего интеллектуального уровня. Почему? Дело в том, что огромное число людей, оккупирующих идеосферу и живущих за ее счет, сделают все от них зависящее, чтобы помешать этому. Нужны усилия многих людей и длительное время, чтобы преодолеть это препятствие. А чтобы это учение приобрело статус массовой признанной идеологии, нужны силы, способные придать ему социальный авторитет (например — высшая власть). Но и этого мало. Идеи сами собой в головы людей не заползают, какими бы хорошими они ни были. Для этого нужно множество людей, которые должны профессионально заниматься этим делом. Они должны быть организованы в целое, — должен сложиться идеологический механизм. Такой механизм имеет церковь. Такой механизм существовал в советские годы в распоряжении «Кремля». Если даже и это препятствие будет преодолено, предстоит длительная борьба за «души» россиян. При этом

придется иметь дело с силами, противодействующими распространению этого учения и принятию его массами, в их числе — с невосприимчивостью самих масс, с религиозными организациями, заинтересованными в сохранении масс в состоянии мракобесия, со СМИ, с огромной силой навязывающими россиянам западную идеологию.

В современной России никаких условий и мало-мальски серьезных сил для преодоления этих препятствий просто нет. Высшая власть поддерживает православную церковь почти как государственную, а прочие политические силы (включая коммунистов) заигрывают с нею. Шансы на создание признанного нерелигиозного учения, превосходящего все прочие идеологические учения, и на создание конкурентоспособного механизма его распространения и вбивания в головы масс россиян близки к нулю.

Что же остается? Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной «национальной идее». Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но непонятая в ее трагическом величии.

Москва, 2003

Духовность

В русской среде широко распространено убеждение, будто мы, русские, превосходим все прочие народы в одном отношении: якобы мы обладаем самой высокой степенью развитости духовности. Допустим, что так на самом деле. Естественно, встает вопрос: а что такое духовность? Раз мы обладаем этим выдающимся качеством, должно же быть достаточно полное и ясное его описание. Должны же те, кто придерживается такого убеждения и высказывает его, знать, в чем конкретно оно заключается. Но, увы, ничего подобного нет. Мне довелось просмотреть сотни текстов, в которых так или иначе говорилось о духовности, и опрашивать большое число людей, разделявших убеждение в наличии у русских исключительной (не свойственной другим народам) духовности, но вычитать или услышать хотя бы мало-мальски вразумительный ответ на мой вопрос так и не удалось. В конце концов, в словоблудии на эту тему более или менее отчетливо проступало одно: сведение мистической духовности к религиозности. Причем, не к любой религиозности, — мусульманская, буддистская, конфуцианская и даже католическая религиозность духовностью не считаются, — а к православной. Лишь православная религиозность якобы является подлинной (истинной) духовностью.

Распространяется также убеждение, будто в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы русский народ освободился от некоей советской бездуховности и встал на путь возрождения якобы присущей ему от природы духовности. При этом имеется в виду реанимация православия и его устремленность на превращение в государственную идеологию.

Но обратимся к исторической реальности России и к тем ее явлениям, в отношении которых в рамках светской (нерелигиозной) идеологии, философии, социальной литературы и науки употреблялись и употребляются слова «дух» и «духовность», — в конце концов, никто не давал попам монополию на употребление этих слов для обозначения каких-то явлений человеческой жизни. Если не ограничивать феномен духовности религиозностью (к тому же — лишь ее частной формой), а включать в него более обширное состояние сознания (духа)

людей, которое формируется под воздействием образования (особенно — гуманитарного), просвещения, пропаганды достижений науки, знакомства с литературой, кино, музыкой, живописью, театром и другими подразделениями культуры, воспитания системы ценностей и нравственности и т.д., то элементарная научная и гражданская честность обязывает признать нечто противоположное тому, что сказано выше о переживаемом перевороте в русской истории. Даже по признанию наших врагов русский народ в советские годы имел уровень духовности гораздо более высокий, чем другие народы планеты, не говоря уж о его духовном уровне в дореволюционные годы. И эта оценка духовности русского народа как народа советского осуществлялась в соответствии с критериями науки, а не каких-то смутных и дремучих представлений о природе человека. В числе этих критериев были такие, как самое лучшее в мире и самое демократичное всеобщее образование населения, общедоступность и высокая нравственность советской культуры, доминирование высших духовных ценностей над материальными в советской системе ценностей.

Это — исторический факт, что Советский Союз выстоял в труднейших условиях, победил в величайшей в истории человечества войне против самого сильного врага и стал мировой сверхдержавой в значительной мере благодаря высокой духовности советского народа, а не благодаря отсутствию таковой. Это — исторический факт, что инициаторы «холодной» войны Запада против СССР с самого начала ее главную цель для атак видели именно в духовном состоянии советского народа. Они понимали, что Советский Союз можно было сломить только при условии разрушения его духовного потенциала, при условии занижения духовного уровня советского населения, русского народа — в первую очередь. Об этом прямо говорилось в документах тех лет, которые стали публиковаться уже в конце прошлого века. Больше полувека шла (и еще не окончилась) война превосходящих сил Запада против русского народа, в которой шаг за шагом разрушались все основы именно русской духовности, достигнутой в советские годы. Достигнутые не вопреки атеизму советской идеологии, как иногда приходится слышать, а благодаря ему.

В постсоветские годы началось не возрождение русской духовности, как утверждают попы, а ее стремительная деградация. То, что сейчас выдается за духовность, есть лишь суррогат ее, имитация, подделка под духовность, явление в виртуальном мире. Нет надобности говорить о том, что происходит в нынешней России со всеми основами реальной духовности, — с системой образования, с культурой, с системой ценностей, с системой воспитания. Программа инициаторов и стратегов «холодной» войны, сформулированная более полувека назад, выполнена почти на сто процентов. Это общеизвестно. Этого уже не скрывают. Сообщениями на этот счет переполнены средства массовой информации. Тот факт, что выросло число людей, которые крестятся, носят кресты и посещают церковные службы, несколько не препятствует росту насилия, преступности, коррупции, наркомании, алкоголизма и прочих язв постсоветского образа жизни. Наоборот, они прекрасно уживаются как проявления сущности произошедшего перелома в русской истории. Важнейшим следствием этого перелома стала гибель подлинной русской духовности и процветание бездуховности, маскируемой духовностью виртуальной.

Москва, 2003

Наступление реакции

Когда читаешь российскую прессу и смотришь телевидение, невольно задаешься вопросом: а в какую эпоху мы живем — в эпоху колоссального научно-технического и образовательного прогресса или в эпоху дремучего мракобесия и тотальной безграмотности?

По телевидению, например, сообщили о том, что вышло в свет руководство по... гаданию! Оказывается, существует Школа гадания. И это пропагандируется в СМИ. А много ли вы читали и слышали в СМИ о научном прогнозировании? Я уже четвертый год живу в России (после возвращения из вынужденной эмиграции). Внимательно слежу за тем, что делается в этом отношении, — это часть моей профессиональной работы. И не заметил ничего мало-мальски вразумительного на этот счет. Зато сколько говорится и пишется об астрологии и гороскопах! И в стране, битком набитой высокообразованными людьми, ни слова о том, что специалисты в этой лженауке совершают элементарные логические ошибки, скорее — прибегают к жульническим махинациям со знаковыми явлениями. Например, от банального абстрактного утверждения, что окружающий нашу планету звездный мир оказывает какое-то влияние на судьбы людей, совершают логически недопустимый переход к жизненным судьбам конкретных людей и народов. И какие-то совпадения, процент которых в общей сумме событий близок к нулю, выдают за подтверждение якобы сбывающихся прогнозов.

Или такая сенсация в СМИ (и не в первый раз): какие-то американцы, используя математические средства и компьютеры, якобы «вычитали» в Ветхом Завете предсказание многих значительных событий современности, включая исламских террористов во главе с Бен Ладеном, войну в Персидском заливе. Считается, что Ветхий Завет был сочинен несколько тысячелетий назад, и якобы уже тогда авторы этого текста предвидели и Гитлера, и Бен Ладена, и мировые войны двадцатого столетия и многое другое. Но эти американцы удивительным образом «вычитывают» в Библии то, что требуется для американских агрессоров. Они даже полагают, что предсказанные в Библии события не являются фатальными. Их можно предотвратить, если заранее принять меры против них. Так, предсказываемая в Библии катастрофа, исходящая якобы от Ирака, может быть предотвращена, если против нее будут приняты должные меры, а именно — США нанесут военный удар по Ираку, чтобы спасти человечество от гибели. Что же это за прогнозы, если предсказываемые события не произойдут?! Для тех, кто хотя бы мало-мальски знаком с логикой, жульнический и логически безграмотный характер такого рода «вычитывания» предсказаний событий будущего в текстах прошлого очевиден. И если какие-то видные ученые якобы подтверждают такого рода жульничество, то это говорит лишь о том, что в данной сфере эти ученые суть такие же шарлатаны, как и упомянутые «вычитыватели».

Недавно по телевидению показали выступление одного крупного (в своей области) ученого, который, разглядывая иконы, ухитрился разглядеть, будто математика подтверждает существование Бога. Это пример не просто идиотизма, а сверхидиотизма в духе помутнения умов в среде людей, действующих на высотах науки. Науки не в смысле научности, — научного в этом бреде нет ничего, — а в смысле сферы разделения труда, в которой профессионально заняты миллионы людей. Даже школьники младших классов знают, что изучает и разрабатывает математика, — правила оперирования особого рода знаками (числами, фигурами). Бог, независимо от того, существует он или нет в реальности, не является математическим объектом. И математикой в отношении его ничего не докажешь и ничего не опровергнешь. Тут уместна лишь логика, да и то лишь в следующем смысле: если вы дадите точное определение слова «бог» в соответствии с правилами теории определения понятий, а также определение выражения «существует эмпирически», то можно чисто логически доказать или опровергнуть суждение «Бог существует эмпирически» (или «Бог не существует эмпирически»). И ничего больше. Если правила логики тут не соблюдены, то всякие рассуждения с приведенными языковыми выражениями суть лишь словоблудие.

Сколько внимания в СМИ уделяется чудесам, путешествиям во времени, «опровержениям» достижений науки (например, идеи возникновения человека в результате длительной социобиологической эволюции), множественности миров в различных пространственных измерениях и т.д. Нет надобности, перечислять здесь бесчисленные каналы, по которым идет тотальное оболванивание человечества. В эту работу по оболваниванию людей вовлечены миллионы специалистов. Эта работа ведется систематически, охватывая все аспекты

интеллектуальной жизнедеятельности людей, т.е. именно духовной сферы, если не сводить эту духовность к религиозному оболваниванию людей, а включать в нее состояние умов, формируемое на основе овладения достижениями человечества в течение многих веков интеллектуального творчества.

Поражает в этой ситуации поведение российской интеллигенции. Она полностью (за немногими исключениями) утратила ту роль, какую играла в прошлые годы российской истории — роль духовного просвещения и воспитания людей в высоком гражданском смысле. Она выполняла эту роль в борьбе с религиозным мракобесием, с сектантством, с псевдонауками, с околонуучным шарлатанством и т.п. Эта деятельность интеллигенции стала одним из важнейших условий тех беспрецедентных достижений эпохального и глобального масштаба, каких добилась наша страна в советские годы. Теперь же российская интеллигенция стала активным участником процесса интеллектуальной (духовной!) деградации России, — роль позорная, капитулянтская, холуйская, трусливая, шкурническая. Она не имеет никакого морального оправдания.

Москва, 2003

Уважайте чувства неверующих

Я за свою жизнь много повидал и пережил. Много передумал. Привык ничему не удивляться. И все-таки то, что происходит в России и с Россией, никак не укладывается в моем сознании. Происходящее не просто выходит за рамки здравого смысла, оно выходит даже за рамки каких-то элементарных человеческих приличий.

Недавно мне довелось присутствовать на похоронах одного хорошо знакомого мне человека. Высокообразованный человек, значительный в своей области ученый, был членом КПСС по доброй воле и без всяких карьеристических целей, был атеистом, участвовал в деле научного просвещения в советские годы. А хоронили его по православному обряду. Почему?! Он в постсоветские годы, будучи освобожден от насильственного гнета атеистической идеологии, вдруг на старости прозрел и обратился к Богу, — так что ли? Да ничего подобного, это чушь несусветная! Так в чем же дело? Все присутствовавшие на отпевании (в большинстве пожилые люди) были, судя по всему, люди интеллигентные. Многих из них я знал. Никто из них, насколько я помню, не был верующим. Почти все были членами КПСС и наверняка комсомольцами в молодости. Получили превосходное образование, — советское образование даже в кругах врагов нашей страны считалось если не лучшим, то одним из лучших в мире. И все усердно крестились и ставили свечи. И с укоризной поглядывали на меня, поскольку я и не скрывал моего внутреннего протеста против виденного. Один из них даже спросил меня, верующий я или нет. Я сказал, что готов простить советской системе все ее прегрешения за одно только то, что она хотя бы на короткое время освободила русский народ от засилья религиозного мракобесия. Он сказал, что не ожидал от меня, известного критика советской системы, такого отношения к религии.

В заключение процедуры длинную речь произнес поп. Это было для меня ново, — такая речь не входит в ритуал отпевания. Речь имела ярко выраженный политический и идеологический характер, с острой антикоммунистической и антисоветской направленностью, целенаправленно антиатеистической. Я шепнул соседу, моему старому знакомому, что не мешало бы уважать и щадить чувства неверующего меньшинства. На меня зашикали. И я покинул церковь, про себя попросив прощения у покойного за мое поведение.

Процедура отпевания кончилась. Некоторое время мы топтались около церкви. Говорили о том, о сем. Я слышал, как мой старый знакомый, осудивший меня за атеизм, говорил кому-то

об уважении чувств неверующих и о включении в число прирожденных прав человека права на неверие. Слушатели посмеялись шутке и распрощались. Но я то не шутил. Я отметил лишь одну черту российской реальности, о которой всего несколько лет назад и помыслить не мог.

Что бы ни говорили о конституционном статусе православия в нынешней России, фактически оно становится не просто главной религией в стране, а главной идеологией. Поскольку оно имеет сильнейшую поддержку со стороны президентской власти («Кремля») и активно вмешивается во все важнейшие аспекты жизни страны, можно с полным правом утверждать, что оно становится государственной идеологией постсоветской России. Это происходит фактически. Православная церковь даже чуточку противится этому. Трудно сказать, противится из лицемерия или из страха, что не справится с выпавшей на ее долю исторической удачей. Важно то, что это происходит на самом деле. Происходит потому, что православие сейчас просто не имеет серьезной конкуренции на эту роль. Советская идеология была разгромлена. Марксизм как будто испарился. Возрождение его не предвидится. На создание другой светской идеологии такого масштаба нужны десятилетия (если не века). К тому же она может пробиться к жизни лишь в жестокой социальной борьбе, на какую не только в России, но и на Западе пока нет достаточных сил. Носители светской (гражданской) идеологии — философы — ступались, затаились, боятся, что их выбросят, и заискивают перед попами, западная идеология, проникающая через СМИ, культуру и личные общения в сознание россиян, по самому своему характеру не может стать организованной и единой идеологической силой. Она, внося в души россиян моральное разложение, скорее работает в пользу православия, оправдывая его притязания на роль духовного и морального пастыря заблудших жертв советизма и западнизма. Поиски некой национальной русской идеи, так или иначе, упираются в православие. И ничего другого реального не находят. Перед попом заискивают даже лидеры оппозиционных партий. Одним словом, идеологическая сфера оказалась брошенной на произвол судьбы (или на милость победителей), и было бы глупо со стороны православной церкви, быстро создавшей сравнительно сильную организацию, не взять в свои руки то, что ей отдают добровольно и что само идет в руки. Тут произошло нечто подобное тому, что произошло в результате антикоммунистического переворота в сфере экономики: ее захватили мародеры разгромленной в эволюционной войне с Западом страны.

Возникает вопрос: что несет России православие в рассматриваемом социальном качестве фактической государственной идеологии постсоветской России или хотя бы претендента на эту роль? Несет не на словах, не в обещаниях, а на самом деле. Несет даже, может быть, не желая этого, может быть, не отдавая себе в этом отчета. Иначе говоря, какую роль ему предстоит сыграть в силу исторически данных условий в мире и в России и в силу объективных социальных законов, не подвластных воле и желаниям всех тех, кто, так или иначе, способствует происходящему его возвышению? Ответ напрашивается весьма неутешительный: роль орудия идеологического оболванивания россиян, роль орудия занижения их интеллектуального и духовного (именно духовного!) уровня, роль орудия лишения россиян статуса активных творцов социального прогресса и превращения их в покорное стадо существ, обреченных на историческую гибель.

Москва, 2003

Постсоветизм и образование

Сфера образования постсоветизма формируется как компонент социального гибрида. Но и взятая отдельно, она формируется как социальный гибрид систем образования советизма,

западнизма и российского дореволюционного феодализма. Скажу кратко об этих трех ее ингредиентах.

Постсоветская система образования приходит на смену советской и многое заимствует из нее. Это заимствование происходит не потому, что создатели новой системы являются поклонниками советизма (коммунизма). Они таковыми не являются. Наоборот, они всячески открещиваются от советизма, фальсифицируют, даже сознательно клеветают, дабы выслужиться перед антикоммунистическим Западом. Они вынуждены заимствовать из советской системы образования в силу социального закона социальной регенерации явлений разрушенной социальной организации, поскольку новая организация создается на обломках и из материала разрушенной. Вместе с тем, новая система возникает как отрицание старой, как ее антипод. Так что ее социологическая характеристика чисто логически невозможна без знания о том, какой была старая. Потому скажу кратко о ней.

Не буду говорить о недостатках советской системы. Любая система имеет какие-то достоинства и какие-то недостатки. Меня в данном случае интересует только ее социальный тип, т.е. нечто закономерное. Любые объективные законы проявляются через отклонения и нарушения как доминирующие тенденции. Так что я оставлю без внимания и этот аспект проблемы. А с этой точки зрения советская система образования обладала такими чертами. Она была единой для всех слоев населения, стандартной, обязательной, бесплатной (и даже оплачиваемой в значительной части), светской (нерелигиозной) общеобразовательной до известного уровня и профессионализированной выше этого уровня. По всеобщему признанию (включая даже врагов коммунизма) это была самая демократичная система образования. Вплоть до недавнего времени специалисты во всем мире считали ее самой совершенной в истории человечества и противопоставляли ей западную систему, не вылезавшую, по их утверждениям, из состояния кризиса. Она была единой, планируемой, управляемой. Советский Союз с поразительной быстротой (с исторической точки зрения) наладил всеобщее образование населения и подготовку профессиональных кадров для стремительно расширявшейся и усложнявшейся деловой жизни страны. Практически страна не испытывала дефицита в образованных людях.

Советская система образования давала широкое фундаментальное образование, на основе которого граждане имели возможность быстро приобретать узкую специализацию или, в случае необходимости, переучиваться, и универсальное школьное образование, открывавшее выпускникам школ широкий диапазон выбора дальнейшего образования. В массе обучающихся преимущества в отношении жизненного успеха имели более способные и усердные молодые люди, причем — независимо от их социального происхождения. Конечно, случаи использования социального положения родителей были довольно частыми. Но они морально и идеологически порицались и не определяли общую ситуацию в системе вертикальной динамики населения. Не буду перечислять другие черты советской системы образования. Еще совсем недавно они считались общеизвестными и бесспорными.

Советское образование было социально равным, но не одинаковым профессионально, территориально и по ряду других признаков. Оно было дифференцированным. И в практической реализации социальных законов оно порождало и социальные различия, включая социальное неравенство. Хочу особо подчеркнуть это социологически важное обстоятельство. Профессиональная дифференциация образования, обусловленная характером и интересами дела, становилась одним из источников социальной дифференциации населения. В деловом аспекте образовались многочисленные профессии, для которых требовались различные типы и уровни образования. Возникали привилегированные виды образования, дававшие их обладателям привилегированное социальное положение. Возникнув и укрепившись, эти социальные различия стали оказывать обратное влияние на систему образования, закрепляя фактическое неравенство в образовании как неравенство социальное. Круг замыкался. Но и исторически, и в структуре общества продолжал действовать закон обусловленности социальных различий различиями

в системе образования, которые, в свою очередь, обусловлены деловыми интересами общества. Когда в брежневские годы с высот власти выдвинули лозунг, чтобы дети наследовали профессию родителей, это было фактически попыткой закрепления социального расслоения населения и отступления от марксистской идеи бесклассового общества. До юридического закрепления этого расслоения не дошло. И сейчас трудно сказать, дошло бы или нет. Но как бы то ни было, доминирующую роль в системе образования продолжали играть интересы страны в целом и интересы организации делового аспекта.

Что и в каком виде уцелело от советской системы образования и вошло в постсоветский социальный гибрид? В ведении государства осталась какая-то часть учебных заведений (школьных, специальных средних и высших). Какая именно часть и в каком виде — об этом точных суммарных данных у меня нет. Общеизвестно то, что значительная часть учебных заведений уничтожена вообще (например, более двух тысяч вузов, как сообщалось в СМИ). Значительная часть стала частной. Оставшиеся государственными учебные заведения уподобляются частным, утрачивают черты советских по организации и содержанию образования. Это в особенности касается гуманитарных заведений. Исполнительная власть («Кремль») стремится имитировать советскую власть в смысле управления системой образования. Управленческий аппарат во многом имитирует советский.

Из западнистской системы образования в постсоветскую систему вошло образование негосударственных учебных заведений, платность обучения, социальная дифференциация (включая социальное неравенство учебных заведений, образование привилегированных заведений, поступление в которые зависит от социального положения родителей, распределение в зависимости от социальной группы выпускников, и т.д.), ориентация на текущие потребности общества (включая ослабление фундаментального «непрактичного» образования), крайний прагматизм, ослабление или полное отсутствие плановости, невмешательство в распределение выпускников учебных заведений и т.п.

Кое-что возрождается и из третьего источника постсоветского гибрида. Это, например, учебные заведения, аналогичные дореволюционным (лицеи, кадетские корпуса), но никак не оправданные потребностями деловой жизни современного развитого общества. А главное — содержание образования насыщается реанимированными явлениями феодальной России.

Постсоветская система образования формируется в зависимости не только от внутренних, но и от внешних факторов современной России, т.е. от ее положения в мировом сообществе, в зависимости от взаимоотношений с западным миром в первую очередь. Процесс глобализации человечества, в который постсоветская Россия оказалась вовлеченной в качестве придатка и зоны интересов западнистского сверхобщества во главе с США, вынуждает и российскую сферу образования, так или иначе, приспосабливаться к условиям этого процесса. Россия копирует образцы системы образования западных стран, игнорируя то, что западное образование переживает тяжелый кризис, и западные специалисты ссылаются на советские образцы как на достойные подражания. Россия стала поставщиком для Запада не только природных богатств, но и интеллекта, производимого пока еще в России благодаря остаткам советской системы образования. В этом аспекте в России к явлениям в системе образования, обусловленным специфически российскими условиями, присоединяются явления, которые можно наблюдать в самих западных странах и которые суть следствия глобализации. Это, например, высокий процент безработицы среди молодых людей с высшим образованием, невозможность найти работу по профессии для значительного числа «академиков», утечка интеллекта в США и другие.

В результате антикоммунистического переворота в России произошло стремительное изменение социальной структуры населения. Резко снизился процент и абсолютное число граждан, для профессиональной деятельности которых требовалось достаточно высокое общее школьное, специальное среднее и высшее образование, и повысился процент и

абсолютное число граждан, для которых надобность в образовании снизилась или отпала вообще. Появилась масса профессий, для которых требуется подготовка, которую можно определить как своего рода антиобразование. Это, например, служители религиозных организаций и всякого рода сект, шарлатанство, «профессии» преступного мира, в котором занята значительная часть трудоспособного населения. Одним словом, если взять сферу образования в целом, то можно констатировать ее стремительную деградацию сравнительно с советским периодом. И это есть следствие антикоммунистического переворота и той социальной организации, которая сложилась в России после него, т.е. постсоветизма.

Москва, 2002

Реформа науки

Эпидемия реформаторства охватила все важнейшие сферы общественного бытия. Наконец, она добралась и до науки. Суть ее в нескольких словах заключается в следующем: науку упразднить за ненадобностью, оставив лишь ничтожную ее часть для престижа России в качестве великой державы и для практических нужд уже реформированной и якобы успешно прогрессирующей экономики. Это понятно всем россиянам, особенно — армии ученых, выбрасываемых на свалку истории опять-таки за ненадобностью. Так что никакие разъяснения тут не требуются. И не удивительно, что реформа науки остается почти без внимания в СМИ, меркнет в сияющих лучах словесной борьбы против мирового терроризма и восторгов по поводу реформы власти. Но я все же хочу обратить внимание на один аспект реформы науки, который остался незамеченным (вернее — замолчанным) в словесном потоке по поводу реформ экономики и армии.

Достаточно большие и развитые человеческие объединения (чело-вейники) структурируются одновременно на трех уровнях — на микроуровне, макроуровне и суперуровне. Основными структурными компонентами на микроуровне являются деловые клеточки (ячейки), — объединения трудоспособных членов человейника, в которых они добывают средства существования для себя и своих семей, добиваются каких-то успехов, делают жизненную карьеру, одним словом — ведут социально активную жизнь. Клеточки различаются по многим признакам, часть которых определяет их социальный тип. Например, они различаются как государственные и частные. Социальный тип клеточек является одним из важнейших факторов, определяющих тип социальной организации человейника и тип человейника в целом. В человейнике коммунистического типа почти все клеточки являются государственными, никто из членов клеточки не является собственником средств, которыми распоряжается клеточка, и продуктов ее жизнедеятельности. Так было в советские годы в России.

В результате антикоммунистического переворота, который начался в августе 91-го и завершился в октябре 93-го, в России начался процесс разгрома (как говорили на Западе — демонтажа) советской (коммунистической) социальной организации. Он начался с высот власти, охватил сферу идеологии и затем экономики. Тут он получил название «приватизация» (о том, что это такое, я подробно говорю в статье «Экономический переворот» в Части третьей).

Это было грабительское (мародерское) расхищение богатств страны, социальная сущность которого заключалась в разрушении коммунистической социальной организации страны на микроуровне — на уровне деловых клеточек. Западные манипуляторы российскими приватизаторами прекрасно понимали, что российский коммунизм не может считаться уничтоженным до тех пор, пока не будет разгромлена его клеточная основа, а именно —

советские деловые (трудовые) коллективы. И они поторопили могильщиков российского коммунизма, как можно быстрее выполнить эту фундаментальную задачу, не считаясь ни с какими последствиями. Последние общеизвестны.

Общеизвестно также то, какое внимание в советские годы уделялось науке. На науку не жалели средств даже в самые тяжелые годы. Вся беспрецедентная система образования создавалась с ориентацией на потребности развития науки. И если беспристрастный исследователь попытается оценить результаты, достигнутые в этом плане в советские годы, он может убедиться в том, что советский прорыв в образовании и в науке превосходит все то, что знала история. Хочу обратить особое внимание читателя на социальный аспект этого феномена. Научные учреждения (предприятия, организации) создавались не просто как явления в сфере профессионального познания, а как организация граждан в коммунистические коллективы, в клеточки, бывшие фундаментальными частичками ткани общественного организма. Причем, граждан отборных, самых образованных и интеллектуально способных. Научные учреждения создавались в большом числе. Хотя их создатели и сотрудники не осознавали социальную роль этого фактора, объективно научные клеточки были важнейшим компонентом социальной организации российского общества как общества коммунистического типа. И было бы странно, если бы реформаторы не добрались до них, в конце концов. Задуманные ими преобразования в сфере науки, какой бы фразеологией они ни прикрывались и какими бы соображениями ни руководствовались, будут иметь в качестве реального результата не подъем науки, а ликвидацию большинства научных учреждений, сохранившихся от советских времен, т.е. разрушение остатков коммунистической социальной организации. А то, что в сфере науки останется и даже возникнет вновь, будет лишено черт коммунистических коллективов в подавляющем множестве некоммунистических клеточек.

Москва, 2004

Угроза демократии

Сейчас довольно часто приходится слышать и читать в СМИ, будто в России имеет место ощутимая тенденция к диктатуре (угроза диктатуры), и это якобы означает угрозу демократии. Поскольку вся терминология, относящаяся к социальным явлениям, стала многозначной и не определенной более или менее строго (например, насчитывается более ста определений демократии и несколько десятков определений диктатуры), эти разговоры и сочинения можно было бы просто игнорировать как праздное словоблудие. Однако в этом ощущается тревога за судьбу нашей страны, переживающий глубокий и далеко идущий эволюционный перелом. Так что стоит хотя бы кратко сказать о том, что порождает эту тревогу.

При всем разнообразии значений слов «диктатура» и «демократия» общим для всех говорунов и сочинителей на эту тему является то, что диктатура расценивается как зло, а демократия как благо. Такая подмена социологических понятий этическими характерна для современной западной и российской прозападной идеологии. Я здесь под диктатурой и демократией буду подразумевать определенные черты и типы системы власти, которые сами по себе не являются ни злом, ни благом.

Диктатуру не следует смешивать с тиранией, деспотизмом, абсолютизмом, вождизмом и другими явлениями в сфере власти. Обычно эти явления смешиваются. Диктатура в строго социологическом смысле есть власть, не ограниченная юридическими законами. Недавно в России было модным выражение «диктатура закона». С ним ораторы носились «как дурень с писаной торбой» (как говорили в старину на Руси), не отдавая себе отчета в том, что это

выражение, с логической точки зрения, есть либо нонсенс, либо означает «узаконенное беззаконие», что тоже логически противоречиво и, следовательно, нелепо. В России такая форма власти в современных условиях немыслима, как бы ни укреплялась власть президента («Кремля»). Российская власть в обозримом будущем при всех перипетиях останется властью узаконенной, действующей в рамках законодательства и путем законодательства. Она может быть всемогущей на бумаге (в силу законов), но слабой практически, как это было с горбачевской властью. Она может быть практически сильной и при этом юридически ограниченной. Она может быть организована так, что некоторая часть ее (верхушка, например) будет иметь диктаторские черты в отношении прочих частей власти, но в целом быть ограниченной законами в своих действиях по отношению ко всему подвластному обществу. И в этом случае рассматривать ее как диктатуру социологически ошибочно. А те, кто усматривает диктаторские замашки в действиях российского президента («Кремля»), имеют в виду фактически именно такой аспект в состоянии российской власти. Какую бы силу ни набирал нынешний «Кремль» над прочими подразделениями власти, последняя в целом не является и вряд ли будет в обозримом будущем диктаторской по отношению к подвластной России.

Обратимся к демократии. Опять-таки, если рассматривать ее чисто социологически, т.е. как определенную форму воспроизводства, организации и функционирования власти, какая имеет место в странах западного мира, то никакой угрозы демократии в России как явлению, на самом деле существующему, нет и быть не может в принципе, поскольку такого явления в России просто нет. Есть лишь имитация западной демократии, нечто похожее на нее, но не вошедшее в плоть и кровь жизни россиян. Демократии в России не угрожает никакая диктатура не только потому, что таковой нет, но и потому, что самой России не угрожает никакая демократия. В России, повторяю, может быть лишь имитационная, показная или, как теперь говорят, виртуальная демократия. А таковая может процветать при самой жестокой диктатуре. При диктатуре даже лучше, чем при реальной демократии. Так что российские демократы могут спать спокойно: их стремлениям кривляться на сцене истории в спектаклях демократии никаких серьезных препятствий со стороны не менее виртуальной диктатуры пока не предвидится. Но и радоваться особенно не стоит, ибо лишать демократических гражданских прав и свобод можно и без диктатуры, и даже при настоящей демократии.

Я неоднократно обращал внимание на тот факт, что российская система власти складывается как гибрид советизма и западнизма. К этим факторам следует добавить третий, который обнаруживает свою роль все с большей и большей силой: это — человеческий материал (и, прежде всего — характер русского народа) и геополитические и природные условия. Именно этот фактор порождает черты российской власти, создающие видимость диктатуры и тревоги демократов за судьбу «молодой российской демократии». Среди этих черт, в первую очередь, следует упомянуть потребность русского народа в личности, олицетворяющей высшую власть и стоящей над всей системой власти. Такой личностью был царь в дореволюционные годы и вождь партии и народа в советские годы (особенно — Сталин). Не случаен был и культ личности Сталина, какой безуспешно пытались повторить его преемники. Это явление можно наблюдать и сейчас в отношении к президенту Путину. Я хочу обратить внимание на то, что эта потребность не навязывается россиянам сверху, такое противоречит принципам западнизма. Она вырастает снизу, из сознания слоев населения, особенно сильно пострадавших от антикоммунистического переворота.

Москва, 2004

Много шуму из ничего

Хотя перманентное реформаторство стало привычным компонентом жизнедеятельности российской власти, намерение Президента осуществить реформу самой системы власти (можно сказать — самореформу) произвело заметное возбуждение, причем — не только в самой России, но и на Западе. В России все граждане, имеющие возможность публичных высказываний, расценили это намерение как грандиозный перелом и даже как революцию в системе власти страны. На Западе же известные политики и мыслители усмотрели в этом угрозу демократии и даже поворот к советизму. Имеются ли какие-то более или менее серьезные основания в этой реформе для восторгов одних и страхов других?

Насчет страхов на Западе сейчас можно со стопроцентной уверенностью сказать следующее. Чтобы нанести ущерб демократии, нужно иметь эту демократию в наличности или, по крайней мере, устойчивую тенденцию к ее установлению в ближайшем будущем. Но даже самые яростные демократизаторы сейчас открыто говорят, что в России демократии (имеется в виду некая «подлинная» демократия) нет, и вряд ли она появится в ближайшее время. А угрожать тому, чего нет, и что не предвидится, просто невозможно. Это не означает, будто в России происходит некий возврат к советизму. Если бы даже из Вашингтона сейчас приказали российской власти, восстановить советскую систему власти, и дали бы на это кредит, вдвое превышающий те миллионы, которые якобы дал Ленину германский кайзер на социалистическую революцию в 1917 году, ничего из этого не получилось бы, ибо объективные социальные законы и объективные конкретные условия на планете полностью исключают такую возможность для нынешней России. В нынешней России кое-что делается, что создает видимость возврата к советизму. Но это делается не из стремления правителей, вернуться в советской прошлое, а в силу объективных социальных законов формирования и функционирования системы власти как особого социального объекта, имеющих силу для любой достаточно большой системы власти, включая и дореволюционную российскую власть, и демократическую власть западных стран с ее непомерно раздутым в идеологии разделением властей и весьма условной многопартийностью. Напомню читателю, что у самых примитивных племен слово «много» употреблялось, когда число считаемых объектов превышало три. Американцы не тянут даже на этот уровень, а трясутся за судьбу несуществующей российской демократии!

Что касается восторгов российских политиков, политологов и прочих хвалителей (не хулителей, а именно хвалителей, каких, как говорится, не жнут и не сеют, они сами рождаются), то оснований у них для восторгов еще меньше, чем у американского президента оснований для страха за судьбу российской демократии. В чем заключается обсуждаемая здесь реформа? Напомню читателю, она включает в себя три пункта: 1) кандидатов в губернаторы отбирает сам президент и предлагает их на утверждение местным органам выборной власти; 2) депутаты в Думу выбираются только по спискам партий, допущенных к участию в выборах; 3) для надзора за деятельностью органов государственной власти создается особая общественная палата. Чтобы оценить социальную значимость этих явлений власти, надо принимать во внимание, по крайней мере, следующее.

Структурирование, функционирование и эволюция системы власти человеческого объединения (человека) происходит одновременно во многих различных измерениях (аспектах). Тут надо различать субъективные намерения участников власти и объективные закономерности, не зависящие от воли и сознания этих людей; функции власти как целого в отношении управляемого ею человека и отношения между различными подразделениями внутри системы власти; отношение власти к человеку в целом и ее отношения с другими компонентами социальной организации человека; показной (театральный, виртуальный) аспект власти и ее социальную сущность и т.д. В реальности все эти аспекты перемешаны. Не различаются они и в головах участников власти и масс подвластных граждан. Официально признанной научной теории на этот счет не существует. Более того, создание ее и включение в систему образования фактически запрещено или, по крайней мере, не поощряется. К тому же замыслы власти даже в случае их разумности далеко не всегда

реализуемы в наличных конкретных условиях или реализуются в соответствии со знаменитым изречением Черномырдина: «Думали, как лучше, а получилось, как всегда». Если даже допустить, будто задуманная реформа власти есть образец государственной мудрости, то в нынешних условиях России и в мире изречение Черномырдина имеет в отношении к ней полную силу.

Суть ситуации с рассматриваемой реформой состоит не в том, что она плохая или хорошая вообще, сама по себе, а в том, что она никакая с точки зрения решения тех проблем, о которых с восторгом говорят ее инициаторы и поддерживатели. Определяющим в сложившихся конкретных условиях в мире, в стране и в самой системе власти является не то, как те или иные люди попадают на посты в государственной власти (в губернаторы, в депутаты и др.)» а в условиях и возможностях их функционирования на этих постах, во взаимоотношениях государственной системы с другими компонентами социальной организации страны (с экономикой, с идеологией и т.д.), во взаимоотношениях системы власти в целом с подвластным обществом. Общественная палата, какие бы полномочия ей ни предоставлялись, будучи узаконена, сама становится учреждением государственной власти, нуждающимся в надзоре со стороны каких-то сил, не зависящих от государственной власти. Она лишь увеличит административно-бюрократический аппарат, за которым должна следить наряду с другими уже существующими учреждениями слежки. Короче говоря, деятельность органов государственной власти в результате рассматриваемой реформы в принципе не может измениться существенным образом сравнительно с состоянием до этой реформы, ибо она ограничена рамками социальной организации нынешней России в целом и положением страны в мире.

Сказанное выше не означает, будто рассматриваемая реформа власти вообще бессмысленна. Она представляет интерес с чисто социологической точки зрения, т.е. как явление в процессе формирования и жизнедеятельности постсоветской социальной организации России. Эта организация, как я неоднократно высказывал, представляет собою гибрид остатков со-ветизма, подражания западнизму и реанимации дореволюционного феодализма. В современных условиях в мире и в России в такой социальной организации неизбежна борьба между исполнительной и законодательной властью, в которой доминирует первая, и борьба между государственной властью в целом и властью, вырастающей на основе западнизирующейся экономики, в которой (в этой борьбе) государственность стремится к доминированию, но пока еще не доминирует достаточно ощутимым образом. В свое время в Советском Союзе и в западном мире возникающий в такой ситуации конфликт разрешался путем образования сверхгосударственной власти и, соответственно, сверхэкономической власти (денежного тоталитаризма, по моей терминологии). Как будет протекать эволюционный процесс в России с этой точки зрения, пока трудно сказать категорически. Ситуация такого рода новая. России предстоит и на сей раз, стать новатором исторического творчества. В таком аспекте рассматриваемая реформа власти вполне понятна и правомерна. Но преувеличивать ее значимость и в этом аспекте не стоит. Думаю, что она в большей мере есть явление в показном (виртуальном) аспекте социальной жизни, чем в фундаментальном, сущностном.

Москва, 2004

Как уничтожить коррупцию

Во всем том, что говорится и пишется о коррупции официально и в узаконенных СМИ, полностью игнорируется тот факт, что она является следствием и проявлением объективных социальных законов, не подвластных воле и сознанию как людей в системе власти, так и в

массе подвластных. Коррупция рассматривается как зло, осуждаемое морально и юридически. Корни ее усматривают в некой испорченности отдельных представителей власти и отдельных граждан, злоупотребляющих богатством или вынужденных прибегать к взяткам в силу обстоятельств. А между тем коррупция такая же древняя, как власть вообще. Она неистребима, пока существует власть. Она лишь меняет формы и количественные размеры. Изменяются ее функции и социальная роль. Сказанное не есть апологетика коррупции — коррупция действительно есть зло, борьба с ней необходима для выживания человечества и т.п. Сказанное означает лишь то, что серьезная борьба с этим злом в наше время высочайшего развития человечества предполагает объективное научное понимание этого социального явления. А сущность ее в этом аспекте состоит в том, что она есть проявление универсального закона распределения и перераспределения жизненных благ. Согласно этому закону каждый нормальный и активно действующий член общества урывает для себя столько жизненных благ, сколько ему позволяет его социальное положение, причем урывает безнаказанно, в допускаемых обществом рамках или, по крайней мере, с достаточно высокой степенью безнаказанности. Последняя устанавливается опытным путем в конкретных условиях. В принципе, она вычислима. Существуют количественные и качественные границы коррупции, нарушение которых становится опасным для выживания общества.

Из сказанного следует, что коррупцию можно полностью уничтожить, лишь уничтожив полностью чиновников системы власти, доведя подвластных до такого состояния, чтобы у них вообще нечего было бы взять, примитивизировать человеческое объединение настолько, чтобы уровень жизни властителей, мало чем отличался от такового подвластных, чтобы все отношения власти подвластных были примитивны и совершались на виду у всех. Это возможно лишь на пути всесторонней деградации человечества на первобытный уровень. Опуститься на этот уровень человечество уже не в состоянии, каким бы соблазнительным он ни выглядел в изображении идиотов-морализаторов.

Мыслим другой путь — путь высочайшего социального прогресса. Его сулили, например, марксисты. Они обещали, что в будущем «полном» коммунистическом обществе государство со всеми его коррумпированными чиновниками отомрет (некому будет давать взятки), деньги отомрут (а взятки без денег — можете представить себе сами, что это такое!), люди будут иметь все по потребности в изобилии (т.е. отпадет сама надобность во взятках). Но марксистская утопия стала предметом насмешек чуть ли не с первых шагов существования реального коммунистического общества в нашей стране. Не представляет труда доказать ее полную научную несостоятельность. Впрочем, ее отбросили и без такого обоснования. Даже сами уцелевшие марксисты на этот счет помалкивают и соглашаются на уступки, сводящие на нет коммунистический идеал.

До сих пор жив и даже возродился в огромных масштабах еще один путь, а именно, религиозный: бестелесные бессмертные души умерших людей либо попадут в рай, либо в ад, где никаких материальных потребностей у них не будет как в том, так и в другом случае, даже нечем будет дать взятку чертям, чтобы поубавили адские муки или даже помогли бы перебраться в рай. Но поповскими бреднями, как бы их ни подкармливали власти, вряд ли будут руководствоваться сами эти власти при сдерживании коррупции, порождаемой самим фактом их (властей) существования. Речь может идти только о сдерживании или маскировке коррупции, как это делалось всегда в истории в моменты антикоррупционных кампаний.

Масштабы и формы коррупции в конкретных обществах зависят от комплексных факторов, важнейшим из которых является тип социальной организации общества. Коррупция имела место в России и в советские годы. Но в сравнении с дореволюционной и постсоветской (нынешней) Россией она выглядит настолько жалкой, что ее, можно сказать, почти что и не было. Благодаря чему это достигалось? Люди были по натуре лучше? Вряд ли. Между прочим, религия была в таком жалком состоянии, что никакого влияния на население в рассматриваемом аспекте практически не имела. Да и сейчас расцвет коррупции прекрасно уживается с возрождением церкви и религиозности населения. Сравнительно низкая степень

коррупционности советского общества объясняется образом жизни большинства социально активного населения, обусловленным коммунистической социальной организацией, причем, как позитивными, так и негативными проявлениями этой организации. Эти проявления многообразны. В общей форме здесь можно привести в качестве примера такие из этих проявлений.

Процент ситуаций, в которых возможна коррупция, в массе жизненно важных ситуаций, в которых граждане общества оказываются в их жизнедеятельности, сравнительно невелик, а процент ситуаций, в которых коррупция необходима, и того меньше. По моим партизанским измерениям, этот процент в советские годы был во много раз ниже, чем теперь. В моей жизни случай коррупции имел место всего один раз. После демобилизации из армии в 1946 году мне потребовалась справка о том, что я был принят в институт в 1939 году. В архиве нашли соответствующую папку со списком студентов тех лет. У моей фамилии было написано, что я был исключен из института без права поступления (я был арестован). Я упросил женщину, выписывавшую мне справку, умолчать о моем исключении. Она это сделала за коробку конфет. Вот и возможности большинства советских людей давать взятки были просто мизерными (мы жили, как говорилось, от полочки до полочки). А те, кто мог брать взятки, как правило, находились под бдительным контролем рабочих коллективов, соседей и знакомых. Взятки брать в больших размерах боялись. Разоблачения были обычными и публичными. Только те, кто мог это делать безнаказанно, пользовались своим положением почти открыто. Например, это были дети высокопоставленных лиц. Коррупция принимала формы практически полуполюгальные и юридически неразоблачимые. Особенно распространенной была форма взаимных вполне легальных услуг и то, что называли словом «блат» (т.е. знакомства).

Степень коррупционности в советские годы стала заметно расти по мере роста благосостояния, снижения надзора со стороны органов власти, либерализации, расширения возможностей тратить добываемые средства, расширения общения с Западом и т.д. Причем, процесс этот начался сверху — рыба, как говорится, гниет с головы. К концу советского периода продажность элитарных советских слоев переросла в предательство, ставшее одним из важнейших факторов краха советского коммунизма.

Москва, 2004

Украденная победа

День победы Советского Союза над Германией в войне 1941–1945 годов официально объявлен важнейшим национальным праздником России. На первый взгляд, это вроде бы стоит, приветствовать. Но как истолковывается эта победа и как конкретно осуществляется это признание и празднование? Из этой войны и из нашей победы в ней при этом выхолощивается самое главное, а именно — их социальная сущность и характеризующие их конкретные факты истории. Официально и в средствах массовой информации говорят просто о некоей абстрактной России, а не о России советской, не о Советском Союзе. А если в этом аспекте что-то и говорится, то, как о чем-то второстепенном или о негативном. Имя человека, без которого немыслима эта победа в величайшей в истории войне — имя Сталина — либо не упоминается совсем, либо преподносится так, будто победили вопреки ему, а он якобы лишь мешал, делал ошибки и совершал преступления. Говорят, что победу одержал некий абстрактный народ.

Да, войну вел и одержал победу народ. Но не просто какой-то абстрактный народ, а народ советский. Подчеркиваю: советский! А советский народ — это народ, совершивший в 1917

году величайшую в истории человечества социальную революцию. Народ, ставший первооткрывателем нового пути социальной эволюции, качественно отличного от всего того, что до этого знала мировая история. Народ, построивший коммунистический социальный строй, оказавший влияние на ход всей мировой истории. Народ, коммунистически образованный и воспитанный. Народ, возглавлявшийся коммунистической партией и высшим руководством во главе со Сталиным. Это — исторический факт, игнорирование которого означает преднамеренную фальсификацию истории.

Бесспорно, в победе сыграл роль сложный комплекс исторических факторов, включая способность россиян терпеть самые трудные условия жизни, патриотизм, помощь со стороны стран Запада и другие. Однако главным (решающим) фактором победы был советский социальный строй и возглавлявшееся Сталиным руководство страны, включая военное руководство. Какими бы недостатками они ни обладали на самом деле и какие бы недостатки ни приписывали им антикоммунисты и антисоветчики, войну выиграли, прежде всего, советские коммунисты во главе со Сталиным. В годы войны и в послевоенные годы этот исторический факт был бесспорным даже для самых заклятых антикоммунистов и антисоветчиков. Это — именно исторический факт, подобный тому факту, что войну проиграли, прежде всего, немецкие национал-социалисты во главе с Гитлером. Игнорирование этого факта и искажение его означает бесстыдную идеологически-пропагандистскую ложь, средство огульного ослепления масс российского населения в угоду тем категориям россиян, которые осуществили антикоммунистический переворот в нашей стране и наживаются на нем, и тем силам Запада, которые сразу же после нашей победы начали новый этап войны против нашей страны, получивший название «холодной войны».

А на Западе вообще нашей стране отводят второстепенную роль в победе над гитлеровской Германией, присваивая заслугу победы почти полностью (по крайней мере — в главном) себе. Конечно, страны Запада внесли свой вклад в победу над Германией. Тем самым, они помогли нашей стране выстоять и разгромить агрессора. Но ведь они это сделали не из любви к русскому коммунизму. Они вели борьбу против нашей страны с первых же дней ее существования в качестве страны строящегося коммунизма. Они приложили титанические усилия к тому, чтобы направить гитлеровскую экспансию на Советский Союз. Стать союзниками Советского Союза их вынудили исторические обстоятельства, включая внутренние конфликты в самом западном мире. Но решающим фактором в том, что они открыли «второй фронт» против Германии, стали победы Советской Армии, не оставлявшие никакой надежды на Западе на поражение СССР. Более того, тут сыграл роль страх того, что Советская Армия и без участия западных союзников добьет гитлеровскую Германию и захватит всю Западную Европу. Союзники открыли второй фронт, спасая самих себя от угрозы победы коммунизма во всей Европе. И надо признать, что основания для этого в те годы были достаточно серьезные.

Одним словом, победу в величайшей в истории человечества войне украли у тех, кто на самом деле вынес на себе все тяготы войны, кто понес самые большие потери, кто проявил самое большое терпение и мужество, кто вложил в дело победы самый высокий и гибкий интеллект.

Согласно официальной российской концепции, война 1941-1945 годов против Германии была освободительной и отечественной, россияне сражались за Родину. Согласен. Но за какую Родину? — вот в чем вопрос. В годы войны ни у кого в мире (за редким исключением) не было на этот счет никаких сомнений: подавляющее большинство советских людей сражалось за советскую (подчеркиваю — советскую!) Родину. Ко времени начала войны советский (коммунистический) социальный строй стал для большинства граждан Советского Союза привычным образом жизни. И отделить его от массы населения было просто невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита ими себя и своей страны означала защиту нового социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с

другом, -а в единстве. Подавляющее большинство активно действовавших граждан идентифицировали себя, прежде всего, как советские люди. Разгром коммунизма в России был для них равносителен разгрому самой России. В ходе войны это самосознание укреплялось как один из фундаментальных компонентов практически действовавшей массовой идеологии. Даже те, кто понимали недостатки советского социального строя и относились к нему критически (порою — даже враждебно), ценили его достижения и понимали, что агрессоры несли угрозу этим достижениям. Так что слово «патриотизм» тут не отражает фактических умонастроений советских людей достаточно адекватно.

Победа сталинского (именно сталинского!) Советского Союза над гитлеровской (именно гитлеровской!) Германией в 1945 году означала победу коммунистической линии социальной эволюции человечества над капиталистической (западнистской). Она завершила первый этап эпохальной социальной (!) войны западного мира (западнизма) против коммунизма.

Сразу после нее начался второй этап ее, получивший название «холодной» войны. Он закончился в конце двадцатого столетия капитуляцией Советского Союза перед Западом. В комплексе факторов, определившем это поражение, решающую роль сыграл разгром советского (коммунистического) социального строя. Запад взял реванш за свое поражение в 1945 году. Победители в «холодной» войне развернули тотальную фальсификацию советской истории, украв при этом у победителей в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов величайшую победу в истории «горячих» войн.

Москва, 2004

IV. Мир и мы

Глобализация

После второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира, — процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу «холодной» войны социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид.

В рамках западных стран («национальных государств») сформировались своего рода «надстройки» над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т.д. Из их взаимодействия образовались «надстроечные» объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединение, охватывающее весь западный мир, скажем, — глобальное сверхобщество. Поскольку основной территорией расположения его подразделений стали Соединенные Штаты, и поскольку оно тесно переплелось с «надстроечной» частью сверхобщества самих США, то выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными: стали обозначать то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается общеамериканского и глобального сверхобщества.

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различных точек зрения. Этот

процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. В силу того, что над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся, в той или иной мере, в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван глобализацией человечества.

Бесспорно, глобализация есть не воображаемый, а объективный процесс. Он имеет объективные основания и закономерности. Но это процесс жизнедеятельности людей, обладающих волей и сознанием. В нем решаются судьбы людей, стран, народов, поколений.

Откуда-то исходит инициатива этого процесса. Ведь не обстоит же дело так, что все шесть миллиардов людей собрались и решили: давайте-ка объединимся в единое глобальное целое к всеобщей взаимной выгоде! Инициатором глобализации является западный мир. Основания глобализации исходят с Запада. Осуществляется она силами Запада и в интересах Запада, прежде всего.

Социальная сущность глобализации состоит в том, что это — самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах. Поясню это утверждение.

Социология и войнология. Науку, в которой профессионально изучаются войны как особые объекты, я называю войнологией. Я не специалист в войнологии. Но войны суть явления в жизнедеятельности социальных объектов, профессионально изучаемых в социологии. И социологи (и философы, занимавшиеся социальными проблемами), естественно, всегда посягали на осмысление войн. А в наше время войны приобрели такой вид и такое социальное значение, что провести четкую границу между социологическим и войнологическим подходом к войнам практически вряд ли возможно. И войнологи все чаще и основательнее обращаются к социологическому аспекту войн при рассмотрении профессионально войнологических проблем. Так что я как социолог чувствую себя вправе высказаться на тему о войне.

Войны тоже суть явления исторические, подверженные законам эволюции. Сопоставим в этом плане три мировые войны 20 столетия и начала 21-го. Первая мировая война шла внутри западного мира (западной цивилизации) между его частями. Считается, что она шла за передел сфер влияния и эксплуатации. Конечно, это имело место. Но имело место и нечто другое, более глубокое, а именно — борьба за доминирование в западном мире и в истории человечества вообще. Западный мир был социально однороден и не имел эволюционных конкурентов. В результате этой войны такой конкурент у Запада появился: русский (советский) коммунизм.

Вторая мировая война была смешанной. В одном аспекте она была внутри западного мира между его частями за доминирование того же рода, как в первой мировой войне. В другом аспекте это была война всего западного мира против советского коммунизма как эволюционного конкурента западнизму. В результате войны коммунизм окреп, стал распространяться по планете и заявил претензию на мировое господство.

Сразу после второй мировой войны началась интеграция западного мира и борьба его против мирового коммунизма. Началась «холодная» война Запада, возглавляемого Соединенными Штатами Америки, против Советского Союза и советского блока. Она переросла в новую мировую войну, причем в войну нового типа.

Общепринято понимание войны как борьбы враждующих сил, в которой используются специальные средства уничтожения живой силы противника (людей) и разрушения сооружений — мечи, стрелы, пушки, пулеметы, танки, самолеты и т.д. Но опыт второй половины 20 века внес в понимание войны новые коррективы. В течение более полувека шла борьба стран западного мира, возглавлявшегося США, против стран коммунистического блока, возглавлявшегося СССР. Она получила название «холодной войны». В этой борьбе армии Запада не вступали на территорию Советского Союза. Не стреляли пушки, не взрывались бомбы и вообще не использовались средства войны в привычном смысле. Для решения военно-политических целей использовались, причем очень эффективно, так называемые невоенные средства и, прежде всего, политическое давление, информационная диверсия, спекуляция на гуманитарной проблематике, работа спецслужб, несправедливая и хитроумная дипломатия. Советскому Союзу был нанесен ущерб гораздо больший, чем самая страшная в истории человечества война — война с Германией 1941-1945 годов. Нет надобности, говорить о потерях нашей страны, они общеизвестны. Кроме того, вооруженные силы сыграли в этой борьбе роль огромную, но особую — как потенциальное орудие борьбы. Без них эта борьба была бы вообще немыслима. Так что употребление слова «война» в отношении этой борьбы, которое прочно вошло в речи и публикации об этом периоде истории, можно считать вполне оправданным.

К сказанному следует добавить еще и то, что с окончанием «холодной» войны борьба Запада против нашей страны не прекратилась. Она продолжается. Она перешла в новую стадию, которую я называю «теплой» войной. В ней к средствам «холодной» войны добавились средства войны в привычном смысле — «горячей» войны, а также новые средства, например, диверсионные операции огромного масштаба в политической и экономической сферах. «Теплая» война распространилась и на другие регионы планеты — Ирак, Балканы. Есть достаточно серьезные основания утверждать, что человечество уже вступило в эпоху новой глобальной войны, причем войны нового типа.

Что это за война? Чтобы достаточно точно и полно охарактеризовать ее, нужны фундаментальные исследования. Я сейчас назову лишь такие ее черты, которые наметились в период «холодной» войны и стали отчетливо оформляться теперь, в наступившую эпоху «теплой» войны. Думаю, что они получат всестороннее развитие в наступившем 21 веке. И весьма вероятно, что компоненты «горячей» войны будут усиливаться, как это уже имело место со стороны НАТО и США против Сербии и Ирака.

При оценке всякой войны нужно установить, кто участвует в войне (кто ее ведет), каковы цели участников ее, какие средства используются, как протекает сама война (стратегия и тактика). А чтобы охарактеризовать с этой точки зрения уже начавшуюся войну нового типа, необходим научный анализ эволюционного перелома, который произошел во второй половине 20 века. Социальная сущность этого перелома заключается, во-первых, в переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ и, во-вторых, в превращении исторического процесса из стихийного и неуправляемого в проектируемый и управляемый.

Сверхобщество, коротко говоря, есть человеческое объединение с более высоким уровнем социальной организации, чем привычные общества. Этот более высокий уровень определяется тем, что над государственностью вырастает сверхгосударственность, над экономикой — сверхэкономика, над идеологией — сверхидеология, и эти «надстройки» образуют новый компонент в социальной структуре объединения. Он включает в себя предшествующий уровень, т.е. компоненты социальной организации общества (государство, право, экономику, идеологию), но трансформирует их применительно к новым условиям и доминирует над ними.

Исторически первым образцом сверхобщества огромного масштаба с претензией на мировое лидерство был Советский Союз. Он остался непонятым в этом социальном качестве. После второй мировой войны западный мир стал эволюционировать также в направлении к

сверхобществу. К сверхобществу другого типа. Я его называю западнистским. Началась интеграция стран западного мира в глобальное западнистское сверхобщество. Последнее уже взяло твердый курс на установление своего мирового господства. И оно успешно идет этим путем, — осуществляет глобализацию человечества, используя в качестве своего главного оружия насильственную западнизацию прочих народов планеты. Основные учреждения этого глобального западнистского сверхобщества базируются в США. Они срослись с соответствующими учреждениями США, так что выражение «США» («Вашингтон») стало двусмысленным: оно обозначает США как одно из «национальных государств» Запада, так и глобальное сверхобщество, о котором я сказал выше. В это сверхобщество уже вовлечено до ста миллионов человек. Оно распоряжается почти семьюдесятью процентами мировых ресурсов. Оно манипулирует правящими силами стран Запада, включая высших лиц их системы власти. Оно уже запустило свои щупальца во все уголки планеты.

«Холодную» войну против нашей страны вели не просто Соединенные Штаты как национальное государство, а то сверхобщество. Сейчас продолжается период «теплой» войны. И возглавляет его именно то сверхобщество, о котором идет речь в данном случае.

Другой аспект эволюционного перелома второй половины 20 века заключается в том, что исторический процесс из стихийного и неподконтрольного людям превратился в проектируемый и управляемый. Сказать только то, что он планируется и управляется людьми, значит сказать нечто бессмысленное. Надо точно указать, какими именно силами и как именно осуществляется данный процесс. Субъектом, который проектирует ход исторического процесса и управляет им, является огромное множество людей западного мира, объединяющихся в глобальное западнистское сверхобщество. Последнее организует весь западный мир в единое целое, нацеливает и организует его на покорение всей планеты. Огромное число специалистов, центров, организаций, учреждений и т.п. занято в деле планирования и управления ходом исторического процесса. Та история, с которой имел дело К. Маркс, когда писал о неких законах стихийной эволюции, осталась в прошлом. Ресурсы, контролируемые сверхбогатством, настолько огромны, что позволяют даже эволюционные процессы осуществлять так, как раньше осуществлялись частичные операции вроде строительства аэропортов, кораблей, каналов и т.п.

Самым грандиозным примером такого рода может служить антикоммунистический переворот в нашей стране, готовившийся в течение всей «холодной войны» и осуществленный в горбачевско-ельцинские годы. Жертвами этой планируемой и управляемой истории становятся целые страны и народы. Первые решающие операции западнистского сверхобщества в отношении нашей страны успешно (с точки зрения наших врагов) осуществились. Но оно не успокоилось на этом.

Эволюционная война. В применении к войне этот перелом означает, что война нового типа, о которой идет речь, есть не просто война за захват, за передел мира, за рынки сбыта и т.д.

Это война гораздо более глубокая и масштабная — это война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества. У нее были предшественники. Вспомните намерение гитлеровской Германии создать мировую империю по заранее задуманному проекту. Вспомните намерение марксистов построить мировой коммунизм. Это были попытки, можно сказать, с негодными средствами, непосильные для исполнителей эволюционных проектов. Теперь положение на планете изменилось. Условия и мощь новых инициаторов организации человечества по заданному образцу стали такими, что намерения подчинить себе сам эволюционный процесс выглядят вполне реалистично. Осуществимы или нет эти намерения, это другой вопрос. Сейчас важно то, что это определяет характер уже начавшейся мировой войны нового типа.

Повторяю и подчеркиваю, происходящая война есть война эволюционная. Поэтому не случайно главным противником западнистского сверхобщества стал Советский Союз,

опередивший западный мир в эволюционном отношении более чем на полвека. Для Запада проблема разгрома СССР была не просто проблемой ослабления военного, политического, идеологического и экономического конкурента. Это была проблема уничтожения эволюционного конкурента, угрожавшего устроить мировой порядок по своему плану и имевшего на это реальные шансы. вспомните, давно ли было то время, когда политическая карта мира в ее большей части была выкрашена в красный цвет! Советский Союз открыл линию социальной эволюции, качественно отличную от той, по которой шел западный мир, с которой Запад не мог и не может свернуть, которая является необходимым условием исторического выживания Запада. Советский Союз стал образцом для подражания для сотен миллионов людей незападных народов. Поражение СССР в «холодной» и «теплой» войнах нанесло сильнейший удар по коммунистической линии Социальной эволюции, но не убило ее окончательно. Живет и крепнет Китай. А с точки зрения западных стратегов происходящей войны, еще не добит окончательно советский коммунизм, еще есть опасность его возрождения, Россия еще не добита до конца, она еще вызывает страхи в западном мире. И война нового типа как эволюционная война не окончена. Завершающие ее битвы еще впереди.

Сверхобщество использует разнообразные средства покорения и эксплуатации планеты, которые, с точки зрения устаревших понятий о войне, выглядят самыми, что ни на есть, мирными, но на самом деле превосходят многие средства «горячих» войн именно как средства завоевания и разгрома противников. Исчезновение четких разграничений между специфически военными и мирными средствами стало одним из устойчивых признаков войны нового типа. Исчезло также четкое разделение на профессионально военных и гражданских лиц, фронта и тыла, военных и мирных операций, состояния войны и мира. Налицо ситуация, когда мы уже живем в состоянии перманентной войны нового типа, а людям в головы вбивают и вбивают идеологию «лишь бы избежать войны». Идеологию, выгодную агрессорам, завоевателям и погромщикам других народов. И те теоретики, которые настаивают на привычном (устаревшем!) понятии войны, предлагая называть состояние «холодной» и «теплой» войн другими нейтральными и умиротворяющими словами, действуют вольно или невольно в пользу нового глобального агрессора, одним из средств которого является идеологическое оболванивание человечества.

Эффективность средств войны нового типа («мирной» войны) достаточно убедительно обнаружилась в войне западного мира против нашей страны. Советский Союз потерпел поражение в ней. Советский блок распался. Распался и сам СССР. Разгромлена советская (коммунистическая) социальная организация в странах бывшего Советского Союза. Почему и как это произошло, и к каким последствиям привело нашу страну, на эту тему я многократно высказывался в моих публикациях и публичных выступлениях. Не буду повторяться. Остановлюсь лишь на одном явлении, важном с точки зрения темы этой статьи. Я имею в виду разгром Советского Союза руками самих советских людей и насильственное навязывание странам бывшего СССР социальной организации, исключающей возможность возрождения бывшего советского региона в качестве эволюционного конкурента для Запада.

Чтобы осуществить то, о чем я только что сказал. Запад должен был обладать достаточно мощными средствами, оказывать давление на Советский Союз. Но этого мало. Запад должен был проделать огромную работу по идеологической обработке советского населения и создать в СССР свою «пятую колонну», способную склонить население страны к массовому предательству и к капитуляции перед Западом. Фактор предательства и капитулянтства имел место и во время войны с Германией. Но лишь в «холодную» войну он перерос в социально значимый. В войну 1941-1945 годов высшее советское руководство сохранило преданность стране и идеалам коммунизма, проводя беспощадную борьбу против предательства и капитулянтства.

Войну советский народ закончил более сплоченным, чем был до нее. В «холодную» войну на путь предательства и капитулянтства встали представители высшей власти и идеологической

элиты, часть интеллигенции (художественной и научной), предательство поощрялось с высот власти. В него оказалось вовлеченным все активное население страны. Сложилась настолько мощная «пятая колонна» Запада, что иностранная интервенция и оккупация оказались излишними. Большинство населения проявило пассивность и не оказало почти никакого сопротивления контрреволюционному (антикоммунистическому) перевороту. Метод раскалывания населения покоряемой страны на враждующие части, создания своей послушной «пятой колонны», склонение одной части (бунтующей) к предательству и захват власти прозападными активистами был недавно применен силами Запада в Югославии. А перед этим Сербия подверглась нападению со стороны НАТО и США с использованием новейшего оружия «горячей» войны.

Коварство войны нового типа состоит в том, что она не воспринимается как война. Более того, она преподносится в пропаганде и воспринимается массами людей как стремление избежать войны. Суть дела понимают немногие. И возможности для них, сделать свое понимание широко известным, ничтожны. Огромному числу людей на планете состояние перманентной войны такого типа выгодно и удобно во многих отношениях. И даже в стане жертв такой войны значительная часть людей выгадывает от нее и предпочитает ее активному сопротивлению агрессору.

Бесчисленные «мелкие» уступки завоевателям со стороны покоряемых жертв не воспринимаются каждая по отдельности как поражение. Из множества таких уступок складывается стратегия, идеология и психология исторической капитуляции. Ее последствия даже ее жертвами не переживаются как личные жертвы. Так что не исключено, что эта война растянется еще на множество десятилетий и превратится в норму последующего бытия человечества. С войнами будет покончено путем превращения мира в состояние непреходящей войны.

На основе сказанного становится очевидной следующая черта войны нового типа: она является единственной, уникальной. Раньше, когда создавалась теория войн, имелось в виду множество войн. Находились их общие черты, определялись причины, их порождающие, строились классификации, выяснялись отличия и особенности различных ее видов и т.д. Сейчас речь идет не о множестве однотипных войн, а об одной единственной войне, которая назревала несколько десятилетий, уже охватила эволюционно активное ядро всего человечества (стала глобальной) и угрожает стать стержнем исторической жизни наступившего 21 столетия. Уже «холодная» война была единственной войной, имевшей сложную структуру в пространстве и времени. Все прочие войны были ее эпизодами, частями, проявлениями. Во всяком случае, она составляла основу для огромного числа на первый взгляд разрозненных конфликтов. И тем более это качество характерно для «теплой» войны, очевидным образом чреватой многочисленными очагами войны «горячей». Интеграция западного мира в глобальное западнистское сверхобщество с необходимостью ведет и к интеграции военных конфликтов в своего рода сверхвойну.

Хотя западный мир, возглавляемый своим глобальным сверхобществом, добился многого, даже больше того, на что рассчитывал в начале «холодной» войны, он не может успокоиться на достигнутом.

В силу социальных законов и конкретных условий, сложившихся на планете, он вынужден, в интересах самосохранения, идти до логического конца в реализации своих маниакальных планов: подчинить эволюционный процесс своей власти до такой степени, чтобы в истории больше никогда не возникали значительные попытки двигаться каким-то иным путем, качественно отличным от того, какой навязывается западнистским сверхобществом. Потому Россия остается противником Запада в происходящей мировой войне нового типа. Запад может успокоиться лишь тогда, когда наша страна и наш народ просто будут низведены до состояния, достойного насмешки и презрения.

На пути к мировому господству Запада стоит сопротивляющийся мусульманский (арабский) мир. Война Запада против него — следующий этап идущей мировой войны.

Очевидно, что главным препятствием на пути западнистского сверхобщества к мировой гегемонии после краха советского блока и Советского Союза становится коммунистический Китай. Для нас важно установить, какая судьба ожидает нашу страну в условиях войны западного мира с Китаем, которая неизбежно станет одним из важнейших явлений жизни человечества в 21 веке. Кое-кто пророчит (а многие жаждут этого), что образуется евразийское единство во главе с Россией, и это единство будет противостоять западнизму. Думаю, что это пророчество (и желание) лишено каких-либо оснований. Россия уже по многочисленным каналам включена в сферу влияния глобального западнистского сверхобщества. Вырваться из его «объятий» для нее в нынешнем состоянии чрезвычайно трудно, если это вообще возможно в обозримом будущем. Стратеги западного сверхобщества, скорее всего, будут стремиться навязать России роль антикоммунистического бастиона в войне против Китая, если дело дойдет до использования средств «горячей» войны. Исключать такую возможность сейчас было бы ошибочно.

Москва, 2001

Новый этап глобализации

Общепринято говорить, будто после взрывов 11 сентября 2001 года в США мир стал иным. Если оставить в стороне философское утверждение, что мир вообще каждую секунду становится иным (вспомните: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»), и принять во внимание то, что говорящие о перемене мира в данном случае имеют намерением заявить о радикальной социальной перемене, якобы произошедшей на планете именно после упомянутого события, то это утверждение можно рассматривать как характерный пример идеологически-пропагандистского манипулирования сознанием человечества. Такими разговорами стремятся создать впечатление, будто мир стал иным именно вследствие упомянутого события, преподносимого в СМИ как акт нападения на западную, христианскую и даже мировую цивилизацию со стороны некоего мирового могущественного врага.

В мире действительно произошло нечто значительное. Но что именно? Когда? И какова роль события 11 сентября в этой перемене? На самом деле в мире задолго до взрывов в США 11 сентября 2001 года произошел перелом, сущность которого заключается в следующем. Тот мировой процесс, который называют идеологически нейтральным словом «глобализация», есть на самом деле новая мировая война. Ведет ее западный мир во главе с США. Война идет за обладание всей планетой и, более того, за контроль над всей социальной эволюцией человечества. Пройдя стадии «холодной» и «теплой» войн, эта война уже вступила в стадию «горячей» войны с использованием всей мощи вооруженных сил США и стран НАТО и с превращением всей незападной части планеты в арену фактических и потенциальных военных действий. Независимо от того, было событие 11 сентября 2001 года в США специально спровоцировано самими специальными службами США (наподобие события в Гляйвице в 1939 году, давшее повод Германии, развязать вторую мировую войну) или произошло неожиданно для них, оно послужило удобным поводом для того, чтобы Запад во главе с США открыто заявил о своей претензии на мировое господство и о намерении использовать для его достижения всю свою военную мощь в любом районе планеты, какой сочтет для этого необходимым. Мир после 11 сентября 2001 года стал иным лишь в том смысле, что для многих здравомыслящих людей на планете стала очевидной социальная сущность глобализации как мировой войны Запада во главе с США за господство на планете и что эта война перешла в стадию «горячей». Подчеркиваю: «горячей» потенциально, но в

любой подходящий момент готовой стать актуальной (это вполне очевидно из нападений на Сербию, Ирак и Афганистан).

Глобализация — процесс грандиозный. Он охватил все человечество. В нем на карту поставлена именно судьба человечества как целого, вся его последующая социальная эволюция. Естественно, стремление осмыслить его уже породило и будет порождать впредь во все возрастающих масштабах множество разнообразных суждений и оценок. В него вовлечены огромные массы людей, причем одни в качестве конкистадоров, другие — покоряемых, одни в качестве выгадывающих, другие — теряющих. Рассчитывать на некое академическое и морализаторское единодушие в понимании этого процесса было бы наивно. Тем не менее, возможно установить некоторое более или менее определенное поле для теоретических баталий по поводу реалий глобализации, на котором, по крайней мере, можно увидеть, кто есть кто, в какой роли принимает участие в идущей мировой войне.

По моему глубокому убеждению, глобализация не есть порождение злого умысла каких-то нехороших людей. В ней, безусловно, имел и имеет место злой умысел. Ее конкретно питают и на ней наживаются какие-то нехорошие люди. Но по своей социальной сущности она есть явление закономерное, порожденное тем великим эволюционным переломом, который произошел в истории человечества в 20 веке и в основных чертах завершился к концу 20 века. Перелом этот заключается в том, что, во-первых, человечество начало переходить от эпохи господства человеческих объединений типа и уровня обществ к эпохе господства человеческих объединений типа и уровня сверхобществ, и, во-вторых, эволюционный процесс стал проектируемым, исправляемым. Не поняв на научном уровне объективные закономерности этого перелома, нельзя понять ни одно более или менее значительное социальное явление современной жизни человечества.

В рамках западного мира и над его странами уже сложилось западнистское сверхобщество. Мировую войну, именуемую глобализацией, ведут действительно США и страны НАТО, но как интегрируемые в нечто единое благодаря западнистскому сверхобществу, т.е. как компоненты мирового явления, метрополия которого находится в США и которое манипулирует самими США в первом из указанных выше смыслов.

В глобализации как в новой мировой войне (или в новой мировой войне, принимающей форму глобализации) можно констатировать следующие этапы.

Первый этап — стадия разгрома западным миром советского коммунистического блока, Советского Союза и советского коммунизма. Основную роль при этом сыграли средства «холодной» войны. В конце этого этапа стали применяться средства «теплой» войны, включая огромного масштаба диверсионные операции и «пятые колонны», а также отдельные операции «горячей» войны (Чечня, Ливия, Югославия, Ирак).

Глобализация не была изначальной установкой западного мира. Она возникла в ходе «холодной» войны против советского коммунизма и советского блока, становившегося после второй мировой войны реальной угрозой для мирового статуса и даже для существования Запада. Коммунизм тогда не только на словах, но и на деле стремился к мировому господству и имел реальные шансы на это. «Холодная» война первоначально была нацелена на ограничение советского влияния в Европе и в мире, т.е. носила со стороны Запада скорее оборонительный, чем агрессивный характер. Речь шла о существовании социального строя западного мира. Лишь по мере наращивания сил Запада и его преимуществ перед Советским Союзом «холодная» война со стороны Запада стала принимать наступательный (агрессивный) характер. Запад выиграл эту войну. Но к тому времени в основных чертах сложилось западнистское сверхобщество. И объективные социальные закономерности новой структуры западного мира стали определяющими факторами дальнейшей эволюции человечества.

Первый этап глобализации как новой мировой войны завершился подавлением югославского сопротивления ей. Бомбежки Сербии стали первой открытой операцией на пути перехода ко второй стадии. Но это была лишь пробная попытка. Не было условий для решительного шага в этом направлении, хотя потребность в нем назрела в силу действия внутренних закономерностей западнистского сверхобщества. США и страны НАТО в их агрессии в Югославии поддерживали мусульман-албанцев против христиан-сербов. Еще не было ясной и действенной идеологии, оправдывающей этот шаг и вдохновляющей силы агрессии на него. После капитуляции СССР и демонстративного разгрома коммунистической социальной организации в его бывших республиках идеология антикоммунизма утратила былую силу. Заявление президента России Путина об угрозе мирового терроризма на Западе игнорировались — США и страны НАТО поддерживали чеченских террористов в их войне против России, а защиту России от терроризма рассматривали как нарушение прав человека. И президент Сербии Милошевич никак не подходил на роль вождя неких мировых сил, якобы угрожающих западной, христианской цивилизации и т.п. Война против Сербии оказалась незавершенной как начало нового и желанного этапа глобализации. Требовалось нечто более сильное на этот счет.

Если бы западные теоретики удосужились осуществить научный анализ того эволюционного перелома, о котором я говорил выше, они заметили бы, что внутри западного мира и на всей планете вследствие эволюции западного мира назрели неотложные проблемы, которые можно разрешить в интересах западного мира лишь путем перехода мировой войны к новой, а именно к «горячей» стадии. Они установили бы, что вот-вот что-то должно было случиться такое, что удовлетворило бы назревшую потребность. Событие 11 сентября 2001 года в США оказалось очень кстати.

Если бы оно не произошло, то США в ближайшее время изобрели бы или использовали бы что-то другое, подходящее. А это оказалось максимально подходящим. Можно подумать, что его спровоцировали специально. Немедленно был определен враг — это мировой терроризм, исходящий из мусульманского мира. Был «назначен» глава его — террорист номер один Бен Ладен, хотя непосредственная его связь с событием 11 сентября так и не была установлена. Молниеносно сложилась идеология угрозы для западной (христианской) цивилизации со стороны исламского терроризма. Заговорили даже о войне цивилизаций, якобы объявленной мусульманской цивилизацией против христианской. Хотя лживость этой идеологии была очевидна (подавляющее большинство мусульман было против терроризма и воевать с христианством вообще не собиралось), в США она имела успех. И не только там. Ее на короткое время стали раздувать и в России. В США начался предвоенный психоз, похожий на таковой в Германии, — предвкушение легкой и молниеносной победы. Президент Буш получил карт-бланш на ведение «горячей» войны в любом месте планеты, обитатели которого подозреваются в поддержке терроризма. Весь прочий мир либо с энтузиазмом поддержал намерение США бомбить Афганистан, объявленный опорой и местопребыванием Бена Ладена, либо дал на это молчаливое согласие. Одним словом, сложились все условия, необходимые для перехода глобализации ко второй стадии вполне открыто, можно сказать, узаконенно.

Объектом агрессии США на второй стадии глобализации стал мусульманский мир. Нет надобности, описывать события этой стадии — они общеизвестны. Эта стадия еще не закончена. Успешно для агрессора прошла только первая ее часть: мир расколот на тех, кто с американцами, и тех, кто помалкивает. Исламский мир расколот, большинство — с американцами или затаились. Россия отколота от исламского мира и рвется в союзники американцев. Талибы разгромлены. Афганистан покорен американцами. Американцы заняли важные позиции в азиатских районах бывшего СССР. А главное — американцы убедились в том, что могут без потерь и безнаказанно вести «горячую» войну против исламского мира до полного покорения последнего и готовиться к третьему этапу глобализации.

Каковы стратегические цели западнистского сверхобщества (США и стран НАТО) на

рассмотренном этапе глобализации? Разрыхлить незападный мир, лишить его способности создания серьезного сопротивления глобализации. Привлечь на свою сторону часть его в последующей войне против другой части. Овладеть стратегически важными ресурсами исламского мира. Укрепить свое присутствие в нем, военное — в том числе. Подавить базы и источники исламского сопротивления глобализации, в первую очередь терроризма. Продемонстрировать всему миру свое военное могущество и готовность пустить его в ход. Все это видно, как говорится, невооруженным взглядом.

Как будет протекать следующая часть второго этапа глобализации? Думаю, что она педантично спланирована и в той или иной мере известна политологам и журналистам, не говоря уж о политиках, вовлеченных в исполнение планов. По всей вероятности, достигнута договоренность по важнейшим пунктам с правящими силами западного и околозападного (включая Россию) мира. Так что завершение этого этапа есть лишь вопрос времени и удобства, ибо происходящая война суть конкиста, т.е. покорение могущественным агрессором неизмеримо более слабой жертвы (тут слово «противник» звучит неуместно). Не берусь судить, как будет происходить процесс конкретно. Для меня бесспорно главное в нем: завершением второго этапа мировая война (глобализация) не закончится. Сразу же по окончании его (а может быть, уже в процессе завершения) начнется третий этап.

Третий этап глобализации также спланирован в соответствующих центрах, учреждениях, штабах и т.д.»западнистского сверхобщества. Политики и идеологи Запада открыто говорят, что 21 век будет веком войны Запада против Китая и вообще против азиатского коммунизма. Идет подготовка к этой войне. Распределены роли участников ее, включая Россию (в первую очередь). Силы Запада, разгромившие СССР и советский коммунизм руками самих советских людей, намерены действовать по тому же шаблону против Китая — расколоть китайцев, создать в Китае свою «пятую колонну» и использовать человеческие ресурсы и территорию России, когда дело дойдет до «горячей» войны.

Поскольку идеология угрозы мирового терроризма скоро исчерпает себя, будут прилагаться усилия, чтобы раздуть идеологию угрозы антиглобализма и угрозы экстремизма. Возможности на этот счет пока не очень обнадеживающие. Но если соответствующие службы США и стран НАТО приложат усилия, сопоставимые с теми, какие им потребовались для изобретения угрозы мирового терроризма, то будет создан образ нового врага, достаточно сильный, чтобы оболванить и побудить западных людей (особенно американцев) на следующий этап войны. Разумеется, будет возрождена идеология антикоммунизма. Надо полагать, что постсоветская Россия станет для западнистского сверхобщества не только местом военных баз и поставщиком человеческого материала, но и идеологическим оплотом антикоммунизма. Богатейший опыт россиян по разгрому коммунизма станет, вне всякого сомнения, бесценным подспорьем американцам и самим китайцам в разгроме китайского (и вообще азиатского) коммунизма.

Москва, 2002

Прогресс одурачивания

Прогресс познания людьми бытия, просвещения, поумнения и т.д. сопровождался прогрессом извращения бытия, помутнения умов, оглупления, сознательного одурачивания и т.д. И трудно сказать, в чем больше человечество преуспело — в первом или во втором. Во всяком случае, глядя на происходящее, невольно приходишь к мысли, что прогресс во втором аспекте начинает доминировать над прогрессом в первом. Причем — прогресс не только в смысле роста числа обманываемых и оглупляемых (оно перевалило за миллиарды), но и в

смысле мощности средств обмана и оглупления, а также вовлечения в этот процесс самой просвещенной и, казалось бы, умной части человечества. Теперь для разоблачения обмана требуется высочайший уровень развития средств научного мышления, которые сами оказались в положении гонимых, запретных или, по крайней мере, не поощряемых. И поразительно то, что миллионы и даже миллиарды людей охотно одурачиваются и оглупляются, так что гипотеза гибели человечества вследствие собственной глупости и самообмана приобретает все более серьезные основания. В этой статье я познакомлю читателя с одним приемом одурачивания и оглупления огромных масс людей, который сейчас стал буквально тотальным в средствах обработки сознания россиян (и не только их). Суть этого приема заключается в том, чтобы для описания данной реальности отбирать из множества событий такие, чтобы каждое суждение об этих событиях по отдельности было истинным, но чтобы их совокупность как целое была бы ложной. Классическим примером на этот счет является «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и вообще сочинения диссидентского периода, разоблачавшие советскую реальность, создававшие ее образ как «империи зла». В современных средствах массовой информации, в литературе, в кино, в научных сочинениях и в публицистике примеры такого рода можно видеть в изобилии.

Как это возможно из суммы истинных по отдельности суждений сложить в целом ложную картину реальности? Нет ли в этом моем утверждении логического противоречия? Никакого противоречия тут нет. Ситуация тут с логической точки зрения довольно простая (если, конечно, вы знакомы в достаточной мере с логикой, чего нет у подавляющего большинства оболваниваемых людей). В реальной жизни больших человеческих объединений, состоящих из многих миллионов людей, в течение многих лет (десятилетий) происходит огромное число всякого рода событий. Сосчитать их практически невозможно. Это — миллиарды событий. И запомнить их люди не в состоянии, если бы даже знали о них. А их знания ограничены. Каждый по отдельности бывает свидетелем лишь ничтожной их части. Находятся люди, которые из этого множества событий отбирают лишь некоторые и фиксируют их в суждениях (в языке). Эти суждения по отдельности могут быть истинными. Они объединяются в целостные тексты. И эти тексты выдают за описание (за образ) реальности в целом. Если отбор событий производится тенденциозно (а обычно так и делается), совокупность истинных суждений как целое оказывается ложным образом реальности как целого.

Именно так случилось с сочинениями о сталинской эпохе, разоблачавшими ее «ужасы». Из океана событий сталинской эпохи тенденциозно вырывались отдельные события. Суждения о них группировались в ограниченных текстах, которые выдавались за образ эпохи в целом. И многими воспринимались именно так, на что и был рассчитан этот жульнический прием. На самом же деле (с научной точки зрения) процент таких событий в отношении к общему числу событий той эпохи был ничтожен. Можно привести примеры других исторических эпох, в которых процент аналогичных событий неизмеримо выше, но никому не приходит в голову обвинять их в преступности, как это делается в отношении сталинской эпохи. В отношении последней имела и имеет место до сих пор умышленная фальсификация, осуществляемая с помощью профессионально разработанных жульнических приемов — приемов преднамеренного оболванивания масс людей.

Но, может быть, историческая значимость событий, вырванных из океана событий эпохи для ее характеристики, была настолько значительна, что все прочие события меркнут перед ними? На самом деле и с этой точки зрения, упомянутые сочинения, «разоблачающие» сталинизм, суть преднамеренная фальсификация истории. В сталинскую эпоху в Советском Союзе произошли такие грандиозные социальные события, по сравнению с которыми события, используемые разоблачителями сталинизма для его дискредитации, являются точно также ничтожными. О подобных событиях просто умалчивают, когда речь идет о других эпохах и других странах. В отношении же сталинской эпохи тут используется также другой прием фальсификации истории: замалчивать социально значительные события или занижать степень их социальной значимости и вытаскивать на первый план события менее значимые и

непомерно преувеличивать их значимость. Этот прием широко и систематически используется в наше время для тотальной фальсификации истории, проходящей на наших глазах и с нашим участием. Чтобы заметить такое жульничество, требуется уже более высокий интеллектуальный уровень как в смысле научного понимания социальных явлений, так и техники их фальсификации (техники одурачивания). Хочу предложить читателю такой примитивный прием. Разделите события на три категории: значительные, нейтральные и незначительные. Различение сделайте хотя бы очень грубое: смотрите на события с точки зрения их важности для организации, жизнедеятельности и перспектив российского общества в целом и основной массы его граждан. Это — гражданский подход к событиям, вполне доступный на первых шагах осмысления реальности средне образованным людям с некоторым жизненным опытом. Понаблюдайте средства массовой информации хотя бы в течение пары недель и подсчитайте информацию о событиях по упомянутым категориям. Думаю, что вы сами легко установите факт систематического информационного оболванивания россиян.

Мне уже приходилось говорить о фальсификации Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. В этом случае жульничество состоит в том, что событие вроде бы отмечается и возвеличивается, но как?! В его изображении не указываются главные участники, благодаря которым была достигнута победа, а именно — советская социальная организация, коммунистическая партия, сталинское руководство и лично Сталин. О нем либо вообще ничего не говорят, либо говорят несусветную чушь, изображая дело так, будто он только вредил и мешал, и победа достигнута вопреки ему.

Трудность обнаружения фактов фальсификации истории состоит в том, что для этого требуется достаточно развитое и в какой-то мере признанное научное понимание реальности, возможность публичного разоблачения фактов фальсификации более или менее регулярно и наличие людей, занимающихся этим как выполнением своего гражданского долга. Ничего подобного пока в России нет.

Москва, 2004

Социальная организация и система ценностей

В горбачевско-ельцинские годы в Советском Союзе произошел антикоммунистический переворот, в результате которого была разрушена советская социальная организация и в России была установлена постсоветская социальная организация. В числе компонентов первой была разрушена и стала формироваться новая, постсоветская система ценностей. В чем конкретно заключается этот перелом, и к каким последствиям он ведет?

Социальной организацией я называю то в организации огромного числа (десятков и даже сотен миллионов) людей в единое целое для совместной исторической жизни (жизни в ряде поколений), что является результатом сознательной деятельности определенной части членов этого объединения людей. Причем, эта деятельность совершается по определенным социальным законам, а не является полностью субъективно произвольной. Социальная организация человеческого объединения есть сложное многомерное образование, структурирующееся и функционирующее также по определенным социальным законам, не зависящим от воли образующих и олицетворяющих ее людей. Основные компоненты социальной организации суть система власти и управления объединением как единым целым, система хозяйства и менталитетная сфера. Функция последней — формирование сознания членов объединения, обеспечение людей необходимой «пищей» для сознания и управление ими путем воздействия на их сознание. В эту сферу включаются религии и

нерелигиозные (светские) идеологии с соответствующими организациями, средства воспитания и образования молодежи, литература, театр, СМИ и вообще все то, что, так или иначе, касается менталитета людей и манипулирования ими путем воздействия на менталитет. И одним из важнейших средств при этом является система ценностей.

Говоря о системе ценностей, я здесь имею в виду не все то, что имеет какую-то ценность (полезность) для людей, а определенный компонент социальной организации человеческого объединения, выполняющий упомянутую выше функцию в жизнедеятельности этого объединения. Это — не сами явления как таковые, которые воспринимаются и осознаются как нечто ценное для людей, а то, что эти явления осознаются в качестве ценностей, что фиксируется в определенных понятиях и суждениях (языковых выражениях, текстах, статьях, книгах, речах и т.д.). Эти языковые явления систематизируются и становятся орудиями особого рода людей в их деятельности по обработке сознания прочих членов объединения. Иначе говоря, я различаю множество явлений в жизни людей, представляющих для них ту или иную ценность (важность), и то, что какие-то члены объединения выделяют в этом множестве какую-то часть, придают им особое значение, закрепляют это в особых текстах, обрабатывают эти тексты по определенным правилам с таким расчетом, чтобы затем вдалбливать их в головы других людей с заранее намеченной целью. Например, в социальной организации западных стран имеют место такие явления, как демократия и рынок. Для каких-то западных людей они суть благо. Западные идеологи выделяют их в своих сочинениях, включают их в систему ценностей западного мира и вдалбливают в мозги западных людей и граждан незападных стран, на которые имеют далеко не бескорыстные виды, именно как ценности, которые надо ценить и охранять, и к которым надо стремиться, если их нет.

Насколько мне известно, такое различие не делается. Не делается не только и не столько по глупости (хотя и это имеет место), сколько преднамеренно, чтобы запутать довольно тривиальные проблемы, ибо идеологи, как правило, не заинтересованы в ясности в понимании социальных явлений. Тексты, в которых говорится о тех или иных социальных явлениях как о ценностях, сочиняются для того, чтобы обработать сознание людей желательным для каких-то членов объединений образом. А для этого нужна не научно объективная картина социальных явлений, а их идеологически искаженный образ. Без этого эти тексты не будут иметь идеологически действенную силу. Одно дело — что из себя на самом деле представляют социальные явления, объявляемые ценностями, и другое дело, как они выглядят в идеологических текстах, в которых описывается система ценностей.

Далее я буду говорить о системе ценностей как об особых текстах (учениях), в которых те или иные социальные явления преподносятся именно как имеющие полезность для людей, — как ценности. Этим явлениям дается определенная оценка. Оценка, естественно, позитивная, апологетическая. Если оценка некоторого явления отрицательная, то это явление не может фигурировать в системе ценностей. О нем могут говорить, конечно, с той или иной целью. Например, в случае противопоставления другой системе ценностей, которая критикуется. Но при этом такое явление считается неценным, вредным, враждебным.

Какие именно явления выделяются в качестве ценностей? Не любые, которые кажутся хорошими, но являются лишь воображаемыми и желаемыми (тут можно навдумывать что угодно), а такие, которые характерны для данной социальной организации, реально возможны в ней и желательны для ее сохранения и развития. Это определяется конкретными свойствами социальной организации и конкретными условиями ее воплощения. Хозяева и идеологи советского общества выделяли в качестве ценностей те черты его, которые они считали его достоинствами. Хозяева и идеологи западного общества выделяли в качестве ценностей то, что считают достоинствами своего общества. Те и другие изображали выделяемые ими черты как некие общечеловеческие ценности. На самом деле никаких общечеловеческих систем ценностей (подчеркиваю — систем!) нет, ибо человечество пока еще не образует единое целое с одной и той же системой ценностей для всех объединений

людей. Еще есть арабские страны со своей системой ценностей, отличной от таковой западных стран. Еще есть коммунистические страны. Еще многие народы живут на дообщественном уровне социальной организации. Конечно, у разных систем ценностей могут быть сходные черты. Но если их выделить, мы не получим некую систему общечеловеческих ценностей в том смысле, как я определил ее здесь. То, что получится, можно, конечно, назвать словами «общечеловеческая система ценностей». Но будет ли такой набор слов иметь действенную силу именно системы ценностей? Такую силу могут иметь только такие системы ценностей, которые отражают существенные черты реальных социальных организаций. Например, включение в систему ценностей коммунизма права на труд, отдых, образование, обеспеченную старость, жилье и т.д. отражало реальность Советского Союза и других коммунистических стран, а демократических свобод и прав (общеизвестные права человека) отражает реальность стран западного мира (западнизма). Система ценностей коммунизма не является общечеловеческой, как и система ценностей западнизма. В свое время СССР стремился навязать коммунистическую систему ценностей прочим странам и народам как общечеловеческую, а теперь по тому же пути пошли США и страны НАТО — навязывают всему человечеству систему ценностей западнизма. Если Западу удастся покорить все человечество, он может осуществить свой замысел. Но это не будет означать, что всем людям на планете будет нравиться система ценностей западнизма. Это будет означать лишь то, что западнистская система ценностей станет глобальным идеологическим орудием управления людьми — сознание всех людей на планете будет обрабатываться стандартным образом в духе идеологии западнизма. Насколько это будет успешно практически — другой вопрос. Я думаю, что кормить всех людей одинаковой духовной «пищей» в виде какой-то системы общечеловеческих ценностей, это подобно тому, как всех животных стали бы кормить одной и той же физической пищей. Попробовать, конечно, можно. Но будут ли они сыты?

Обратимся теперь к ситуации, которая сложилась в России в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Была разрушена коммунистическая социальная организация, включая советскую идеологическую сферу вообще и ее составную часть — коммунистическую систему ценностей. Произошло это не так, будто уничтожали людей, сохранявших советскую идеологию и навязывавших ее прочим гражданам, — их не тронули. Это произошло путем ликвидации прежнего идеологического аппарата, лишения идеологов прежнего статуса и поддержки, уничтожения средств влияния их на сознание граждан, заполнения менталитетного пространства идеологическими феноменами другого рода и покровительства им. Одним словом, просто лишили россиян прежней «духовной пищи» и вместо нее предоставили им «духовную пищу» иного рода, иных ее «поваров» и иных «кормителей». Вопрос: «каким именно является все это?».

Постсоветская социальная организация стала создаваться как гибрид из элементов советизма (коммунизма), западнизма и дореволюционного феодализма, т.е. из явлений социальных организаций различного типа и даже различного эволюционного уровня. Естественно, система ценностей и весь механизм ее создания и функционирования не могут быть не чем иным, кроме как гибридом из элементов упомянутых социальных организаций, которые во многих отношениях вообще несовместимы. Рассчитывать на то, что сложится единая, гармоничная и устраивающая хотя бы достаточно значительную часть россиян система ценностей, по меньшей мере, наивно. Совместить в одном и том же сознании то, что навязывают попы, что мутным потоком льется через СМИ и культуру с Запада и что узнается из старых (советских) фильмов, воспоминаний стариков и демагогических призывов правителей и идеологов, можно только ценой идейного хаоса, морального разложения, массовых психических и интеллектуальных заболеваний, что и можно наблюдать сейчас невооруженным глазом в России.

Наговорить множество фраз, которые можно выдать за формулировку некой системы ценностей, не составит труда. По числу болтунов на душу населения Россия сейчас

превзошла все, что было и есть на планете. Но станут ли эти слова реальной системой ценностей, это зависит от новой социальной организации в целом и от положения России в мировом окружении. Я на этот счет ничего обнадеживающего не вижу. Вижу лишь возможность имитации, показухи или, как теперь стали говорить, виртуальности.

Москва, 2004

Будущее

Проблема будущего. О будущем люди думали и говорили испокон веков. Однако думать и говорить о будущем социальном строе человеческих объединений люди начали сравнительно недавно. Первыми мыслями такого рода, оставившими заметный след в истории, были «Утопия» Томаса Мора и «Государство Солнца» Томасо Кампанеллы. Историческое расстояние между ними было сто лет, если не больше. А мы пишем их рядом, через запятую, как будто никакого времени не проходило! Следующий шаг в этом направлении сделали домарксовские социалисты и коммунисты Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие. И опять на этот шаг ушло не одно столетие! И самый значительный шаг связан с именем Маркса, который стал родоначальником самой грандиозной идеологии социального будущего человечества. Более чем на столетие эта идеология овладела умами и чувствами многих миллионов людей, оказав огромное влияние на социальную эволюцию Запада и всего человечества. Марксистское учение о будущем (для того времени) «полном коммунизме» стало важнейшей частью государственной идеологии коммунистических стран. Его называли «научным коммунизмом», хотя научного в нем не было ни единого слова, во всяком случае — ничуть не больше, чем в сочинениях Мора, Кампанеллы и социалистов-утопистов.

Марксистское учение о коммунистическом обществе было выработано в условиях общества капиталистического, причем — как отрицание того, что марксизм усмотрел в капитализме. Оно строилось как нечто нормативное, т.е. по принципу, что там должно быть и чего не должно быть. В нем не должно быть эксплуататорских классов, отношений господства и подчинения, стихийности и анархии производства, безработицы, экономических кризисов, государственных учреждений, денег, экономического и социального неравенства. Вместо этих зол должны наступить блага. Производительные силы в коммунистическом обществе получают неограниченные возможности для развития, целью производства станет не получение прибыли путем эксплуатации наемного труда, а удовлетворение постоянно растущих потребностей трудящихся, наступит изобилие всех предметов потребления, на место отношений классовой вражды придут отношения дружбы и взаимопомощи.

Марксизм, создавая картину будущего коммунизма, удивительным образом игнорировал обстоятельства, очевидные без всякой науки, уже на уровне здравого смысла, а именно — тот факт, что сложное общество из многих миллионов людей не может существовать без многоступенчатой иерархии социальных позиций, без отношений социального (а не экономического) господства и подчинения, без сложной системы органов государственной власти, без экономического и социального неравенства, обусловленного иерархией социальных позиций и необходимостью управления людьми и коллективами людей. В Советском Союзе осуществилось то, что считалось главным условием для коммунистического рая, а именно — была ликвидирована частная собственность на средства производства, и были уничтожены эксплуататорские классы частных собственников. Но вместо того, что обещал марксизм, во всю мощь развернулись именно те факторы, которые марксизм игнорировал.

Учение о высшей стадии коммунизма (о полном коммунизме) образует своего рода райскую

часть коммунистической идеологии. Здесь рай спущен с небес на землю. И обещается он хотя и в неопределенном будущем, но все же не после смерти всех людей, а при жизни наших потомков. Не марксизм изобрел этот земной рай. Еще Томас Мор в своей «Утопии» описал общество всеобщего благоденствия, справедливости и счастья, в котором обобществляется имущество, отмирает государство с его атрибутами, чиновники становятся слугами народа, воцаряется подлинная свобода, всестороннее развитие получают все лучшие качества человека, все потребности людей удовлетворяются.

Возможно ли в реальности такое общество, какое рисует марксизм в качестве полного коммунизма, или нет? Категорический ответ на этот вопрос исключен. Кое-что из того, что он обещает, возможно, а кое-что невозможно никогда и нигде. Но в основном все зависит от истолкования этих предсказаний, что есть прерогатива идеологии. Можно самые фантастические обещания истолковать так, что они наверняка сбудутся или уже сбылись. Например, идеология утверждает, что при коммунизме исчезнут классовые различия между рабочими и крестьянами, а также «существенные» различия между городом и деревней. И это предсказание наверняка сбудется. Они уже не были существенными для советского общества. Возьмем, далее, лозунг коммунизма «Каждому — по потребности». Если этот лозунг понимать буквально, то он никогда не осуществится хотя бы потому, что удовлетворенная потребность рождает новую (согласно самому Марксу), что потребности разнообразны, что желаемые ценности не одинаковы. Но если его понимать научно, т.е. социологически, то он реализуется всегда и во всяком обществе: не сам индивид по себе, а общество определяет, каковы его способности, и каковы должны быть его потребности согласно его положению в обществе. Советская идеология, осознав нелепость лозунга коммунизма в его марксовской безответственной формулировке, пошла именно по этому пути — по пути приближения идеологической сказки к реальности. Стали говорить о здоровых, разумных потребностях. А что это такое? И кто решает, что считать разумным, и что нет? Реализация коммунистического принципа «по потребности» не исключает социальное и экономическое неравенство людей, также как и другие негативные явления реального коммунизма.

Опыт коммунистических стран 20 века показал, что основные предсказания марксизма относительно будущего коммунистического общества (исчезновение классов, материальное и социальное равенство, отмирание денег и государства и т.д.) не сбылись. Сбылось лишь «предсказание» ликвидации частной собственности на средства производства. Но и то это «предсказывали» до Маркса. К тому же это было не предсказание в строгом смысле слова, а идеологический и затем политический лозунг практической деятельности, подобно тому, как призывы к ликвидации монархии были лозунгами буржуазных революций, а не предсказаниями.

После второй мировой войны на Западе возникла особая форма сочинительства, получившая название науки о будущем (футурология). В большом количестве стали появляться романы и фильмы, посвященные будущему и относимые к категории научно-фантастических. Научного в них, как и в сочинениях футурологов, было еще меньше, чем в марксистском учении о «полном коммунизме», над которым на Западе издевались с момента его появления. А основы фантастики оказались теми же, что и основы религиозного мракобесия прошлого, — искажение законов природы и правил логики. Характерной чертой футурологии является полное пренебрежение к правилам логики и методологии науки, к объективным закономерностям социальных явлений и к свойствам конкретных человеческих объединений. Человечество бралось в ней как нечто социально однородное.

Полностью игнорировалась его социальная структура. Выделялись отдельные аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, им давалась субъективная (тенденциозная) интерпретация, и будущее общество изображалось в таком виде, будто вся жизнь в нем крутится вокруг этого и будто ничего другого в нем нет. Предсказания касались частных и второстепенных явлений. Предсказания же большого

масштаба были заведомо вздорными или вообще бессмысленными. Преобладали методы идеологии, развлечения-тельства и бизнеса. Специалисты по «научному коммунизму» делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм, которые на самом деле эволюционировали в противоположном направлении. Футурологи делали упор на технологию. Вот что, например, предрекали одни из них. Производство и распределение жизненных благ будут осуществляться устройствами, управляемыми компьютерами. Рабочие места не будут оплачиваться. Вместо этого гражданам будет гарантировано основное содержание (оклад). При этом каждый сможет заработать сверх этого гарантированного минимума, по своим потребностям. Все предсказания такого рода суть лишь перефразировка марксистских обещаний общества, в котором люди будут иметь жизненные блага по потребностям, причем — безденежно. Один футуролог предсказал, что к середине 21 века все обитатели планеты будут сыты и иметь бесплатное медицинское обслуживание. Если бы в восторженных отзывах на его книгу не сообщили, что он — один из богатейших людей Европы, то можно было бы подумать, что эту книгу сочинил какой-нибудь специалист по «научному коммунизму» еще в сталинские годы.

Предсказания футурологов охватывали все сферы бытия, начиная от кухонной утвари и приемов секса и кончая мировым обществом и общениями с инопланетянами. Причем, это делалось во всеоружии мощнейших средств сбора, обработки и распространения информации, какие даже не снились примитивным жрецам «научного коммунизма» — марксистам. По сравнению с таким размахом идеологического оболванивания человечества усилия «научного коммунизма» выглядят как наивные плутни дилетантов.

Самой высокой вершиной премудрости, на которую поднялась футурология 20 века, было предсказание постиндустриального или информационного общества. Описание этого общества по степени глупости превзошло даже описание «полного коммунизма» в марксизме. В сочинение этой чепухи были вовлечены многие тысячи специалистов, считавшихся самыми выдающимися умами века. Их сочинения издавались в десятках миллионов экземпляров на всех более или менее значительных языках планеты и пропагандировались во всю мощь средств массовой информации. Футурологи стремились предсказать нечто новое, еще не существовавшее в их время, а фактически «предсказывали» именно то, что уже появилось в то время, только они непомерно преувеличивали эти явления и искажали их до неузнаваемости. Так, футурологи предсказывали, что каждый человек в будущем (для них) информационном обществе будет иметь прибор с мозгом и памятью, в тысячи раз превосходящими таковые человека. Люди будут иметь постоянно с собой в одежде или в виде браслетов, колец и медальонов информационно-интеллектуальные устройства, благодаря которым они тут же могут получать мировую информацию и общаться с любыми другими людьми, с кем захотят. Технические устройства, дававшие материал для таких предсказаний, существовали уже во второй половине 20 века. И уже тогда было очевидно, что доступ к информации был ограничен. На любую желаемую информацию было нелепо рассчитывать, ибо наиболее важная информация является тайной за семью печатями. Превосходство технических устройств над человеческим мозгом касается лишь ограниченного множества логических операций, а не любых. Общаться, когда угодно и с кем захочешь, в принципе исключено. Захотят ли другие общаться с тобой? Позволят ли тебе это? Каким бы ты оборудованием ни располагал, возможности человека к общению и к «перевариванию» информации ограничены. Потребности — тем более. Обещать людям такое изобилие в отношении информации — все равно как обещать каждому возможность питаться сразу во всех ресторанах планеты, причем — выбирать сразу любые блюда из миллионов возможных, не считаясь со стоимостью их изготовления и со своим желудком. В реальности в распределении информации всегда имела, и будет иметь место система, соответствующая социальной структуре членов общества.

Футурологи предсказывали, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность

труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с незначительной рабочей силой. Сам доступ к информации и использование ее приобретут статус богатства наряду с владением землей и средствами производства.

Тут что ни фраза, то несусветная чушь. Зачем, спрашивается, сто с лишним лет издевались над марксистским «полным коммунизмом», если сами не способны придумать ничего другого, как то же самое удовлетворение всех потребностей, да еще с незначительными затратами труда?! Что касается превращения информации в богатство наряду с богатством материальным, то трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для нищих и неимущих. Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности общества. От этого хлама нет спасения, как от мусора. Но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богачами.

В предсказаниях футурологов совсем выпал из поля внимания социальный аспект разрастания и усовершенствования информационной сферы. А заключался он в том, что уже к концу 20 века наличных информационных средств оказалось вполне достаточно для того, чтобы взять под контроль и включить в сферу своего действия поголовно все население западных стран. Решающим стало не количество, а содержание информации, которую стали снабжать людей, организация системы изготовления и распространения потоков информации, роль информационной системы в организации жизни общества в целом. В обществе появилась новая социально-политическая и идеологическая сила наряду с государством, банками и концернами, подчинившая себе все общество. И те новые технические изобретения, которые предсказывали футурологи, могли лишь дать ей новые средства господства над людьми.

Другая вершина футурологической мудрости — предсказание превращения человечества в единое Глобальное Общество с единым мировым правительством и прочими атрибутами целостного общества (наподобие «национальных государств» Запада), только размером побольше (тогда было около 6 миллиардов человек!). Опять-таки формирование такого «общества» шло полным ходом. Ему давалось соответствующее идеологическое обоснование. Обычно ссылались на проблемы, которые якобы можно было решить лишь совместными усилиями всех стран планеты, на формирование мировой экономики, якобы ломавшей границы национальных государств, и на образование сети неполитических и неэкономических организаций и учреждений, уже опутавших все человечество. В мире фактически не осталось ни одного более или менее значительного региона, где люди вели бы изолированную жизнь. Осуществилась глобализация средств массовой информации, начала складываться единая мировая культура. Средства коммуникации устранили большие расстояния и природные условия как препятствия для перемещения людей, для общения и распространения материальных и духовных ценностей по всей планете.

Все идеологи Глобального Общества, включая футурологов, умалчивали о том, что упомянутые выше мировые проблемы возникли в результате прогресса западной цивилизации, прежде всего, что идея глобализации человечества была идеей западной, а не абстрактно мировой. В основе ее лежало не столько стремление различных народов к объединению, сколько стремление определенных сил Запада, занять господствующее положение на планете и использовать все ее ресурсы и все человечество в своих эгоистических интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика складывалась, прежде всего, как завоевание планеты транснациональными западными компаниями и банками. Некоммерческие международные организации были, как правило, западными или контролируруемыми западными силами. Мировой информационный порядок устанавливался странами Запада. Мировая культура возникала и укреплялась как американизация культуры других народов. Новый мировой порядок устанавливался как навязывание всем народам американской системы ценностей. При этом использовались все

средства, включая военные.

Ни в одном сочинении на тему о будущем я не встречал определения понятия будущего и описания свойств суждений (высказываний, утверждений) о будущем, т.е. предсказаний или прогнозов будущего. Будущее считается чем-то очевидным и само собой разумеющимся: это — то, что будет существовать и происходить после того времени, в которое заходит речь о будущем и которое считается настоящим. Но ясность тут кажущаяся. Можно ли отнести к будущему завтрашний день? А предстоящий год? Или десятилетие? Смотря для кого и смотря, с какой точки зрения. Тут примитивной очевидностью нельзя удовлетвориться. Тут требуется уточнение понятий. Аналогично обстоит дело с прогнозами. Можно ли считать прогнозом утверждение кандидата в президенты, что в будущие два-три года благодаря его умной политике безработица сократится вдвое? Можно ли считать прогнозом утверждение мудреца, что рано или поздно наша планета разрушится? Необходимо хотя бы кратко сказать о логическом аспекте такого рода проблем, ибо без соблюдения элементарных правил на этот счет всякие разговоры о будущем превращаются в словоблудие.

История. Надо различать физический и социальный аспекты времени. В первом из них предполагаются эмпирические события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования, осознания и измерения времени, но сами эти события не являются объектами исследования. В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется, но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени.

В физическом аспекте вводятся и употребляются понятия одновременности и последовательности событий во времени (раньше, позже). В разговорной практике, когда говорят о прошлом, имеют в виду события, имевшие место до времени, в которое говорят о прошлом и которое считают настоящим, а, говоря о будущем, имеют в виду события после этого настоящего. При этом смысл временных понятий зависит от ситуации. Прошлым может быть вчера, прошлый год, прошлое столетие. Будущим может быть завтра, будущий год, будущее столетие. Настоящим может быть сегодня, текущий год, текущее столетие. В таком словоупотреблении термины времени обозначают именно время.

Физическое настоящее есть либо «миг», т.е. точка отсчета времени, протяженность которой не принимается во внимание, либо интервал времени, играющий ту же роль. Что происходит в этом интервале, во внимание не принимается. Если отвлечься от субъекта, который рассматривает события во временном порядке (как следующие одно за другим) и выбирает какой-то способ установления порядка (в том числе выбирает точку отсчета), то понятия физического настоящего, прошлого и будущего теряют смысл. А обычно в рассуждениях о времени именно так и поступают, загоня себя (и других) в ловушки словоблудия. Физическое прошлое есть то, что уже не существует относительно данного настоящего, и никогда существовать не будет, — прошлое невосвратимо. Физическое будущее есть то, чего еще нет относительно данного настоящего, но что будет обязательно, — будущее, неотвратимо. Это не значит, что будущие конкретные события predetermined, — в физическом смысле от конкретных событий вообще отвлекаются. Это означает, что после данной точки отсчета (данного настоящего) неизбежны какие-то события. По самому смыслу понятий нельзя путешествовать в прошлое и в будущее, — нельзя побывать физически там, чего уже нет, и там, чего еще нет. Побывать в будущем можно лишь в том смысле, в каком оно само наступит. Но тогда оно уже не будущее, а настоящее. Нельзя повернуть время вспять, ускорить или замедлить. И дело тут не в какой-то природе времени, а в тех логических средствах, с помощью которых образуются понятия времени.

Для отношения прошлого, настоящего и будущего в социальном смысле мало сказать, что они следуют друг за другом во времени. Тут предполагается некий эмпирический субъект, который живет во времени, осознает свою жизнь во временном аспекте и как-то учитывает это в своей жизнедеятельности. Таким субъектом является человек и объединение людей,

живущее как единое целое. Назовем его социальным субъектом. Для него прошлое, настоящее и будущее суть его жизнь в различные периоды времени, а не сами эти периоды времени как таковые.

Это — его состояния в физическом прошлом, настоящем и будущем. Различия этих состояний определяются не периодами времени, а факторами жизни социального субъекта. Он осознает свою жизнь, используя понятия времени, осуществляя деление времени и измеряя время. Но деление времени этим субъектом на прошлое, настоящее и будущее определяется не часами и календарем, а этими эмпирическими факторами. Оно может совпадать с календарными датами и может специально к ним приурочиваться, но как символическое явление или случайное совпадение.

Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это — протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает настоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о которых он помнит или узнает от других, но которые не принимает в расчет в настоящем, а также по отношению к событиям, которые мыслимы в физическом будущем и с которыми он тоже не считается как с реальностью в своем настоящем. Для него настоящее время неразрывно связано с его определенным состоянием, определенным образом его жизнедеятельности. Именно факторы этого состояния определяют границы его социального настоящего в физическом времени.

Благодаря сознанию настоящее для социального субъекта оказывается растянутым в физическом времени множеством событий, часть которых «уходит» в физическое прошлое и другая часть «приходит» из физического будущего. Но они не переживаются как события из социального прошлого и, соответственно, социального будущего. Социальным прошлым для социального субъекта становятся события в физическом прошлом, которые уже не включаются в его социальное настоящее, не принимаются в расчет в социальном настоящем. Социальным будущим для него являются события в физическом будущем, которые еще не включаются в его социальное настоящее, точно также не принимаются в расчет в его жизнедеятельности в его настоящем.

История, таким образом, разделяется на историю прошлого, историю настоящего и историю будущего. Под историей в узком смысле слова обычно понимают историю прошлого или, короче, прошлое.

Разделение на социальное прошлое, настоящее и будущее не является абсолютно четким, неизменным и одинаковым для всех. Это — часть исторической жизнедеятельности людей, подверженная перипетиям живого процесса. Но оно, так или иначе, имеет место. Социальная история разделяется на прошлое, настоящее и будущее относительно каких-то социальных субъектов. По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается так, что часть настоящего уходит в прошлое и часть будущего включается в настоящее. Хотя какая-то часть бывшего настоящего перестает играть роль фактора социального настоящего в жизни социального субъекта, можно сказать, — становится достоянием истории, кое-что из нее сохраняется в памяти людей. Но большая часть забывается совсем или оставляет фрагментарные и неявные следы, так что в случае потребности, припомнить прошлое, приходится прилагать особые усилия. Возникает особая сфера познания, называемая наукой историей. Слово «история» употребляется для обозначения этой сферы познания. Основной целью ее является мысленная (знаковая, языковая) реставрация прошлого как эмпирического процесса, как совокупности упорядоченных в пространстве и времени индивидуальных событий. Для этого используются и изобретаются средства, соответствующие цели и условиям познания.

Настоящее наблюдается непосредственно. Фиксирование в сознании конкретных событий

принципиально непреодолимых трудностей не встречается. Основной целью познания становится обдумывание наличного эмпирического материала. Используются научные средства познания: абстрагирование, обобщение, анализ, синтез, классификация, гипотезы и т.д. Со временем возникает особая наука — социология. Хотя будущее еще не входит в настоящее, неотвратимость его осознается, и возникает потребность, заглянуть в него. Для этого также используются и изобретаются подходящие средства познания. Строятся прогнозы — предсказания того, чего еще нет в реальности. Сравнительно недавно сложилась особая сфера познания — футурология. Так что с точки зрения интересов и условий познания достаточно отчетливо различаются три его подразделения — история (в узком смысле слова), социология и футурология.

Для всех трех подразделений познания имеют силу универсальные правила методологии. Но между этими подразделениями имеют место отличия, которые порождают различные познавательные проблемы. Для научного решения этих проблем требуются средства, практически приложимые по преимуществу в том или ином подразделении или даже не используемые в других в силу отсутствия соответствующих проблем. В историческом исследовании, например, приобретает большое значение проблема идентификации событий и их пространственно-временной локализации. Для историков важны индивидуальные личности и события, и конкретные места и времена их жизни и осуществления. Для социологии важны классы личностей и событий, их пространственно-временные характеристики, не зависящие от конкретных пространственно-временных координат. В футурологии важнейшее значение приобретают прогнозы. Так что ее можно назвать прогностикой. Тут разрабатывается особая методология.

Устремленность во времени. По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается в физическое будущее. Интервал физического будущего, включаемого в настоящее, может увеличиваться. Это означает, что люди все дальше и дальше заглядывают в физическое будущее, все больше в своей жизнедеятельности ориентируются на предполагаемые в будущем события, в наступлении которых они более или менее уверены. Они как бы устремляются в будущее. Для них ход исторического процесса как бы ускоряется. Но возможно и такое, что по мере перемещения социального настоящего в физическом времени граница физического прошлого, включаемого в социальное настоящее, остается той же или сдвигается настолько медленно, что расширение социального настоящего происходит в основном за счет физического прошлого. Ход исторического времени как бы замедляется. Возможно даже такое, что в настоящее начинают включать факторы еще более отдаленного прошлого, и тогда социальное настоящее как бы устремляется в прошлое. Возможно также такое, что у людей вообще не появляется или исчезает отношение к своему социальному бытию как к бытию в социальном времени. Их жизнь при этом есть бытие в бесконечно (в их восприятии) длящемся социальном настоящем. В этом случае возникает ситуация, которую можно считать остановкой исторического времени для данной человеческой общности. Физическое время при этом проходит, но люди не переживают свою жизнь как ориентированную во времени в будущее. Подавляющее большинство народов, живших и живущих на планете, является именно таким. В том, о чем шла речь, никакого ускорения, замедления, остановки и обратного хода физического времени не происходит. Тут в жизни социальных субъектов происходит нечто такое, что связано с их памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции и избегать новшеств, со способностью предвидеть будущие события и последствия своей деятельности, со способностью считаться с ними в их настоящем. Это происходит в их социальном настоящем, которое может охватывать жизнь множества поколений в течение десятилетий, столетий и порою тысячелетий.

Устремленность в будущее есть не извечное и не всеобщее явление, а сравнительно молодое, исключительное и преходящее. Думаю, что оно суть изобретение западноевропейской цивилизации. Запад не всегда был устремлен в будущее. Как и прочие

народы, западные народы жили настоящим. Христианская религия вообще снимала проблему будущего как проблему социальную, отнеся ее в сферу загробного бытия и религиозной морали. Практические расчеты не выходили за рамки жизни в настоящем. Начало ориентации Запада на будущее относится, по всей вероятности, к эпохе Возрождения, когда будущее как фактор социальный было из сферы потустороннего спущено на землю, в обычную человеческую жизнь в настоящем.

Самого высокого, на мой взгляд, уровня устремленность в будущее достигала в сталинские годы в Советском Союзе. Основная масса населения жила будущим в полном смысле слова. Подчеркиваю, не просто мечтала (мечтали-то не все, и даже не большинство, а немногие!), а именно жила. Весь образ жизни их был построен так, что исследователь, наблюдающий их как независимое от него, объективное явление бытия, должен был бы обнаружить фактор устремленности в будущее (для наблюдаемых людей, а не для исследователя) как существенный социальный фактор, игнорируя который, он не смог бы объяснить поведение этих людей. В послесталинские годы начался спад в этом отношении. К концу брежневского периода этот спад завершился идейным кризисом советского общества и после 1985 года полным идейным крахом. В посткоммунистический период устремленность в будущее вообще исчезла как социально значимое явление. Зато усилилась устремленность в прошлое.

Возврат в физическое прошлое логически (а значит и эмпирически, в реальности) невозможен. Время необратимо: если некоторый момент или интервал времени следует за другим относительно любого способа установления временного порядка событий, то невозможно, чтобы их отношение переменялось на противоположное относительно какого-то способа установления временного порядка событий (отсчета времени). В социальном же настоящем для данного социального субъекта возможно оживление и возрождение явлений, которые считались явлениями социального прошлого, так что эволюция этого субъекта воспринимается как устремленность в социальное прошлое. В 20 веке такое явление приняло грандиозные глобальные масштабы как реакция на устремленность в будущее. Произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на устремленных в будущее и устремленных в прошлое. Устремленность в прошлое стала важным фактором жизни в частях человечества, страдающих от западнизации и глобализации. Характерным ее проявлением может служить фундаментализм. В посткоммунистической России она приняла гротескные формы, причем не только как реакция на тяжкие последствия западнизации, но и как реакция на коммунистическое прошлое.

Прогнозы будущего. Предсказания или прогнозы будущего суть суждения (высказывания, утверждения), которые обладают такими признаками. Во-первых, в них говорится, что нечто будет иметь место или произойдет в будущем. Во-вторых, они относятся к числу эмпирических суждений, т.е. таких, которые подтверждаются или опровергаются не путем логического доказательства, а путем сопоставления с эмпирической реальностью. Они высказываются во время, когда такая реальность еще не существует. Это означает, что в это время они не являются ни истинными, ни ложными. Они в это время оцениваются как обоснованные или необоснованные, как более или менее вероятные, как более или менее надежные, как принимаемые на веру. Когда наступает время, к которому они относятся, то говорят, что они подтверждаются или не подтверждаются, сбываются или не сбываются, сбываются приблизительно или частично. Если прогноз сбылся, это не означает, что он был истинным в то время, когда высказывался. Если прогноз не сбылся, это не означает, что он был ложным во время, когда он высказывался. Да и во время, к которому относится прогноз, его нельзя оценивать как истинный или ложный. Только лишив его статуса прогноза, т.е. изъяв из него суждение о данной реальности, можно такое суждение оценивать как истинное или ложное.

Не любые суждения, в которых фигурирует будущее время, суть прогнозы. Например, суждение о том, что «А» хочет в будущем году поступить в университет, относится вроде бы к будущему. Но оно не есть прогноз, так как на самом деле относится к настоящему и может

быть проверено путем обращения к существующей реальности: для этого достаточно спросить Иванова, собирается он в будущем году поступать в университет или нет. А вот суждение: «А» в будущем году поступит в университет» есть прогноз, ибо будущий год еще не наступил, и доказать логически это суждение невозможно. Суждение же: «А» в будущем году либо поступит, либо не поступит в университет» не является прогнозом, так как оно логически истинно, т.е. истинно в силу свойств логических операторов «либо» и «не» и может быть логически доказано.

Прогнозы различаются по многим признакам, в том числе — по содержанию, по степени обоснованности, по методам обоснования. Одно дело — предсказание моды женской одежды в предстоящем сезоне, и другое дело — предсказание состояния человечества через сто лет. Одно дело — гадание о будущем по линиям на руке или по звездам, и другое дело — расчеты с использованием современной информационной технологии и с участием большого числа квалифицированных специалистов.

Степень обоснованности прогнозов колеблется в диапазоне от нуля до единицы, часто достигая нуля и никогда не достигая единицы. Она зависит от многих факторов, в том числе от характера объекта предсказания, от имеющейся информации, от отдаленности времени, к которому относится предсказание, от данных науки и т.п. Человеческое поведение основывается на прогнозах достаточно высокой степени надежности, но эти прогнозы сравнительно примитивны, и обоснованность их обычно не выражается явно или вообще сводится к привычке.

Надо различать степень обоснованности прогнозов и степень доверия к ним людей. Одни прогнозы люди воспринимают как бесспорные, в других сомневаются, а в третьи вообще не верят. При этом степень доверия к прогнозам зависит не столько от степени их обоснованности, сколько от субъективного отношения людей к тому, что, как и кем предсказывается. Люди чаще верят в нелепые и необоснованные прогнозы, сильно воздействующие на их сознание и чувства, соответствующие их желаниям, ожиданиям, опасениям и т.п., чем обоснованным предсказаниям, не соответствующим их умонастроениям и способностям понимания. В наш век баснословных научных открытий массы образованных людей больше верят средневековым и современным шарлатанам и всякого рода демагогам, чем трезво мыслящим ученым. Феномен Кассандры сохраняет силу и в наше время. Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневекового мракобесия.

Прогноз будущего с таким «поворотом мозгов», о котором речь идет в этой статье, руководствуется такими методологическими установками. Прежде всего, должен быть четко выделен социальный субъект (в рассмотренном выше смысле). Для нас это — наиболее развитые в социальном отношении человеческие объединения, играющие решающую роль в социальной эволюции человечества, и в отношении которых есть основания предположить, что они эту роль не упустят в обозримом будущем.

Социальное будущее данного субъекта есть результат двух совокупностей факторов. К первой совокупности относятся факторы социального настоящего, материал субъекта и объективные социальные законы. С этой точки зрения социальное будущее есть реализация тенденций и потенциалов настоящего. В этом и только в этом смысле будущее предопределяется настоящим. В этом и только в этом смысле будущее предсказуемо с нашим «поворотом мозгов».

Ко второй группе факторов, о которых идет речь, относятся те, которые не зависят от настоящего и не содержатся в нем. Их невозможно обнаружить путем анализа настоящего, поскольку их там вообще нет. От этих факторов зависит то, в какой мере, и в какой форме реализуются потенциалы и тенденции настоящего, как будет жить материал настоящего, в какой

форме проявляются объективные социальные законы. В этом смысле будущее не предопределено настоящим и не может быть предсказано с нашим «поворотом мозгов». Более того, исследование с такой ориентацией должно сознательно отвлекаться от факторов второй совокупности. Так что его результат может быть лишь условным. С логической точки зрения результат этот будет иметь такой вид: если рассмотренные в прогнозе тенденции и потенции настоящего не встретят серьезного препятствия в своем дальнейшем действии, то результатом их развития будет то-то и то-то. Ход исторического процесса может быть нарушен и прерван непредвиденными обстоятельствами, но это не будет опровержением прогноза такого логического типа.

Во всех известных мне прогнозах будущего социальных явлений будущее рассматривается как нечто статичное, как раз навсегда данное, как свершившееся, т.е. вне времени. Такой подход оправдан в отношении индивидуальных событий, интересующих нас исключительно с одной точки зрения — совершаются (происходят) они или нет. Это, например, результат выборов президента или парламента, начало или исход войны. Но он непригоден в тех случаях, когда прогноз касается социальных субъектов, которым предстоит жить в будущем длительное время, — когда прогноз касается социального будущего. Социальное будущее есть явление в физическом будущем относительно времени, когда делается прогноз. Но оно станет социальным настоящим для социального субъекта, к которому относится прогноз. В том будущем состоянии этот субъект будет воспроизводиться, изменяться и эволюционировать во времени. То, что решающим образом определит это состояние данного субъекта в его будущей жизни, зарождается и до известной степени формируется в его социальном настоящем. Задача прогноза в этом случае — не просто предсказать, произойдет что-то или нет, а выяснить, на какой основе будет происходить жизнь интересующего нас субъекта в социальном будущем.

При такой ориентации исследования главная задача социального прогноза состоит не в гадании по поводу того, что будет в будущем такого, чего нет в настоящем, а в выделении в современной социальной реальности того эмбриона будущего, которого человечество уже носит в своем чреве, т.е. в установлении и описании социальных явлений, уже зародившихся и существующих в настоящем и имеющих шансы, сыграть решающую роль в будущей судьбе человечества. При этом необходимо знать законы эволюции социальных объектов, предопределяющие судьбу эмбриона будущего.

Прогнозы будущего. Коммунисты не просто высказывали идеи относительно устройства человеческих объединений в будущем, но и выдвигали проекты переустройства реальности в соответствии с их идеалами. Особенно отчетливо это выразил Маркс. Он превратил проблему думания о будущем в проблему делания будущего по заранее придуманному проекту. Мыслители, говорил он, до сих пор стремились объяснить мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его. Маркс и его последователи (особенно Ленин) разработали программу и стратегию преобразования социальной реальности по своему проекту.

И это были не только слова. 20 век был веком колоссальных успехов реального коммунизма. Последний стремительно овладевал планетой, угрожая существованию западного мира. Он на самом деле имел шансы, стать будущим для всего человечества, как предсказывали коммунисты. Опасения одних и надежды других, что именно так и будет, доминировали в умонастроениях человечества. Победа западного мира в «холодной» войне против Советского Союза и возглавлявшегося им коммунистического мира, я полагаю, положила этому конец. Во всяком случае, надолго отложило реализацию этого идеала.

Западные футурологи и в этом отношении последовали примеру марксистов. Они занялись не только прогнозированием будущего, которое им представлялось, естественно, не в коммунистическом, а в западообразном виде, но также разработкой проектов будущего и стратегии их осуществления. Возникли специальные учреждения для этого. Стали проводиться конференции на эту тему и публиковаться всякого рода материалы.

Деятельность футурологов в этом направлении, имея много общего с деятельностью коммунистов, отличается от нее по ряду признаков. В коммунистическом учении был один проект, в футурологии — множество. Коммунистический проект видел причину всех зол в социальном строе западных стран, видел спасение от этих зол и достижение всеобщего благоденствия в новом социальном строе, главный источник достижения этого — в совершенствовании социальных отношений, человека и условий труда. Футурологические проекты игнорируют социальный строй вообще или обращают внимание лишь на его отдельные проявления, оставляя без внимания их причины. О переделке социального строя в них нет даже намеков — этот строй предполагается вечным и в основе своей неизменным. Главное средство преодоления всех зол и установления всеобщего благоденствия усматривается в научном и техническом прогрессе. Они исходят из убеждения, будто западный мир обладает технической и экономической мощью, достаточной для осуществления задуманных проектов. Коммунистический проект сыграл идеологическую роль в возникновении коммунистических обществ. Но последние оказались весьма далекими от проекта. То же самое происходит с футурологическими проектами. Они возникают и функционируют как часть западной идеологии, как-то влияя на творцов истории. Но создаваемое благодаря усилиям этих творцов здание человечества оказывается лишь внешне и лишь по второстепенным признакам похожим на то, как оно изображается и проектируется футурологами.

Хотя различие прогнозов и проектов будущего кажется само собой разумеющимся, практически они смешиваются. Проект будущего может включать в себя элементы прогноза и наоборот. Тем не менее, это — различные явления, как с логической, так и с социологической точки зрения. Прогноз есть явление в сфере познания, а проект — в сфере практической деятельности людей.

Действия людей в соответствии с заранее намеченными планами (проектами) того, что они собираются создавать и вообще делать, есть обычное явление в человеческой жизни. Но в нашем случае речь идет о проектах социальных, причем касающихся больших объединений людей, и даже всего человечества, и требующих для своей реализации огромных усилий большого числа людей в течение длительного времени. Самым грандиозным проектом такого рода в истории человечества является марксистский проект будущего коммунистического общества. В попытку реализации его была вовлечена чуть ли не половина человечества. И пока еще рано говорить, что эта попытка провалилась полностью.

Социальный проект будущего в принципе не может быть наукой. Наука в данном случае может появиться только как опытная, т.е. исходящая из факта существования человеческого объединения в реальности, а не только на бумаге. А проект создается тогда, когда такого объекта в реальности нет и нет стопроцентной гарантии, что он будет создан и создан именно таким, каким проектируется. Опыт реализации коммунистического проекта показал, что объект, создаваемый по данному проекту, в силу условий и объективных социальных законов оказывается весьма далеким от проекта. У людей вообще возникает сомнение в том, что это и есть неизбежная реальность воплощения проекта в жизнь. Построить новое общество — это не дом построить!

При построении социального проекта наука может использоваться, как это произошло с марксистским проектом, но лишь в той мере, в какой она подкрепляет соблазнительные обещания изобретателей проекта. Предвидение последствий реализации проекта ограничено интересами вовлечения масс людей в деятельность по преобразованию их объединения. Если людям сообщать все то, что может предвидеть научное исследование в отношении последствий реализации проекта, он успеха иметь не будет. С этой точки зрения социальный проект есть явление идеологическое. Он играет роль средства манипулирования большими массами людей.

Москва, 2003

Планирование и творение истории

В двадцатом веке произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. В основе его лежит то, что стали возникать и задавать тон в жизни человечества объединения людей (человейники) более высокого уровня социальной организации, чем привычные общества, — сверхобщества. Описание этого социального феномена дано в моей книге «На пути к сверхобществу» (1999). Одним из важнейших проявлений этого перелома является превращение исторического процесса в планируемый и управляемый. Ниже я изложу некоторые общие соображения на этот счет. Отдельно взятые сознательные действия людей характеризуются наличием цели, плана и управляемости. Разумеется, все это — в той или иной степени. Множества сознательных действий множества людей, как-то связанных в единое целое и совершающихся во временной последовательности, образуют социальные процессы. Эти процессы можно рассматривать с точки зрения целенаправленности, плановости и управляемости. При этом предполагаются какие-то люди или объединения людей, которые определяют цели процессов, строят планы (проекты) достижения целей и предпринимают сознательные действия, имеющие целью управление людьми для осуществления этих планов. Когда такие свойства процессов выражены слабо или отсутствуют совсем, мы говорим, что такие процессы происходят как стихийные или как естественно-исторические. Когда степень целенаправленности, плановости и управляемости процессов оказывается достаточно высокой, мы говорим, что они являются сознательными.

Все известные теории социальной эволюции исходили из явного или неявного взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, не планируемый, не подконтрольный воле и сознанию людей естественно-исторический процесс. Этот взгляд сложился, когда люди слишком мало знали о закономерностях своей социальной жизни и имели слишком мало средств, чтобы оказывать заметное влияние на ее эволюцию и контролировать эту эволюцию. Силы человечества еще были не настолько велики, чтобы допустить самую мысль о возможности сознательного управления ходом истории. Вернее, такая мысль возникала только в сказках, в религиозных учениях и в головах облеченных властью фанатиков. Человечество было раздроблено на огромное число враждующих объединений, и мысль о мировом единстве выглядела неосуществимой утопией. Существовали регионы с высокой степенью автономности эволюции. На значительные эволюционные перемены требовались века и даже тысячелетия. Даже марксизм, выдвинувший идею переделки социальной организации человеческих объединений в соответствии с заранее построенным проектом, фактически разделял рассматриваемый взгляд на эволюцию человечества. Он лишь приспособлял идею сознательной переделки мира к некоему естественному ходу истории в соответствии с некими объективными законами, действующими якобы в пользу трудящихся.

Эти типы процессов имеют общие черты. Но и различаются с точки зрения социальных законов, доминирующих в них. В отношении планируемых и управляемых процессов доминирующими являются осознаваемые законы постановки целей, планирования и управления действиями множеств людей, вовлекаемых в них. В отношении стихийных (естественно-исторических) процессов доминируют неосознанные социальные законы, имеющие силу в отношении множеств действий людей в пространстве и времени, и в их числе — законы диалектики и социальной комбинаторики.

В истории человечества происходило увеличение степени сознательности действий, а также масштабов таких действий. Такой же прогресс имел место в отношении сознательных процессов. Увеличивались масштабы планируемых и управляемых процессов, и возрастала их роль в жизни людей. В наше время прогресс в этом отношении оказался настолько грандиозным, что охватил эволюцию человечества в целом, причем произошел качественный

перелом на этот счет. Рассмотренный выше взгляд на социальную эволюцию стал анахронизмом. Человечество вступило в эпоху, когда эволюционный процесс стал происходить в значительной степени не по своему капризу, не стихийно. Сознательный и планомерный элемент в нем приобрел такую силу, что стал доминирующим в комплексе факторов эволюции. В связи с тем, что теперь в эволюционный процесс вовлекаются гигантские массы людей в качестве активных участников событий и гигантские ресурсы, субъективные факторы эволюции приобрели неизмеримо большее значение, чем раньше. Возросла степень запланированности, изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля за ходом процессов и следования планам. Неимоверно усилились средства манипулирования массами людей и коммуникации, а также средства решения проблем большого масштаба. Возникли бесчисленные проблемы, которые в принципе не могут быть решены сами по себе, без участия огромных интеллектуальных сил и без использования огромных материальных средств (экологические и демографические проблемы, например). Все это в совокупности дало новое качество в самом характере эволюции человечества. Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно с резко возросшей степенью предсказуемости и запланированности. «Холодная» война Запада, возглавляемого США, против коммунистического Востока, возглавляемого Советским Союзом, была с самого начала запланированной операцией, а по затратам, размаху и результатам — грандиозной операцией глобального масштаба. В ней было много незапланированного, непредвиденного и неподконтрольного, что неизбежно даже в мелких операциях. Но в целом и в главном, в определяющих ход процесса решениях стратегов войны она была именно такой, как я сказал выше. А самой грандиозной попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции был коммунистический эксперимент в Советском Союзе. Чем бы он ни кончился, он оказал неизгладимое влияние на эволюцию всего человечества. Происходящий на наших глазах эволюционный перелом происходит именно как сознательное и планируемое стремление организовать все человечество по принципам западнизма и под эгидой Запада. Он происходит с использованием баснословных ресурсов, какие были немыслимы даже в первой половине прошлого века. Причем происходит настолько успешно, что уже возникла иллюзия полной подвластности хода истории воле и желаниям его вдохновителей и исполнителей.

В сознательно проектируемом и делаемом по этому проекту будущему используется наука. Но какая наука и как используется? Научного понимания западнизма нет, и вряд ли когда-либо будет в распоряжении творцов истории. Нет и научного понимания создаваемого человеческого объединения, поскольку оно еще не создано, а то, что строится, научному изображению вообще не подлежит. Но есть совокупность знаний о том, как разрушать те или иные нежелательные социальные системы. Так, во второй половине 20 века развилась советология, сыгравшая большую роль в разрушении СССР и советского коммунизма. В ней не было никакого научного понимания коммунистического социального строя. Но оно и не требовалось. Более того, оно даже мешало. Чтобы убивать китов, не требуется биологическая наука о животных, нужна наука обнаружения, убийства и разделывания китов. В науку о строении и образе жизни китов не входит описание гарпуна и способа оперирования им.

Помимо науки разрушения, складываются науки создания человеческих объединений в соответствии с практическими интересами созидателей и с конкретными условиями созидания, скажем практические науки. Так, реальный коммунизм в Советском Союзе был построен не в строгом соответствии с марксистским проектом и с научным подходом к коммунизму, а сообразно с конкретными условиями страны и планами строителей. Пятилетние планы (пятилетки) не были проектами общества и фрагментами науки о нем. Это были конкретные планы деятельности, подобные проектам домов, заводов, каналов и т.п., только более грандиозного масштаба. Они имели конкретные цели. Масштабы и характер их целей придавали им видимость реализации социального проекта. Но при этом создавалось нечто такое, чего не было ни в каком проекте, а то, что напоминало социальный проект, в

реальности оказывалось чем-то качественно иным. Опыт практической деятельности, однако, закреплялся как особая наука и использовался в новых планах и их свершениях.

В сознательном делании будущего используются, далее, многочисленные науки, касающиеся различных явлений природы, людей и отдельных явлений человеческой жизни. Это общеизвестно и очевидно. Наконец, и отдельные элементы научного понимания социальных явлений используются, так или иначе, в составе всего того интеллектуального материала, который участвует в делании будущего. Можно сказать, что эти элементы научности содержатся в «растворенном» виде в этом материале, в который включается и идеология. Люди «глотают» частички научности, «пожирая» совсем не научную интеллектуальную «пищу», подобно тому, как они поедают витамины в составе привычной пищи, не подозревая об этом или не выделяя витамины из массы еды.

Сказанное выше вовсе не означает, будто роль объективных социальных законов становится менее важной или исчезает совсем. Возрастает значение субъективных факторов, имеющих свои объективные законы. И роль последних возрастает. Их действие становится близким к их абстрактному описанию и к действию законов природы. Например, раньше казалось, что чем больше и сложнее объединение людей, тем менее оно контролируемо. Это убеждение сложилось на основе условий своего времени. Тогда не принимали во внимание стремительный прогресс средств сбора, обработки и распространения информации, прогресс средств коммуникации, манипулирования массами людей и других факторов контроля за людьми. А в результате совокупного действия этих факторов степень контролируемости человеческих объединений резко возросла. Но это, повторяю, не означает, будто история стала жертвой произвола каких-то сил. Проектируемая и управляемая история имеет свои объективные законы, отличные от стихийного исторического процесса, но все-таки законы. И следствием этих законов является, как бы парадоксально это ни выглядело на первый взгляд, возрастание степени вынужденности социальных действий людей и степени предопределенности эволюции человечества. Творцы истории оказываются в гораздо большей мере детерминированными в своей деятельности по проектированию истории, чем ранее. Они сами управляют тем рулем истории, с помощью которого они управляют историей, в гораздо большей мере, чем их предшественники. Президенты могущественных стран нашего времени, наделенные колоссальной властью, не могут позволить себе капризы, бывшие обычными для королей и императоров прошлого.

Рост сознательно-волевого аспекта социальности вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Если бы во власти людей было исключить преступность, нищету, инфляцию, безработицу, войны и прочие общеизвестные язвы современного общества, они сделали бы это. Но пока это не в их силах. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие не подвластные им явления.

Современный человек есть эмпирическая система из огромного числа различного рода явлений. Для ее нормального существования требуется определенная мера того, что привносится сознательно-волевой деятельностью людей (скажем, искусственности), и того, что складывается само собой, независимо от этой деятельности (скажем, естественным путем). Для элементов системы требуется известная непредопределенность, свобода случайного выбора, достаточно широкий диапазон вариаций и колебаний (скажем, люфт). Это нужно в интересах самоорганизации, для сглаживания ущерба, привносимого сознательно-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей. В современном западном мире это условие уже нарушено. Тут происходит нечто, подобное тому, что происходит с мощной рекой, загоняемой в бетонное русло и перегораживаемой плотинами. Какой-то прок от этого, конечно, есть — не зря же это делается. Но и потери неизбежны. Порою потери превосходят приобретения. В отношении проектируемой и управляемой истории потери уже начинают пересиливать приобретения.

Не все то, что планируется и делается для осуществления планов, делается к лучшему, на благо людей. Человечество и входящие в него объединения людей не есть нечто однородное. Интересы людей и их объединений различны, зачастую противоположны. Проектируемость и управляемость эволюции в реальности осуществляются в борьбе враждебных сил, в пользу одних и во вред другим, причем с точки зрения интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями в будущем. В 1917 году в России начался грандиозный исторический эксперимент по созданию коммунистического общества, во многом оказавшийся успешным. Одновременно становилось все более очевидным, что самые соблазнительные идеалы коммунистического проекта практически невыполнимы, а те, которые оказались выполнимыми, порождали негативные следствия, не предусмотренные в проекте. Если советские коммунисты стремились перестроить весь мир по коммунистическому образцу, то после сокрушительного поражения советского коммунизма западный мир перехватил инициативу и начал преобразование образа жизни народов и стран планеты по своему, западному образцу. Но и он подвластен тем же самым объективным законам социальной эволюции, как бы велика ни была степень ее проектируемости и управляемости. Активные и могущественные творцы современной истории, действуя в своих интересах, упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло, всяческими мерами, исключая неподконтрольные ответвления от основного течения. Тем самым, они делают исторический поток predetermined, а значит, уже не зависящим от их воли. Задача их сознательно-волевой деятельности сводится теперь к тому, чтобы достроить до конца единственное искусственное русло исторического потока, охранять его, следить за тем, чтобы в нем не возникали трещины, чтобы какие-нибудь злоумышленники не проделали дыры в нем.

Средства массовой информации запугивают общество последствиями вторжения в биологический механизм наследственности людей и в механизм развития зародышевых клеток зрелых организмов. Но уже произошло нечто более страшное, а именно — люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества. Разрушительные последствия этого вторжения дают знать о себе очевидным образом уже теперь, а о причинах их не говорится ни слова. Более того, выяснение этих причин и предание их широкой гласности является фактически запретным или настолько затрудненным, что те сведения, которые как-то доходят до сознания масс, остаются без всяких последствий.

Москва, 2003

Фальсификация истории

Если прогнозы суть предсказания того, чего еще нет, то суждения о том, что имело место в прошлом, можно назвать ретросказаниями. Для этого имеются весьма серьезные основания. Дело в том, что подавляющее большинство явлений прошлого исчезло навечно, и мы никогда не узнаем о них. А то, что в какой-то мере запомнилось и зафиксировалось в знаках, невольно или умышленно сфальсифицировано так, что требуются особые средства и усилия, чтобы докопаться до истины. Работа историка, стремящегося к истине, становится подобной работе детектива, стремящегося раскрыть преступление по каким-то сохранившимся следам. Подобно тому, что сказано о прогнозах, в отношении ретро-сказаний точно также следует различать две совокупности факторов.

К первой совокупности относятся факторы социального настоящего и объективные социальные законы. С этой точки зрения социальное настоящее есть реализация тенденций и потенциалов прошлого. В этом и только в этом смысле настоящее predetermined прошлым. В этом и только в этом смысле прошлое ретросказуемо настоящим. В этом смысле можно с

уверенностью утверждать для определенной категории явлений, что могло быть, что должно было быть и чего не могло быть в прошлом. С точки зрения моей социологической теории, я утверждаю, что история в том виде, как она изображается в сочинениях признанных историков, социологов и идеологов, вообще не могла бы происходить, если бы эти сочинения были истинными. История сфальсифицирована и фальсифицируется систематически. Впрочем, это касается и настоящего, и будущего.

Ко второй группе факторов относятся такие, которые не сохранились от прошлого в настоящем и не повлияли на то, каким сложилось настоящее. Их невозможно обнаружить путем исследования настоящего, поскольку в настоящем их нет и нет даже их следов и последствий. В этом смысле прошлое не может быть ретросказуемо научными методами. Тут остается простор для гаданий и фантазий. В отношении будущего люди практически совершают запланированные действия. В отношении прошлого люди мысленно (в языке) совершают аналогичные действия, т.е. мысленно «творят» свое прошлое. Значительную часть этого образует фальсификация истории.

Существуют своего рода исторические «атомы» — минимальные исторические события, не расчленяемые на более мелкие события. Можно подсчитать, что на описание в языке одного года реальной истории — такой, какой она была на самом деле, то есть со всем множеством событий, вплоть до минимальных, — потребовалось бы использовать все компьютеры планеты, превратив всех людей в компьютерных операторов, и работать днем и ночью непрерывно миллиард лет. И фактически современная интеллектуально-информационная техника служит могучим средством фальсификации истории. Она позволяет утопить в океане фактов научный подход к историческим явлениям. Кроме того, описанием истории занимаются люди, а не боги. Люди воспитаны и образованы определенным образом, занимают определенное положение в обществе, имеют определенные эгоистические цели. Все это влияет на характер обработки информации. Проходит время. Подавляющее большинство событий бесследно исчезает в прошлое, будучи незафиксированным и даже вообще неосознанным. Меняется отношение людей к событиям прошлого. Они начинают рассматриваться и интерпретироваться в ином историческом контексте.

В эволюционном процессе имеют место два рода событий — допороговые и сверхпороговые. Первые не оказывают никакого влияния на характер эволюции, вторые оказывают. Но люди, включая специалистов, не различают их. Более того, они обычно преувеличивают роль допороговых событий и преуменьшают или совсем игнорируют сверхпороговые. И в описании истории это выражается очень сильно, настолько сильно, что нарушается всякая мера. Если даже допустить, что все описывающие исторические события люди стремятся к истине, результатом их общих усилий является не описание истории такой, какой она была на самом деле, а такой, какой она им представлялась и представляется по прошествии времени. Причем в течение веков по бесчисленным каналам стекается воедино грандиозный поток произвольной фальсификации истории. В него вливается к тому же мутный поток умышленного искажения и вранья бесчисленного множества лжецов и мошенников. Фальсифицированная картина истории до поры до времени выполняет свою функцию. Но наступает период жизни человечества, когда эта картина оказывается неадекватной данной функции. И тогда люди должны стремиться к некоей «истине». Но есть истина абстрактно-научная. И есть истина конкретно-историческая. Вернее, то, что люди считают или будут считать истиной. Тут слово «истина» путает. Лучше говорить об адекватности представлений о прошлом тем новым потребностям человечества, которые сложились в результате исторического процесса. Эти представления оказываются неадекватными новым потребностям/Возникает потребность привести представления о прошлом в соответствие с настоящим. И эту потребность должно удовлетворить сознательное «исправление» истории. Причем оно должно произойти как грандиозный перелом, более того — как организованная грандиозная операция, как эпохальная фальсификация всей истории человечества. Тут речь идет уже не о фальсификации наблюдаемых исторических событий по отдельности, а о

переработке совокупности зафиксированных сведений об исторических событиях, которые уже исчезли в небытие и в принципе не могут наблюдаться. Тут речь идет не об изменении понимания все тех же явлений бытия, а о приспособлении совокупности знаков, которые когда-то сопоставлялись с явлениями бытия, к потребностям людей жить уже в другой среде. Тут нужны специально обученные люди. Они должны быть организованы так, чтобы совместно создавать согласованную картину прошлого. Они должны фактически придумать прошлое, какое требуется для настоящего, используя наличный материал. Такая фальсификация не раз производилась в прошлом. Например, с утверждением христианства в Европе, с приходом к власти в России династии Романовых, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах. И теперь такая фальсификация запланирована, причем в отношении русских особенно тщательно. Подчеркиваю: вполне сознательно запланировано полное вычеркивание русских как особого великого народа из истории. Вся история человечества будет сфальсифицирована так, чтобы от нас и следа не осталось. Этот процесс уже начался. С нами считались, пока мы были сверхдержавой, когда мы конкурировали с Западом и угрожали ему, когда могли следить за тем, как нас изображали, когда сами могли фальсифицировать их историю в наших целях. А как только рухнул СССР и советский коммунизм, как только начался всеобъемлющий крах России, отношение к нам резко изменилось. Нас стали преподносить в самом ужасающем виде, как дураков, уродов, воров, холуев, бездарностей, преступников и т.д. Из культуры стали упоминать только то, что является охвостом западной псевдокультуры. Достижения прошлого, еще не так давно потрясавшие мир, стали сознательно замалчиваться и разворовываться. Вступила в силу сознательная и детально разработанная установка, низвести нас на уровень самых примитивных народов планеты.

Конечно, трудно поверить, что намерение совсем исключить нас из исторической памяти человечества осуществимо. Ведь искажения истории, так или иначе, разоблачаются. Разоблачаются, но не любые. Можно разоблачить отдельную ложь. Но когда их миллионы и миллиарды, когда происходит их отбор и комбинирование, когда это делается из года в год, из десятилетия в десятилетие, когда в деле фальсификации заняты миллионы профессионально подготовленных людей, используется баснословная техника и специально разработанные приемы фальсификации, когда миллиарды людей идеологически оболваниваются из поколения в поколение, никаких шансов для преодоления этого мирового потока лжи и восстановления истины не остается.

Не исключено, что через несколько столетий какая-то крупинка истины будет открыта. Лишь крупинка. И какая? В ней наша история вообще может не отразиться или отразиться в таком виде, что будет неузнаваема. Увы, наиболее вероятный вариант — нас, русских, вообще вычеркнут из истории. Будет так, как будто нас вообще не было. Все сделанное нами разворуют, присвоят, припишут другим, исказят до неузнаваемости. Какие-то следы от нас останутся. И с помощью логических и математических методов, используя интеллектуально-информационную технику, в принципе будет возможно произвести исторические «раскопки» и вычислить, что в 20 веке существовал какой-то (именно какой-то!) великий народ, занимавший такую-то территорию и сыгравший огромную историческую роль.

Но будет ли сделано официальное признание, что это были русские?

Имеются особые приемы фальсификации истории. Они основываются на логических правилах, но действуют как их нарушения. Это суть правила построения субъективных образов исторических событий и их объективации. Объективация — это признание исторических событий, описываемых в определенных знаках (словах, фразах, текстах, рисунках), как существовавших — извлечение части событий из среды, придумывание для них среды, погружение их в другую среду, перемещение их в пространстве и времени и т.д. Характерный прием — суммирование субъективных образов различных событий в один образ и объективация его. Или, наоборот, образование различных образов одного и того же события и объективация их как образов различных событий. При этом необходимы

перемещения их во времени и пространстве. То, что называют исторической наукой, битком набито такими операциями.

Москва, 2004